Церковная история
Ермий Созомен

Слово Созомена Саламинского царю Феодосию и содержание Церковной истории

Слово Созомена Саламинского царю Феодосию и содержание Церковной истории

Говорят, что у древних самодержцев бывал (всегда) какой-нибудь предмет заботы: кто любил украшения, – у тех порфира, венец и тому подобное; кто заботился о красноречии, – у тех какое-нибудь баснословное стихотворение или очаровательная повесть; кто упражнялся в воинском деле, – те старались метко пускать стрелу, повергать зверя, бросать копье или вскакивать на коня. И ко двору представлялся всякий, могший доставить повелителю, что было ему любезно: один приносил редкий камень, другой предлагал блистательнейшую краску для порфиры; тот посвящал стихотворение или повесть; этот открывал новый и необыкновенный способ вооружения. Величайшим же и царским (сокровищем) считалось, если повелитель всех приобретал хотя одну частицу общественной добродетели. А о благочестии, истинном украшении царствования, ни у кого тогда не было заботы. Напротив ты державный царь Феодосий, говоря кратко, при помощи Божией, стяжал всякую добродетель. Для зрителей облакаясь в порфиру и венец – символы (твоего) достоинства, внутренно ты всегда облакаешься истинным украшением царствования – благочестием и человеколюбием. Посему поэты, повествователи, многие из твоих градоначальников и другие подданные непрестанно трудятся над прославлением тебя и твоих действий. И ты, как верховный судия и ценитель словесных произведений, не обманываешься в суждении каким-нибудь высокопарным словом или внешностию, но произносишь мнение верно, обращая внимание и на сообразность языка с предметом сочинения, и на форму речи, и на части, и на порядок, и на согласие, и на выражение, и на связность, и на доказательства, и на мысли, и на историю. А награждаешь

сочинителей и своим суждением, и рукоплесканиями, и золотыми изображениями, и выставкою их статуй, и дарами, и разнообразными почестями. В отношении к тому пресловутому Гомеру, ни Алевады в отношении к Симониду, ни сицилийский тиран Дионисий в отношении к Платону, другу Сократову, ни Филипп македонский в отношении к летописцу Феопомну, ни кесарь Север в отношении к Ониану, описавшему в стихах роды рыб, их свойства и ловлю. Ибо Критяне, наградив Гомера за красноречие тысячью монет и хвалясь этим, будто чрезвычайною щедростию, предали ее памяти потомства на публичном столбе. Алевады, равно как Дионисий и Филипп, были бы не молчаливее Критян, уважаемых за мирный и философский порядок жизни, и, по подражанию, не замедлили бы поставить такой же столб, если бы подобным даром не боялись унизить себя. А Север, за каждый стих посредственной поэмы Опиана, подарил ему по золотой монете и до того изумил всех этою щедростию, что Опиановы стихи еще до ныне у многих называются золотыми. Таковы были дары древних любителей науки и словесности. Что же касается до тебя, Государь, то в награждении за словесные произведения, ты не уступаешь никому из бывших когда-либо награждателей и, мне кажется, делаешь это не без цели; ибо, стараясь победить всех добродетелями, ведешь себя к усовершению и для сего между прочим вникаешь в историю древних происшествий у Греков и Римлян. Говорят, что днем ты занимаешься оружием, упражняешь тело и распоряжаешься делами подданных, производя суд, предписывая, что следует, рассматривая обязанности частные и общественные, а ночью читаешь книги и, для чтения их, как носится слух, пользуешься такою лампадою, которая посредством какого-то механизма сама собою подливает масло в светильню, – чтобы никому из придворных не нужно было озабочиваться твоими трудами и насиловать природу борьбою со сном. Так ты человеколюбив, так кроток и к приближенным, и ко всем, подражая твоему заступнику, небесному Царю, Которому благоугодно дождить на праведных и неправедных, сиять своим солнцем (для всех) и доставлять без скупости все всем. Вероятно, чрез такое-то многоучение

узнал ты, как слышно, и свойство камней, и силы корней, и действия лекарство, – не менее мудрейшего Соломона, сына Давидова. А добродетелями и его превосходишь; ибо, сделавшись рабом удовольствий, он не до конца сохранил благочестие, – причину своих благ и мудрости; а ты, державный, сластолюбию противопоставив воздержный помысл, по справедливости считаешься самодержцем не только людей, но и страстей души и тела. И если уже надобно сказать даже об этом, то я узнал, что ты побеждаешь всякую прихоть в пище и питии, и ни сладкие фиги, говоря поэтически, ни другой какой плод не могут пленить тебя. Много, что ты коснешься их и отведаешь, благословив наперед Творца всяческих. Привыкши господствовать над жаждою, зноем и холодом в ежедневных подвигах, ты воздержание, кажется, обратил в свою природу. Недавно еще, спеша видеть в Понте город Ираклею и восстановить в нем все, что пострадало от времени, ты предпринимал летнее путешествие по Вифинии. И когда, во время полуденного солнечного зноя, один из копьеносцев, увидев тебя, покрытого пылью и обливаемого потом, поспешил доставить (тебе) удовольствие, – поднес тебе ярко отражавшую лучи солнца чашу с каким-то приятным напитком, разведенным холодною водою: то ты, державный, хотя и принял ее и похвалил того человека за усердие, давая знать, что скоро облагодетельствуешь его с царскою щедростию; но так как все воины с жадностию смотрели на чашу и того почитали счастливым, кто станет пить из ней, то великодушно возвратил ему напиток и приказал употребить его, как угодно. Поэтому, мне кажется несомненным, что своими добродетелями ты победил даже Александра Филиппова. Почитатели его говорят, что, когда он путешествовал с Македонянами по безводному месту, – один усердный воин, нашедши воду, зачерпнул ее и принес своему государю; но принесенной он воды сам хотя и не стал пить, однакож вылил ее. Кратко сказать, мы вправе назвать тебя, по выражению Гомера, царем царственнее твоих предшественников: ибо иные из них, как известно, не приобрели ничего достойного удивления; а другие прославили свое царствование разве одним или двумя подвигами.

Напротив ты, державный, соединяя все добродетели, всех превзошел и благочестием, и человеколюбием, и мужеством, и воздержанием, и правдою, и щедротою, и свойственным царскому достоинству великодушием. Твое только управление, из всех когда-либо бывших в продолжение целого века, прославляется как бескровное и не запятнанное убийствами. Ты с удовольствием учишь подданных всему доброму и внушаешь им – усердие к тебе и к обществу доказывать благожеланием и почтением. По всем этим причинам, приступая к изложению церковной истории, я счел нужным посвятить ее тебе; ибо кому с большим приличием мог бы я поднести свой труд, намереваясь изобразить добродетели многих и Богоподобных мужей, описать события вселенской Церкви и показать, сколько встречала она врагов и как всегда находила покровительство у тебя и твоих предков? Ты, знаешь и украшаешься всеми добродетелями, а особенно благочестием, которое, по слову Божию, есть начало премудрости. Прими же от меня это сочинение, рассмотри его и, по указанию верного твоего взгляда, сделав прибавки и исключения, сообщи ему своими трудами надлежащую чистоту; ибо что покажется хорошим тебе, то будет полезно и превосходно для всех читателей. Никто не наложит перста на то, что искушено тобою. Мое сочинение идет от третьего консульства кесарей Криспа и Константина до пятнадцатого твоего. А разделить всю свою историю мне показалось хорошим на девять частей. Первые две книги будут обнимать церковные события при Константине; третья и четвертая – при сыновьях его; пятая и шестая – при племяннике сыновей Константина Великого Юлиане, а также при Иоваинане, Валентиниане и Валенте; седьмая и осьмая покажут нам события при братьях Грациане и Валентиниане – до взошествия на престол божественного твоего дела Феодосия. Здесь же будет рассказано и о том, державный Государь, как славный ваш отец Аркадий, вместе с благочестивейшим твоим дядею Гонорием, наследовал власть родителя и получил в управление римскую империю. А девятую книгу я отложил для описания Христолюбивых и благочестивых подвигов Вашего Величества, которое да хранит Бог всегда в нерушимом благоденствии, да

одолевает оно врагов и попирает их под ногами, и благочестивое свое царство да передает в роды родов, по благоволению Христа, чрез Которого и с Которым слава Богу и Отцу со Святым Духом во веки. Аминь.

Книга первая

Глава 1

Предисловие к книге, в котором историк рассуждает об иудейском народе; воспоминает о тех, которые до сего времени предпринимали подобный труд, и говорит, как и из чего извлек он свою историю, каким образом будет заботиться об истине, и что еще войдет в содержание его истории.

Некогда мне приходило на мысль, от чего бы это у других людей вера в Бога-Слово возбуждалась скорее, а Евреи с трудом принимали ее, тогда как они издревле привыкли чтить божественное и, еще до пришествия Христа, знали от пророков о Его пришествии, каково оно будет. Ибо Авраам, бывший первоположником их рода и обрезания, удостоился лично видеть здесь и угостить Сына Божия. Сын его, Исаак, получил честь предображателя крестной жертвы, когда отец привел его в узах к жертвеннику, – обстоятельство бывшее и с Христом, как говорят прилежно занимающиеся священным Писанием. А Иаков предвозвестил исполнившееся ныне на Христе чаяние языков и время Его пришествия, когда сказал: оскудеют князья еврейские от рода Иуды, начальника племени, – чем означил он владычество Ирода, который, по отцу быв Идумеянин, а по матери Аравитянин, от римского сената и кесаря Августа получил в свою власть народ иудейский. Да и из прочих пророков – одни предвозвестили рождение Христа и несказанное зачатие Его, – то, что мать и по рождении осталась девою, также род Его и отечество; другие пророчественно описали божественные и дивные дела Его; а еще другие предначертали страдание и воскресение Его из мертвых, и восшествие на небеса, и обстоятельства каждого из этих событий. Кто доселе не знал этого; тот, читая священные книги, узнает без труда. Да и Матфиев священник Иосиф, муж знаменитейший как между Иудеями, так и между Римлянами, может быть достоверным свидетелем истины о Христе: ибо он

недоумевает, называть ли Христа человеком, когда сей человек совершал такие чудные дела и преподавал столь истинное учение, – даже прямо называет Его Христом и знает, что Он был осужден на крест, но чрез три дня оказался живым, и что божественные пророки предсказали о нем весьма много и других дивных дел. Иосиф свидетельствует также, что многие Эллины и Иудеи, которых привлек Он, остаются привязанными к Нему, и что общество, названное по Его имени, не исчезло. Мне кажется, повествуя об этом и смотря на дела, он готов был воскликнуть, что Христос есть Бог; но пораженный необычайностию такой мысли, прошел как бы срединою, – ни в чем не укорил уверовавших в Него, или даже соглашался с ними. Когда я размышляю об этом, то мне действительно представляется странным, что Евреи не предварили и не перешли прежде других к Христианству. Правда, и Савилла и некоторые оракулы предозначили также, что имело случиться с Христом: но по этому всех Эллинов еще нельзя укорять в неверии; ибо немногие из них, по видимому отличавшиеся образованием, понимали те, большею частию стихотворные предсказания, изреченные народу в выражениях возвышенных. И это, как мне кажется, было делом всевышнего промысла, – для единомыслия грядущих племен провозглашать о будущем не только чрез своих, но от части и чрез иноземных пророков, подобно тому, как если бы какой-нибудь певец, по требованию необыкновенной мелодии, ударял плектором по особым струнам, или к существующим прибавил другие. Итак удовлетворительно сказано, что Евреи, пользуясь большими и яснейшими пророчествами касательно явления Христа, в отношении к вере в Него стали позади Эллинов; а посему не безрассудною кажется мысль, что Церковь особенно возросла у других народов. Причина во-первых та, что в божественных и величайших делах Бог любит совершать превращения неожиданно; во-вторых та, что богопочтение имело нужду не в маловажных каких-нибудь добродетелях первоначальных своих представителей. Если эти представители и не обладали языком говорливым, или даром выражаться красиво, – если и не могли они убеждать читателей речами, либо математическими

доказательствами; то, по крайней мере, от этого дело их производилось не хуже: оставляя имущества и пренебрегая собственность, быв распинаемы и принимая многие и тяжкие муки, – как будто жили в чужих телах, не обольщаясь по городам лестию народов и правителей и не страшась их угроз, они всем ясно показали, что этот подвиг совершают для наград величайших, так что с их стороны уже не требовалось словесного убеждения, когда самые дела, и домашние и общественные, без труда заставляли людей верить тому, о чем прежде они никогда не слыхивали. Теперь, когда во вселенной произошло столь дивное и благотворное превращение, что прежнее богослужение и отеческие обычаи подверглись презрению, – теперь странно представлять, как калидонский кабан, марафонский вол и другие подобные по областям и городам вымышленные вещи могли до того занимать внимание, что многие, между Эллинами славнейшие люди, обладая прекрасною способностию писать, трудились над описанием тех предметов. Что же касается до меня, то, приступая к изложению Церковной Истории, я не насиловал своей природы; ибо уверен был, что, – так как эта История, по своему предмету, есть дело не человеческое, – Богу не трудно будет явить меня писателем ее даже сверх чаяния. Сперва я решился – было вести это сочинение с самого начала: но сообразив, что и другие делали уже опыты описания церковных событий, каждый до своего времени, именно – мужи мудрые, Климент и Егезипп, преемственно следовавшие за Апостолами, также летописец Африкан и Евсевий, по прозванию Памфилов, человек многоученнейший, знаток божественных Писаний, равно как греческих поэтов и историков, – сообразив это, я из дошедших до нас памятников о церковных событиях, со времени восшествия Христа на небо до низвержения Ликиния, сделал сокращение, и рассказ о всем, дотоле бывшем, заключил в двух книгах; а теперь, с Божиею помощию, попытаюсь изложить, что произошло после того времени. Буду говорить о событиях нашего и предшествующего нам века, при которых сам присутствовал и о которых слышал от самовидцев, либо от людей, знавших те события. Об отдаленнейших же получил я

сведение из постановленных касательно богопочтения законов, из бывших по временам Соборов, из нововведений и из царских, либо священнослужительских посланий, которые частию еще доныне хранятся во дворцах и церквах, а частию ходят по рукам любителей словесных произведений. Нередко думал я внести в свое сочинение самые их выражения, но боясь, что от этого объем моей Истории будет слишком велик, счел за лучшее – кратко излагать заключающиеся в посланиях мысли, кроме разве тех случаев, в которых встретится что-либо двусмысленное, о чем многие разногласят. Тогда, – если буду иметь под руками чью-либо рукопись, – в подтверждение истины, тот час приведу ее. Но, чтобы кто, по незнанию дела, не укорил нашего сочинения в лживости, когда случайно прочтет какие-либо несогласные с ним писания, – да будет известно, что по поводу Ариевых и после Ария возникавших умствований, начальники Церквей, разноглася между собою, писывали к своим единомышленникам именно то, что было предметом их заботливости, и, составляя отдельные Соборы, решали, что хотели, мысливших же напротив часто осуждали заочно, а современных себе царей, равно как приближенных к ним вельмож, сколько могли, преследовали убеждениями и склоняли к своим мнениям. Потом для доказательства, что в известном обществе благочестие понимается правильно, члены этого общества старались собирать в один состав все послания, написанные в пользу собственного их вероисповедания, противные же им оставляли, от чего исследование относящихся к этому событий сделалось для нас весьма трудным. Посему, так как, для достоверности Истории, нужно особенно заботиться об истине, – мне показалось необходимым, сколько возможно более расследовать эти письменные памятники. Итак, если я буду касаться самого спора церковных лиц – например за предстоятельство, либо за предпочтение известного вероисповедания, – пусть не думают, что мое повествование об этом основывается на нетерпимости или злонамеренности: ибо, во первых, повествователь, как сказано, должен ставить все ниже истины; во-вторых, учение вселенской Церкви является самым несомненным особенно тогда, когда бывает искушено

кознями людей противного образа мыслей. Действием Божия всемогущества восстановляя в то время собственную свою силу, оно привлекает к своей истине все Церкви и народы. Размышлял я также, должно ли мне описывать известные церковные события только в недре римской империи, – и рассудил, что хорошо будет, по мере возможности, рассказать также о религиозных происшествиях между Персами и Варварами. Равным образом не менее относится к Церковной истории – упомянуть и о том, какие где были отцы и учредители так называемого монашества, и кто, сколько дошло до нашего слуха, составлял ряд славнейших их преемников. Из этого будет видно, что мы не неблагодарны к ним и не забыли их добродетели, но знаем историю их жизни. Чрез это мы оставим образец поведения и для тех вышеупомянутых, которые избрали тот же способ любомудрия, чтобы, пользуясь сим образцом, они достигли блаженнейшего и счастливейшего конца. Но об этом, сколько можно, будет сказано впереди. Призвав в помощь милосердие Божие, обратимся к изложению событий. Предполагаемое сочинение начнется с следующего.

Глава 2

Кто были епископами больших городов в царствование Константина Великого, и как при Ликиние восток до самой Ливии христианствовал осторожно, а запад при Константине исповедовал Христианство свободно.

В консульство кесарей Криспа и Константина, римскою Церковию управлял Сильвестр, александрийскою – Александр, иерусалимскою – Макарий; а в антиохийской, что при Оронте, после Романа еще никто не был поставлен – вероятно от того, что гонение не позволяло совершить рукоположения. Однакож чрез несколько времени собравшиеся в Никее (отцы), дивясь жизни и словам Евстафия, почли его достойным занимать апостольский престол и, так как он был уже епископом соседней Берии, перевели его в Антиохию. Между тем как Христиане, жившие на востоке до пределов Египта и Ливии, не осмеливались тогда открыто делать церковные собрания, потому что Ликиний переменился в благоволении к ним, – Эллины, Македоняне и Иллирийцы, населявшие запад, исповедовали веру свободно, ибо тамошними Римлянами управлял Константин.

Глава 3

О том, что Константин привлечен к Христианству видением креста и явлением Христовым, и что он наставлен был в благочестии нашими.

Мы знаем, что к принятию христианского учения располагали Константина и другие многие причины, но особенно направило его к этому явление божественного знамения; ибо, намереваясь идти войною на Максентия, он вероятно размышлял сам с собою, какой будет конец сражения и кто подаст ему помощь. Обеспокоившись такими мыслями, увидел он во сне, будто на небе блистает крестное знамение. Между тем как это поразило его, божественные Ангелы предстали пред ним и сказали: «сим побеждай, Константин»! – Говорят также, что и сам Христос явился ему и, показав символ креста, заповедал устроить подобие его и во время войн видеть в нем поборника и подателя победы. А Евсевий Памфилов утверждает, что он слышал, как сам царь говорил и клялся, будто около полудня, когда солнце начало уже склоняться, знамение креста, составившееся из света и имевшее надпись «побеждай», видно было им и его войсками на небе. Это чудо совершилось, когда он был в пути и шел куда-то с войском. В размышлении о том, что оно значит, Константина застигла ночь. Во время сна явился ему Христос с виденным на небе знамением и повелел сделать подобие его и пользоваться им, как помощию в сражении с врагами. Так как истолкования на это не требовалось, и царю ясно показано было, каким образом должно мыслить о Боге; то, с наступлением дня, он созвал священников Христовых и начал спрашивать их об учении. А они принесли священные книги, возвестили все, относящееся к Христу, и доказали из пророков, что об этих событиях ясно предречено было еще прежде, чем они совершились. Что же касается до явившегося ему знамения, то они называли его символом победы над адом, которую Христос одержал,

пришедши к человекам, когда (то есть) был распят, умер и в третий день воскрес. На этом-то, говорили, основывается наша надежда, что, по освобождении от здешней жизни в конце настоящего века, все люди воскреснут и будут бессмертны: одни – для наград за то, что совершили здесь хорошо, а другие – для наказания за то, что сделали худо. Впрочем и проводившие настоящую жизнь во грехах имеют еще случай к спасению и очищению себя от грехов, то есть не освященные могут быть еще освящены по закону Церкви – с тем, чтобы, приняв освящение, уже не грешить. А так как совершенно исполнять это возможно не многим и божественным мужам: то постановлено, учили они, и второе очищение – посредством покаяния: ибо Бог человеколюбив, Он простит падших, если они покаются и свое покаяние будут доказывать добрыми делами.

Глава 4

О том, что знамение креста повелел он носить при войске; также дивное сказание о носителях этого крестного знамения.

Когда священники раскрыли это, царь удивился пророчествам о Христе и приказал искусным людям украсить золотом и драгоценными камнями и сделать в форме креста так называемый у Римлян Лаборум[1]. Это воинское знамя было почетнее других, ибо всегда сопровождало царя, – и войска, говорят, склонялись пред ним. Я думаю, что важнейший символ римского владычества Константин приказал переделать в знамение Христово – особенно для того, чтобы подданные, постоянно созерцая и чтя его, оставляли отеческие обычаи и Богом признавали только Того, Кого чтить и на Кого взирает, как на вождя и споборника против врагов, сам царь. Это знамя носимо было всегда впереди собственных его полков: но когда какой-нибудь отряд в сражении ослабевал, приказываемо было приближать его к этому отряду, и для сего учреждены были особые копейщики, которым вменялось в обязанность попеременно держать упомянутое знамя на плечах и с ним обходить ряды неприятельские. Рассказывают, что однажды несший его воин испугался внезапного нападения неприятелей и, передав свою ношу другому, сам удалился с поля битвы. Но когда он находился уже вне полета стрел, мгновенно был поражен насмерть и пал; а тот, который принял божественное знамя, хотя и многие метили в него, остался не уязвленным; ибо неприятельские стрелы, дивно, будто направляемые божественною силою, вонзались в знамя, от носившего же, несмотря на то, что он находился среди опасностей, отлетали. Говорят также, что ни один воин, служивший когда-либо этому знамени, не подвергался на войне подобно всем другим, неблагоприятной участи, – не бывал ранен и не попадался в плен.

Глава 5

Возражение против тех, которые говорят, что Константин принял Христианство в следствие умерщвления сына его Криспа.

Не безызвестно мне и то, что говорят язычники, будто Константин, умертвив некоторых из ближайших родственников и содействовав к умерщвлению своего сына Криспа, раскаялся и, с целию получить очищение, начал сноситься с философом Сопатром, который в то время был начальником Плотиновой школы. Когда же Сопатр отвечал, что для таких грехов очищение не существует; то царь этим отказом будто бы приведен был в уныние и обратился к епископам, которые покаянием и крещением обещались очистить его от всякого греха. Так как епископы говорили согласно с его потребностию, то он сочувствовал им, стал удивляться их учению, сделался Христианином и к тому же привел подданных. Но мне кажется, что это выдумано людьми, старающимися поносить христианскую веру; ибо Крисп, ради которого, сказывают, Константин нуждался в очищении, умер в двадцатый год правления своего отца, после того, как вместе с ним издал уже много законов в пользу Христиан и, имея достоинство кесаря, занимал вторую степень в империи, о чем и до ныне еще свидетельствуют подписанные под законами числа и имена законодателей. Что касается до Сопатра, то во-первых невероятно, чтобы он приходил беседовать с Константином, когда Константин управлял еще только одною страною между Океаном и Рейном: ибо, вследствие несогласия его с Максентием, жившим в Италии, Римляне волновались, и тогда путешествовать к Галатам, Британцам и жителям тех стран было неудобно; а между тем известно, что Константин принял христианскую веру, управляя еще теми народами, прежде то есть войны с Максентием, до перехода в Рим и Италийцам. Свидетели этого опять – хроники и законы, изданные им касательно богопочтения. Во-вторых, если как-нибудь и

согласимся, что царь действительно беседовал с Сопатром, или, о чем хотел, осведомлялся от него посредством письма, – все таки невероятно, как этот философ не знал, что Геркулес сын Алкмены, совершив детоубийство и коварно умертвив гостя и друга своего Ифита, был очищен в Афинах таинствами Димитры. Из этого видно, что язычники обещали очищение подобных грехов, и что выдумавшие, будто Сопатр отвечал противное, ясно обличаются во лжи. Я никак не могу сказать, чтобы язычник, по учености в то время знаменитейший, не знал этого.

Глава 6

О том, что и отец Константина допускал распространяться имени Христову; а Константин Великий сделал то, что оно проникло всюду.

Итак в странах империи, управляемых Константином, Церкви удостаивались благодеяний внимательного и единоверного государя и, наслаждаясь миром, ежедневно распространялись. Впрочем от гонений и смятения Бог охранял их и прежде этого, только иным образом; ибо, тогда как в прочей вселенной они были гонимы, один отец Константина, Констанций, дозволял Христианам безбоязненно исповедовать свою веру. В самом деле, я узнал, что он сделал нечто удивительное и достойное истории. Желая испытать, кто из придворных Христиан был добр и благонадежен, он созвал всех их и объявил, что, если они решатся приносить жертвы и служить Богу вместе с ним, то останутся при нем и будут состоять в том же достоинстве; а когда откажутся, то выйдут из дворца, благодаря и за то, что не подверглись еще наказанию. После сего Христиане разделились на двое, – одни изменили вере, а другие настоящему предпочли божественное. Узнав это, последних, пребывших верными Всеблагому, стал он почитать своими друзьями и советниками, а от первых, как от людей малодушных и льстецов, отвратился и лишил их своей беседы; ибо понимал, что те никогда не могут быть преданными царю, которые с такою готовностию изменили Богу. Отсюда видно, что в областях за пределами Италии, то есть у Галатов, Британцев и жителей около гор Пиринейских к западу до Океана, исповедовать Христианство не почиталось делом беззаконным еще при Констанции. А когда эту самую часть империи наследовал Константин, дела Церкви в ней возвеличились и того более. Ибо, как скоро Максентий, сын Геркула, был умерщвлен, и участок его перешел к Константину, – все тамошние жители начали служить Богу безбоязненно, и

благочестие распространилось около рек Тибра и Эридана, который у туземцев называется Падом, также около Аквилы, в которую, по рассказам, перетянут был и спасся в море тирренском корабль Арго. Известно, что Аргонавты, убегая от Аэты, на обратном пути плыли не теми же местами, но, переехав скифское море, по тамошним рекам прибыли в пределы италийские и, перезимовав здесь, построили город, прозванный Гемоном. Когда же настало лето, они, при содействии туземцев и посредством машины, тянули Арго по земле чрез сорок стадий и потом спустили его в реку Аквилу, которая сливается с Эриданом, а Эридан впадает в море италийское. Вообще, после сражения при Кивалах, Дарданцы, Македоняне и жители по реке Истру, также вся Эллада и Иллирия поступили под власть Константина.

Глава 7

О раздоре между Константином и зятем его Ликинием из-за Христиан, и о том, как Ликиний, разбитый наголову, погиб.

Ликиний прежде покровительствовал Христианам, но пораженный при Кивалах, переменился в образе мыслей, стал делать много зла бывшим под его властию иереям, и наносил обиды не малому числу людей из других сословий, особенно же из воинского; ибо по случаю ссоры с Константином, сильно враждовал против Христиан, думая досадить ему угнетением богопочтения, и вместе предполагая, что Церкви и молятся и стараются о том, как бы быть под властию одного Константина. Притом, намереваясь снова вступить в борьбу с Константином, чего и надлежало ожидать, он приготовлялся к преднамереваемой войне жертвами и гаданиями и, обольщаемый каким-то обещанием победы, обратился к язычеству. В самом деле, и язычники говорят, что он тогда советовался с оракулом Апполона дидимейского в Милете, и что на вопрос его о войне, дух воспользовался следующими Гомеровыми стихами:

О старец! тебя молодые воители сильно стесняют;
Твоя расстроена жизнь, и жребий твой – горькая старость.

Таким образом и из других многих обстоятельство, и не менее из тогдашних событий видно, что христианское учение установлено и достигло столь великого успеха Божиим промыслом; ибо в то время, как Ликиний решился уже преследовать все под властию его Церкви, в Вифинии возгорелась война, которую он вел с Константином в последний раз. И Константин пользовался такою Божиею помощию, что одолел противников на суше и на море: а Ликиний, потеряв и пешую и морскую силу, ушел в Никомидию и, прожив несколько времени в Фессалонике, как частный человек, был там умерщвлен. Вот до чего дошел правитель, в начале правления

искуснейший в воинском и других делах и удостоившийся брака с сестрою Константина!

Глава 8

Исчисление добрых дел, которые совершил Константин, дав Христианам свободу, построив им храмы и исполнив другие общественные предприятия.

Когда же власть над римскою империею соединилась в одном Константине, он торжественною грамотою объявил живущим на востоке подданным, чтобы они чтили христианскую Веру и служили Богу усердно, а Богом признавали только того, кто – действительно Бог и во всякое время обладает великою силою: ибо ревнующим об этом Он любит подавать в обилии все блага; так что какое бы ни было их предприятие, они всегда оживляются благими надеждами, тогда как согрешающие против Всеблагого, вообще и в частности, в военное и в мирное время, подвергаются всяким бедственным случайностям. Константин не из тщеславия, а по чувству благодарности утверждал, что Бог, сподобив его быть способным слугою Своей воли, от моря британского провел до стран восточных, чтобы христианская вера возрастала и те, которые ради служения Богу пребыли твердыми в своем исповедании и мученичествах, торжественно приняли почести. Объявив это и рассказав множество других причин, которыми думал привести подданных к вере, он отменил все, что было определено или сделано касательно богопочтения при гонителях Церкви, и особым законом дал свободу тем, кто за исповедание Христа присужден был к переселению либо на острова, либо в другие места против желания, кому назначено было трудиться в рудокопнях, при общественных постройках, в гинекеях, в прядильных, или кто причислен к судебным домам, где прежде не служил. Лишенных же чести избавил он от бесчестия и исключенным из какого-нибудь воинского отряда отдал на произвол – или возвратиться к тому званию, в котором кто был, или вести жизнь без должностей, в почетной отставке. А возвратив всем прежнюю свободу и обычные достоинства, он возвратил также и

имущество. Но если имущество взято было после лиц, осужденных на смерть, то право наследия приказал он перенесть на ближайших в роде; где же таковых не окажется, – наследовать местной церкви и, частный ли человек владеет чем-либо из этого имения, или общество, – вещи обладаемые отдать, а о тех, которые либо купили их, либо получили в дар от казны, он обещал, сколько возможно и как следует, озаботиться. Это-то, сказали мы, угодно было царю, утверждено законом и немедленно приведено в надлежащее исполнение. С того времени Христиане как бы совершенно овладели правительственными должностями римской империи; а язычникам запрещено было приносить жертвы, обращаться к оракулам и таинствам, поставлять идолов и совершать языческие празднества. Изменились также и многие древнейшие по городам обычаи: например, у Египтян нилометр, которым означается возвышение нильских вод, с того времени вносим был уже не в известные языческие храмы, а в христианские церкви. Равным образом у Римлян тогда в первый раз запрещено было зрелище единоборства; а у Финикиян, живших в Ливане и Илиополисе, прекратилось обыкновение бесчестить дев, прежде чем они совокупятся с мужьями, с которыми – бывало сочетались законным браком по испытании первоначально беззаконного смешения. Что же касается до молитвенных домов, то одни из них, имевшие достаточную величину, были исправлены, другие превосходно отделаны и распространены в высоту и широту, а где их вовсе не было, там они построены с основания. Издержки на это доставлял царь из царских сокровищниц, написав епископам городов и правителям областей, чтобы они приказывали, что им будет угодно, а другие слушались и усердно служили священникам. При благоденствии империи, возрастала и вера. После войны с Ликинием, Константин имел такой успех в войнах с иноплеменниками, что одолел и Савроматов, и так называемых Готфов, которым наконец, в виде милости, даровал мир. Этот народ обитал в то время за рекою Истром. Быв сам воинственен, как по многочисленности, так и по рослости телесной, он всегда упражнялся в искусстве владеть оружием и, победив других

Варваров, только в Римлянах нашел себе противников. Говорят, и в этой войне, посредством знамений и сновидений, Бог удостоил Константина особенного своего промышления. За то, одерживая победы во всех случавшихся тогда войнах, он, как бы состязаясь в щедрости с Христом, платил за них усердием к вере и внушал подданным одну ее чтить и признавать спасительною. Отделив от податной земли каждого города определенную часть, он повелел сбор с нее отдавать местным церквам и клирам, и узаконил, чтобы этот дар имел силу во все времена. Приручая воинов чтить Бога, как чтил Его сам, он отметил оружие их символом креста, во дворце устроил молитвенный дом и возил с собою сделанную наподобие церкви палатку, когда выступал с войском против врагов; так что даже во время пребывания в пустыне ни сам он, ни его войска не оставались без священного дома, в котором надлежит славословить Бога, молиться Ему и приобщаться св. Тайн; ибо за ним следовали и священники, и диаконы, приписанные к походной церкви, и по чину церковному исполняли свои обязанности. С того времени и римские легионы, которые теперь называются αριθμοι (числами), устроили каждый собственную свою палатку и получили особых священников и диаконов. В день, называемый Господним, который Евреи почитают первым днем седмицы, а язычники посвящают солнцу, также в день пред субботою, узаконил он – закрывать судебные места, оставлять все занятия и служить Богу посредством молитв в общественных молитвенных собраниях. День Господень Константин чтил потому, что он был днем воскресения Христова из мертвых, а другой потому, что он был днем Христова распятия; ибо к божественному кресту хранил царь великое благоговение, как по причине содействия, оказанного ему крестом в сражениях с врагами, так и по причине данного ему касательно креста божественного знамения. В самом деле, он даже издал закон, которым отменялась в судах бывшая прежде в употреблении у Римлян крестная казнь, и когда чеканилась монета, либо писались его изображения, повелел неизменно означать на них и помещать этот божественный символ, о чем и доныне свидетельствуют

его портреты, с образом креста. Константин старался служить Богу всем, а особенно изданием законов. Видно, например, что он запретил распутство и развратные связи, которые до того времени не были преследуемы наказанием, что всякий, если захочет обратить внимание, заметит из постановленных касательно сего порока законов. Рассматривание подобного предмета вполне здесь кажется было бы неуместно: теперь, кроме сказанного, необходимо упомянуть о законах относительно достоинства и твердости веры, так как это составляет часть Церковной Истории. Начнем же говорить об этом.

Глава 9

О том, что Константин издал закон касательно девственников и клириков.

У Римлян был древний закон, который запрещал безбрачных, от двадцатипятилетнего их возраста, допускать к одинаковым правам с брачными, относительно как других выгод, так и наследия, – чтобы т. е. они по завещанию родственников, не довольно близких, ничего не приобретали, – а у бездетных отнимал половину того, что им было оставлено. Древние Римляне постановили это в надежде, что Рим и его провинции сделаются многолюдее, так как незадолго до издания сего закона случилось им потерять много народу в междоусобных войнах. Но царь, видя, что от этого потерпят зло подвизающиеся в девстве и безчадии ради Бога, почел безрассудным думать, будто человеческий род может умножаться чрез заботливость и старание людей, тогда как природа уменьшается и размножается непременно в мере, назначаемой свыше, – и обнародовал закон, чтобы безбрачные и бездетные пользовались теми же правами, какими и все другие. Для живущих воздержно и девственно он постановил даже нечто более: как мужчинам так и женщинам, вопреки господствовавшему у Римлян обычаю, дал право делать завещания, хотя бы они были еще в первой молодости; ибо хорошо рассуждают обо всем те, думал он, у которых всегдашнее дело – угождать Божеству и упражняться в любомудрии. Посему то и древние Римляне узаконили, чтобы девы-весталки свободно делали завещания, хотя бы они были шестилетние. И то служило величайшим доказательством царского благоговения к вере. Сверх того, особым законом Константин повсюду освободил от подати и клириков; также позволил тяжущимся, если бы они охотно отказывались от гражданских начальников, требовать суда епископского, – и приговор епископов надлежало почитать решительным, поставлять его выше приговора других судей, так как бы он

произнесен был самим царем; исполнителями же его долженствовали быть правители и подчиненные им войска; притом определения Соборов надобно было признавать неизменными. Доведши свое сочинение до этого, я нахожу достойными упоминания законы Константина и в пользу освобождаемых Церковию. Так как, по строгости законов, несмотря даже на несогласие людей крепостных, весьма трудно было получить драгоценную свободу, называемую римским гражданством; то он постановил три закона, которыми предписывалось, чтобы все освобождаемые в церквах, при свидетельстве священников, получали право римского гражданства. Указания на столь благочестивое установление есть еще в наше время; ибо доныне сохраняется обычай – законы об этом вписывать в грамоты отпущенников. Так вот что узаконил Константин, и так-то своими узаконениями более всего старался возвысить богопочтение. Впрочем оно и само по себе было славно добродетелями тех, которые тогда принимали его.

Глава 10

О великих исповедниках, какие еще остаются в живых.

Ибо тогда было много добрых Христиан; и так как гонения едва прекратились, то в живых оставалось еще много и исповедников, служивших украшением Церквей своих, именно: Осия епископ кардовский, Амфион епископ Епифании, что в Киликии, Максим, после Макария управлявший Церковию иерусалимскою, и Пафнутий из Египта, чрез которого, Бог, говорят, совершил весьма много чудес и которому даровал власть изгонять демонов и исцелять различные недуги. Этот Пафнутий и выше упомянутый Максим были из числа тех исповедников, которых Максимин осудил на работы в рудокопнях, вырвав у них по правому глазу и изувечив по левой голени.

Глава 11

Повествование о святом Спиридоне, о его смиренномудрии и твердости.

Есть сказание, что около этого же времени, жил и Спиридон тримифунтский, епископ кипрский, которого добродетель достаточно, думаю, доказывается продолжающеюся и доныне молвою о нем. Из совершенных им при помощи Божией дел весьма многие, должно быть, известны туземцам; а я не скрою только того, что до нас дошло. Он был поселянин, имел жену и детей, но от этого не стал хуже в делах божественных. Говорят, однажды ночью зашли в его овчарню злые люди и, вознамеревшись похитить овец, вдруг оказались связанными, когда никто не вязал их. С наступлением дня, Спиридон пришел и, нашедши их связанными, разрешил от невидимых уз, а вместе с тем и побранил, что, имея возможность попросить и получить, чего хотелось, они решились лучше похитить и в продолжение ночи столько пострадали. Сжалившись однако над ними, или правильнее, поучая их обратиться к лучшей жизни, наконец он сказал: «возьмите этого овна и ступайте; ведь вы утомились от бодрствования, и должны выйти из моего двора, не жалуясь на труды». Этому по всей справедливости можно удивляться; но не менее удивительно и следующее: его дочери, девице, по имени Ирине, один из знакомых вверил что-то для сохранения. Взяв и желая верно сберечь вещь, она закопала ее дома. Но случилось, что отроковица умерла, ничего не сказавши. Тогда упомянутый человек пришел и требовал назад залога. Так как Спиридон не знал, что сказать, и обыскавши весь дом, ничего не нашел; тот начал плакать, рвал на себе волосы и, казалось, готов был умертвить себя. Подвигнутый к жалости, Спиридон пришел на могилу и назвал отроковицу по имени: когда же она отозвалась, спросил ее о залоге и, узнавши, возвратился, нашел искомую вещь, как она показала, и отдал ее человеку. Но если уже до того дошло, то не неуместно будет прибавить и следующее: у Спиридона был

обычай – из имевшихся плодов одну часть разделять бедным, а другую давать желающим в займы без прибыли. Но сам он лично и не давал, и не принимал назад, а только показывал кладовую и позволял приходящим уносить, сколько им было нужно, потом опять возвращать, сколько, по их счету, они взяли. И вот некто, занявший таким образом, пришел как будто с тем, чтобы отдать; но когда по обычаю позволено было ему самому отнесть в кладовую, сколько занимал, он отважился на несправедливость: думая укрыться, не отдал долгу, а только показал вид, будто отдал, и ушел, как расплатившийся. Однакож это не надолго утаилось. Спустя несколько времени, он снова должен был занять. Спиридон послал его в кладовую и дал ему волю отмерять себе, сколько хочет. Но заниматель нашел клеть пустою и сообщил о том Спиридону, который в ответ ему сказал: «Удивительно однакож, друг мой, как это тебе одному показалось, что в кладовой нет запасов? Смотри-ка; брав взаймы когда-нибудь, возвратил ли ты прежний долг? Не будь этой причины, – ты конечно не встретишь недостатка в том, что тебе нужно. Ступай же опять смело и с уверенностию, что найдешь». Пойманный таким образом, он признался в своем грехе. Стоит также подивиться степенности этого святого мужа, – с какою точностию соблюдал он постановления Церкви. Рассказывают, что, спустя несколько времени, епископы Кипра, по какой-то нужде, сошлись в одно место. С ними был и этот Спиридон, и ледрийский епископ Трифилий, человек вообще знаменитый и живший долго в Берите для изучения законов. По окончании Собора, Трифилия упросили сказать поучение к народу, – и когда ему надлежало привести слова: «возьми одр твой и ходи», он, вместо слова «одр», употребил слово «ложе». Спиридон, вознегодовав на это, сказал: «ужели ты лучше Того, Кто произнес: одр, что стыдишься употребить Его выражение?» И, сказав это, сошел с священнического седалища, в виду народа, внушая сим скромность тому, кто тщеславился своею речью. А Спиридон способен был пристыдить, как человек уважаемый и весьма славившийся своими делами; да и по возрасту, и по священному сану был он старше Трифилия. Надобно знать и то, как он принимал странников. Некто зашел к

нему с пути уже по наступлении четыредесятницы, когда он с домашними обыкновенно держал пост и вкушал пищу только в определенный день, а в прочие оставался без пищи. Видя, что странник очень устал, он сказал дочери: «обмой-ка ноги этому человеку, да предложи ему покушать». Когда же девица отвечала, что нет ни хлеба, ни муки; ибо запас этого, по причине поста, был бы излишен; он сперва помолился и попросил прощения, а потом приказал дочери изжарить случившегося в доме соленого свиного мяса. И как скоро оно изжарилось, Спиридон, посадив вместе с собою странника, начал есть предложенное мясо, и убеждал того человека подражать себе. Когда же последний, называя себя Христианином, отказывался, – тот прибавил: тем менее надобно отказываться; ибо Слово Божие изрекло: «вся чиста чистым» (Тит. 1, 15). Это о Спиридоне.

Глава 12

Об образе монашеской жизни: откуда он получил начало и кто были его учредителями?

Но не менее прославляли Церковь и своими добродетелями поддерживали ее учение мужи, принявшие монашеский образ жизни; ибо такое любомудрие есть самое полезное дело, нисшедшее от Бога к человекам. Оно не заботится о многом учении и диалектической искусственности речи, как о деле излишнем, которое только отнимает время у занятий лучших, а жить правильно нисколько не помогает; напротив, одним естественным и безыскусственным смыслом научает тому, чем совершенно уничтожается, или по крайней мере уменьшается зло, и средины между злом и добродетелию отнюдь не полагает к ряду благ. Это любомудрие наслаждается только добрым, и кто удерживается от зла, но не делает добра, того почитает худым; ибо оно не тщеславиться добродетелью, но подвизается (в ней), почитая людскую славу за ничто. Мужественно противостоя страстям души, оно не уступает ни нуждам физическим, ни немощам тела. Стяжав силу божественного ума, оно всегда созерцает Создателя всяческих, ночью и днем чтить Его и умилостивляет молитвами и служением. Стремясь благочестно к вере, чрез чистоту души и совершение добрых дел, оно презирает очищения, окропления и тому подобное, ибо сквернами почитает только грехи. Будучи выше внешних напастей и, так сказать, господствуя над всем, оно не отвлекается от своего избрания ни окружающим жизнь беспорядком, ни нуждою. Обижаемое, оно не ослабевает, терпящее зло, не мстит, угнетаемое болезнию, или недостатком необходимого, не упадает в духе; но тем то более и хвалится, что, целую жизнь подвизаясь в терпении и кротости и требуя не многого, становится, сколько возможно для человеческой природы, ближе к Богу. Пользуясь настоящею жизнию, как переходом, оно не удручается заботами о приобретении вещей

и не простирает своего попечения о настоящем далее крайних нужд, но всегда предпочитая простые и удобоснискиваемые потребности здесь, часть блаженства там и постоянно стремится к тамошнему счастливому жребию. Всегда дыша благоугождением Богу, оно отвращается от бесстыдного сквернословия и, что удалило из своей жизни на самом деле, о том не терпит даже и звука. Ограничиваясь не многими естественными потребностями и принуждая тело довольствоваться малым, оно над похотью владычествует воздержанием, неправду наказывает правдою, ложь вразумляет истиною, и меру во всем определяет благочинием. Жизнь свою проводит оно в единомыслии и общении с ближними, печется о друзьях и чуждых, делит собственное с нуждающимися, занимается тем, что полезно для всякого, не возмущает радующихся и утешает скорбящих. Заботясь же о всех и направляя свое попечение к существенному благу, оно здравыми рассуждениями и мудрыми внушениями научает слушателей чуждаться лести и злословия. Будучи свободно от вражды, насмешливости и гнева, беседуя с почтением и скромностию, оно врачует собеседников этим, как бы каким лекарством. Как разумное, оно отрекается от всякого неразумного движения и совершенно властвует над страстями тела и души. Начало же сему превосходному любомудрию положили, говорят, Илия пророк и Иоанн Креститель. А Филон пифагореец в своих хрониках повествует, что лучшие из Евреев для любомудрствования отвсюду стекались в какую-то страну на холме за мареотским озером, и жилище их, пищу, жизнь изображает в таком виде, в каком все это бывает и теперь у монахов египетских. Он пишет, что, начиная любомудрствовать, они отдают имение родственникам и, отказываясь от общественных занятий и сношений, поселяются вне городских стен по пустынным полям и садам, – что у них есть священные жилища, называемые монастырями, в которых уединившись, они совершают священные таинства, усердно прославляют Бога псалмами и гимнами, и не прежде вкушают пищу, как по захождении солнца, некоторые же не едят дня по три и более, – что в определенные дни они лежат на земле, совершенно

отказываются от вина и мяса, и пищею их в то время бывает хлеб, соль и иссоп, а питием – вода, и что с ними живут женщины – престарелые девы, по любви к любомудрию, добровольно подвизающиеся в безбрачии. Описывая их таким образом, Филон, вероятно, видит в них Евреев, обратившихся при нем в Христианство, но продолжавших еще жить более по-иудейски и соблюдавших иудейские обычаи; ибо у других нельзя найти подобного образа жизни. Из этого я заключаю, что у Египтян такое любомудрие начало процветать с того именно времени. Другие же говорят, что причиною его были случавшиеся по временам гонения за веру, и что эта жизнь получила начало, когда Христиане, убегая от преследований, делали себе жилища в горах, пустынях и лесах.

Глава 13

Об Антоние Великом и святом Павле Простом.

Египтянами ли, или кем другим первоначально основано это любомудрие, но все согласны, что упомянутый образ жизни на высоту строгости и совершенства, своими нравами и приличными упражнениями, возвел монах Антоний Великий. Молва о добродетелях этого мужа в то время была столь велика в египетских пустынях, что царь Константин сделал его своим другом, почтил посланиями и убеждал писать к себе о нуждах. Антоний был по происхождению Египтянин, из благородного сословия, уроженец селения Комы; а это селение лежало близ города Гераклеи, у Египтян называвшейся Аркасиею. В юношестве оставшись сиротою, отеческие поля подарил он своим односелянам, а прочее имущество распродал, и деньги роздал убогим; ибо понимал, что свойство усердного любителя мудрости – не только освободить себя от имуществ, но и издержать его надлежащим образом. Обращаясь с подобными себе подвижниками, он придумывал способы подвижничества все строже и строже, с каждым днем становился воздержнее и, как бы всегда только начиная, придавал новую силу рвению, телесные удовольствия обуздывал трудами, против страстей души вооружался Богомудрою решимостью. Пищею его был только хлеб да соль, питием – вода, а временем обеда – закат солнца; даже нередко по два дня и более он оставался без пищи; бодрствовал же, можно сказать, целые ночи, и в молитвах встречал день, а если и вкушал сон, то на одну минуту; ложился большею частию на земле, и только землю имел своею постелью. Намащать себя маслом, мыться и пользоваться другими удобствами он не хотел, так как от жидкостей крепость тела изменяется в изнеженность. Сказывают даже, что он никогда не видел себя нагим; грамоты не знал и не уважал, но хвалил добрый ум, как старшину и изобретателя грамоты. Особенно же был он кроток,

человеколюбив, благоразумен, мужественен, приятен для собеседников и мягок в разговоре, хотя бы разговор был даже спорный; ибо как то мудро, свойственными себе одному оборотами и уменьем, укрощал он возраставшее любопрение, беседе давал тон умеренный, а собеседников низводя на низшую степень горячности, положения их поставлял в созвучие. За столь великие добродетели исполнившись божественного предведения, он не почитал однако добродетелью знать будущее и не советовал напрасно трудиться на этим, говоря, что и не знающий будущего не даст за то ответа, и знающий не сделается чрез то предметом зависти; потому что истинное блаженство состоит в служении Богу и в хранении Его законов. А кому и того хочется, говорил он, тот пусть очищает свою душу; ибо, при помощи Бога, открывающего будущее, этим только можно доставить ей прозорливость и разумение будущего. Ленности Антоний и в себе не терпел, и желавших хорошо жить располагал к работе, убеждая каждого быть судиею самого себя и давать себе отчет в том, что делал он днем и ночью. Если сделано нечто не должное, – записывать это, с намерением вперед беречься от грехов, стыдясь самого себя, когда бы записанного нашлось много, или боясь, как бы записки не похитили, и дурные поступки не сделались известными другим. Этого мало; он с большею ревностию, чем кто-нибудь, заботился также и о защищении обижаемых, и ради таковых часто отправлялся в города; потому что многие, жалуясь ему, усильно просили его ходатайствовать за них пред властями и городскими чинами. А видеть его, слушать его речи и повиноваться его велениям каждый считал за великую честь; ибо, несмотря на такую свою знаменитость, он старался оставаться в неизвестности и скрываться в пустынях. Если же, быв принужден помочь просителям, и приходил он когда в город, то, исполнив, за чем приходил, тот час опять удалялся в пустыню; потому что рыбы, говорил, питаются влагою, а монахи украшаются пустынножительством, и как первые, коснувшись суши, теряют жизнь, так и последние, приходя в города, губят монашескую важность. Внимательный и обходительный со всеми видевшими

его, он старался не только не иметь в душе презрения, но и не казаться презирающим. Я предположил рассказать это не многое из жизни Антония – с тою целию, чтобы на рассказанное смотря, как на примеры, мы могли заключать о любомудрии этого мужа. У него было очень много знаменитых учеников, из которых одни жили в Египте и Ливии, а другие в Палестине, Сирии и Аравии. Эти ученики там, где было место его жительства, проводили свое время и действовали не хуже учителя: каждый из них многих учил и приводил к подобной же добродетели и любомудрию; так что, обходя города и веси, трудно было бы отыскивать друзей Антония, или их преемников. Да и легко ли найти, когда в продолжение своей жизни они старались скрываться ревностнее, чем многие из нынешних людей, которые надмеваясь честолюбием, кичат и домогаются знаменитости? Между известными нам учениками Антония было много и других славных мужей, о которых в свое время мы напишем, и Павел, по прозванию, Простой. Быв поселянином, он, говорят, имел в супружестве за собою красивую жену; но застав ее в прелюбодеянии, тихо улыбнулся и произнес клятву, что больше жить с нею не будет. Посему, сказав прелюбодею, «возьми ее», тот час ушел в пустыню к Антонию. Говорят также, что этот муж был в высшей степени кроток и воздержан. В самом деле, несмотря на старость и непривычность Павла к монашескому терпению, – ибо он был еще новичок, – Антоний подвергал его разнообразному искусу, но ни в чем не нашел слабым и, засвидетельствовав о совершенном его любомудрии, позволил ему жить самому по себе, как вовсе не нуждающемуся в учителе. И Бог подтвердил свидетельство Антония, доказав делами, что это был муж знаменитейший, что в истязании и изгнании бесов он даже превосходил своего учителя.

Глава 14

О святом Аммоне и Евтихиане, что на Олимпе.

Около того же времени любомудростовал и Египтянин Аммон. Говорят, что, когда родственники принудили его жениться, – он не коснулся жены, по обыкновению мужей, но при начале брака, как жених, взяв свою невесту в брачный чертог и оставшись с нею один, сказал: «этот брак наш, жена, тем и кончился»; потом, растолковав ей из священных Писаний, сколь велико благо – сохранить девство, убеждал ее жить отдельно. Жена, хотя и одобрила слова его о девстве, но разойтись с ним находила трудным. Посему он жил вместе с нею осьмнадцать лет, спя отдельно и не пренебрегая при этом монашеских подвигов. В течение столь долгого времени и жена, подражая добродетели мужа, наконец разочла, что несправедливо было бы ему, сделавшись столь славным, ради ее, скрываться дома, что им обоим надобно любомудрствовать, живя порознь, – и просила о том мужа. А муж, воздав благодарение Богу за внушенные мысли жене, сказал ей: «пусть же этот дом будет твой; а для себя я построю другой». – И нашедши пустое место на южной стороне мареотского озера за Скитисом и так называемою Нитрийскою горою, провел он там в любомудрии двадцать два года, жену же свою видел два раза каждый год. У этого святого основателя тамошних монастырей было много достопримечательных учеников, как покажет преемство их, и много дивного случилось с ним в его жизни, о чем особенно любили говорить египетские монахи, считавшие важным делом – чрез преемство неписанного предания тщательно хранить память о добродетелях древнейших подвижников. Из дошедших до нас сведений я расскажу следующее: Нужно было ему и ученику его Феодору, когда они куда-то шли, перейти поток, называемый Ликос. Чтобы не видеть им друг друга нагими, Аммон приказал Феодору отойти в сторону. Но так как и сам он стыдился видеть себя нагим, то

мгновенно подъятый божественною силою, перенесен был на противоположный берег. Потом перешел и Феодор, и увидев что одежда и ноги Аммона нисколько не мокры, стал докучать старцу, чтобы он открыл причину этого. Старец отказывался, а ученик утверждал, что не отстанет, пока не узнает. Тогда Аммон, обязав Феодора никому не сказывать при его жизни, признался в случившемся. Упомянутому чуду подобно и следующее: Неправедные родители привели к Аммону своего сына, которого укусила бешенная собака и который был едва жив. Терзая на себе волосы, они просили исцелить его. Но Аммон сказал им: «сын ваш вовсе не нуждается в исцелении от меня; если вы согласитесь отдать хозяевам вола, которого похитили, – он тот час исцелеет». Так случилось: едва вол был отдан, – недуг оставил отрока. Когда же этот Аммон скончался, Антоний, говорят, видел, как божественные силы с псалмопениями сопровождали душу его на небо, и по случаю вопроса бывших при нем людей, не скрыл причины своего изумления; да и ясно было, что он внимательно всматривался в воздух и поражен был видением странного чуда. А между тем некоторые люди, прибывшие после сего из скита, возвестили час кончины Аммона, и этим подтвердили истину предсказания Антониева. Тогда все начали ублажать обоих: одного, как мужа, совершившего столько добрых дел и теперь преставившегося от здешней жизни; а другого, как мужа, который удостоился столь дивного видения и получил его от Бога на столь великом расстоянии, ибо расстояние мест их жительства требовало многих дней пути. Так рассказывают лица, обращавшиеся с Антонием и Аммоном. При том же царь, слышал я, славно подвизался в любомудрии и Евтихиан, обитавший в Вифинии близ Олимпа. Принадлежа к обществу новациан, он сделался причастником божественной благодати, и до того был знаменит даром исцеления недугов и дивными делами, что чрез добродетельную свою жизнь вошел в короткие отношения и дружбу с самим Константином. Именно, – около того времени, кто-то из телохранителей, подозреваемый в стремлении к тиранству, содержался в узах, потом убежал и, найденный близ Олимпа, был схвачен. Родственники этого узника просили

Евтихиана ходатайствовать за него пред царем, а пока ходатайство будет предпринято, – позаботиться об освобождении его от уз, чтобы, слишком крепко связанный, он не погиб преждевременно. Говорят, что Евтихиан посылал к стражам темницы и просил их выпустить узника; когда же они не послушались, сам отправился в темницу, – и при этом случае запертые двери растворились и узы невольника распались сами собою. После того Евтихиан прибыл и к царю, который жил тогда в Византии, и от царя тот час же испросил прощение виновному; потому что Константин, питая высокое уважение к этому мужу, не привык отвергать его прошений. Впрочем все это есть только краткий рассказ о славном любомудрии тогдашних монахов: а кто хочет подробностей о них, тот пусть ищет и конечно найдет искомое в письменных сказаниях о жизни многих подвижников.

Глава 15

О ереси Ария, откуда она получила начало и кого увлекла; также о возгоревшемся из-за нее между епископами раздоре.

Но хотя чрез это и чрез все другое вера процветала; однакож Церкви были возмущаемы, – и причина состояла в спорных рассуждениях: под видом, то есть, благочестия и совершенного раскрытия понятий о Боге, Христиане делали предметом исследования то, чего прежде не исследовали. Эти рассуждения начал в египетской Александрии пресвитер Арий. Считавшись некогда ревностным в деле вероучения и помогая Мелетию в его нововведениях, он потом оставил Мелетия, и александрийским епископом Петром рукоположен был в диакона, а вскоре опять извержен им из Церкви за то, что, когда Петр отлучал приверженцев Мелетия и не допускал их крещения, он порицал эти действия и не хотел успокоится. Впоследствии Петр принял мученическую смерть, – и Арий, испросив прощение у Ахилла, снова получил позволение диаконствовать, даже удостоен пресвитерства. После сего имел о нем хорошее мнение и Александр. Сильно любя диалектику, – ибо не чужд был, говорят, и этих знаний, – Арий просказывал нелепые выражения, так что дерзнул изречь в Церкви следующую, никем прежде не высказанную мысль: «Сын Божий произошел из несущего, и было время, когда Его не было. По самопроизволению Он способен к злу и добродетели. Он есть создание и тварь». Вероятно, много и другого говорил Арий, когда подтверждал свои мнения и рассуждал о каждом из этих вопросов. Некоторые, слыша подобные выражения, начали порицать Александра, за чем он, вопреки долгу, терпит нововведения в догмате. Александр, признав за лучшее в деле сомнительном дать волю говорить той и другой стороне, чтобы устранить мысль о принуждении и примирить спорящих убеждением, сел, как судья, вместе с клириками, и ввел обе стороны в состязание. Но в словесных спорах обыкновенно

всякий старается одержать победу. Арий защищал высказанные им положения; а прочие доказывали, что Сын единосущен и совечен Отцу. Было и другое заседание, и рассуждали о те же вопросах: но спорившие опять не сошлись между собою. Так как рассматриваемый предмет казался еще сомнительным; то сперва колебался несколько и Александр, похваляя иногда одних, иногда других: но наконец, присоединившись к стороне тех, которые утверждали, что Сын единосущен и совечен Отцу, он приказал, чтобы и Арий, оставив противоречия, мыслил таким же образом. Однакож Арий не слушался, тем более, что около него было уже много епископов и клира, которые думали, что он говорит правильно. Поэтому Александр отлучил от Церкви как его самого, так и клириков, державших в догмате его сторону. А держали его сторону в александрийской епархии пресвитеры: Анфала, Ахилла, Карпоний, Сарматий, Арий, и диаконы: Евзой, Макарий, Иулий, Мина и Элладий. К этим лицам присоединилась также не малая часть народа, одни, думая, что так и должно мыслить о Боге, а другие, – что и со многими случается, – сожалея о них, как о людях, обиженных и без суда отлученных от Церкви. При таком положении дел в Александрии, стоявшие за Ария рассудили, что (им) нужно наперед заискать благорасположение городских епископов, и потому отправили к ним посольство. Они излагали им письменно свою веру и просили их, – если точно так должно мыслить о Боге, – объявить о том Александру, чтоб он не притеснял их; а если не так, – научить, как надобно веровать. И эта мера немало помогла им; ибо, когда упомянутое учение распространилось почти между всеми, – везде и у всех епископов возник тот же самый вопрос, и одни писали Александру, чтобы он не принимал единомышленников Ария, пока они не отрекутся от своего верования, а другие просили его не делать этого. Видя, что к стороне Ария присоединяются весьма многие лица, почтенные по внешнему образу доброй жизни и сильные по убедительности слова, особенно же предстоятель никомидийской Церкви, Евсевий, муж ученый и уважаемый при дворе, Александр написал ко всем епископам, чтобы не сообщались с ними. Вследствие сего та и другая

сторона воспламенилась еще большим рвением, и, как обыкновенно бывает, спор сделался сильнее прежнего; ибо приверженцы Евсевия, несколько раз просившие Александра и не удовлетворенные им, сочли себя обиженными и, вознегодовав на него, еще ревностнее начали защищать Ариева учение. Они созвали собор в Вифинии, и писали ко всем епископам, чтобы единомышленников Ария, как людей правомыслящих, епископы приняли в общение и расположили к тому же Александра. Но когда, несмотря на это, их старание не имело вожделенного успеха, потому что Александр не уступал; то Арий обратился к тирскому епископу Павлину, к правителю палестино-кесарийской Церкви Евсевия Памфилову и к скифопольскому епископу Патрофилу, и просил у них позволения себе и своим приверженцам собирать преданный им народ, так как прежде они имели сан пресвитеров. А в Александрии был, как и теперь есть, обычай, что пресвитеры, под властию одного над всеми епископа, владели особенными церквами и собирали в них народ отдельно. Упомянутые епископы, снесшись с другими епископами Палестины, согласились на прошение Ария, и позволили им собираться, как прежде, – с тем однакож, чтобы они подчинялись Александру и никогда не противились иметь с ним мир и общение.

Глава 16

О том, что, когда до слуха Константина дошло известие о споре епископов и беспорядочном праздновании Пасхи, он сильно разгневался и послал из Испании в Александрию кордовского епископа Осию с повелением разрешить спор епископов и покончить дело о Пасхе.

Когда же в Египте, несмотря на бывшее по этому предмету многие Соборы, спор до того усилился, что слух о нем дошел до двора; то царь Константин не мало огорчен был этим, боясь, как бы разномыслие касательно догматов, при самом начале возрастания веры, не отвратило многих от Христианства. И в этом явно винил он как Ария, так и Александра. В своем послании к ним он укорял их за обнародование такого вопроса, который мог бы оставаться неизвестным, и за то, что по излишней ревности к противоречию, они начали спорить о таком предмете, о котором сперва не следовало бы ни спрашивать, ни мыслить, а если уже помыслили, то надлежало бы молчать о том, что им можно бы обойтись без взаимного разделения, хотя бы, касательно некоторой части учения, они и не соглашались друг с другом. Так на примере, о божественном промышлении необходимо иметь одну и ту же веру; но тонкости относительно таких вопросов, хотя бы мнение о них было и не одинаково, должны скрываться в уме. Посему Константин приказывал им, оставив пустословие об этом, хранить единомыслие между собою, и говорил, что это не мало огорчает его и что он желал бы видеть города востока, но по этой именно причине не решается. Вот что писал он Александру и Арию, то выговаривая им, то советуя. – Не менее прискорбно было ему слышать, что некоторые совершают праздник Пасхи не вместе со всеми; ибо тогда в городах востока, иные разноглася между собою касательно сего предмета удалялись от взаимного общения, совершали праздник более по-иудейски и разномыслием в этом

отношении явно вредили светлости торжества. Посему он начал стараться, чтобы Церковь была безмятежною в том и другом отношении. Думая, что можно предотвратить зло, прежде чем оно сообщится большинству народа, он послал от себя мужа, знаменитого своею верою и жизнию, и еще в прежние времена прославившегося многими опытами исповедания веры, и поручил ему примирить споривших в Египте касательно известного догмата, и разногласивших на востоке во времени празднования Пасхи. Этот посланный был кордовский епископ Осия.

Глава 17

О созванном в Никее Соборе по поводу Ария.

Но так как дело шло вопреки надеждам, споры были громче голоса примиряющего, – и посланный для водворения мира возвратился без успеха; то царь решился созвать Собор, и всем предстоятелям Церквей предписал явиться к определенному дню в Никею вифинскую. В этом собрании от Апостольских престолов, участвовали Макарий иерусалимский, Евстафий, уже управлявший Церковию Антиохии, что при Оронте, Александр епископ Александрии, что при озере мареотском. Но римский епископ Юлий за старостию не приехал: вместо его присутствовали пресвитеры той же Церкви Витон и Викентий. Кроме этих, съехалось на Соборе много и других превосходных и доблестных мужей из разных провинций: одни из них отличались способностию мышления и красноречием; другие славились знанием священного Писания и прочих наук; иные знамениты были добродетельною жизнию; а некоторые приобрели известность тем и другим. Всех епископов на Соборе находилось около трех сот двадцати. Вероятно, не малое также число было пресвитеров и диаконов, приехавших вместе с епископами. Вместе с ними явились и мужи, искусные в диалектике, намеревавшиеся помогать им словом. Многие из священников как обыкновенно бывает, собрались туда будто для борьбы за собственные дела, и думали иметь время – поправить то, что огорчило их лично. Всякий из них, за что-нибудь порицая других, представлял царю прошение, в котором излагал нанесенные себе обиды. И так как это легко случалось каждый день; то царь повелел, чтобы к назначенному времени все объявили, в чем обвиняют (других). Когда же данный срок наступил, он взял представленные просьбы и сказал: для этих обвинений будет свое время, – день великого суда; и будет судия – Бог, имеющий тогда судить всех: а мне – человеку, не подобает брать на себя выслушивание дел, в которых и обвиняющие и обвиняемые суть священники; ибо они отнюдь не должны поставлять себя, в такое положение, чтобы

подвергаться суду другого. Итак, будем подражать божественному человеколюбию, именно: прощая друг друга, оставим эти обвинения, примиримся между собою и постараемся лучше о вере, ради которой мы сошлись сюда». Сказав это, царь повелел рукопись каждого оставить без рассмотрения и просьбы сжечь, и назначил день, в который надлежало разрешить сомнения касательно веры. Но еще прежде срока, епископы, сходясь между собою, призывали Ария и, предлагая на общее исследование свои мысли, вступали в рассуждения. Однакож исследование их, как обыкновенно бывает, послужило только источником к различным вопросам: одни советовали не делать нововведений в преданной из древности вере, – и это были особенно те, которым простота нравов внушала бесхитростно принимать веру в Бога, а другие утверждали, что древнейшим мнениям не должно следовать без поверки их. Из собравшихся тогда епископов и находившихся при них клириков многие славились, как люди, в диалектике сильные, и в беседах такого рода опытнейшие. Об них знал сам царь и его приближенные. С этого времени и Афанасий александрийский, бывший тогда еще диаконом и обращавшийся с епископом Александром, в помянутых рассуждениях начал принимать особенное участие.

Глава 18

О двух философах, привлеченных к вере простотою беседовавших с ними старцев.

Мало этого – в них участвовали даже и некоторые из языческих мудрецов одни, может быть, потому, что, что, старались узнать, каково это учение; а другие потому, что с недавнего времени стали замечать упадок языческой религии и, досадуя за то на Христиан, хотели в споре о догмате вмешивать свои вопросы, с целию – между Христианами возбудить вражду и противоречие в мнениях. Рассказывают, что, когда кокой-то среди их тщеславился своим искусством слова и насмехался над священниками, – один простой старец, из числа тех, которые прославились исповеданиями, не перенес его гордости. Чуждый всяких тонкостей и хитростей, он захотел вступить с ним в беседу. Людей дерзких, знавших исповедника, такая решимость расположила к смеху; а в скромных возбудила опасение, как бы, то есть, этот старец пред мужем искусным в слове не показался смешным. Однакож, когда позволили ему говорить, что хочет, – ибо такому мужу долго прекословить не смели, – он сказал: «Во имя Иисуса Христа, послушай философ: Един есть Бог, Создатель неба и земли, всего видимого и невидимого, сотворивший все это силою Слова и утвердивший освящением святого Своего Духа. Это-то Слово, продолжал он, которое мы называем Сыном Божиим, сжалившись над заблуждением и скотскою жизнию людей, восхотело родиться от жены, обращаться с людьми и умереть за них. Оно и еще придет судить, что каждый сделал в своей жизни. В истину этого мы бесхитростно веруем. Посему не трудись напрасно отыскивать доказательства на то, что совершается верою, и – способы, которым это могло быть, или не быть; но отвечай на вопрос: веруешь ли ты?» – Пораженный этим, философ сказал: «Верую», – и исповедав благодарность за (свое) поражение, начал мыслить согласно с старцем, да и тех, которые прежде имели одинакое с ним направление,

расположил к единомудствованию, клятвенно утверждая, что он переменился не без воли Божией, но обращен к Христианству кокою-то несказанною силою. Говорят, что подобное этому чудо совершено было и Александром, управлявшим Церковию константинопольскою. Когда Константин прибыл в Византию, некоторые философы пришли к нему с укоризнами, что он верует не так, как надобно, и делает нововведения относительно веры, устанавливая в государстве новое Болгопочтение, вопреки узаконенному его предками и всеми правителями, какие когда-либо были над Греками и Римлянами, – и просили позволения побеседовать о вере с епископом Александром. Александр, как муж высокой добродетели, вероятно, главный делом почитавший непорочную жизнь, хотя и никогда не упражнялся в подобной словесной борьбе, однакож по повелению царя принял подвиг. Когда философы сошлись и хотели было все разговаривать, епископ потребовал, чтобы они избрали одного, кого им угодно, и чтобы другие во время беседы хранили молчание. Этот один только что начал свою речь, Александр сказал ему: «во имя Иисуса Христа повелеваю тебе не говорить», – и у человека вдруг связались уста; он замолк. После сего нужно ли рассуждать, какое чудо больше: человека, и притом философа, с такою легкостию лишить слова, или словом, посредством руки, разломить камень, что некоторые, как я слышал, тщеславно рассказывают о Юлиане, называемом Халдеем? – Таковы преданные мне об этом сведения.

Глава 19

О том, что, когда составился Собор, к нему царь говорил речь.

Часто сходясь, епископы выводили на середину Ария и ревностно испытывали его положения, ибо остерегались, как бы, подавая мнение в пользу той или другой стороны, не сказать чего-либо опрометчиво. Когда же настал воскресный день, в который определено было пресечь недоразумения, – они сошлись во дворец, так как и самодержцу благоугодно было участвовать в их совете. Прибыв в залу, назначенную для собрания священников, он прошел между ними к главному месту и сел на приготовленном для него престоле. Повелено было сесть и Собору; ибо по обеим сторонам вдоль стен царской залы стояло много скамей, а та зала была самая большая, превосходнее прочих. Как скоро все сели, Евсевий Памфилов встал и произнес царю речь, заключив ее благодарственною о царе песню Богу. Когда же он кончил, то водворилось молчание, и царь сказал: «За все благодарю Бога, и не менее за то, что вижу, други, сонм ваш. Собрать во едино столько священников Христовых случилось мне сверх всякого чаяния. Желал бы я видеть вас единомысленными и согласными в мнениях; ибо возмущения Божией Церкви считаю злом самым тягостным. Как скоро донесли мне о том, чего лучше бы не слышать, душа моя сильно возмутилась: я узнал, что вы разномыслите между собою, – вы, которым, как служителям Божиим и раздаятелям мира, это менее всего прилично. И вот почему созван мною священный Собор ваш. Как царь и сослужитель ваш, я прошу от вас этого, общему Владыке Богу угоднейшего дара, который мне прилично принять, а вам подать, именно: изложите открыто причины ваших недоразумений и положите им конец единомыслием и миром, чтобы и мне вместе с вами воздвигнуть этот трофей над завистливым демоном, который, когда чужеземцы и тираны низвергнуты, возбудил сию внутреннюю вражду, по зависти к

нашим благам». Царь произнес эти слова на латинском языке, а один из предстоявших перевел их на греческий.

Глава 20

О том, что, выслушав обе стороны, царь осудил приверженцев Ария и приговорил их к ссылке.

После сего священники начали рассуждать о догмате. Спокойно и незлобиво выслушивал царь слова той и другой стороны, и присоединялся к тем, которые говорили хорошо, а спорщиков удерживал от распри и кротко беседовал с каждым, сколько мог понимать кого, потому что не несведущ был и в греческом языке. Наконец все священники согласились между собою и решили, что Сын – единосущен Отцу. Говорят, что мнение Ария сперва поддерживали только семнадцать человек; но вскоре и из них большая часть перешла к мнению общему, которое защищал и сам царь, утверждая, что это согласие всего Собора благоугодно самому Богу. Притом он объявил, что всякий, противящийся догматам веры, как нарушитель Божественных определений, будет наказан ссылкою. Чтобы символ принятой тогда веры был известен потомству и сохранился на будущее время твердым, я, в пользу истины, счел было необходимым внести сюда письменное его изложение: но люди благочестивые, дружески ко мне расположенные и знающие дело рассудили, что об этом должны говорить и слушать только посвященные и посвящающие, и я решился последовать их совету; потому что мою книгу по всей вероятности будут читать и некоторые непосвященные. Впрочем тайны, о которых надобно молчать, я постараюсь держать сокровенными, сколько нужно, чтобы читатели не вовсе не знали о том, что определено Собором.

Глава 21

О том, что постановил созванный против Ария Собор, как осудил он Ариевых приверженцев и сжег Ариевы сочинения; также об архиереях, не хотевших согласиться с Собором, и об установлении Пасхи.

Надобно знать, что Собор признал Сына единосущным Отцу; а тех, которые говорили, что было время, когда Его не было, что прежде, чем Он родился, Его не было, что Он произошел из несущего, или из другой ипостаси, либо сущности, что Он удобопревращаем или изменяем, – тех отлучили и объявили чуждыми вселенской Церкви. Это определение подписали: Евсевий никомидийский, Феогнис никейский, Марис халкидонский, Патрофил скифопольский и Секунд птолемаидский из Ливии. Но Евсевий Памфл сперва несколько колебался, а потом рассмотрел его и также подписал. Собор отлучил Ария вместе с единомышленниками и положил не принимать его в Александрии. Мало этого, – он запретил и те самые выражения, в каких высказывались его мнения, и книгу его об этом предмете, под названием: Θάλεια. Характер этой Фалии, как я слышал, но не читал, – бессвязность, по которой она походит на сотадийские песни. Надобно заметить однакож, что Евсевий никомидийский и Феогнис никейский, приняв символ веры, не согласились на низложение Ария и не подписали соборного определения об этом. Несмотря на то, что царь назначил Арию ссылку и, как всем епископам, так и народу письменно повелел считать его и единомыслящих с ним за людей нечестивых и, если найдется какое-либо написанное ими сочинение, предавать его огню, так чтобы о нем и введенном от него учении, даже и помину не было. А кто будет замечен в утайке, кто тот час же не объявит и не сожжет; тот в наказание подвергнется смерти и уголовной казни. Разослал он по городам и другое послание против Ария и его единомышленников. Евсевию же и Феогнису повелел выехать

из городов, в которых они епископствовали. А Церкви никомидийской написал, чтобы она держалась веры, переданной Собором, чтобы в епископы избирала православных и им повиновалась, упомянутых же предала забвению; и кто будет хвалить их или согласно с ними мыслить, тому угрожал наказанием. В этом послании он обнаружил и другую причину своего гнева на Евсевия, – именно ту, что Евсевий и прежде уже держался стороны тирана, а Константину строил козни. По силе этой царской грамоты, как Евсевий, так и Феогнис лишены церквей, которыми они управляли, – никомидийскую Церковь принял в свое управление Амфион, а никейскую – Христ. По решении вопроса о догмате, Собору угодно было постановить, чтобы и праздник Пасхи совершался везде в одно время.

Глава 22

О том, что на первый Собор царь призывал и новацианского епископа Акесия.

Говорят, что, заботясь о единомыслии всех Христиан, Константин призвал на Собор и епископа новацианской Церкви, Акесия. Показав ему уже скрепленное подписями епископов определение о вере и праздник, царь спросил согласен ли с этим и он? Акесий отвечал, что Собором не определено ничего нового, – и одобрил соборное мнение. Я и сам, говорил он, точно так верую и праздную, и этот обычай принял от древности. – А если ты мыслишь одинаково с нами, сказал царь, за чем же избегаешь общения? В ответ на это Акесий, рассказав о разногласии между Новатом и Корнилием при Декие, заключил, что люди, после крещения впадающие в грехи, которые в св. Писании называются смертными, недостойны приобщаться таинств; ибо отпущение их грехов зависит только от власти Божией, а не от священников. Тут царь прервал его и сказал: «Акесий! Поставь лестницу и взойди на небо один». Это сказано царем конечно не в похвалу Акесия, а в том смысле, что новациане, будучи людьми, считают себя безгрешными.

Глава 23

О постановленных Собором правилах, и о том, что исповедник Пафнутий помешал Собору постановить правило, что все, имеющие принять сан священства, должны вести жизнь девственную.

Стараясь исправить жизнь служащих в Церкви, Собор постановлял законы, называемые правилами. Когда рассуждали об этом; то некоторым хотелось ввести закон, чтобы епископы и пресвитеры, диаконы и иподиаконы не разделяли ложа с женами, которых пояли до вступления в духовный сан. Но Пафнутий исповедник встал и начал говорить вопреки. Называя брак честным и сожитие с собственною женою – целомудрием, он советовал Собору не постановлять такого закона; ибо трудно переносить это. Такой закон и для них и для жен их, может быть, сделается причиною нецеломудрия. По древнему преданию Церкви, безбрачные, вступив в духовное звание, уже не должны жениться; а принявшие духовный сан после брака, не должны удаляться от жен, которых имеют. И это предложил Пафнутий, сам никогда не испытавший брачного состояния. Собор одобрил его совет, – и в этом отношении не постановил никаких правил, не связал никого необходимостию, и безбрачное состояние предоставил воле каждого. Но по другим предметам, что казалось ему хорошим, он написал законы, которыми Церковь должна была управляться в своих действиях. Эти законы, кто хочет, легко может прочитать, потому что они есть у многих.

Глава 24

О деле Мелетия, как хорошо святой Собор рассмотрел его.

Когда исследованы были также события, происшедшие в Египте под влиянием Мелетия: тогда Собор присудил ему самому жить в Лике, нося только имя епископа, и впредь не рукополагать ни в городе, ни в селе. А тем, которые уже поставлены им, предписал иметь общение и совершать литургию, но относительно степеней чести, занимать второе место после клириков в каждой Церкви и приходе, – вступать также на места умерших, если по определению народа окажутся достойными того, и будут утверждены епископом александрийской Церкви, – но самим не иметь участия в избрании по собственному желанию, кого хотели бы. Собор признал это справедливым, размыслив об опрометчивости и поспешности Мелетия и единомышленников его, в деле рукоположения; ибо когда Петр, в последствии скончавшийся мученически, по случаю бывшего в то время гонения, ушел из Александрии, – Мелетий присвоил себе не принадлежавшее ему право рукоположения.

Глава 25

О том, что царь, призвав Собор в Константинополь и почтив его дарами, дал ему общественный обед, увещевал всех сохранять единомыслие и определения святого Собора послал в Александрию и разослал повсюду.

Между тем, как Собор делал эти определения, наступило двадцатилетие Константинова царствования. У Римлян (был) обычай совершать народное торжество чрез каждые десять лет правления самодержца. Посему царь счел благовременным пригласить Собор на пир и почтил его приличными дарами. Когда же отцы Собора собирались отправляться назад, он снова созвал всех их, советовал им хранить единомыслие относительно веры, и иметь мир между собою, чтобы впредь не было подобных возмущений. После продолжительной беседы об этом, Константин просил их усердно молиться за себя, за детей и за царство, и всегда служить Богу; сказав же это отправлявшимся тогда в Никею епископам, расстался с ними. А чтобы постановления Собора были известны и тем, которые не присутствовали на нем, он отправил грамоту к Церквам во все города, кроме того особую написал к Церкви александрийской, убеждая ее оставить всякое разномыслие и единодушно исповедовать изложенную на Соборе веру; ибо она есть не иное что, как мысль Божия, объявленная Духом Святым чрез согласие столь многих и столь великих архиереев, и утвержденная после тщательного исследования и испытания всех недоумений.

Конец первой книги церковной истории.

Книга вторая

Глава 1

О обретении Животворящего Креста и Священных Гвоздей.

Так окончилось все, происходившее в Никее, – и священнослужители разъехались по домам. Видя, что вся Церковь согласна касательно догмата, царь чрезвычайно радовался. Для изъявления благодарности Богу за единодушие епископов, за себя, за детей и за государство, он признал своею обязанностью простроить молитвенный дом в Иерусалиме, подле так называемого Краниева места. Около того же времени в Иерусалим для молитвы и посещения тамошних священных мест прибыла и мать его Елена. Питая благочестивое расположение к вере христианской, она весьма желала найти древо Честного Креста. Но найти его, равно как и священный гроб, было нелегко; потому что в древности языческие гонители Церкви, стараясь всеми средствами истребить едва возникавшее богопочтение, покрыли то место большим холмом и подняли его, между тем как прежде, подобно нынешнему своему положению, оно было углублено. Заняв оградою всю площадь воскресения и Краниева места, они украсили ее: поверхность выстлали камнем, и построили храм Афродите и воздвигли ей статую; так что покланявшиеся на том месте Христу, казалось, чтили Афродиту. С течением времени истинная причина благоговения к тому месту изгладилась из памяти; ибо Христиане не могли безопасно посещать его и показывать другим, между тем как языческий храм и статуя пользовались уважением. Несмотря однакож на то, означенное место было открыто, и тщательно придуманный для того обман изобличен. Это сделано, говорят, по указанию одного из живущих на востоке Евреев, который знал о том из книги, доставшейся ему от отца, но вероятнее, – по указанию самого Бога, открывающего людям тайны посредством знамений и сновидений; ибо я не думаю, чтобы предметы божественные нуждались в указании человеческом, когда Богу

угодно открыть их. Итак, по приказанию царя, означенное место было очищено, и в глубине, на одной его стороне, показалась пещера воскресения, а на другой, близ того же места найдены три креста, и отдельно от них еще древо в виде белой дощечки, на которой словами и письменами еврейскими, греческими и римскими было изображено: Иисус Назарянин Царь Иудейский. Это, как говорит священнаяя книга Евангелий, было написано над главою И. Христа, по приказанию правителя Иудеи, Пилата. Но и после обретения не легко было отличить (истинный) крест Христов, частию потому, что надпись была соравана с него и отброшена, а частию и потому, что три креста лежали в безпорядке; и порядок между ними был нарушен вероятно тогда, когда снимали с них тела распятых. Воины, как повествует история, сперва нашли мертвым на кресте И. Христа и, сняв Его, отдали для погребения; потом, намереваясь ускорить смерть распятых по обеим его сторонам разбойников, перебили им голени, а самые кресты бросали один за другим, как попало. Да и какая была нужда воинам заботиться о расположении крестов в прежнем порядке, когда они спешили окончить дело до вечера и не считали хорошим заниматься крестами людей, умерших насильственною смертию? Между тем, как оставалось еще необъяснимым, который крест Христов, и настояла надобность в указании Божеском, а не человеческом, – случилось следующее: В Иерусалиме была одна знатная женщина, страдавшая тяжкою и неизлечимою болезнию. К ней, лежавшей (на одре болезни), пришел иерусалимский епископ Макарий, в сопровождении матери царя и своих приближенных. Сотворив наперед молитву и дав знать зрителям, что божественный крест должен быть тот, который, будучи возложен на женщину, исцелит ее от болезни, он начал возлагать на нее кресты один за другим. Когда возлагаемы были первые два, с женою не произошло ничего важного и замечательного, и она находилась уже при самых вратах смерти: но как скоро коснулись ее третьим, она вдруг открыла глаза и, возвратив силы, соскочила с постели здоровая. Говорят, что таким же образом был воскрешен и мертвый. Большая часть найденного божественного древа и доныне

хранится в Иерусалиме, в серебряном ковчеге; а остальную царица привезла сыну своему Константину, равно как и гвозди, которыми было пригвождено тело Христово. Говорят, что из этих гвоздей царь приказал сделать себе шлем и для коня узду, во исполнение пророчества Захарии, которого предсказание указывало как бы на то самое время: «в день он будет еже во узде коня свято Господу Вседержителю» (Зах. 14, 20). Так слово в слово говорит Пророк. В древности это было предвидено и предсказано святыми пророками, а во времена последующие, в которые угодно было Богу, – подтвердилось чудными событиями. И тут нечему удивляться, если, даже по признанию язычников, сама Сивилла сказала:

О преблаженное древо, на котором распростерт был Бог.

Чего уже, пусть бы кто и нарочито хотел противоречить, отвергнуть не в состоянии. Итак древо креста и почитание его было предсказано. Это передали мы, как сами приняли – от мужей, которым упомянутое событие совершенно известно, и которые, сведения о нем получив по преемству от отцев к детям, по возможности описали их и оставили потомкам.

Глава 2

О матери царя Елене, как она, быв в Иерусалиме, строила храмы и совершала другие богоугодные дела; также о ее кончине.

Около того времени царь, предположив воздвигнуть храм Богу, приказал тамошним правителям заботиться, чтобы это здание было как можно великолепнее и драгоценнее. Да и мать его Елена, со своей стороны, построила два храма – один в Вифлееме над пещерою, в которой родился Христос, а другой на вершине горы Елеонской, откуда вознесся Он на небо. Благочестие и благоговение сей жены обнаружились как многими другими делами, так и следующим: Говорят, что, живя тогда в Иерусалиме, они призывала к себе и угощала священных дев, служила им при столе, подавала кушанья, наливала своими руками воду и делала все прочее, что обыкновенно делают слуги для гостей. Потом, посещая восточные города, она почтила местные церкви приличными пожертвованиями, многих, лишившихся имения, сделала богатыми, нуждающимся щедро раздавала необходимое, а иных освобождала от долговременных уз, от заточения и рудников, и за это, кажется мне, получила достойное воздаяние; ибо настоящую жизнь провела так славно и знаменито, как нельзя более: была провозглашена августейшею, издала золотую монету с собственным изображением и, получив от сына власть над государственными сокровищами, пользовалась ими по собственную усмотрению. А когда должна была она покинуть эту жизнь, то имела также и славную кончину: быв около осьмидясяти лет от роду, оставила сына месте с кесарями, ее внуками, правителем всей римской империи и, если есть в том какая-нибудь польза, даже по смерти не предана забвению; ибо, в залог всегдашнего о ней памятования, будущие веки имеют два города, названных ее именем, – один в Вифинии, а другой в Палестине. Но довольно для нас о Елене.

Глава 3

О храмах, построенных Великим Константином; о городе, названном по его имени, как он построен, и о находящихся при его зданиях; также о храме Архистратига Михаила в Сосфении[2] и о бывших там чудесах.

Царь, что ни делал, все направлял к благочестию и везде воздвигал Богу великолепнейшие храмы, особенно же в главных городах, как-то, в Никомидии вифинской, в Антиохии при реке Оронте, и в Византии, которую сравнял с Римом в правах и во власти. Когда все шло по его желанию, и дела с иноплеменниками были окончены частию войнами, частию переговорами, он захотел построить соименный себе и равночестный Риму город. Для сего, прибыв на поле илийское, близ Геллеспонта, где – могила Аякса и где воевавшие против Трои Ахеяне имели, говорят, корабельную пристань и лагерь, обозначил там форму и величину города, и на возвышенном месте поставил ворота, которые плавателям и теперь видны с моря. Когда он занимался этим, однажды ночью явился ему Бог и повелел искать другого места для города, указав на Византию фракийскую, по ту сторону Халкидона вифинского: там приказано ему построить город и назвать его именем Константина. Царь послушался слова Божия[3] и, распространив прежнюю Византию, обнес ее огромными стенами. Так как, для населения обширного города, туземцев было недостаточно; то в разных местах по предместьям построил он большие дома и, отдав их во владение знаменитейшим людям, поселил их там с семействами, а этих людей вызвал частию из древнего Рима, частию из других мест. Назначил он также площади, из которых одни служили для устройства и украшения города, а другие для снабжения его жителей припасами, и доставив городу все прочее, отлично украсил его ипподромом, водохранилищами, портиками и другими зданиями, назвал свой Константинополь

новым Римом и сделал его столицею всех живущих на земле, подвластной Римлянам, – к северу, югу, востоку и средиземному морю, начиная от городов, лежащих на Дунае, и от Епидамна, что при заливе ионийском, до Кирены и Ливии при так называемом мысе борийском. Учредил он и другой верховный совет, называемый сенатом, и предоставил ему те же права и преимущества, какие принадлежали древним Римлянам. Старание его – соименный себе город сделать во всем равным Риму италийскому, не осталось без успеха; ибо, при помощи Божией, это население так выросло, что, и по числу жителей, и по богатству, всеми ставится выше (Рима). Причиною того я почитаю, с одной стороны, боголюбезность строителя и города, с другой, милосердие и щедрость жителей к нуждающимся; ибо Константинополь так располагает всех к Христовой Вере, что Иудеи в нем – многие, а язычники почти все перешли в Христианство. Притом, столицею ему пришлось сделаться в такое время, когда Вера особенно распространилась; так что не оскверняли его ни требища, ни языческие храмы, ни жертвоприношения. В последующее царствование, то есть Юлианово, все это хотя и было на несколько времени восстановлено, но скоро опять уничтожилось. Возвеличивая сей, как бы новозданный Христов и соименный себе город, Константин украсил его многими и великолепными молитвенными домами. Усердию царя содействовал и сам Бог, поколику святость и спасительность построенных в этом городе молитвенных домов подтверждал своими откровениями. Знаменитейшим из них, по мнению как иностранцев, так и здешних жителей, с того времени почитается храм, находящийся в Эстиях. А это место, называемое ныне михайловским, лежит на правой стороне, если в Константинополь плыть из Понта, и отстоит от него по морскому пути стадий на тридцать пять, сухим же путем, когда будешь обходить находящиеся в средине залив, – более чем на семьдесят. Нынешнее название оно получило потому, что здесь, как уверяют, является святой Михаил Архангел. Истину этого подтверждаю и я, удостоявшийся в помянутом месте великих благодеяний. Да и многие иные случаи доказывают, что это

действительно бывает; ибо одни, подвергшись тяжким бедствиям, или неизбежным опасностям, другие, впавши в болезни, или неизлечимые страдания, молились здесь Богу и получали избавление от несчастий. Рассказывать все порознь, как что случилось и с кем, было бы долго: я считаю необходимым сказать только то, что случилось с Акилином, который и теперь еще проводит время со мною и ходит по делам в одних и тех же судилищах, и что я частию от него слышал, частию сам видел. Он впал в сильную горячку от воспаления желчи, – и врачи дали ему выпить какое-то чистительное лекарство: но принятое лекарство возбудило в нем рвоту, и вместе с тем разлилась его желчь. Она своим цветом покрыла всю поверхность его тела, от чего все съеденное или выпитое им извергалось рвотою. Много прошло времени, как не удерживалась в нем никакая пища, и для исцеления болезни врачебное искусство оказалось бессильным. Наконец, уже полумертвый, он приказал своим домашним снести себя в молитвенный дом, решившись или умереть там, или получить исцеление от болезни. Лежавшему в храме больному явилось ночью божественное существо и повелело ему окроплять пищу жидкостию из смеси молока, вина и перцу. Эта именно смесь и исцелила его от болезни, хотя у врачей, по правилам их искусства, разгорячительное питье в болезнях желчных считается вредным. Слышал я и об одном придворном враче Пробиане, что, страдая тяжкою болезнию в ногах, он там же освободился от сраданий и удостоился дивного божественного видения. Быв прежде язычником, принял он Христианство, – и прочие догматы христианской Веры почитал довольно правдоподобными, не допускал только одного, что божественный крест есть причина спасения всех. Между тем как он питал такую мысль, явившийся ему божественный зрак указал на один из образов креста, лежавших на жертвеннике тамошней церкви, и ясно произнес, что со времени распятия Христова, из всех событий, направленных к общей пользе человеческого рода, или к частной некоторых людей, ничто не совершено без силы честного креста, ни святыми Ангелами, ни благочестивыми и добрыми людьми. Не имея времени

перечислять все, по дошедшим до меня слухам, произшедшее в упомянутом храме, я почел нужным рассказать только об этом.

Глава 4

О том, что сделал Великий Константин при дубе мамврийском, и как построил (на том месте) храм.

Необходимо рассказать и о том, что царю Константину благоугодно было сделать при дубе, так называемом мамврийском. Это место, которое теперь называют Теревинфом, отстоит от соседнего Хеврона на пятнадцать стадий к югу, а от Иерусалима стадий на двести пятьдесят. На нем, как повествует истинная история, вместе с Ангелами, посланными к жителям Содома, явился Аврааму сам Сын Божий и предсказал ему рождение дитяти. Туземцы и отдаленнейшие жители Палестины, Финикияне, Аравитяне, и теперь еще, во время лета, ежегодно совершают там торжественный праздник. К тому времни туда же собираются многие и для торговли, – продавать и покупать. Этот праздник уважается всеми: – и Иудеями, потому что они гордятся патриархом Авраамом (как своим родоначальником), и язычниками, потому что на том месте было явление Ангелов, и Христианами, потому что здесь явился праведнику Тот, Кто в последствии пришел на землю для спасения человечества, родившись от Девы. И это место все чтут согласно с правилами своего богопочтения: одни, – воссылая молитвы Богу всяческих, другие, – призывая Ангелов и возливая вино, либо принося в жертву ладан, вола, козла, овцу, петуха; ибо всякий, что из животных есть у него лучшего и драгоценнейшего, откармливал тщательно в течении целого лета, и по обету сохранял к пиршеству того праздника для себя и для своих. Из уважения к месту, или из опасения наказания Божия, там никто не сближается с женами, хотя в праздник они особенно заботятся о прикрасах и нарядах и, если нужно, выходят и прогуливаются, – никто также не предается распутству, хотя все имеют общие палатки и проводят ночь вместе. То место открыто, занято пашнями и не застроено домами, исключая жилище близ дуба,

в древности принадлежавшее Аврааму, и им же ископанный колодезь. Во время праздника из этого колодезя никто не черпает воды; ибо, по языческому обычаю, одни ставят на него зажженные свечи, другие вливают в него вино, либо бросают пироги, монеты, миро, пахучие вещества, – и оттого вода, смешиваясь с бросаемыми в нее веществами, естественно делается негодною к употреблению. Между тем как все это совершалось по сказанному, с свойственным язычникам веселием, приехала туда на богомолье мать Константиновой супруги и рассказала о том царю. Узнав это, царь сильно винил палестинских епископов, что они небрегут о своей обязанности, – позволяют осквернять священное место нечистыми возлияниями и жертвоприношениями, и выразил свое благочестивое негодование в написанном по сему случаю послании к епископу иерусалимскому Макарию, к Евсевию Памфилову и к другим палестинским епископам. Он приказал им сойтись с епископами финикийскими и, разрушив до основания бывший там прежде жертвенник, а статуи предав огню, построить на том месте церковь, достойную древности и святости самого места, и впредь заботиться, чтобы оно не осквернялось возлияниями и жертвоприношениями, чтобы на нем не совершалось ничего, кроме богослужения по правилам Церкви. А кто будет замечен в совершении прежних обрядов, о том пусть доносят епископы: он подвергнется тяжкому наказанию. Приказание, выраженное в этом царском послании, начальники и служители Христовы исполнили самым делом.

Глава 5

О том, как он разрушил идольские капища и тем подданных еще более расположил к Христианству.

Так как многие селения и города во всей (подвластной Константину) империи еще питали страх и уважение к идольским изображениям и, отвращаясь от учения христианского, ревновали о древних отеческих обычаях и празднествах; то Константин почел необходимым внушить подданным равнодушие к идолослужению, и для удобнешего достижения сей цели, наперед приучить их к презрению капищ и находящихся в них истуканов. Задумав это, он не имел нужды в воинской силе: желание его приводили в исполнение служившие при дворе Христиане, объезжая города с царскими грамотами. Ибо простой народ, опасаясь за себя, за детей своих и жен, – как бы, в случае сопротивления, не потерпеть чего худого, оставался спокойный; а блюстители капищ и жрецы, лишившись помощи черни, добровольно извлекали из неприступных и сокровенных убежищ храма все бывшие у них самые драгоценные и так называемые богодарованные[4] изображения, и выдавали их. С того времени предметы, некогда недоступные и известные одним жрецам, для желающих сделались доступными. Кумиры, вылитые из драгоценных металлов и из других веществ, казавшихся полезными, были расплавлены и обращены в государственную монету; а с особенным искусством вычеканенные из меди отовсюду свозились в соимянный самодержцу город и, назначенные для его украшения, еще доселе стоят по площадям, ипподрому и дворцам. Такова статуя Апполона, находившаясь в прорицалище Пифии, гелликонские Музы, дельфийские треножники и знаменитый Пан, которого Павзаний лакедемонский и греческие города поставили после войны с Мидянами. Из капищ одни лишены дверей, другие кровель, а иные, быв оставлены без внимания, обветшали и разрушились.

Тогда же срыты и совершенно уничтожены храмы Эскулапа в Эгипе киликийской и Афродиты в Афаке, при горе ливанской и реке Адонисе. Оба они были весьма знамениты и пользовались великим уважением древних; ибо Эгияне уверяли, что в них избавляются от недугов страждущие телесными болезнями и что ночью является и исцеляет их демон. А в Афаке, в известный день, при помощи какого-то заклинания, на вершине Ливана показывается огонь, будто звезда, и погружается в близ текущую реку. Эту звезду называли Ураниею, как называют и Афродиту. Как скоро это совершилось, – намерение царя достигло своей цели; ибо одни, видя что предметы прежнего их благоговения и страха наполнены соломою и нечистотами и брошены как ничтожные, вместо почтения стали обнаруживать презрение к ним и своих предков упрекали в заблуждении; другие, завидуя Христианам в получаемых ими от царя почестях, почли необходимым подражать обычаям государя; иные, начав внимательно исследовать учение христианской веры, то знамениями и сновидениями, то беседами епископов или монахов были приведены к убеждению, что и в самом деле лучше исповедовать Христианство. С того времени жители селений и городов добровольно оставляли прежние свои понятия. Так приморское местечко города Газы, по имени Маиума, отличавшееся суеверием и дотоле преданное древним обычаям, теперь все вдруг обратилось к Христианству. В награду за такое благочестие, царь удостоил Маиумцев великой чести – местечку их, которое прежде не было городом, дал значение города и назвал его, во имя любимейшего своего сына, Констанциею. По такой же причине, как я узнал, удостоен царского имени и финикийский город Константина. Но описать все порознь невозможно: ибо тогда к христианской вере обратилось много и других городов: они добровольно, без всякого приказания со стороны царя, ниспровергли свои капища и кумиры, и простроили себе молитвенные дома.

Глава 6

О том, по какому случаю при Константине Христианство распространилось по всей вселенной.

Когда таким образом Церковь начала распространяться во всей римской империи, христианская вера проникла и к самым Варварам. Теперь уже приняли Христианство и народы, жившие при Рейне, и Кельты, и обитавшие близ океана, отдаленные Галаты; а Готфы, и сопредельные с ними поколения, обитавшие по берегам реки Истра (Дуная), еще прежде исповедали Христову веру; в настоящее же время сделались более кроткими и образованными. Поводом к принятию христианского учения почти для всех Варваров служили бывшие по временам войны Римлян с иноплеменниками при Галлиене и следовавших за ним царях; ибо, когда бесчисленные толпы различных народов, выходя их Фракии, опустошали азию, а другие Варвары в иных местах делали то же с соседними Римлянами; тогда попадалось им в плен и оставалось у них много и христианских священников. А так как эти пленники нередко исцеляли тамошних больных и очищали одержимых демонами, произнося только имя Христово и призывая Сына Божия, притом вели жизнь неукоризненную и добродетелями побеждали (наносимые) себе оскорбления; то, удивляясь жизни и чудесным действиям этих мужей, Варвары стали приходить к благой мысли, что они умилостивят Бога, если будут подражать людям, казавшимся лучшими, и служить Ему так же, как эти последние. Таким образом, избирая их в руководители своих действий, они были научаемы, удостоивались крещения и причислялись к Церкви.

Глава 7

О том, как христианскую веру приняли Иберийцы.

Во время того же царствования, говорят, уверовали в Христа и Иберийцы[5]. Этот варварский народ многочисленен и весьма воинственен; он обитает несколько к северу от Армении. Иберийцев к остановлению отеческого суеверия расположила одна христианская пленница. Быв совершенно предана вере и благочестию, она и у иноплеменников не оставила обыкновенного своего образа жизни. Любимым ее занятием было поститься, молиться денно и нощно, и благославлять Бога. Варвары спрашивали ее, для чего ей угодно выдерживать это, – и когда она в простоте сердца отвечала, что так именно надлежит чтить Сына Божия, то им показались странными – и имя чтимого, и образ почитания. Между тем случилось там тяжко заболеть одному отроку, – и мать больного, перенося его из дома в дом, показывала всем. У Иберийцев сохранялся этот обычай для того, не найдется ли какого-либо врача, имеющего возможность исцелить страждущего от болезни. Когда отрок, не получивший ни от кого исцеления, был принесен и к пленнице, то она сказала: я не знаю и не употребляю ни мазей, ни пластырей, но верую, что Христос, которого чту и исповедую истинным и великим Богом, спасет твоего сына, – и тот час помолившись о нем, исцелила его от болезни, тогда как он находился уже при смерти. Немного спустя, подобным же образом спасла она и жену повелителя того народа, едва не погибшую от неизлечимой болезни, и преподала ей ведение о Христе, как о подателе здравия, жизни и царства, и о Господе всяческих. Испытав случившееся с собою, она уверовала в истину слов пленницы, приняла христианскую веру и оказывала своей избавительнице великую честь. Царь удивился скорости и чудесности веры и исцеления и, узнав от жены о причине этого, приказал наградить пленницу подарками. Но подарки, отвечала царица, сколь бы они драгоценны ни были, для нее ничего не

значат; она выше всего ставит одно служение своему Богу. Посему, если мы хотим угодить ей и заботимся о безопасной и хорошей жизни; то должны и сами чтить Того всесильного Бога и Спасителя, Который по своему благоволению сохраняет царей на царстве, легко может делать великих малыми, а бесславных – славными, и спасать угнетенных бедствиями. Так как жена благовествовала об этом по видимому часто; то повелитель Иберии пришел в недоумение, однако не совсем убеждался, представляя новость этого дела и питая уважение к отеческому богопочтению. Вскоре после того случилось ему вместе с приближенными быть в лесу на охоте. Вдруг непроницаемый мрак и густой воздух окружил их со всех сторон и покрыл небо и солнце; глубокая ночь и совершенная тьма распространилась по всему лесу. Все бывшие там, каждый боясь за себя, убежали друг от друга, – и царь, оставшись один, как обыкновенно бывает с людьми, не знающими, что делать в затруднительных обстоятельствах, вспомнил о Христе и решился признать, да и впредь признавать его Богом, если освободится от настоящего бедствия. Едва он помыслил об этом, мрак мгновенно рассеялся и воздух получил прежнюю чистоту; солнечные лучи озарили лес, и царь благополучно вышел оттуда. Сообщив своей жене о случившемя, он призвал пленницу и просил ее объяснить, каким образом надобно чтить Христа. Когда же она исполнила это, сколько можно было говорить и делать женщине; то он, созвав подданных и объявив всенародно о случившихся с ним и с его женою божественных благодеяниях, еще до посвящения своего в тайны (Христианства) предподал им учение христианское. Оба они внушали всему народу чтить Христа, – царь мужчинам, а царица вместе с пленницею – женщинам, и вскоре, с общего согласия целого племени, ревностно приступили к построению церкви. Но когда окружность всего храма обнесли они оградою, и потом при помощи машин стали поднимать колонны и утверждать их на основаниях; то, утвердив первую и вторую, при постановке третьей встретили, говорят, великое затруднение; так что ни искусство знатоков, ни сила рабочих не действовали, хотя людей тянувших было множество. Наконец наступил вечер, и у

Церкви осталась одна пленница, которая, проведши там целую ночь, молила Бога о благополучном утверждении колонн, а все прочие разошлись с прискорбием, особенно же царь; ибо колонна, поднятая до половины, осталась в наклонном положении, и нижним концем врывшись в землю, сделалась неподвижною. Но это, подобно чудесам предшествующим, должно было еще более утвердить Иберийцев в вере; ибо на утро пришедши к церкви, они увидели нечто удивительное, похожее на сновидение: колонна, накануне бывшая неподвижною, теперь стояла прямо и висела в небольшом расстоянии над своим основанием. Тут все изумились и Христа исповедали единым истинным Богом. А между тем, как народ продолжал смотреть на это чудо, колонна сама собою тихо опустилась и как-будто искусственно приладилась к своему основанию. После сего прочего колонны легко уже были воздвигнуты, и остальное Иберийцы докончили с великим усердием. Когда же церковь была ими тщательно устроена, они, по совету пленницы, отправили послов к царю Константину и, предложив ему с своей стороны оборонительный и наступательный союз, в вознаграждение за то просили его прислать своему народу священников. Как скоро послы рассказали, что у них случилось и с каким усердием весь народ чтит Христа, римский царь выразил им свое удовольствие и, сделав все по их желанию, отпустил их. Так-то Иберийцы, познав тогда Христа, и доныне усердно чтут Его.

Глава 8

О том, как приняли Христианство Армяне и Персы.

Вслед за тем христианская вера перешла к племенам соседним, и количество исповедников увеличилось. Впрочем Армяне, как я узнал, еще прежде того приняли Христианство. Говорят, что повелитель этого народа Тиридат, после какого-то дивного знамения Божия, случившегося в его доме, и сам сделался Христианином, и всем подданным предписал указом исповедовать ту же веру. Потом уже христианская вера перешла к соседним народам, – и количество исповедников увеличилось. Начало Христианства между Персами положили, думаю, те из них, которые, по случаю взаимных сношений Озройцев и Армян, вероятно, беседовали с тамошними святыми мужами и опытно удостоверились в их добродетели.

Глава 9

О персидском царе Сапоре, как он восставал против Христиан; о персидском епископе Симеоне, и об евнухе Усфазаде, как он совершил подвиг мученичества.

Так как с течением времени (в Персии) стало весьма много (уверовавших во Христа), и они начали делать собрания, имели священников и диаконов; то это сильно обеспокоивало магов, которые, как бы какая священная каста, по преемству родов издревле управляли персидским богослужением, – обеспокоивало также и Иудеев, которые, по ненависти, были как бы природными врагами христианской веры. Они клеветали тогдашнему царю Сапору на Симеона, современного ему архиепископа Селевкии и Ктизифона, важнейших городов в Персии, – будто он благоприятствует римскому кесарю и передает ему о делах персидских. Поверив клеветам, Сапор сперва обременил Христиан неумеренными податями, поколику знал, что многие из них отличаются нелюбостяжательностию, и собрание податей поручил людям грубым, чтобы недостатком в деньгах и жестокостию сборщиков Христиане вынуждены были оставить свое богопочтение, чего он сильно домогался. Потом приказал он священников и служителей Божиих обезглавливать, церкви разрушать, имущество конфисковать, а Симеона привести к себе, как изменника персидского царства и богопочтения. В следствие сего, маги, при содействии Иудеев, усердно разрушали молитвенные дома; а Симеон, схваченный и закованный в железные кандалы, был приведен к царю и при этом случае явился мужем доблестным и твердым; ибо, когда Сапор вознамерился мучить его и приказал ввести к себе, то он и не убоялся, и не поклонился. Царь был сильно разгневан этим и спросил: почему он теперь не поклонился, между тем как прежде кланялся? Потому, отвечал Симеон, что меня прежде не вводили к тебе узником для отречения от истинного Бога, и я, нисколько не сомневаясь, исполнял подобающее царскому

достоинству; а теперь мне не пристояно делать это, ибо я иду страдать за благочестие и наше учение. Выслушав его слова, царь приказал ему поклониться солнцу и если исполнит приказание, обещал осыпать его дарами и почестями, а не исполнит, угрожал погибелью и ему, и всему христианскому племени. Но не боясь угроз и не обольщаясь обещаниями, Симеон оставался твердым, – не соглашался поклониться солнцу и изменить своей вере. Посему царь повелел содержать его в узах, надеясь, что он переменит свой образ мыслей. В то время, как Симеона вели в темницу, старец евнух, воспитатель Сапора и смотритель царского дома, Усфазад, увидев его, встал и поклонился; ибо случайно сидел тогда пред воротами дворца. Но Симеон сделал ему жестокий упрек, выразил свое негодование и, отворотившись, прошел мимо; потому что, быв Христианином, он незадолго пред тем, по принуждению, поклонился солнцу. Евнух тот час начал слезно рыдать, снял с себя светлую одежду, в которой был, и облекшись в черную, как бы во время сетования, сел против царского дома и стал жалобно взывать: увы мне, чего могу ожидать от Бога, которого отрекся, когда и здесь еще прежний друг мой Симеон за это не удостоил меня слова и отворотившись прошел мимо? Узнал об этом Сапор и, призвав его к себе, спрашивал о причине плача, не случилось ли в его доме какого несчастья? В ответ ему Усфазад сказал: Государь! в здешнем моем доме несчастия не случилось. О, если бы вместо того, что произошло со мною, я подвергся другим всякого рода несчастиям; то мне было бы легче: а теперь я плачу о том, что еще живу; давно бы следовало мне умереть, а я и до ныне вижу солнце, которому поклонился наружно, из угождения тебе, а не по собственному расположению. Да, меня надобно лишить жизни по двум причинам, как отступника от Христа и как обманщика пред тобою. Сказав это, он поклялся Творцем неба и земли, что впредь никогда не изменит своему убеждению. Сапор удивился неожиданной перемене евнуха и еще более разгневался на Христиан, думая, что они производят это посредством волшебства. Однакож он расположен был пощадить старца и, представляясь то кротким, то грозным, всячески старался

преклонить его на свою сторону. Когда же не получил ни какого успеха, и Усфазад решительно отвечал, что он уже не будет столь безрассуден, чтобы, вместо Создателя всяческих Бога, чтить Его создание; тогда, воспламенившись гневом, приказал отсечь ему голову. Ведомый для сего палачами, он умолил их подождать немного, как бы хотел сказать нечто царю, и подозвав к себе одного из вернейших евнухов, просил его доложить Сапору следующее: Какую преданность имел я с детства до настоящего времени к вашему дому, Государь, служа с должным усердием твоему отцу и тебе, в том, мне кажется, не нужно приводить свидетелей; это сам ты хорошо знаешь. Итак за все прежние мои услуги вам награди меня одним воздаянием: пусть неведающие не думают, будто я подвергаюся казни за измену против государства, или за какое-нибудь другое преступление. А чтобы это было известно, прикажи глашатаю объявить всем, что Усфазаду отсекается голова отнюдь не за какое-нибудь государственное преступление, но за то, что будучи Христианином, он не мог быть убежден царем к отречению от своего Бога. Евнух донес об этом, – и Сапор приказал глашатаю объявить согласно с просьбою Усфазада; ибо он надеялся, что и прочие Христиане скорее откажутся от Христианства, когда уверятся, что царь не пощадит никого из Христиан, если лишил жизни своего старого воспитателя и верного слугу. А Усфазад просил провозгласить о причине своей казни с тою мыслию, что поклонившись солнцу из угождения (царю), он многих Христиан привел тогда в страх: посему, узнав, что умертвили его за веру, многие из них будут теперь подражателями его мужеству.

Глава 10

О Христианах, умерщвляемых в Персии Сапором.

Таким образом здешнюю жизнь Усфазад окончил славною смертию, – и Симеон, узнав об этом в своей темнице, воздал за него благодарение Богу. На следующий же день, – это был шестой день недели, в который пред праздником воскресения ежегодно совершалось воспоминание спасительного страдания, – царь приказал обезглавить и Симеона; ибо приведенный опять из темницы во дворец, он весьма мужественно говорил Сапору о (христианском) учении, и не хотел поклониться ни ему, ни солнцу. В этот самый день приказано умертвить и других, содержавшихся в темнице в числе ста человек, а после того и Симеона, чтобы он видел смерть всех их. Между сими узниками были епископы, пресвитеры и прочие чины церковного клира. Когда вели их на смерть, то прибыл к ним великий начальник магов и спросил: угодно ли им жить и, исповедуя одинаковое с царем богопочтение, покланяться солнцу? Но на таких условиях никто не согласился продолжать жизнь. Тогда отвели их на место казни для исполнения над ними приговора, – и палачи принялись за свое дело, начали умерщвлять мучеников. Между тем Симеон стоял подле, возбуждал их к мужеству, беседовал о смерти, о воскресении и благочестии, и на основании священного писания доказывал, что истинная жизнь состоят именно в такой смерти и что, напротив, отказаться от Бога по страху – значит истинно умереть; ибо, спустя не много, они умрут и сами собою, без насильственной смерти: таков неизбежный конец всякому смертному. А то, что последует за этим – вечное, будет не одинаково в отношении ко всем людям: они отдадут строгий отчет за здешнюю жизнь, как бы весом, – и каждый за сделанные им добрые дела получит вечную награду, а за противные тому – вечное наказание. Самое же большее и блаженнейшее из всех добрых дел состоит в том, чтобы умереть за Бога. Слушая Симеона, когда он говорил это, будто

руководитель, наставлявший подвижников совершать поприще, каждый из них с радостию шел на заклание. Когда палач кончил убийство ста человек, то в заключение умертвил и самого Симеона, а с ним также Аведехалая и Ананию, престарелых пресвитеров его Церкви, которые вместе с ним были взяты и содержались в узах.

Глава 11

О начальнике Сапоровых художников Пузике.

Здесь же стоял тогда начальник всех царских художников, Пузик. Видя, что Анания, приготовляясь к смерти, трепещет, он сказал: недолго, старец; закрой свои глаза и мужайся, ибо скоро увидишь свет Христов. Едва он выговорил это, как схватили его и привели к царю. Пред царем он исповедал себя Христианином, и за то, что о (христианском) учении и мучениках говорил царю свободно, – с непристойным будто бы дерзновением, приказано умертвить его особенным жесточайшим образом. Палачи проткнули ему шею около сухой жилы, и вытянули туда язык его. По наущению некоторых, тогда же была схвачена и умерщвлена дочь его, девица, посвященная Богу. В следующем году, в тот самый день, когда совершается воспоминание о страданиях Христа и ожидается торжество воскресения Его из мертвых, по всей персидской земле разослано было жесточайшее повеление Сапора, осуждавшее на смерть всех, исповедающих себя Христианами. В то время, говорят, умерщвлено мечем бесчисленное множество Христиан; ибо маги по городам и селениям усердно ловили скрывающихся; а некоторые выдавали себя и сами, добровольно, без всякого принуждения, чтобы чрез молчание не показаться отступниками от Христа. Тогда беспощадно были убиваемы все Христиане, многие даже из придворных, и между ними евнух Азад, к которому царь был весьма расположен. Узнав о его смерти, Сапор очень скорбел и после сего приказал прекратить всеобщее умерщвление (Христиан), а убивать одниих только учителей этого богопочтения.

Глава 12

О сестре Симеона, Тарвуле, и ее мученичестве.

В то же время, по случаю болезни, приключившейся царице, схвачена была и сестра епископа Симеона, посвященная (Богу) дева, по имени Тарвула, с служанкою, провождавшею ту же жизнь, и с сестрою, которая, по смерти мужа, отказавшись от (второго) брака, вела подобный образ жизни. А схвачены они по наущению Иудеев, которые обвиняли их в том, что будто, мстя за смерть Симеона, они отравили царицу ядом. Царица, – так как больные обыкновенно слушают все невероятное, – клевету приняла за истину, тем более, что эта клевета происходила от Иудеев; ибо она держалась одинаковых с ними мыслей, жила по-иудейски и считала их правдивыми и к себе благорасположенными. Схватив Тарвулу и прочих, маги осудили их на смерть и, перепилив на двое пилою, повесили их – с тою целью, чтобы, для отвращения болезни, царица прошла посреди этих вывешенных частей. Говорят, что Тарвула была благообразна и весьма хороша на вид, и что один влюбленный в нее маг, желая склонить ее к постыдной связи, тайно подсылал ей денег и, если она согласится, обещал спасти ее и бывших с нею. Но Тарвула, не обратив и слуха к бесстыдному предложению, осыпала укоризнами и возненавидела распутника. Она охотнее согласилась умереть, чем нарушить девство. Между тем, по силе Сапорова указа, которым, как выше сказано, предписывалось других оставить, а брать одних только священников и христианских учителей, маги и начальники магов, проходя по персидской земле, тщательно преследовали епископов и пресвитеров, особенно же в стране Адиавинской; ибо эта персидская область была наполнена Христианами.

Глава 13

О мученичестве святого Акепсимы и бывших с ним.

В это время схватили они епископа Акепсиму и многих его клириков; но потом рассудив, удовольствовались задержанием одного предстоятеля, а всех прочих отпустили, отняв у них имение. Однакож некто пресвитер Иаков добровольно последовал за Акепсимою и, упросив магов заключить себя в узы вместе с ним, усердно прислуживал старцу, облегчал его страдания, сколько мог, и врачевал его раны. Вскоре по задержании Акепсимы, маги жестоко мучили его сырыми жилами, принуждая поклониться солнцу; но так как он не согласился, то опять заключили его в узы. В то же время за учение христианское содержались в темнице и жестоко были терзаемы магами пресвитеры Аифала и Иаков, и диаконы Азадан и Авдиисус. По прошествии долгого времени, великий начальник магов доложил о них Царю и, получив позволение мучить их, как хочет, если не поклонятся солнцу, объявил узникам об этом повелении Сапора. И так как узники решительно отвечали, что отнюдь не будут изменниками Христу и не поклонятся солнцу; то он подверг их жесточайшим мучениям. Акепсима, мужественно перенося страдания за исповедание веры, скончался, – и некоторые из бывших в Персии армянских заложников, тайно взяв останки его, погребли их. Прочие же, хотя и не менее того были мучимы, но чудесным образом остались живы и, не изменив своей вере, опять заключены в узы. В числе их находился и Афиала, у которого, когда во время бичевания он был растягиваем, сильным растяжением оторвали руки от плеч, так что они висели без жизни, и уже другие подносили пищу к устам его. Во время этого царствования, мученически окончили жизнь бесчисленное множество пресвитеров и диаконов, монахов и священных дев, и других преданных вере служителей Церкви. Епископы, о которых я знаю, были: Варвасим и Павел, Гаддиав и Сабин,

Марея и Мокий, Иоанн и Ормизда, Папа и Иаков, Рома и Маар, Ага и Вохр, Авда и Авдиус, Иоанн и Аврамий, Агдела и Сапор, Исаак и Давса, который был пленником у Персов из страны так называемой Завдейской[6]. В то же время, вместе с хорепископом Марсавдою и его клириками, умерли за веру около двухсот пятидесяти человек, взятых Персами в плен.

Глава 14

О мученичестве епископа Милла, о его образе жизни, и о том что Сапор замучил в Персии до шестидесяти тысяч человек известных, кроме тех, которые неизвестны.

В то же время претерпел мученичество и Милл, который сначала служил в персидском войске, а потом, оставив военную службу, стал вести жизнь апостольскую. Говорят, что, быв рукоположен во епископа одного персидского города, он часто страдал, претерпевал удары и растяжения членов, но, не могши никого убедить к принятию Христианства, огорчился этим, подверг тот город проклятию и удалился оттуда. Спустя немного времени, тамошние начальники совершили против царя преступление, – и прибывшее войско с тремястами слонов разрушило город и, возделав почву его, как ниву, засеяло ее семенами. Между тем Милл, взявший с собою только суму, в которой хранил священную книгу Евангелий, отправился в Иерусалим на богомолье, а оттуда в Египет, чтобы видеть тамошних монахов. Какие потом совершил этот муж чудные и божественные деяния, о том свидетельствуют ученики сирских пустынников, описавшие дела и жизнь его: а для меня довольно, думаю, и того, что уже сказано как о нем, так и о других персидских мучениках в царствование Сапора. Да и кто мог бы исчислить все, с ними случившееся, и рассказать, кто они были и откуда, как совершили мученичество и какие претерпели страдания; ибо у Персов, отличающихся жестокостию, способы мучений разнообразны. Вообще говорят, что тогда сделались мучениками до шестидесяти тысяч мужчин и женщин, известных по именам; а не поименнованным и числа нет. Поэтому пересказать их названия было трудно для самых жителей Персии, Сирии и Эдесы, которые прилагали к тому особенную заботливость.

Глава 15

О том, как Константин писал Сапору о прекращении гонения на Христиан.

Когда римский царь, Константин, узнал о бедствиях Христиан в Персии, то почувствовал великую скорбь и досаду. Он желал помочь им, но не знал, как поступить, чтобы и они жили спокойно. Случилось, что в то время прибыли к нему послы царя персидского. Соизволив на их прошение и сделав им угодное, он отпустил их и, этот случай для ходатайствования пред Сапором о персидских Христианах находя благоприятным, написал к нему письмо, в котором выражал, что он получит право на величайшую и беспредельную его благодарность, если будет оказывать человеколюбие к чтителям Христианской веры в своем государстве. Да в образе их богопочтения, говорил, и нет ничего предосудительного; потому что они довольствуются только бескровными молитвами для умилостивления Бога, Которому не угодно пролитие крови, но приятна одна чистота души, стремящейся к добродетели и благочестию. Верующие таким образом даже достойны похвалы. Потом он доказывал, что за покровительство этой вере, Сапор и сам будет пользоваться милостью Божиею, и в пример приводил случившееся с Валерианом и с собою; ибо за веру во Христа, говорил, получая божественную помощь свыше, он покорил под свою власть, начиная с западного океана, всю римскую империю, и счастливо окончил многие войны как с иноплеменными народами, так и с современными себе тиранами. Для сего не нужно было ему ни жертвоприношений, ни каких-либо гаданий: чтобы победить, он довольствовался знамением креста впереди своих войск и молитвою, без крови и скверны. Даже и Валериан, пока не оскорблял Церквей, – продолжал царствовать благополучно; а как скоро задумал произвести гонение на Христиан, – гнев Божий предал его Персам, у которых в плен он бедственно окончил жизнь свою. Так писал Константин Сапору, стараясь внушить ему

благосклонность к христианской Вере; ибо он имел великое попечение о всех вообще Христианах, римских и иноплеменных.

Глава 16

О том, как последователи Ария, Евсевий и Феогнис, дали письменное уверение в своем согласии с Собором никейским и получили обратно свои престолы.

Спустя немного после никейского Собора, Арий, сосланный в ссылку, был возвращен, но вступить в Александрию еще не мог. О вступлении его в Египет, как будет сказано в свое время, всячески старались уже впоследствии. Вскоре также обратно получили свои церкви – Евсевий никомидийский, изгнав рукоположенного на свое место Амфиона, и Феогнис никейский, изгнав Христа. Они возвращены после того, как прислали епископам письменное раскаяние следующего содержания: «Осужденные вашим благоговением, мы должны бы молчаливо переносить приговор святого суда вашего: но так как молчанием безрассудно подавать повод к клевете на себя; то доносим, что мы сошлись (с вами) в вере и, рассмотрев значение единосущия, ни в чем не следуем ереси, – совершенно склонились к миру. Для безопасности Церквей, припоминая все, представлявшееся нашему уму, мы тогда же удовлетворились и, вместе желая удовлетворить тем, которые чрез нас должны были убедиться в вере, подписали символ, а анафематствования не подписали, – не потому, что осуждали веру, но потому что не верили, будто осужденный действительно таков, ибо частно – из его к нам посланий и из личных бесед с ним ясно видели, что он не таков. Если же святой Собор ваш и тогда удостоверился, что мы не противимся вашим приговорам, но соглашаемся с ними; то теперь мы и письменно подтверждаем это согласие, и побуждаемся к тому не тягостью ссылки, а желанием освободиться от подозрения в ереси: ибо как скоро вы удостоите ныне нас свидания с собою, то увидите, что мы во всем согласны с вашими определениями. Когда уже вашему благоснисхождению угодно было удостоить человеколюбия и вызвать из ссылки того, кто был первый

осужден в этом; то после человека, казавшегося виновным, а потом вызванного и оправдавшегося в том, в чем он был обвиняем, – после этого человека нелепо было бы нам молчать и давать повод к обличению самих себя. Итак, с свойственным вам христолюбивым благоснисхождением, благоволите напомнить об этом самому боголюбивейшему царю и, представив ему наше прошение, произнесите поскорее благоприличное вам о нас суждение». Раскаявшись таким образом, Евсевий и Феогнис обратно получили свои престолы.

Глава 17

О том, что, по смерти Александра александрийского, согласно с его избранием, на епископский престол восходит Афанасий. Рассказ о его детстве, и о том, как он самоучкою совершал священнические действия и был любим Великим Антонием.

Около того же времени александрийский епископ Александр, отходя от этой жизни, оставил преемником своим Афанасия, и к сему мнению приведен был, думаю, волею Божиею; ибо Афанасий, говорят, пытался уйти и принял епископство нехотя, по принуждению Александра. Об этом свидетельствует Аполлинарий сириянин, говоря так: «Нечестие не медлит враждовать и после сего: сначала оно вооружилось против блаженного учителя этого мужа, которому содействовал он, как сын отцу, а потом и против него самого, когда, несмотря на многократное бегство, ему пришлось сделаться преемником епископства. При помощи Божией, он был найден; равно как, по божественному же указанию, блаженный муж избрал его, а не кого другого, своим преемником, когда передавал ему епископство. Отходя от сей жизни и уже кончаясь, он призывал Афанасия по имени; но Афанасий был в отсутствии. Находившийся тут другой соименный отозвался на зов епископа; но он ничего не говорил ему, так как не его разумел, и опять стал звать. Повторив это несколько раз, блаженный Александр не отвечал присутствовавшему, но обращался к отсутствовавшему, и наконец пророчески сказал: «Афанасий! ты думаешь избегнуть, но не избегнешь, – давая этим знать, что призывал его на подвиги». Так пишет Аполлинарий об Афанасие. А последователи арианской ереси говорят, что, по смерти Александра, единомышленники Александровы и Мелетиевы вступили во взаимное общение и, собравшись из Фиваиды и всего Египта в числе пятидесяти четырех епископов, с клятвою согласились общим голосом избрать правителя

александрийской церкви; но из них семь предстоятелей, нарушив клятву, вопреки мнению прочих, тайно рукоположили Афанасия, – и вот почему многие из народа и из египетских клириков не вступали с ним в общение. Я же уверен, что этот муж, как человек, способный говорить, мыслить и противиться козням, достиг первосвященства не без Божия внушения: то время имело нужду именно в таком предстоятеле. Он был особенно предан Церкви и весьма способен к священству, что обнаружил еще в детстве, – так сказать, самоучкою; ибо, когда не достиг еще зрелого возраста, с ним, говорят, случилось следующее: александрийцы и доныне всенародно и очень торжественно совершают ежегодное празднество в день мученической смерти бывшего у них епископа Петра. Празднуя этот день, тогдашний предстоятель церкви Александр, по окончании литургии, поджидал к себе тех, которые имели с ним обедать и, быв один, смотрел на море. В это время вдали на берегу заметил он отроков, игравших и представлявших епископа и церковные обряды. Пока в этом подражании не видел он ничего предосудительного, то забавлялся зрелищем и утешался действиями; но как скоро они начали представлять и совершение таинств, то обеспокоился и призвав высших клириков, указал им на отроков. По приказанию Александра, отроки были взяты и приведены к нему, – и он спросил, что это у них за игра, и что в ней говорят они и делают? Дети от страха сперва запирались; но когда он погрозил им наказанием, то признались, что Афанасий был у них епископом и распорядителем, и что он крестил некоторых, еще непосвященных детей. Александр тщательно расспросил их, что говорил им и делал священствовавший в игре, и что они отвечали, или чему научились, – и открыв, что ими соблюдено в точности все церковное чиноположение, вместе с бывшими тут священниками рассудил, что детей, однажды удостоившихся в простоте получить божественную благодать, перекрещивать не следует, все же прочее, что могут исполнять только посвященные тайноводители, сам он совершил над ними. Потом Афанасия и прочих детей, которые в игре представляли пресвитеров и диаконов, передал родителям их, взяв с них

клятву пред Богом, что они воспитают их для Церкви и приготовят к тому, чему те подражали. А спустя немного, Афанасий жил уже у него и был его письмоводителем. Под благим руководством Александра, он получил воспитание у грамматиков и риторов и, достигши зрелых лет, еще до епископства являл себя пред собеседниками мужем мудрым и красноречивым. По смерти же Александра, который оставил его своим преемником, слава Афанасия, основанная на собственных его добродетелях и на свидетельстве монаха Великого Антония, возросла еще более; ибо когда Афанасий приглашал его, он повиновался, вместе с ним посещал города, обходил Церкви, и его учение о Боге подтверждал собственным мнением, во всем был ему другом и отвращался от его врагов и ненавистников.

Глава 18

О том, что Афанасия сделали славным ариане и мелетиане, также о Евсевие, как он побуждал Афанасия принять Ария, и о слове «единосущный» как о нем больше всех спорили Евсевий Памфилов и Евстафий антиохийский.

Но особенно славным сделали его единомышленники Ария и Мелетия, поколику непрестанно строили ему козни и никогда не могли справедливо обвинить его. Сперва писал к нему Евсевий и в своих письмах старался расположить его к принятию последователей Ария; если же не послушается, то грозился неписьменно сделать ему зло. Но (Афанасий) не соглашался на это, утверждая, что изобретатели ереси для искажения истины, – люди, низверженные никейским Собором, приняты быть не могут. Тогда никомидийский епископ старался убедить самого царя и чрез него открыть Арию доступ (в Церковь). Впрочем, как это происходило, я скажу несколько ниже. В то же время епископы снова начали спорить между собою о смысле слова «единосущный»: одни порицали принимавших его, поколику единосущники как будто отвергали самостоятельное бытие Сына и мыслили одинаково с Монтаном и Савеллием; а другие отвращались от первых, как от язычников, и обвиняли их в многобожии. Но больше всех спорили об этом Евсевий Памфилов и Евстафий антиохийский. Оба они допускали личность сына Божия, и однако ж, не понимая сами себя, обвиняли друг друга: Евстафий винил Евсевия в искажении никейского учения об упомянутом догмате; а Евсевий утверждал, что он одобряет это учение, и приписывал Евстафию мнение Савеллия.

Глава 19

Об Антиохийском Соборе и о том, как несправедливо низложен был Евстафий, а Евфроний занял его престол, и что Великий Константин писал Собору и Евсевию Памфилову, когда последний отказался от антиохийского престола.

На Соборе, составленном в Антиохии, Евстафий лишен антиохийского престола, – на самом деле, как многие говорят, за то, что он одобрял никейскую Веру, а от приверженцев Евсевиевых, епископа тирского Павлина и скифопольского Патрофила, которых мнению следовали епископы Востока, как от единомышленников Ария, отвращался и явно порицал их. Но предлог был тот, что будто бы он посрамил свое священство непристойными делами. По случаю его низложения, в Антиохии произошло величайшее возмущение; так что чернь едва не взялась за оружие и не подвергла опасности целого города. Это самое много повредило Евстафию в глазах царя; ибо узнав о случившемся и о том, что антиохийские христиане разделились на две партии, царь весьма разгневался и подозревал, что виновник возмущения был он. Впрочем, посылая туда одного из отличных своих военачальников, Константин приказал ему только постращать простой народ и потушить возмущение без тревоги и вреда. Между тем епископы, собравшиеся в Антиохию для низложения Евстафия, рассчитывали, что если предстоятелем тамошней Церкви сделают они кого-либо из своих единомышленников, который был бы известен царю и славился ученостью; то к ним легко присоединятся и все прочие. По этой причине они признали за благо вверить антиохийский престол Евсевию Памфилову, и написали о том царю, донося, что это будет весьма приятно и народу; ибо такого именно избрания требуют те из клира и народа, которые враждовали против Евстафия. Но Евсевий, посредством собственного послания к царю, отказался от предлагаемого ему

престола, – и царь одобрил отказ его; потому что лицу, сделанному предстоятелем одной Церкви, церковное правило запрещало переходить на другую епископию. В ответном письме к Евсевию Константин принял его мнение, а самого назвал блаженным, достойным епископства не в одном только городе, но во всей вселенной. Писал он и к народу антиохийской Церкви – о единодушии, и о том, что не должно избирать епископа, управляющего другими; ибо не хорошо желать чужого. Кроме этих писем, царь послал особое и к Собору, в котором удивлялся отказу Евсевия, равно как и в письме к самому Евсевию, и зная о каппадокийском пресвитере Евфроние и арефузском Георгие, как о мужах, по вере отличных, приказал рукоположить в предстоятеля антиохийской Церкви либо из них, кого заблагорассудят, либо другого достойного. Получив послание царя, епископы рукоположили Евфрония. А Евстафий, сколько я знаю, спокойно перенес это оскорбление – в совершенной уверенности, что так будет лучше. Он был муж, сколько добрый и отличный во всем другом, столько же удивительный и по своему красноречию, что можно видеть и из оставшихся после него сочинений, отличающихся древнею важностью выражения, целомудренностью мыслей, изяществом слов и благостью проповеди.

Глава 20

О Максиме, преемнике Макария на Иерусалимском престоле.

Около того же времени, на римский престол после Марка, который недолго был преемником Сильвестра, вступил Юлий, а на Иерусалимский после Макария, Максим. Говорят, что он был рукоположен Макарием в епископа Церкви диосполисской; но жители Иерусалима удержали его, потому что, как исповедник и муж во всем превосходный, он одобрительным приговором народа предназначен был, по смерти Макария, занять тамошнюю епископию. Так как народ не хотел лишиться того, коего добродетели были ему известны, и угрожал возмущением; то признано за благо – для диосполитян избрать другого епископа, а Максима оставить в Иерусалиме, чтобы он священствовал вместе с Макарием, и после его смерти вступил в управление тамошнею Церковью. Впрочем, надобно заметить, что это постановлено, поколику домогательство народа было по мысли Макария; ибо рассказывают, что рукоположив Максима, он раскаялся, – зачем такого мужа, который правильно мыслил о Боге и за свое исповедание угоден народу, не сберег в преемники самому себе. Макарий опасался, как бы арианствующие приверженцы Евсевия и Патрофила, по смерти его, не воспользовались случаем возвести на иерусалимский престол своего единомышленника, – тем более, что и при его жизни они решались уже на нововведения, но, быв отлучены им, оставались в покое.

Глава 21

О мелетианах и арианах, как они взаимно соединились, также о Евсевие и Феогнисе, как они опять стали распространять арианскую ересь.

Между тем у Египтян прежние споры еще не прекратились: ибо хотя на никейском Соборе, арианская ересь совершенно низвержена, а единомышленники Мелетия, на вышесказанных условиях, приняты, и Мелетий, по возвращении Александра в Египет, сдал ему все церкви, которые противозаконно присвоил себе, а сам проживал в Лике; однако ж спустя, немного времени, пред концом своей жизни, вопреки определению никейского Собора, он поставил вместо себя одного из своих приближенных, Иоанна, и таким образом сделался опять виновником беспорядка в управлении Церквами. Видя нововведения мелетиан, и ариане стали возмущать Церкви, – и, как при подобных смятениях обыкновенно бывает, – одни удивлялись учению Ария, а другие, считая справедливым, чтобы и рукоположенные Мелетием предстоятельствовали в Церквах, присоединились к ним. Те и другие сперва находились во взаимном несогласии, но когда увидели привязанность народа к священникам кафолической Церкви; то начали завидовать им, примирились между собою и стали питать общую вражду к александрийскому клиру. Разговаривая с кем-либо, они не различались в высказывании обвинений и оправдывании себя, так что, с течением времени, в Египте многие последователей Ария называли мелетианами, хотя мелетиане разногласили с кафолическою Церковью только предстоятельством, а ариане – Ариевым учением о Боге. Правда, собственно говоря, они не согласны были и между собою, и согласились только в общении вражды: но каждая сторона свои убеждения относительно другой тщательно скрывала и чрез то надеялась удобнее достигнуть своих целей. Вероятно, уже впоследствии, чрез частое собеседование о

подобных предметах, заняли они от ариан самое их учение и стали одинаково с ними мыслить даже о Боге. Таким образом арианство снова сделалось причиною смятений: народ и клир начали прерывать взаимное общение, – и вражда за Ариевы мнения возгорелась не только в Александрии, но и в других городах, особенно же в Вифинии, Геллеспонте и Константинополе. Говорят, что Евсевий, епископ никомидийский и Феогнис никейский, подкупив того, кому царь вверил для хранения акты никейского Собора, изгладили в них свои подписи и стали открыто утверждать, что Сына не должно признавать единосущным Отцу. Когда Евсевий подвергся за это обвинению; то, представ пред царя, обнаружил, говорят, великое дерзновение и, указывая на какую-то часть своей одежды, сказал: если бы эта одежда теперь же при моих глазах разделилась на две части, – я и тут не стал бы утверждать, что они одного и того же существа. Царь выслушал это с особенным негодованием, ибо думал, что после никейского Собора исследования подобного рода оставлены, а теперь сверх чаяния увидел, что они снова возникают. Евсевий и Феогнис не менее оскорбили его и тем, что вступили в общение с некоторыми александрийцами, которым, как неправомыслящим, Собор предписал покаяние, и которых, как виновников разномыслия, повелел изгнать из отечества и отправить в ссылку. За это-то, говорят, разгневался царь на Евсевия и Феогниса и осудил их на изгнание. Впрочем об этом я писал и выше, что слышал от людей, которым сии события подробно известны.

Глава 22

О том, какие козни против святого Афанасия безуспешно строили ариане и мелетиане.

Они первые были виновниками всех бедствий, которым подвергался Афанасий; ибо, имея величайшее дерзновение и силу пред царем, старались единомышленника и друга своего Ария ввести в Александрию, а противившегося им Афанасия изгнать из Церкви. С этою-то целью начали они клеветать Константину, будто Афанасий – причина всех беспокойств и смятений в обществе верующих, потому что он отвергает желающих вступить в Церковь; между тем как, если бы это было дозволено, – все пришли бы к единомыслию. Истину такой клеветы на него подтверждали равным образом многие из епископов и клириков (преемника Мелетиева) Иоанна. Часто приходя к царю, себя выдавали они за православных, а Афанасия и его епископов обвиняли в убийствах, узах, несправедливых побоях, ранах, и сожжении церквей. Когда же и Афанасий с своей стороны представил царю объяснение, в котором сообщников Иоанна обвинял в противозаконных рукоположениях, в искажении никейских определений, в неправой вере, в возмущениях и оскорблении людей, правомыслящих о Боге; то Константин пришел в недоумение, – кому верить. Между тем как они таким образом обвиняли друг друга и множество обвинителей с обеих сторон толпилось у царя то и дело, – он, сильно движимый заботливостью о единомыслии народов, письменно повелел Афанасию ни для кого не заключать церкви: если же и после сего будет донесено ему об этом, то грозил немедленно послать человека, – с приказанием изгнать Афанасия из Александрии. А кому угодно прочитать самое послание царя, для того предлагаем следующий из него отрывок: «Имея доказательство моей воли, позволяй беспрепятственно вступать в Церковь всем, кто желает вступить в нее. Если же узнаю, что ты воспрепятствовал кому-нибудь, ищущему общения с Церковью, или возбранил

вход в нее, – тотчас пошлю низложить тебя по моему повелению и вывести из тех мест». Однако ж, так как Афанасий ответным посланием убедил царя, что арианам нельзя даровать общение с кафолическою Церковью; то Евсевий увидел, что он не достигнет своей цели, пока Афанасий будет ему противодействовать, а потому решился употребить все средства к его низвержению. Но не имея сам достаточного предлога для исполнения такого умысла, он обещал мелетианам свое покровительство пред царем и людьми, у царя сильными, если они согласятся обвинить Афанасия. Отсюда-то проистекла первая на него клевета, будто он наложил на Египтян подать льняными одеждами и такой же подати требовал от самих обвинителей. Впрочем случившиеся здесь пресвитеры александрийской Церкви, Апис и Макарий, постарались доказать ложь этого обвинения. Когда же, но упомянутой причине, Афанасий был вызван, – на него доносили еще, будто, строя козни самодержцу, он послал ящик золота некоему Филумену[7]. Но царь отверг клеветы обвинителей, позволил Афанасию возвратиться домой, и в послании к александрийскому народу, свидетельствуя о высокой его честности и правой вере, говорил, что ему приятно было беседовать с этим мужем и убедиться, что он человек Божий, что он претерпел обвинения по зависти и явился выше своих обвинителей. Кроме того, узнав, что многие из Египтян продолжают ссориться по поводу мнений Ария и Мелетия, он своим письмом увещевал народ обратиться к Богу и, вразумляясь Его судом, иметь благорасположение друг к другу, а нарушителей единомыслия их преследовать всеми силами. Так писал царь к обществу (Христиан)! так призывал всех к взаимному согласию и предотвращал расторжение Церкви!

Глава 23

О клевете на святого Афанасия из-за руки Арсения.

Не успев в первых своих попытках, мелетиане стали вымышлять против Афанасия новые доносы, будто, например, он разбил священную чашу, или еще, – будто он убил некоего Арсения и, отсекши у него руку, хранил ее у себя для волхвования. А этот Арсений, говорят, был клирик, совершивший преступление и скрывавшийся, с целью избегнуть наказания по суду епископа. Таким-то случаем воспользовались клеветники Афанасия, чтобы взнести на него крайне тяжкое обвинение. После тщательных поисков, они нашли Арсения и, обласкав его, обещали ему всякое покровительство и безопасность, и тайно отправили его к одному из своих друзей, принимавшему участие в их замыслах. Это был пресвитер одного монастыря, по имени Прин. Скрыв у него Арсения, они нарочито ходили по площадям и собраниям людей сановных и разглашали, будто он умерщвлен Афанасием. К такому обвинению настроен был и один монах Иоанн[8]. Когда столь срамная молва распространилась между многими, так что достигла и до слуха царя; то Афанасий рассудил, что если он подвергнется клевете и по этому делу, то ему трудно будет защищаться пред судьями, предзанятыми такою молвою, а потому решился противодействовать козням врагов и, по возможности уверяя всех, старался, чтобы клевета не затмила истины. Но уверять было нелегко, когда Арсения не оказывалось. Посему размыслив, что освободиться от подозрения он может не иначе, как доказав, что мнимо убитый жив, он поручил одному из своих приближенных вернейшему диакону отыскать его. Диакон отправился в Фиваиду и, по указанию некоторых монахов, узнал, где находится Арсений. Но прибыв к Прину, у которого он скрывался, самого Арсения не нашел; ибо узнав заблаговременно о прибытии диакона, они переместили его в нижний Египет. По крайней мере взял он

Прина и привез его в Александрию; взял также вместе с ним и одного из сообщников их Илию, который, говорят, перевел Арсения в другое место. Оба они, быв представлены начальнику египетских военных отрядов, засвидетельствовали, что Арсений находится в живых, и что прежде он скрывался у них, а теперь проживает в Египте. О всех этих событиях Афанасий поспешил уведомить Константина. Царь отвечал ему, чтобы он продолжал тщательно исполнять обязанности священства и пещись о благочинии и благочестии народа, а на клеветы мелетиан не обращал внимания; ибо и сам он хорошо знает, что к составлению столь лживых и невероятных доносов и к произведению смятений в Церкви побуждает их зависть, и что впредь им не позволят этого. Если же они не успокоятся, будут судить их законами гражданскими и накажут не только как людей, несправедливо взносящих клеветы на невинных, но и как нечестивых нарушителей церковного благочиния и благочестия. Написав это к Афанасию, царь приказал прочитать свое послание в общем собрании, чтобы волю его могли знать все. Устрашенные единомышленники Мелетия, опасаясь угрозы царя, несколько успокоились. И так Церковь была умиротворена и, управляемая попечением столь великого архипастыря, от присоединения к ней многих языческих обществ и еретических сект, ежедневно становилась обширнее.

Глава 24

О том, что в то время чрез пленников, Фрументия и Эдессия, приняли Христианство и народы внутренней Индии.

Известно нам, что около того же времени приняли Христианство и жители внутренней, так называемой у нас Индии. Проповедь Варфоломея не достигла их; они обращены к вере во Христа Фрументием, который был у них священником и проповедником божественного учения. А чтобы знать, что и у Индийцев этот необыкновенный случай, – принятие христианской Веры, зависел не от человеков, как полагают некоторые вольнодумцы, – необходимо рассказать о причине, по которой рукоположен был Фрументий. Эта причина – следующая: знаменитейшие греческие философы имели обыкновение посещать неизвестные места и города. Так друг Сократа, Платон, ездил к Египтянам – с целью заимствовать от них познания, и путешествовал в Сицилию, желая видеть тамошние кратеры, из которых, будто из источника, всегда сам собою выходит огонь, и которые иногда, переполняясь им, извергают из себя подобие реки и пожирают близлежащую землю, так что многие поля еще доныне представляются сожженными и неспособными ни к посеву, ни к произрастанию дерев, подобно тому, как говорят о земле содомской. Эти кратеры посетил и славный греческий философ Эмпедокл, изложивший свое учение героическими стихами. Исследуя причину извержения огня, либо может быть этот род смерти находя лучшим, либо, справедливее сказать, и сам не зная, для чего таким способом преждевременно лишается жизни, он бросился в огонь и погиб. Также и Демокрит косский посетил весьма много городов, климатов, стран и народов и, как сам говорит, провел на чужой стороне около восьмидесяти лет. Кроме этих, то же делали и некоторые другие мудрецы Греции, древние и новые. Подражая их примеру, некто философ из Тира финикийского, Меропий, прибыл в Индию. Ему сопутствовали

два отрока, Фрументий и Эдессий, оба его родственники, которых он учил наукам и руководил мудрыми наставлениями. Обозрев в индийской земле все, что там было, он отправлялся уже в обратный путь на корабле, плывшем в Египет. Случилось, что, когда корабль, по недостатку воды или других припасов, вступил в одну пристань, туземные Индийцы напали на него и перебили всех, не исключая самого Меропия, – ибо тогда расторгли они союз с Римлянами, – но отроков, сжалившись над их молодостью, взяли живыми и привели к своему царю. Царь младшего из них сделал виночерпием, а старшего, Фрументия, – смотрителем своего дома и распорядителем имущества, потому что нашел в нем благоразумие и способность к подобным распоряжениям. Так как они в течение продолжительного времени оказывали себя людьми полезными и верными; то царь, умирая, при жене и сыне наградил преданность их свободою и позволил им жить, где угодно. Они хотели было возвратиться в Тир к своим родственникам, но так как сын царя был еще весьма молод; то мать его просила обоих юношей остаться на несколько времени и принять на себя управление царством, пока сын ее достигнет мужеского возраста. Уважив просьбу царицы, они стали управлять делами царства и начальствовать над Индийцами. Фрументий, может быть, побуждаемый божественными видениями, или, при помощи Божией, и сам собою начал разузнавать, нет ли в Индии Христиан, либо между иностранными купцами кого-нибудь из Римлян. Тщательно отыскивая таких людей, он приглашал их к себе, принимал приветливо и благосклонно, убеждал сходиться вместе для молитвы и составлять собрания по обычаю Римлян, и увещевал непрестанно совершать служение Богу, для чего построил и молитвенные домы. Когда же сын царя достиг зрелого возраста; то они отпросились у него и у царицы, которые неохотно отпускали их, и расставшись с ними дружелюбно, прибыли в римскую империю. Эдессий отправился в Тир для свидания с родственниками, где впоследствии удостоился сана пресвитерского; а Фрументий, отложив на несколько времени возвращение в Финикию, прибыл в Александрию: ибо ему казалось непристойным – отечество и

родство предпочитать попечению о делах божественных. Там увидевшись с предстоятелем александрийской Церкви Афанасием, он рассказал ему о делах Индийцев и объяснил, что для них нужен епископ, который имел бы попечение о тамошних Христианах. Афанасий, созвав туземных священников, посоветовался с ними об этом и в епископа страны индийской рукоположил самого Фрументия, как мужа достойнейшего и способнейшего распространить веру между теми, которым он первый открыл имя христианское и в которых посеял семена веры. Посему Фрументий снова возвратился к Индийцам и, говорят, с такою славою исполнял свои священные обязанности, что все знавшие его удивлялись ему и прославляли его не менее Апостолов. Притом и сам Бог прославил его, совершив чрез него много дивных исцелений, знамений и чудес. Таково было начало епископства у Индийцев[9].

Глава 25

О тирском Соборе и незаконном низложении святого Афанасия.

Между тем козни врагов снова наделали Афанасию много беспокойств, возбудили против него гнев царя и вызвали толпу обвинителей. Волнуемый ими, царь приказал быть Собору в Кесарии палестинской, куда звали и Афанасия: но Афанасий опасаясь, злобы тамошнего епископа Евсевия, также Евсевия никомидийского и его приверженцев, не явился. В то время, несмотря на принуждение, он промедлил около тридцати месяцев; но после, когда стали сильнее требовать его прибытия, приехал в Тир, где собрались многие из восточных епископов и приказывали ему оправдываться против обвинений. Со стороны Иоанна, обвиняли его – епископ Каллиник и некто Исхирион, будто он сломал таинственную чашу и ниспроверг епископский престол, и будто самого этого Исхириона, который был пресвитером, часто содержал в узах и, оклеветав его пред правителем Египта Игином, что он бросал камни в царские изображения, заключил в темницу; а Каллиника, бывшего епископом кафолической церкви в Пелузе и находившегося в общении с Александром, низложил за то, что он отказывался иметь с ним такое же общение, пока не рассеется подозрение касательно разбития таинственной чаши. Обвинители говорили еще, будто пелузийскую Церковь Афанасий вверил какому-то лишенному сана пресвитеру Марку, а самого Каллиника предал пыткам военной стражи, побоям и судилищам. Афанасия обвиняли также преданные Иоанну епископы: Евпл, Пахомий, Исаак, Ахиллес и Ермеон, говоря, что он наносил им удары; а все вообще клеветали, что он достиг епископства вероломством немногих, вопреки общему согласию – не рукополагать никого, пока не получат ответа на свои жалобы. Посему обманутые тогда же отказались от общения с ним; а он не хотел убеждать их, но принуждал силою и заключал в темницы. При этом пущено было в ход и дело

касательно Арсения и, – как в составляемых тщательно кознях обыкновенно бывает, – некоторые даже из мнимых друзей, неожиданно явились обвинителями. Читана была также рукопись всенародной жалобы, будто александрийские христиане из-за Афанасия не могут собираться в Церковь. Афанасий принужден был защищаться и, часто приходя в судилище, одни обвинения опровергал, а для ответа на другие требовал отсрочки. Он находился в крайнем затруднении, видя, что судьи благоприятствуют обвинителям, что многие свидетели выведены против него из числа единомышленников Ария и Мелетия, и что клеветники удостоены прощения в том самом, в чем обвиняли его, – особенно же по делу Арсения, у которого будто бы он отсек руку для волхвования, и по делу какой-то женщины, которой будто бы он давал подарки из видов постыдных, и ночью обесчестил ее. Оба эти обвинения оказались смешными и исполненными клеветы; ибо когда в собрании епископов женщина высказывала свое обвинение, – состоявший при Афанасие александрийский пресвитер Тимофей, по тайному с ним соглашению, подошел к ней и сказал: так я причинил тебе насилие, женщина? – Она отвечала: а разве не ты? – и указала на время и место преступления. Арсения же вывел он на средину и, показав судьям обе его руки целыми, просил их судить самих обвинителей за ту руку, которая была принесена ими; – ибо этот Арсений, либо по внушению свыше, либо потому, что скрываясь, как говорят, от врагов Афанасия, узнал, какой опасности из-за него подвергается епископ, и убежав ночью, накануне суда прибыл в Тир. Из этих двух обвинений, опровергнутых так, что не требовалось боле никакого оправдания, первое не находится в соборных актах, – думаю, потому, что признано неприличным столь постыдное и смешное дело приписывать Собору. Касательно же второго, в оправдание обвинителям поставлено их показание, что некто Плусиан, один из подчиненных Афанасию епископов, по его приказанию, сожег дом Арсения, а его самого, привязав к столбу, высек ремнями и заключил в тесной комнате, откуда он ушел чрез окно и долго скрывался от поисков. Поелику же сыщики нигде не находили его, то и сочли

умершим; а епископы Иоанновы, ревнуя о нем, как о муже знаменитом и исповеднике, требовали его чрез сношение с властями. Видя все это, Афанасий начал бояться и питать подозрение, как бы клеветники, нашедши благоприятный случай, не умертвили его тайно. После многих заседаний, совет сделался наконец шумным и мятежным: обвинители и люди, толпившиеся в судилище, кричали, что Афанасия непременно надобно низвергнуть, как волшебника, обидчика и человека, недостойного священства. Поэтому лица, поставленные царем для соблюдения благочиния на Соборе, опасаясь, чтобы они, как обыкновенно бывает во время возмущений, не бросились на обвиняемого епископа и не умертвили его собственными руками, тайно вывели его из судилища. После сего, находя не безопасным для себя оставаться в Тире, и судиться с толпою обвинителей пред враждебными себе судьями, Афанасий удалился в Константинополь. Тогда Собор осудил его заочно, низложил с епископства и запретил ему впредь жить в Александрии, чтобы, находясь там, он, как говорили, не производил беспокойств и возмущений, Иоанна же и всех приверженцев его, как пострадавших несправедливо, принял в общение и каждому из них возвратил занимаемое им место в клире. Потом об этих деяниях члены Собора донесли царю и относились ко всем епископам, чтобы с Афанасием они не имели общения, не писали к нему и не принимали грамот от него, как обличенного в том, о чем уже слышали, а чрез бегство оказавшегося виновным и в тех обвинениях, которые не доказаны. К такому мнению, по смыслу послания, они приведены следующими причинами: во-первых, им было неприятно, что, когда, в прошедшем году, царь повелел восточным епископам собраться в Кессарию, Афанасий не приехал, хотя знал, что долговременное ожидание затруднительно для Собора и что чрез это он пренебрегает повеление государя. Потом, когда многие епископы собрались в Тир, он прибыл туда в сопровождении многочисленной свиты и производил на Соборе волнения и тревоги, то отказываясь оправдываться, то порицая лично каждого епископа, то не слушаясь, когда они призывали его, то не желая подчиниться

суду. Члены Собора объявляли также, что Афанасий яснейшим образом обличен в сокрушении таинственной чаши, и приводили в свидетели – Феогниса, епископа Никейского, Мариса Халкидонского, Феодора Ираклейского, Валента, Урзакия и Македония, которых они посылали в Египет для открытия истины в том самом селении, где, по сказанию, сломана была чаша. Это-то писали члены Собора, – и каждый пункт обвинения изложили судебным порядком, стараясь свою клевету обделать с некоторым искусством. Впрочем многим присутствовавшим на Соборе иереям этот суд показался несправедливым. Говорят, что бывший там исповедник Пафнутий, взяв за руку иерусалимского епископа Максима, встал и сказал: мы исповедники, которым за благочестие избодены очи и подрезаны колена, не должны принимать участия в совещании людей лукавых.

Глава 26

Об иерусалимском храме, который построен Константином Великим на Голгофе, и об освящении его.

В это время, около третьего десятилетия царствования Константинова, отстроен был в Иерусалиме, на краниевом месте, храм, называемый храмом мучеников (marturion), – и в Тир прибыл от царя Мариан, вельможа, царский скорописец, – с посланием к Собору, которым повелевалось епископам немедленно отправиться в Иерусалим для освящения тамошнего храма. Царь еще прежде имел это намерение, но счел нужным сперва созвать епископов в Тир, чтобы они оставили враждебные друг к другу отношения и, освободившись уже от несогласий и неудовольствий, отправились для освящения храма; ибо к такому торжеству весьма идет единомыслие иереев. И так они прибыли в Иерусалим и освятили – как храм, так и присланные от царя утвари и приношения, которые, и доныне сохраняясь в том священном доме, своею драгоценностью и величием возбуждают удивление в зрителях. С того времени иерусалимская Церковь совершает этот праздник ежегодно и весьма торжественно, так что тогда преподается даже таинство крещения, и церковные собрания продолжаются восемь дней. По случаю этого торжества, туда, для посещения святых мест, стекаются многие почти со всей подсолнечной.

Глава 27

О пресвитере, который убедил Константина вызвать из ссылка Ария и Евзоя, так же об изложении благочестивой будто бы Ариевой веры и о том, как Собор, приехав в Иерусалим, снова принял Ария.

В то время епископы с арианским образом мыслей, воспользовавшись случаем, старались составить в Иерусалиме Собор и даровать общение Арию и Евзою. Решились они на это по следующему поводу: был некто пресвитер, приближенный к сестре царя и следовавший Ариеву учению. Что образ его мыслей сходствовал с арианским, – это сначала оставалось втайне: но когда, чрез долгое время, он успел приобрести расположение Констанции, – так называлась сестра Константина; – то, оставив страх, сделался перед нею смелее и начал судить, что Арий несправедливо изгнан из отечества и извержен из Церкви, что настоятель александрийской Церкви Александр изверг его по зависти и личным неудовольствиям, поколику увидел любовь к нему народа и позавидовал. Констанция, хотя почитала слова его верными, однако ж, пока жила, не спешила изменять никейских определений: но когда впала в болезнь и заметила, что ей надобно умереть, то от пришедшего к себе брата потребовала последней милости, о которой попросит. Она начала просить Константина, чтобы он верил вышесказанному домашнему ее пресвитеру, как человеку правомыслящему в делах Божественных. Я уже отхожу, говорила она, и не забочусь о делах здешней жизни; но за тебя трепещу, как бы ты не подвергся гневу Божию и, либо сам не впал в несчастие, либо постыдно не потерял царства – за то, что праведных и добрых мужей, поверив некоторым, неправедно осудил на вечное изгнание. С той минуты упомянутому пресвитеру царь начал оказывать особенное благорасположение. Внушив ему смелость говорить откровенно и беседуя с ним о завещании сестры, он вздумал снова

испытать ариан – вероятно потому, что либо все прежнее начинал считать истинною клеветою, либо желал угодить своей сестре. Поэтому, спустя немного времени, Константин вызвал Ария из ссылки и приказал ему представить письменное изложение своей веры в Бога. Быв же вызван, Арий на время уклонился от прежних выдуманных им слов и, изложив веру иначе, в словах простых, заимствованных из Священного Писания, поклялся, что он именно так верует, именно эту веру питает в душе и ничего другого, кроме этого, не мыслит. Изложение его – следующее:

Благочестивейшему и боголюбивейшему владыке нашему Константину – пресвитеры Арий и Евзоий.

«Согласно с повелением боголюбезного твоего благочестия, владыка царь, мы излагаем письменно свою веру и исповедуем пред Богом, что и сами, и наше общество веруем по нижеписанному: Веруем во единого Бога, Отца, вседержителя, и в Господа Иисуса Христа Сына Его, прежде всех веков от него рожденного Бога-Слово, чрез Которого все сотворено на небе и на земле, Который сошел и воплотился, страдал и воскрес, восшел на небеса и опять приидет судить живых и мертвых, и в Духа Святого, и в воскресение плоти, и в жизнь будущего века, и в царство небесное, и в единую вселенскую Церковь Божию, сущую от конца до конца мира. Эту веру заимствовали мы из святых Евангелий, где Господь говорит своим ученикам: «шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Матф. 28, 19). Если же не так в сие веруем и не так принимаем Отца, Сына и Святого Духа, как учит вся кафолическая Церковь и Священное Писание, коему во всем веруем; то да будет нам судия Бог и ныне, и в день будущего (суда). Итак умоляем твое благочестие, боголюбивейший наш царь, – прекратив исследования, а вместе с исследованиями и суесловие, и присоединить нас, силою миролюбивого и боголюбивого твоего благочестия, к матери нашей Церкви, так как мы лица церковные, содержим веру по разуму Церкви и священного Писания; – чтобы, соблюдая между собою мир, мы и Церковь – могли все вместе совершать обычные молитвы за мирное и благочестивое твое царствование и за весь твой род».

– Это изложение веры, как некоторые утверждали, было составлено хитро: несмотря на кажущееся изменение слов, оно в самом деле не отличалось от учения Ариева, по употреблению в нем выражений, которые легко можно толковать в ту и другую сторону и принимать в том и другом смысле. Подумав, что Арий и Евзой мыслят сходно с определениями никейскими, царь обрадовался, однако ж не взял на себя допустить их к общению без суда и решения тех, которым принадлежит это право по закону Церкви. Он послал их к собравшимся тогда в Иерусалиме епископам, и предписал, чтобы Собор рассмотрел представленное ими изложение веры и касательно их постановил определение человеколюбивое, если окажется, что они мыслят право и подверглись клевете по зависти; да хотя бы и ни за что нельзя было осуждать состоявшегося некогда касательно их решения, – пусть епископы уважили бы самое их раскаяние. Воспользовавшись этим случаем, епископы, давно уже о том старавшиеся, по поводу царской грамоты, приняли их в общение. Когда же это было сделано, – они написали и царю, и Церкви александрийской, и всем епископам и клирикам Египта, Фиваиды и Ливии, увещевая их усердно принять Ария и Евзоя, так как и сам царь засвидетельствовал правоту их исповедания, которое вместе с мнением Собора, подтвердившим волю царя, приложено было к их посланию. Вот что сделано в Иерусалиме.

Глава 28

Послание царя Константина к тирскому Собору, и ссылка святого Афанасия по козням ариан.

Удалившись из Тира, Афанасий прибыл в Константинополь и, представ пред царя Константина, жаловался на причиненные ему оскорбления в присутствии судивших его епископов, и просил, чтобы сделанные в Тире определения исследованы были при самом царе. Находя это прошение справедливым, Константин собравшимся в Тире епископам написал следующее: «Не знаю, какие среди шума и бури Собор ваш сделал определения; но как-то думается, что шумный беспорядок извратил истину, что, то есть, вы, по вражде к ближним, которой захотели поработиться, не имели в виду того, что угодно Богу. Предоставим же Божию Промыслу – явно обличить и рассеять зло этого враждебного прения, – и тогда будет ясно, заботились ли вы в своем собрании об истине, – без поблажки ли и ненависти судили. Для этого я хочу, чтобы все вы прибыли к моему благочестию и доказали пред самим мною точность своих разысканий. А почему признал я справедливым писать вам это и, чрез послание, звать вас к себе, – узнаете из следующего: когда я въезжал в соименный мне и благополучный отечественный мой город Константинополь, – а въезжать тогда случилось мне на коне, – вдруг из среды народной толпы вышел ко мне епископ Афанасий в сопровождении некоторых бывших при нем лиц, – и вышел так неожиданно, что был причиною моего изумления. Свидетельствуюсь надзирающим за всеми Богом, что с первого взгляда я даже не мог бы и узнать, кто это такой, если бы некоторые, отвечая на мои вопросы, не рассказали мне, как следовало, и кто он, и какую потерпел обиду. В те минуты я и не разговаривал с ним, и не разделял беседы; когда же он просил выслушать себя, – отказал ему и едва не велел выгнать его. Однако ж он умолял с великим дерзновением и не хотел ничего

более, кроме вашего сюда прибытия, чтобы в нашем присутствии мог оплакать все что потерпел по необходимости. Так как эта просьба показалась мне основательною и в настоящее время благоприличною; то я с удовольствием велел написать вам это послание, чтобы все вы, составляющие Собор в Тире, без отлагательства приехав в стан нашей кротости, доказали самыми делами чистоту и справедливость вашего суда – при мне, который, чего и сами вы не отвергнете, есть искренний служитель Божий. Да, чрез мое служение Богу, везде господствует мир, и имя Божие благословляется самыми Варварами, которые даже доныне не знали истины: а известно, что кто не знает истины, тот не знает и Бога. Чрез меня, искреннего служителя Божия, самые Варвары, сказал я, познали Бога и научились благоговеть пред Ним, испытав самым делом, что Он хранит меня и везде о мне промышляет; – что особенно и привело их к познанию Его. Итак, они благоговеют пред Богом из страха к нам; а мы, по-видимому, совершающие тайны Его благоволения, не говорю уже, не храним их, – мы даже ничего не делаем, кроме поступков, возбуждающих распрю и ненависть, или просто сказать, повергающих весь человеческий род в погибель. Приезжайте же, говорю, к нам, как можно скорее и с уверенностью, что мы употребим все силы для сохранения неприкосновенности закона Божия, особенно в отношении к тому, к чему не должно прививаться ни поношение, ни бесславие, – мы рассеем, то есть затопчем, совершенно уничтожим врагов закона, которые, прикрываясь святым именем, вносят различные и разнообразные злохуления». – Когда царь написал это; то одни из епископов испугались и отправились домой, а сообщники епископа никомидийского Евсевия прибыли к царю и старались доказать, что тирский Собор осудил Афанасия справедливо, и, приведши в свидетели Феогниса, Мариса, Феодора, Валента и Урсакия, убедили его, что Афанасий разбил таинственную чашу. Понося александрийского епископа и за многое другое, они своими клеветами одержали верх. Царь, или признав их клеветы справедливыми, или надеясь, что епископы наконец придут к взаимному согласию, если не будет Афанасия,

приказал жить ему в Тривере, что на западе Галлии, – куда он и отправился.

Глава 29

О константинопольском епископе Александре, как он отказался принять в общение Ария, и как Арий расторгся, когда чрево его требовало извержения.

После Иерусалимского Собора Арий прибыл в Египет; но Александрийская Церковь не приняла его в общение: поэтому он возвратился в Константинополь. Здесь единомышленники его и сообщники Никомидийского епископа Евсевия умышленно делали частные собрания и старались составить Собор. Однако ж Александр, располагавший тогда епископским престолом в Константинополе, понял их намерение и противодействовал образованию Собора. Не успев же в этом, он прямо отказался от общения с Арием и утверждал, что незаконно и противно церковным правилам уничтожать собственное свое определение и мнение тех, которые вместе с ним собирались в Никею почти со всей подсолнечной. Сообщники Евсевия, не могши склонить Александра словами, оскорбляли его угрозами и клялись, что, если в известный день он не примет Ария в Церковь, – сам будет изгнан из Церкви и отправлен в ссылку, а преемник его вступит в общение с Арием. Таким образом произошло новое разделение между епископами: с одной стороны были евсевиане, хотевшие в назначенный день непременно исполнить свои угрозы, с другой – Александр, молившийся, чтобы слова Евсевия не сбылись. Последнего особенно устрашал царь, преклонившийся некоторым образом на сторону евсевиан. Накануне предназначенного дня он повергся пред жертвенником и всю ночь пролежал ниц, моля Бога о не допущении исполниться устроенным против него замыслам. В тот же самый день, под вечер, Арий куда-то вышел и, вдруг почувствовав расстройство в своем чреве и естественную нужду, уклонился в отведенное для этого публичное место. Так как он долго не выходил, то дожидавшиеся его вошли туда и увидели, что он сидит

мертвый. Когда сделалось это известным, то стали не одинаково заключать о его смерти: одни думали, что с ним случилась внезапная болезнь в сердце, или что он умер от удовольствия, достигнув желаемого; а другие полагали, что он наказан за нечестие. Единомышленники же Ария утверждали, будто он умерщвлен волшебством. Посему здесь не неуместно привести сказание александрийского епископа Афанасия о его смерти. Афанасий говорит следующее:

Глава 30

О том, что пишет Великий Афанасий о расторжении Ария.

«Ибо и сам изобретатель ереси, сообщник Евсевия Арий, по наущению евсевиан, вызванный блаженным Константином Августом и принужденный письменно изложить свою веру, написал (это изложение), лукавый, не употребляя бесстыдных выражений нечестия и прикрываясь, как диавол, простыми и недлинными словами Писаний. Потом блаженный Константин сказал ему: если ты ничего другого не содержишь в уме, то приведи во свидетельство истину; – ведь сам Господь накажет тебя, если поклянешься во лжи, – и он поклялся, несчастный, что кроме написанного теперь ничего не мыслит и ничего другого никогда не говорил. Но вскоре пошедши, как бы на казнь, упал и, лежа ниц, треснул. Общий конец жизни для всех людей есть смерть, – и не должно порицать никого за то, что он умер, хотя бы это был враг; ибо неизвестно, не постигнет ли то же и нас до вечера. Но кончина Ария произошла не просто, и потому достойна рассказа. Когда евсевиане грозились ввести его в Церковь; то константинопольский епископ Александр противился этому, а Арий полагался на силу и угрозы Евсевия. Наступила суббота, – и в следующий день он надеялся быть введенным в церковное собрание. Борьба была велика: те грозились, а Александр молился. Но Господь сам явился судьею и решил дело против неправедных. Еще не закатилось солнце, как Арий, побуждаемый нуждою, пришел в известное место и там упал, лишившись вдруг того и другого, – и общения и жизни. Узнав об этом, блаженный Константин удивился и увидел, что клятвопреступник обличен. Тогда всем стало ясно, как бессильны угрозы евсевиан, и сколь суетна была надежда Ария. А вместе ясно стало и то, что арианское безумие лишено Спасителем общения и здесь, и в Церкви первородных. После сего кто не удивится, видя усилия людей оправдать того, кого осудил Господь, и защитить ту ересь, которую отверг Господь,

объявив изобретателя ее недостойным общения и не попустив ему войти в Церковь? – Такова, говорят, была смерть Ария. Есть сказание, что долго никто не употреблял того стула, на котором он умер. И когда многие входили в упомянутое общественное место для нужды, – что обыкновенно делается простым народом, – входившие предостерегали друг друга от того стула. Таким образом к месту, в котором Арий получил наказание за свое нечестие, и последующие люди имели какое-то отвращение. Впрочем, чрез несколько времени, некто из единомышленников Ария, человек богатый и сильный, постарался купить его у казны и, построив на нем дом, изменил прежний его вид; так что оно изгладилось из памяти народа и преемственное предание уже не воспоминает насмешливо о смерти Ария.

Глава 31

О том, что по смерти Ария случилось в Александрии, и что Великий Константин написал тамошним жителям.

Впрочем и по смерти Ария спор об изобретенных им догматах не прекратился, и единомышленники его не перестали строить козни против людей, несогласных с ними в образе мыслей. Непрестанно взывал к царю александрийский народ и в молитвах своих просил Бога о возвращении Афанасия; часто писал Константину о том же и Антоний Великий, умоляя его не верить мелетианам и обвинения их считать клеветою: но царь не слушал и в своем послании к александрийцам обвинял их за безумие и беспорядки, а клирикам и посвященным девам приказывал оставаться в покое и утверждал, что он не переменит своего мнения и не возвратит Афанасия, как человека возмутительного и осужденного голосом Церкви; Антонию же отвечал, что он не может нарушить решение Собора. Пусть некоторые, говорил он, судили об Афанасие по ненависти или пристрастию; но невероятно, чтобы весь Собор мудрых и добрых епископов питал такие же чувствования, что, то есть, Афанасий – обидчик, человек гордый и виновник разногласия и возмущения. А противники обвиняли его особенно в этом; потому что от таких людей царь особенно отвращался. Тогда же узнав, что Церковь разделилась на две партии, и что одна из них предана Афанасию, а другая – Иоанну, он сильно разгневался и самого Иоанна изгнал в ссылку. Этот Иоанн был преемник Мелетия; но тирский Собор возвратил ему общение с Церковью и повелел иметь прежние преимущества в клире, равно как и тем, которые держались его образа мыслей. Изгнание Иоанна хотя было и против желания врагов Афанасия, однако состоялось, – и определение тирского Собора нисколько не помогло Иоанну; ибо никакие просьбы и увещания не могли преклонить царя на милость к тому, которого

он считал виновником смятения, или разногласия между Христианами.

Глава 32

О том, что Константин, для уничтожения всех ересей, издал закон, запрещавший собираться где-либо, кроме кафолической Церкви, отчего весьма многие ереси исчезли, а ариане, приверженцы Евсевия никомидийского, старались между тем коварно изгладить слово: единосущный.

Арианское учение, хотя многими усердно было защищаемо в разговорах, – еще не составляло особого общества, которое носило бы имя ересеначальника. Доселе все собирались вместе и имели взаимное общение, кроме новациан, так называемых фригиан, валентиниан, маркионитов, павлиан и других, составлявших уже особо образовавшиеся секты. Против всех их царь издал закон, которым повелевалось отнимать у них молитвенные домы и присоединять к церквам, чтобы они не смели собираться ни в частных домах, ни публично. Общение с кафолическою Церковью он почитал делом самым важным и увещевал их присоединяться к ней. Вследствие этого закона, упомянутые ереси думаю, много изгладились из памяти. При прежних государях, верующие во Христа хотя и различались в мнениях, но от язычников принимаемы были за одних и тех же, и одинаковые терпели от них бедствия. Тогда состязаться между собою, по причине общих опасностей, они не могли и потому общества в то время свободно делали особые собрания и, сносясь одно с другим, при самой своей малочисленности, не истреблялись: но после этого закона им уже нельзя было собираться ни открыто, ни тайно; потому что епископы и клирики по городам тщательно наблюдали за этим. От того многие из них, побуждаемые страхом, присоединились к вселенской Церкви. Если же иные и держались прежнего мнения, то умирали, не оставляя после себя преемников своей ереси; потому что не смели ни сходиться, ни поучать свободно своих единомышленников. Впрочем и до этого, ереси имели

немногих последователей – либо по нелепости учения, либо по дурным свойствам изобретателей и вождей своих: только одни новациане, имевшие добрых предстоятелей и мыслившие о Боге одинаково с вселенскою Церковью, были многочисленны и удержались, не получив большого вреда от этого закона. Притом сам царь, кажется, добровольно смягчил его действие, желая не погубить, а только устрашить подданных. Да и тогдашний епископ их ереси в Константинополе, Акесий, уважаемый царем за святость жизни, вероятно немало помог своей Церкви. Но фригияне, наравне с прочими, терпели во всей империи, исключая Фригию и другие соседние области, где, со времен Монтана, они находились и ныне находятся во множестве. Около того же времени, сообщники Евсевия, епископа никомидийского, и Феогниса никейского стали письменно искажать символ отцов, собравшихся в Никею. Явно отвергать догмата о единосущии Сына со Отцом они не смели; ибо знали, что так верует сам царь: но написав другое изложение, внушали восточным епископам, что слова никейского догмата надобно принимать с некоторым объяснением. По поводу же этого объяснения и такой мысли, прежний вопрос, казавшийся уже решенным, снова сделался предметом рассуждений.

Глава 33

О Маркелле анкирском, его ереси и низложении.

Собравшиеся в Константинополе епископы в то же время низложили и изгнали из Церкви Маркелла, епископа Анкиры галатийской, как изобретателя новых мыслей, утверждавшего, что Сын Божий получил начало (бытия) от Марии, и что царство Его будет иметь конец, и написавшего об этом сочинение. На место же его, епископом области галатийской поставили они Василия, отличавшегося красноречием и ученостью, и предписали тамошним церквам – отыскивать и истреблять сочинение Маркелла, а единомышленников его, если найдутся, обращать к православной вере. При этом заметили они, что, по причине обширности Маркелловой книги, она не приводится вполне, а только вносятся в послание некоторые из ней выражения, чтобы видно было как он мыслит. Иные говорят, что Маркелл писал это в виде (исторического) исследования; а евсевиане клеветливо представили царю, будто он сам исповедовал такое учение; ибо питали против него величайшую вражду – за то, что и на Соборе финикийском он не согласился на их определения, и в Иерусалиме не сошелся с Арием, и в освящении великого храма мучеников не принимал участия – единственно потому, что избегал общения с ними. Донося царю о Маркелле, они поставляли ему в вину и то, что он оскорбил самого царя, не удостоив своим присутствием освящение новосозданного в Иерусалиме храма. К написанию упомянутого сочинения Маркеллу подал повод каппадокийский софист, Астерий, который, сочинив несколько книг о (христианском) учении, согласно с мнением Ария, и путешествуя с ними по разным городам, читал их и вместе с епископами присутствовал почти на всех Соборах. Опровергая его, Маркелл, добровольно или без намерения, впал в заблуждение Павла Самосатского. Впрочем впоследствии на Соборе сардикском, он получил

обратно свою епископию, доказав, что образ его мыслей не таков.

Глава 34

О кончине Константина Великого и о том, как он пред смертью принял крещение и погребен в храме святых Апостолов.

Еще прежде разделив Империю между своими сыновьями кесарями и вверив Константину и Константу области западные, а Констанцию – восточные, царь ослабел телом и отправился в Еленополис вифинский пользоваться ваннами из естественных минеральных вод. Но почувствовав себя хуже, он был принесен в Никомидию и, проживая там в предместии, принял святое крещение. Это исполнило его великой радости и благодарности пред Богом. Потом сделал он завещание, которым империю разделял между сыновьями по-прежнему, и предоставлял некоторые преимущества старому Риму и соименному себе городу. Это завещание отдал царь известному пресвитеру, приверженцу Ария, которого, как человека отличной жизни, рекомендовала ему при смерти сестра его Констанция, и приказал под клятвою вручить его Констанцию, как скоро он приедет; ибо ни этот, ни другие кесари при смерти отца не присутствовали. После завещания он жил еще несколько дней и умер, имея от роду около шестидесяти пяти лет и процарствовав тридцать один год. Константин был весьма предан христианской вере, так что первый из царей покровительствовал Церкви и распространил ее, как можно более. Он был счастлив в своих предприятиях, как, не знаю, был ли кто другой, – потому кажется, что ничего не начинал без Бога. Он остался победителем в происходивших при нем войнах против Готфов и Савроматов, и государство, по своему желанию, преобразовал с такою легкостью, что учредил другой сенат и новую соименную себе столицу. Языческое богослужение, которого столько времени держались и начальники и подчиненные, он ниспроверг разом и в короткое время. После смерти, тело его было перенесено в Константинополь в золотом гробе и поставлено во дворце на

возвышении. Придворные чины воздавали ему такую же почесть и так же исполняли свои должности, как и при его жизни. Между тем, находившийся на востоке Констанций, едва лишь, получил известие о смерти отца, быстро приехал в Константинополь и, совершив над ним царское погребение, похоронил его в церкви во имя святых Апостолов, где сам Константин еще при жизни приготовил себе гробницу. С того времени, как бы по обычаю, получившему свое начало от Константина, здесь покоятся все умершие в Константинополе Христианские государи, равно как и епископы.

Конец второй книги церковной истории.

Примечания:

Книга третья

Глава 1

О том, что, по смерти Константина Великого, сообщники Евсевия и Феогниса опять стали искажать никейскую веру.

Так шли церковные события в царствование Константина. Но по смерти его, учение отцов, собиравшихся в Никее, снова сделалось предметом исследования: ибо хотя оно (и прежде) не всеми было принимаемо, однакож, пока жил Константин, никто не смел явно отвергать его; когда же он умер, многие отступили от этого учения, и именно те, которых еще прежде подозревали в измене (православию). Больше всех усиливались поддержать учение Ария вифинские епископы, Евсевий и Феогнис, и удобнейшим к исполнению этого средством считали то, чтобы препятствовать возвращению Афанасия из ссылки, а египетские Церкви вверить своему единомышленнику. Они замышляли это, имея своим помощником того пресвитера, который при Константине был причиною возвращения Ария; ибо он пользовался благосклонностию и царя Констанция – за то, что передал ему в целости отцовское завещание. Считаясь человеком верным, этот пресвитер получил доступ даже к царской супруге и пользовался дружбою сильных придворных евнухов. Управителем царского двора был тогда некто Евсевий, который, сделавшись сам последователем Ариева учения, внушил свой образ мыслей и царице, и многим из придворных. Отсюда опять начались непрестанные толки о догмате – частно и публично, а вместе с тем возбуждались неудовольствия и неприязненные отношения, – и дело шло по желанию сообщников Феогниса.

Глава 2

О возвращении Афанасия Великого из Рима, о письме кесаря Константина, сына Константина Великого, и о новых кознях ариан против Афанасия; также об Акакие беррийском и о войне между Константом и Константином.

В то же время Афанасий с запада из Галлии возвратился в Александрию. Еще сам Константин при жизни хотел вызвать его из ссылки и, говорят, выразил это желание даже в своем завещании: но так как он скоро умер, то возвратиться Афанасию позволил соименный Константину сын его, управлявший западными Галлами. При этом снабдил он Афанасия и грамотою к александрийскому народу, которую я нашел в переводе с латинского языка и предлагаю здесь в том виде, в каком нашел ее. Вот она:

Константин кесарь народу кафолической александрийской Церкви.

«Вашему благоразумию думаю, не безынтересно, что Афанасий, истолкователь достопоклоняемого закона, был на время послан в Галлию – для того, чтобы, по жестокости кровожадных и непримиримых врагов, угрожавших опасностию священной главе его, не потерпеть ему от козни злых неисцелимого зла. Для охранения его от такой именно жестокости, он был исторгнут из челюсти нападавших на него людей и послан жить под моим покровительством, так чтобы в назначенном для его жительства городе иметь ему в изобилии все нужное, хотя достославная его добродетель, полагаясь на помощь Божию, вместила бы ни во что бремя еще тягчайшей участи. Желая удовлетворить, сколько можно, боголюбивейшему вашему благочестию, владыка наш, блаженной памяти Константин Август, родитель мой, намеревался уже возвратить упомянутого епископа на прежнее его место: но так как, не исполнив еще сего желания, он

предварен был человеческим жребием и почил; то сделавшись наследником намерений блаженной памяти царя, я счел долгом исполнить его. Увидевшись с Афанасием, вы сами узнаете от него, какое питал я к нему уважение. Да и не удивительно, если я что-нибудь сделал в его пользу: к этому располагали и побуждали мою душу сколько выражения вашей любви, столько же доблесть сего мужа. Божественное промышление да сохранит вас, возлюбленные братья!» – Уполномоченный такою грамотою царя, Афанасий, по возвращении в Александрию, снова стал управлять египетскими Церквами; а державшиеся учения Ариева негодовали на это и не могли оставаться спокойными. Отсюда происходили частые возмущения, подававшие повод устроять Афанасию новые козни; ибо Евсевиане заботливо клеветали на него царю, будто он – человек возмутительный и предвосхитил себе возвращение (на кафедру александрийскую) против законов Церкви, без суда епископов. Впрочем, как по наветам их Афанасий опять был изгнан из Александрии, я скажу после, в своем месте. А к этому времени относится то, что, по смерти Евсевия Памфилова, епископство Кесарии палестинской принял Акакий, усердный почитатель Евсевия, изучивший чрез него священное Писание, человек мыслящий, приятный в речи и оставивший много замечательных сочинений. Вскоре после сего, царь Константин, воюя близ Аквилеи против собственного брата Константа, умерщвлен был своими военачальниками; вследствие чего западные области римской империи поступили под власть Константа, а восточные – Констанция.

Глава 3

О Павле константинопольском и Македоние духоборце.

В то же время, по смерти Александра, константинопольское первосвященство принял Павел, и этот сан, по словам единомышленников Ария и Македония, предвосхитил без согласия никомидийского епископа Евсевия и епископа фракийской Ираклеи Феодора, которым, как епископам соседственным, принадлежало право рукоположения[10]. Но большею частию говорят, что он рукоположен пребывавшими тогда в городе епископами, по завещанию Александра, которому преемствовал. Когда Александр, имея уже девяносто восемь лет от роду, из коих двадцать три мужественно проведены им в епископстве, приближался к смерти, и клирики спросили его, кому после него надобно вверить Церковь, он отвечал: если вы желаете человека благочестиво-доброго и вместе учительного, то изберите Павла; а для дел внешних и для обращения с светскими властями способнее будет Македоний. Это свидетельство Александра о двух упомянутых мужах подтверждают и последователи Македония, только способность к делам и красноречию приписывают Павлу, а одобрительный отзыв о жизни относят к Македонию, на Павла же клевещут, будто он жил роскошно и рассеяно. Действительно, даже и по их свидетельству, Павел был муж красноречивый и превосходно учил в церкви, но к делам житейским и к обращению с людьми сильными, как показывают самые дела, был мало способен; ибо не разрушил, как свойственно людям способным, ни одного навета врагов, и хотя был чрезвычайно любим народом, однакож пострадал от злобы людей, отвергавших в то время постановленный в Никее догмат. Прежде всего осужденный будто бы за худую жизнь он был извергнут из константинопольской Церкви, потом приговорен жить в ссылке, где, по происках людей, искавших

его смерти, говорят, умер жалким образом – от веревки. Но это случилось после.

Глава 4

О возмущении, происшедшем по случаю рукоположения Павла.

По случаю этого рукоположения, в константинопольской Церкви произошло тогда величайшее смятение: ибо, пока Александр был жив, единомышленники Ария имели мало смелости, и народ, по его примеру и руководству, славил Бога, – особенно после неожиданной смерти Ария, который умер вышесказанным образом, по Божию, как верили, наказанию и действию Александрова благочестия; а когда епископ умер, – народ, разделившись на две партии, стал явно состязаться о догматах и вступать в ссоры. Ревнителям учения Ариева хотелось рукоположить Македониия, а исповедникам единосущия Сына со Отцом – поставить епископом Павла. Последние одержали верх. Но после рукоположения Павлова прибыл царь, – ибо он находился тогда в отсутствии, – и разгневался, будто епископство дано недостойному. По наущению врагов Павла, он созвал Собор и, рукоположенного епископа изгнав из Церкви, константинопольскую кафедру передал никомидийскому епископу Евсевию.

Глава 5

О частном антиохийском Соборе, который низложил Афанасия, и на его место возвел Григория; также о двух изложениях веры и о тех, которые с этими изложениями соглашались.

Сделав это, царь отправился в Антиохию сирийскую. Так как в описываемое время уже окончена была тамошняя, необыкновенная по величию и красоте церковь, которую для своего сына начал строить еще при жизни Константин; то Евсевиане, давно думавшие воспользоваться этим случаем, постарались теперь собраться туда для составления Собора. Они, равно как и другие единомышленники их, под предлогом освящения новопостроенной церкви, а в самом деле, как показали последствия, для искажения никейских определений, отовсюду съехались в Антиохию в числе девяноста семи епископов. Антиохийскою Церковию управлял тогда после Евфрония Плакит. Это выл пятый год по смерти Константина Великого. Когда все епископы собрались и прибыл сам царь Констанций; то многие стали выражать неудовольствие и сильно обвинять Афанасия в том, что он нарушил иерархический закон, который они же установили, и взял в свое управление александрийскую Церковь, прежде чем это дозволено было ему Собором[11]. Вследствие сего, говорили они, Афанасий сделался виновником смерти некоторых граждан; потому что при вступлении его в город произошло возмущение, и многие умерщвлены, а другие преданы в судилища. Сплетши таким образом величайшую клевету на Афанасия, епископы определили быть предстоятелем александрийской Церкви Григорию. После того перешли они к рассуждению о догмате и хотя и не произнесли осуждения против никейских определений, даже, рассылая грамоты епископам городов, объявляли им, что быв епископами, они не могли следовать Арию, – ибо как было следовать им пресвитеру, когда сами же испытывали его веру?

– скорее можно бы принять его к себе; а содержимая ими вера предана от начала: однакож в символе, приложенном к их посланию, отнюдь не упоминалось ни о существе Отца или Сына, ни о слове «единосущный»; он составлен был из понятий двусмысленных, так что ни единомышленники Ария, ни последователи никейского Собора не могли упрекнуть их в употреблении слов, неизвестных из священного Писания. Отпустив все, чего не принимали те или другие, они исповедовали, что Сын существует со Отцом, что Он единородный и Бог, и имеет бытие прежде всего, что Он принял плоть, исполнил волю Отца, и прочее тому подобное: а совечен ли и единосущен ли Он Отцу, или напротив, – этого не написали. Впрочем оставшись, видно, недовольными своим сочинением, впоследствии они, кроме этого, издали другое, которое, как мне кажется, во всем согласно с учением никейских отцов, или только в их словах не скрывается какой-нибудь неизвестной для меня мысли. Не знаю, почему они, отказываясь называть Сына единосущным, признали Его однакож непреложным и неизменным по Божеству, верным образом существа, воли, силы и славы (Божией) и перворожденным всей твори. Они утверждали, что это исповедание веры вполне написано Лукианом, который пострадал в Никомидии и был муж, как по всему знаменитейший, так особенно отличавшийся знанием священного Писания. Правду ли они говорили, или свое собственное сочинение возвышали авторитетом мученика, сказать не могу. На этом Соборе присутствовали – не только Евсевий, который, по низвержении Павла, перешедши из Никомидии, занимал кафедру константинопольскую, но и Акакий, преемник Евсевия Памфилова, и Патрофил скифопольский, и Феодор епископ Ираклеи, которая прежде называлась Перинфом, и Евдоксий, епископ Германикии, впосследствии, после Македония, управлявший Церковию константинопольскою, и Григорий, избранный предстоятелем Церкви александрийской. Все они в то время считались единомышленниками. Присутствовали также Дианий, епископ Кесарии каппадокийской, Георгий – Лаодикии сирийской, и

многие другие, бывшие епископами митрополий и прочих знаменитых Церквей.

Глава 6

О Евсевие эмесском, и о том, что Григорий занял Александрию, а Афанасий спасся бегством в Рим.

Вместе с ними присутствовал и Евсевий, по прозванию эмесский. Он был родом из Эдессы озроенской и происходил от благородных родителей, с детства, по обычаю предков, изучал священное Писание, потом, посещая бывших в той стране наставников, узнал и греческие науки, а в последствии, под руководством Евсевия Памфилова и предстоятеля скифопольского Патрофила, занимался толкованиями божественных книг. Прибыв в Антиохию в то время, когда случилось низвержение Евстафия по обвинению клира, Евсевий жил дружески с преемником его Евфронием. Из Антиохии, избегая священного сана, он удалился в Александрию слушать тамошних философов, и научившись их наукам, возвратился в Антиохию, где опять обращался с преемником Евфрония, Плакитом. Во время бывшего здесь Собора константинопольский епископ Евсевий хотел было возвести его на кафедру александрийскую, ибо думал, что он, как муж обходительный и весьма красноречивый, легко отклонит Египтян от привязанности к Афанасию: но так как избираемый отказался от этого назначения, опасаясь встретить ненависть Александрийцев, которые не хотели никого видеть на месте Афанасия; то предстоятельство александрийской Церкви вверено было Григорию, а эмесской – ему. В Эмессе сделавшись причиною возмущения, – ибо клевета приписывала ему занятие тою частию астрономии, которую называют гадательною[12], он убежал в Лаодикию к тамошнему епископу, своему другу Георгию. Георгий, отправившись вместе с ним в Антиохию к епископам Плакиту и Наркиссу, сделал то, что Евсевий возвратился в Эмессу. Он пользовался благорасположением царя Констанция; ибо когда царь отправлялся на войну против Персов, то брал его с собою.

Говорят, что чрез него Бог совершил много чудес, как свидетельствует Георгий лаодикийский, рассказавший о нем это и иное кое-что. Но быв таким мужем, Евсевий не избег однако зависти тех людей, которые обыкновенно не терпят доблестей другого. Он также подвергся клевете, будто держится мыслей Савеллия. Впрочем на Соборе антиохийском его мнение было одинаково с мнением собравшихся там епископов; между тем как иерусалимский епископ Максим, говорят, с намерением избегал этого Собора, раскаиваясь то есть, что раз уже был введен в обман и согласился вместе с другими подписать низложение Афанасия. Равным образом не присутствовал на нем ни епископ, занимавший кафедру Рима, ни кто-либо из прочих италийских, или дальнейших за Римом епископов. Итак, когда Франки нападали на западных Галлов, а области восточные, особенно же город Антиохия, после тамошнего Собора, были колеблемы величайшим землетресением, – в то самое время Григорий вступил в Александрию под защитою военного отряда, которому приказано было стараться, чтобы вступление его совершилось безмятежно и спокойно. К этому отряду присоединились и единомышленники Ария, как для означенной цели, так и для изгнания Афанасия. Между тем Афанасий заботился, как бы из-за него не пострадал народ, и для того, при наступлении ночи, сделал церковное собрание. Когда воины уже овладели церковью, он, окончив молитву, приказал наперед читать псалом; а потом в минуты общего псалмопения, заставлявшего воинов хранить спокойствие, так как нападение теперь считали они неблаговременным, – тайно вышел вон среди поющих и удалился в Рим. Таким образом Григорий занял александрийский престол; но народ в негодовании сжег церковь, соименную Дионисию, который был у них епископом[13].

Глава 7

Об архиереях в Риме и Константинополе и о том, что после Евсевия опять возведен был Павел; также об умерщвлении военачальника Ермогена и о том, что, прибыв из Антиохии, Констанций снова низложил Павла и разгневался на город, и что, оставив Македония в нерешительном состоянии, он опять удалился в Антиохию.

Итак желания противодействующей ереси успешно приходили в исполнение; а люди, ревностно защищавшие на востоке догмат, утвержденный в Никее, были низлагаемы: ибо когда еретики заняли важнейшие кафедры, александрийскую в Египте, антиохийскую в Сирии и столичную при Геллеспонте; тогда епископы сих областей уже повиновались им, как подчиненные. Но правитель римской Церкви и иереи запада считали это для себя обидою; потому что, с самого начала согласившись во всем с отцами, собиравшимися в Никею, они и досель не переставали так мыслить, посему дружелюбно приняли прибывшего к ним Афанасия и взялись защищать его дело. Негодуя на это, Евсевий писал Юлию, чтобы он сам обсудил определения тирского Собора касательно Афанасия; но не дождавшись Юлиева мнения, вскоре после бывшего в Антиохии Собора, скончался. Тогда константинопольские ревнители учения, изложенного в Никее, снова ввели в церковь Павла; а сообщники Феогниса, епископа никейского, Феодора ираклийского и другие единомышленники их, каким случилось быть в Константинополе, в то же время собрались в другой церкви и, при содействии скопища еретиков, в епископа константинопольского рукоположили Македония. От этого в городе происходили частые возмущения, похожие на войны; ибо обе стороны народа нападали одна на другою, и многие погибали, – город кипел смятением. Узнав об этом, бывший

тогда в Антиохии царь разгневался и приказал опять изгнать Павла. Исполнителем его повеления был начальник конницы Ермоген. Быв послан в то время во Фракию и проходя чрез Константинополь, он хотел выгнать Павла из Церкви вооруженною рукою: но так как народ не допускал и даже противился ему, то воины стали еще настойчивее исполнять данное себе приказание. Тогда возмутители напали на дом Ермогена и сожгли его, а самого военачальника умертвили и, привязав на веревку, таскали его по городу. Услышав об этом, царь верхом прискакал в Константинополь с намерением наказать народ, но увидев его идущим к себе на встречу в слезах и с повинною головою, пощадил. Впрочем с этого времени город лишен был половины хлебных запасов, которые отец Констанция Константин ежегодно дарил гражданам от казны из египетских доходов; ибо царь, может быть, подозревал, что многие из граждан, от роскоши и пресыщения проводя жизнь праздную, сделались склонными к возмущениям. Весь гнев свой излил он на Павла и повелел изгнать его из города, досадовал также и на Македония – частию за то, что он был виновник смерти военачальника и многих других, а частию и за то, что принял рукоположение без его согласия. Таким образом, и не утвердив его рукоположения, и не отменив, царь оставив дело так и возвратился в Антиохию. В то же время ревнители арианской ереси Григория, как нерадящего об утверждении их учения и ненавистного Александрийцам за случившиеся в городе бедствия при его вступлении и за сожжение церкви, вывели из Александрии, и на место его послали Георгия, родом Каппадокиянина, отличавшегося деятельностию и усердием к их учению.

Глава 8

О прибывших в Рим восточных архиереях, и о том что писал о них Юлий римский; также, как, по грамоте Юлия, Павел и Афанасий опять получили свои престолы, и что писали Юлию восточные архиереи.

Удалившись из Александрии, Афанасий, прибыл в Рим. Случилось, что в то же время прибыли туда – и Павел епископ константинопольский, и Маркелл анкирский, и Асклепа газский, который противился арианам и за то, подвергшись обвинению со стороны некоторых еретиков, обвинявших его в ниспровержении жертвенника, был низложен, а на его место предстоятелем газской Церкви поставлен Квинтиан. В Риме проживал так же, обвиненный в другом преступлении и лишенный своей Церкви, адрианопольский епископ Лукий. Узнав, в чем обвиняли каждого из них, и нашедши их единомышленными касательно учения никейского Собора, римский епископ принял их в общение, как единоверных и, исполняя свою обязанность пещись о всех, согласно с достоинством своего престола, каждому из них возвратил принадлежащую ему Церковь, а восточным епископам писал обличительно, что они несправедливо судили об этих мужах, и возмущают Церкви именно тем, что не принимают никейских определений. Вместе с этим Юлий не многих между ними приглашал к известному дню приехать в Рим и доказать, справедливо ли их решение касательно тех мужей, угрожая, что впредь он не будет терпеть, если не прекратится их стремление к нововведениям. Так писал он, и Афанасий вместе с Павлом и прочими снова получили каждый свою кафедру, а послание Юлия отправили к восточным епископам. Но последние приняли его с негодованием и, собравшись в Антиохии, написали Юлию в ответ напыщенное и ораторское послание, наполненное множеством насмешек и не чуждое сильнейших угроз. Говоря откровенно в своем послании, что римская

Церковь выражает всем свое любочестие, поколику почитает себя пристанищем апостольского попечения и первоначальною митрополиею благочестия, хотя проповедники христианского учения приходили к ней с востока, – они объясняли, что не считают себя ниже его, что если и не возвышаются пред ним по величию или обширности Церкви, то побеждают его добродетелию и преимуществами душевными. Потом, поставляя Юлию в вину общение с Афанасием и прочими, они высказывали ему свое неудовольствие – будто бы за оскорбление их Собора и за отвержение их определений, и порицали этот поступок, как несправедливый и противный церковным законам. Несмотря однакож на такие упреки и свидетельства о сильной своей скорби, они обещали иметь с Юлием мир и общение, если он подтвердить низложение изгнанных и поставление рукоположенных ими лиц; а когда будет действовать вопреки их определениям, то угрожали противным: ибо и предшественники их, восточные иереи, (говорили они), нисколько не противоречили по случаю изгнания из римской Церкви новациан. О том же, что сделано ими против определений отцов, собиравшихся в Никее, они ничего не отвечали Юлию, а только упомянули, что имеют много важных причин к оправданию своих поступков, но считают излишним оправдываться в этом теперь, – без сомнения потому, что тогда вдруг были бы признаны несправедливыми во всех отношениях.

Глава 9

О том, как были изгнаны Павел и Афанасий, а Македоний введен в константинопольскую Церковь.

Так писали они Юлию, а царю Констанцию снова клеветали на низложенных ими епископов. Живя тогда в Антиохии, Констанций предписал константинопольскому префекту Филиппу – Церковь опять отдать Македонию, а Павла изгнать из города. Опасаясь народного возмущения, префект, отправился в знаменитую и обширнейшую публичную баню, называемую Зевкзипп, и пригласил к себе Павла – как бы для совещания о делах общественных. Но как скоро Павел прибыл, Филипп показал ему грамоту царя и приказал тайно отвести его к морю чрез дворец, примыкавший к бане, а там посадить на корабль и отправить в Фессалонику, откуда, говорят, происходили и предки Павла. При этом строго было запрещено ему переходить в области восточные, но идти в Иллирию и в дальнейшие страны не возбранялось. Потом, вышедши из судилища, префект взял Македония и поехал с ним в церковь. Между тем, во время этих событий, народ собрался в бесчисленном множестве и тотчас наполнил церковь; ибо все, как последователи арианской ереси, так и приверженцы Павла, старались занять ее одни пред другими. Когда префект вместе с Македонием находился уже близ церковных дверей, и войсками, чтобы очистить место для прохода, разгоняем был народ, который однакож не мог отступить, потому что дальнейшие места были заняты; тогда воины, думая, что народ умышленно не хочет посторониться, перебили многих мечами, а многие погибли, быв затоптаны другими. Так исполнено царское повеление, по силе которого Македоний занял Церковь, а Павел сверх чаяния был удален из Константинополя. Между тем Афанасий ушел и, опасаясь угрозы царя Констанция, скрывался; ибо царь, на основании доноса еретиков, будто он возбуждает возмущения, и будто при вступлении его многие

погибли, грозился наказать его смертию. Особенно же причиною царского гнева была клевета, что он продает в свою пользу хлеб, который царем Константином назначен для раздачи бедным александрийцам.

Глава 10

О том, что писал об Афанасие римский епископ епископам восточным; также об отправлении епископов в Рим для исследования вместе с римским епископом тех обвинений, которые сделаны епископами восточными, и об отослании их кесарем Константом.

Когда египетские епископы написали, что все обвинения Афанасия ложны; тогда, видя, что Афанасию не безопасно более оставаться в Египте, Юлий пригласил его к себе, а собравшимся в Антиохии, от которых в то время получено было послание, написал ответ, и обвинял их во-первых в том, что они тайно искажают учение никейского Собора, во-вторых в том, что вопреки законам Церкви не пригласили его на совещание, – ибо есть иерархический закон, что все[14], совершаемое без ведома римского епископа, не действительно, и наконец в том, что дела их в Тире и Мареотиде против Афанасия ведены были неправильно, – ибо первые опровергаются клеветою касательно Арсения. В заключение же осуждал он их за надменность послания. По всем этим и другим причинам, Юлий заблагорассудил помочь Афанасию и Павлу; ибо, спустя немного времени, и этот, прибыв в Италию, жаловался на причиненные себе оскорбления. Но римский епископ, сколько ни писал о них иереям восточным, ни в чем не имел успеха, и потому донес о сем царю Константу. Констант просил брата Констанция – выслать кого-нибудь из восточных епископов для объяснения касательно низложения Афанасия и других. Вследствие сего избраны были трое: Наркисс епископ Иринополиса киликийского, Феодор епископ Ираклеи фракийской и Марк епископ Аретузы сирийской. Прибыв в Италию, они усиливались оправдать свои поступки и старались убедить царя, что решение восточного Собора справедливо. Когда же, по требованию, надлежало им объявить свою веру; то

они скрыли символ, составленный ими в Антиохии, и представили другое, столь же несогласное с утвержденным в Никее письменное исповедание. Итак видя, что они несправедливо клевещут на упомянутых мужей, и избегают общения с ними не за какие-нибудь преступления и не за образ жизни, как сказано было в определениях об их низложении, а за разногласие в догмате, Констант отослал их назад без успеха в том, для сего они приезжали.

Глава 11

О пространном изложении веры, о событиях на сардикском Соборе и о том, как восточные низложили Юлия, епископа римского, и Осию испанского за общение их с Афанасием и прочими.

По истечении трех лет, восточные епископы отправили к западным другое сочинение, которое называли пространным изложением веры, потому что оно состояло из большого числа слов и выражений, чем прежние. В нем о существе Божием они не упоминали, но утверждающих, что Сын произошел из несущего, либо из другой ипостаси, а не от Бога, и что было время или век, когда Его не было, отучали от Церкви. Однакож Евдоксия, епископа Германикии, Мартирия и Македония, приезжавших с этим сочинением, западные иереи не приняли: для нас довольно, говорили они, и определений никейских; кроме их не считаем нужным придумывать что-либо. Так как царь Констант (письменно) просил брата возвратить Афанасию и прочим их престолы, но письма его, по причине противодействия ереси, не имели никакого успеха, а между тем Афанасий и Павел, лично являясь к нему, домогались Собора, поколику дело шло об искажении православного учения; то цари с общего согласия положили – епископам обеих частей империи к известному дню собраться в иллирийский город Сардик. Восточные сперва съехались в Филиппополисе фракийском и написали западным, которые уже собрались в Сардике, чтобы Афанасия с прочими, как уже низложенных, они отлучили от заседания и общения, а иначе, говорили, мы не сойдемся. Потом, прибыв даже в Сардик, они не хотели вступать в церковь, пока находились там низложенные ими. На это западные писали в ответе, что они никогда не отделялись от общения с ними и теперь не отделятся – особенно после того, как римский епископ Юлий исследовал все, на них взносимое, и не нашел их виновными, и что обвиняемые присутствуют здесь,

как люди, готовые подвергнуться суду и снова оправдаться в приписываемых им преступлениях. Так как эти взаимные объяснения не имели никакого успеха, а назначенный день, в который надлежало рассуждать о том, для чего епископы собрались, уже прошел; то наконец одна сторона их написала другой такие послания, которые произвели между ними вражду сильнее прежней. Посему каждая из них, собравшись отдельно, составила противные другой определения. Именно, восточные, подтвердив прежние свои приговоры касательно Афанасия, Павла, Маркелла и Асклепы, низложили также римского епископа Юлия, как прежде всех вступившего с ними в общение, – исповедника Осию, частию по той же причине, а частию и за дружеские его отношения к предстоятелям антиохийской Церкви, Павлину и Евстафию, – и трирского епископа Максимина – за то, что он первый вступил в общение с Павлом и был виновником его возвращения в Константинополь, а прибывших в Галлию восточных епископов отлучил от Церкви. Кроме того, низложили они сардикского епископа Протогена и Гавденция, – первого за то, что защищал Маркелла, которого прежде осудил, а последнего за то, что он поступал вопреки Кириаку, которого был преемником, и весьма уважал низложенных ими. Сделав такие определения, восточные известили всех епископов, чтобы они не вступали с этими лицами в общение, не писали к ним и от них не принимали никаких грамот. А о Боге приказывали мыслить так, как сказано было в приложенном к их посланию писании, в котором не упоминалось о единосущии, и отлучались от Церкви утверждающие, что три Бога, или что Христос не есть Бог, или что Отец, Сын и Дух святой – одно и то же, или что Сын не рожден, или что было некогда время или век, когда Его не было.

Глава 12

О том, что епископы, заседавшие вместе с Юлием и Осиею, низложили восточных архиереев и составили также символ веры.

С другой стороны, заседавшие с Осиею во-первых провозгласили невинными – Афанасия, как несправедливо оклеветанного собиравшимися в Тире епископами, – Маркелла, как доказавшего, что его образ мыслей был оклеветан, – Асклепу, как получившего епископство по определению Евсевия Памфилова и многих других судей, и доказавшего справедливость этого судебным порядком, – Лукия, как епископа, которого обвинители обратились в бегство, – и в каждую из этих Церквей написали, чтобы сих именно мужей признавали они своими епископами и ожидали, а Григория александрийского, Василия анкирского и Квинтиана газского не называли епископами, не имели с ними никакого общения и даже не считали их Христианами. Потом низвели с епископских мест – Феодора фракийского, Наркисса епископа иринопольского, Акакия кесарийско-палестинского, Минофанта ефесского, Урзакия сингидонского, что в Мизии, Валента мурзийского, что в Паннонии, и Георгия лаодикийского, хотя он и не был на этом Соборе с восточными епископами. Всех их лишили они священства и общения, как таких людей, которые отделяют Сына от существа Отцего, принимают тех, которые, за привязанность к арианской ереси, давно низложены, и возводят их на высшие степени Божественного служения. По этим причинам отлучив их определив считать чуждыми кафолической Церкви, они написали ко всем епископам, чтобы последние подтвердили их определения и согласовались с ними в вере, для чего и сами написали тогда иное изложение веры, пространнее никейского, впрочем заключавшие в себе тот же смысл и немного отличавшееся от него только в выражениях. Именно, Осия и Протоген, которые в то время между западными епископами, собиравшимися в Сардике, были

главные, опасаясь, чтобы некоторые не подумали, будто они искажают определения никейские, писали Юлию и свидетельствовали, что эти определения признают они несомненными, но для большей ясности распространяют те же мысли, чтобы единомышленники Ария, злоупотребляя краткостию изложения, не могли увлекать неопытных к принятию этих мыслей в нелепом смысле. Поступив так, те и другие закрыли собрание, – и каждый епископ отправился в свою епархию. Этот Собор состоялся в консульство Руфина и Евсевия, в одиннадцатом году по смерти Константина. На нем было – из западных городов около трех сот епископов, а с востока – семьдесят шесть, между которыми находился и Исхирион, врагами Афанасия поставленный на епископию мареотскую.

Глава 13

О том, что после Собора восток и запад разделились: запад твердо держался веры никейской, а на востоке, по причине словопрений о вере, в некоторых предметах происходили разногласия.

После сего Собора те и другие уже не смешивались между собою и не сообщались, как единоверные; но западные простирали пределы свои до Фракии, а восточные – до Иллирии, и Церкви, чего и следовало ожидать, возмущаемы были раздором и взаимными наветами: ибо хотя и прежде разногласили они в учении, но, имея взаимное общение, не производили большого зла и казались единомышленными. Говоря вообще, вся западная Церковь отеческие догматы сохраняла в чистоте, и касательно их чуждалась словопрений и разногласий: ибо хотя и эту часть (римской империи) Авксений епископ медиоланский, Валент и Урсакий паннонские, старались склонить к ереси арианской; но их усилия, при тщательном наблюдении предстоятеля римского престола и прочих священнослужителей, истреблявших семена этой ереси, не имели желаемого ими успеха. Напротив, в Церкви восточной, которая после антиохийского Собора пришла в смятение и явно разногласила с верою никейской, – хотя на самом деле, как я полагаю, большая часть верующих в ней содержала то же учение и признавала происхождение Сына из существа Отчего, – некоторые упорно восставали против выражения «единосущный». По моему мнению, один из них, быв в самом начале против этого слова, потом уже, как случается со многими, стыдились принять его, чтобы не показаться побежденными. Другие, чрез непрестанные рассуждения об этом предмете, получив навык так мыслить о Боге, после не могли уже переменить своих мыслей. А иные, видя, что состязающийся утверждает не должное, склонялись на другую сторону и располагались к этому то силою, то дружеством, то

другими причинами, которыми люди обыкновенно побуждаются благоприятствовать, чему не должно, или удерживать свою смелость от обличения, – чего должно. Много было и таких, которые, почитая безумием заниматься подобными спорами о словах, спокойно держались смысла Отцов никейского Собора. Тверже и явнее всех восточных хранили никейские определения Павел епископ константинопольский, и Афанасий александрийский, и все общество монашеское, как то: Антоний Великий, который был еще в живых, ученики его и весьма многие другие в Египте и во всей римской империи. Так как я упомянул об этих мужах; то пробегу кратко историю тех, которые, сколько мне известно, были особенно знамениты в это царствование.

Глава 14

О процветавших тогда в Египте святых мужах: Антоние, двух Макариях, Ираклие, Кроние, Пафнутие, Путувасте, Арсисие, Серапионе, Питирионе, Пахомие, Аполлоние, Ануфе, Илариане и других весьма многих святых.

Начинаю с Египта и двух Макариев, приснопамятных настоятелей скита и тамошней горы. Из них один назывался египетским, а другой гражданским, или как бы городским[15], потому что был родом александриец. Оба они, за свое божественное предвежение и любомудрие, пользовались великим уважением, страшны были для демонов и совершали много чудесных знамений и исцелений. О египетском говорят, что он, желая одного неверующего убедить в истине воскресения мертвых, даже воскресил мертвого и жил около девяноста лет, из которых шестьдесят провел в пустынях. Начав вести жизнь любомудренную, Он еще в молодых летах так прославился, что монахи называли его юношею-старцем, и сорока лет от роду рукоположен в пресвитера. А другой Макарий сделался пресвитером позднее. Он испытал почти все роды подвижничества, из которых иные сам выдумал, а иные, переняв от других, исполнял с такою точностию, что от чрезмерно суровой жизни у него не росли волосы на подбородке. В то же время и в той же стране занимались любомудрием Памва, Ираклид, Кроний, Пафнутий, Путуваст, Арсисий, Серапион Великий, Питирион, живший близ Фив, и Пахомий, бывший настоятелем так называемых Тавеннисиан[16]. У последних одежда и образ жизни были несколько отличны от прочих монахов, что располагало их к добродетели и побуждало душу презирать земное и взирать горе, дабы она удобнее могла перейти в селение небесное, когда отрешится от тела. По примеру Илии Фесвитянина, они одевались в кожаные одежды, – думаю, для того, чтобы, при взгляде на кожу, всегда иметь в

памяти добродетели Пророка, мужественно противиться нечистым пожеланиям, и как чрез подражание ему, так и в надежде подобных же воздаяний, лучше сохранять целомудрие. Говорят, что и прочие одежды египетских монахов выражали некоторое любомудрие и не случайно отличались от других. Так напр. они облачались в хитоны, без рукавов note alignbottom marknumeric]Кассиан (lib. 1. Institut.) и Дорофей (in Doctrin. prin), называют эти хитоны colobia. note], давая тем разуметь, что руки не должны быть готовы на обиду; – на голове носили шапочку, называемую, дабы жить чисто и непорочно, подобно питающимся молоком детям, на которых кладут такие шапочки для прикрытия и защищения их головы; – употребляли пояс и покрывало, из которых первым опоясывали чресла, а другим обхватывали шею и плечи, внушая мысль, что надобно быть готовым для служения Богу и для деятельности. Знаю, что другие приводят на это другие объяснения; но мне довольно и сказанного. Пахомий сперва, говорят, один любомудрствовал в пещере; но явившийся Ангел Божий повелел ему собрать молодых монахов и жить вместе с ними: ибо успев в любомудрии сам по себе, он должен своим руководством приносить пользу и многим сожительствующим. Но управлять ими приказано Пахомию по правилам, какие будут даны, – и Ангел дал ему свиток, который и теперь у них сохраняется. Предписанные в нем правила позволяли каждому есть и пить, работать и поститься, либо не поститься, сколько кто мог, – и на тех, которые больше ели, повелено возлагать работы труднейшие, а на подвижников легкие; строить многие малые помещения и в каждом помещении жить троим, но принимать пищу всем вместе в одном доме; есть молча и сидеть за столом с покрытыми лицами, так чтобы не видеть друг друга и ничего иного, кроме стола и предложенных яств. Чужестранцу не позволялось есть вместе с ними, разве будет принят какой путешественник. А кто захотел бы сожительствовать им, тот должен наперед в течении трех лет исправлять труднейшие работы, и потом уже иметь с ними общение. Предписывалось также одеваться в кожаные одежды и покрывать голову шерстяными шапочками, а на шапочках делать значки красного

цвета; употреблять сверх того льняные хитоны и поясы, и в этих хитонах и кожаных одеждах спать, сидя в особо устроенных седалищах, огражденным с обеих сторон так, чтобы они могли служить каждому вместо постели; но в первый и последний день недели, приступая к жертвеннику для приобщения божественных тайн, развязывать поясы и снимать кожаные одежды; молиться каждый день двенадцать раз, да столько же вечером и столько же ночью, а в девятый час – три раза; притом, пред принятием пищи, каждую молитву предварять пением псалма. Все общество должно было разделяться на двадцать четыре разряда, и каждому разряду надлежало носить имя одной из греческих букв, так чтобы это название соответствовало его жизни и нравам: например. простейшие назывались иотою, хитрейшие зитою или кси, а другие – другим образом, сколько можно было приспособить свойства разряда к начертанию буквы. Этими то правилами руководил своих учеников Пахомий, муж весьма человеколюбивый и много угодивший Богу, так что мог предвидеть будущее и часто беседовал с святыми ангелами. Он жил в Фиваиде на острове Тавенне, от чего ученики его и доныне называются тавенскими. Живя по вышеизложенным правилам, они сделались знаменитыми, и с течением времени число их так умножилось, что возросло до семи тысяч человек; ибо и одно общежитие на острове Тавенне, где жил сам Пахомий, простиралось до тысячи трех сот человек, – тогда как тавенцы обитали не только в Фиваиде, но и в других странах Египта, и у всех их был один и тот же образ жизни, у всех – все общее. Общежитие на острове Тавенне почитали они как бы материю, а тамошних настоятелей его – отцами и начальниками. В то же время монашеским любомудрием прославился и Аполлоний, который, говорят, начал любомудрствовать в пустынях еще с пятнадцати лет от роду, а достигши сорокалетнего возраста, по Божию повелению, пришел в места обитаемые. Свое общежитие имел он также в Фиваиде, весьма благоугождал Богу, совершал чудесные исцеления и знамения, любил делать, что следовало, и был добрым и ласковым учителем людей, приходивших для любомудрия. В молитвах своих он так успевал, что о чем ни

просил Бога, ничто не осталось неисполненным; потому что, быв мудр, мудро возносил он и прошения, а таковые Бог всегда скоро удовлетворяет. В то же время жил, как полагаю, и преподобный Ануф, который, сказывали мне, с тех пор, как в первый раз во время гонений на христианскую веру исповедал (Бога), никогда не говорил лжи, не желал ничего земного, получал от Бога все, о чем ни молился, и на всякую добродетель был наставляем Ангелом Божиим. Но о монахах египетских этого будет довольно.

Подражая примерам Египтян, подобным образом начала любомудрствовать и Палестина. Здесь процветал тогда преподобный Иларион. Отечеством его было селение Фавафа, лежащее к югу от города Газы близ потока, который впадает в море и называется тамошними жителями по имени самого селения. Иларион слушал в Александрии грамматика, но увидев монаха Антония Великого, пошел в пустыню и в беседе с ним изучил жизнь любомудрственную. Пробыв там немного времени, он возвратился в отечество; потому что у Антония, к которому ежедневно приходило много посетителей, ему нельзя было безмолвствовать по своему желанию. Не застав родителей в живых, он разделил свое имущество братьям и бедным и, не оставив себе совершенно ничего, поселился в одном пустынном месте близ моря, расстоянием около двадцати стадий от родного селения. Жилищем его был небольшой домик, построенный из кирпича, хворосту и разбитых черепиц, и имевший столько широты, высоты и длины, что стоя, надобно было наклонять голову, а лежа, подгибать ноги; ибо он всячески приучал себя к перенесению трудов и к обузданию прихотливости. Подлинно, из всех людей, известных нам по неослабному и испытанному воздержанию, он никому не уступил первенства, ибо побеждал голод и жажду, холод и зной, и другие ощущения и пожелания тела и души. Нравом был он добр, в беседе – важен, и тщательно упражнялся в священном Писании, Богу же так благоугодил, что на его могиле еще доныне многие больные и одержимые демоном получают исцеление и, – что всего удивительнее, – исцеляются как на острове Кипре, где он был погребен прежде, так и в Палестине,

где почивает теперь: ибо он умер в то время, когда находился на Кипре и был погребен тамошними жителями, воздававшими ему великое почитание и благоговевшими пред ним; потом, знаменитейший из учеников его Исихий, тайно взяв оттуда останки его, перенес их в Палестину и положил в собственном монастыре. С того времени здешние жители всенародно и весьма торжественно совершают ежегодное в честь его празднество; ибо у Палестинян есть обычай – именно так выражать почтение к бывшим у них святым мужам. Подобным образом чтут они Аврелия анфидонского, Алексиона вифагафонского и Алафиона асалейского, которые, живя во время того же царствования, благочестиво и мужественно упражнялись в любомудрии, и своими добродетелями много способствовали к утверждению христианской веры в городах и селениях, преданных язычеству. В описываемое время близ Эдессы любомудрствовал и Юлиан, проводя жизнь самую строгую и как бы бестелесную, так что состоял, казалось, из одних костей и кожи, без плоти, и писателю Ефрему Сириянину подал повод к составлению сочинения о его жизни. Мнение, какое имели о нем люди, подтвердил сам Бог, даровав ему силу изгонять демонов и исцелять всякие болезни – не врачевствами какими-нибудь, а одною молитвою. Вместе с ним в той же стране процветали и многие другие духовные мудрецы, как в округе элесском, так и под городом Амидою, около горы, называемой Гавгалою. Между ними был Даниил и Симеон. Но о монахах сирийских теперь довольно. Если даст Бог, – с большею полнотою буду говорить о них после.

У Армян, Нафлагонян и обитателей при понтийских начало монашеской жизни положил, говорят, предстоятель Церкви севастийской в Армении, Евстафий. Он ввел правила касательно всех частей благоговейного поведения, – какие то есть употреблять яства и от каких воздерживаться, какие носить одежды, какие соблюдать обычаи, и начертал весь образ строгой жизни; так что аскетическую книгу, надписанную именем Василия каппадокийского, некоторые приписывают Евстафию. Говорят, что, по любви к излишней строгости, Евстафий допустил некоторые странности, нисколько несогласные с

постановлениями Церкви; но иные защищают его от этого упрека и обвиняют некоторых учеников его, что они осуждали брак, запрещали молиться в домах людей брачных, презирали брачных пресвитеров, постились в господские праздники, собирались для Богослужения в частных домах, чуждались людей, вкушавших мясо, и не хотели одеваться в обыкновенные хитоны и далматики, но употребляли одежду странную и необыкновенную, и вводили много других новостей. Обманутые этим многие женщины, оставляя своих мужей и будучи не в состоянии сохранять целомудрие, впали в прелюбодеяние; а некоторые, под предлогом благочестия, стригли волосы на голове и одевались не так, как прилично женщинам, но как свойственно мужчинам. Поэтому соседние епископы, собравшися в пафлагонской митрополии, Ганграх, объявили что отлучат их от кафолической Церкви, если, по определению Собора, они не откажутся от всего вышесказанного. С того времени, говорят, Евстафий, желая показать, что он ввел и исполнял это не из тщеславия, а для угождения Богу подвигами, переменил одежду и ходил подобно прочим священнослужителям. Быв таким по образу жизни, он возбуждал удивление и словом, хотя красноречием, правду сказать, не отличался, потому что не изучал этой науки, но был удивительного нрава и весьма способен убеждать, так что многих из приходивших к нему мужей и жен расположил вести жизнь целомудренную и подвижническую. Говорят, что когда некто мужчина и женщина, посвятившие себя девству по правилам Церкви, были обличены в сожительстве, Евстафий старался разорвать взаимную из связь, но не успев в этом, глубоко вздохнул и сказал: жена, законно жившая с своим мужем, услышав мои слова о целомудрии, отказалась от сожительства, которое позволено иметь замужним с их мужьями; а для сожительствующих друг с другом беззаконно мои убеждения оказываются слабыми. Такой то муж, по сказаниям был в тех странах основателем строгой монашеской жизни.

Фракияне, Иллирийцы и обитатели так называемой Европы хотя и не имели еще у себя монашеских общин, однакож не

совсем были лишены любомудрствователей. У них в то время известен был Мартин, происходивший от знаменитых предков в паннонском городе Савории. Сперва счастливо служил он в военной службе и начальствовал отрядом, а потом, предпочетши благочестие, стал вести жизнь любомудрственную. Мартин сначала жил у Иллирийцев и, видя, что некоторые из тамошних епископов держатся Ариева образа мыслей, стал ревностно подвизаться за догмат. Это подвергало его наветам, частому публичному бичеванию и изгнанию. Быв изгнан, он прибыл в Медиолан и жил в уединении. Но так как епископ Авксентий, равным образом неправо исповедовавший веру никейских Отцов, стал строить против него козни; то он удалился и оттуда, и поселился на острове, называемом Галлинария, где несколько времени довольствовался корнями растений. Этот остров, лежащий на море Тирренском, мал и необитаем. Впоследствии Мартин сделан был епископом Церкви тарракинской. Есть предание, будто сила чудотворения была в нем столь велика, что он воскресил мертвого и совершал другие знамения, не меньше апостольских. В той же стране и в то же время, как до нас дошло, жил достоуважаемый по жизни и слову муж Иларий, вместе с Мартином изгнанный за ревность к (православному) учению. Итак о мужах, по благочестию и правилам Церкви, занимавшихся тогда любомудрием, я, что узнал, написал.

Но в то самое время чрезвычайно много красноречивейших мужей процветало и в недре Церквей Знаменитейшими из них были: Евсевий, предстоятель Церкви эмисской, Тит бострийский, Серапион тмуитский, Василий анкирский, Евдоксий германикийский, Акакий кессарийский и Кирилл, управлявший Церковию иерусалимскою. Доказательством их учености служит много замечательных сочинений, которые они написали и оставили потомству.

Глава 15

О слепце Дидиме и еретике Аэции.

В то же время процветал и церковный писатель Дидим, бывший начальником духовного училища священных наук в Александрии. Он обогатил себя мудростию всякого рода: знал поэтов и риторов, астрономию, геометрию, арифметику и учения философов. Знание всего этого приобрел он одним умом и слухом, ибо ослеп еще в молодых летах, при первых опытах изучения азбуки. Достигши юношеского возраста, он возжаждал наук и образования, и посещая учителей, только слушал их, и достиг такой мудрости, что ему доступны были и самые трудные математические феоремы. Говорят, что формы букв изучал он, касаясь пальцами дощечки, на которой они были глубоко вырезаны, а слоги, имена и все прочее усвоял понятливостию ума, частым слушанием и припоминанием того, что уловлял слухом. Он служил немалым чудом. Его славою многие были привлекаемы в Александрию, – одни для того, чтобы слушать слепца, другие – чтобы только увидеть его. Поддерживая учение никейского Собора, он был непомерно тяжел для Ариан; ибо легко убеждал, делая это, повидимому, не силою красноречия, но особенным искусством убеждения – поставлять каждого как бы судиею спорных предметов. За то преданные кафолической Церкви весьма уважали его, равно как выражали ему почтение общества египетских монахов. Антоний Великий, прибыв тогда из пустыни в Александрию для засвидетельствования веры Афанасия, говорят, сказал ему следующее: не стоит скорбеть и жаловаться, Дидим, что у тебя нет очей, которые есть и у ящериц, и у мышей, и других маловажных животных: тебе гораздо приятнее наслаждаться блаженством, имея очи, подобные ангельским, которыми ясно созерцаешь Бога и верно постигаешь истинное знание. Были также и в Италии, и в подчиненных ей областях мужи, отличавшиеся знанием отечественного красноречия, например, Евсевий и вышеупомянутый Иларий, которого известны знаменитые сочинения о вере и против еретиков, равно как Люцифер,

бывший, говорят, основателем соименной ему ереси. В то же время у еретиков славился Аэций диалектик, человек сильный в искусстве умозаключений, опытнейший в словопрении, беспрестанно этим занимавшийся и, за свои легкомысленные рассуждения о Боге, у многих прослывший безбожником. Говорят, что сперва был он врачом в Антиохии сирийской, усердно посещал церкви, беседовал о священном Писании и сделался известен тогдашнему кесарю Галлу, который питал великое уважение к вере и был весьма благосклонен к ревнующим о благочестии. Так Аэций приобрел его дружбу, вероятно, этими беседами, то стараясь понравиться ему еще более, стал тем усерднее заниматься помянутым родом наук; ибо Галл проходил, говорят, даже науки Аристотеля и слушал преподавателей их в Александрии. Кроме этих, много находилось в разных Церквах и других мужей, которые способны были учить и рассуждать о священном Писании. Перечислить всех их трудно. Но да не покажутся кому-либо неприятными похвальные мои отзывы о некоторых основателях или ревнителях упомянутых ересей: я говорю только, что они отличались красноречием и ученостию; что же касается до догматов, то пусть судят о них другие, кому следует. Ибо не в том состоит предмет моего сочинения, и это не относится к Истории, которая должна излагать одни события, не прибавляя ничего собственного. Итак из людей, говоривших по-гречески и по-римски, все, в то время прославившиеся своим образованием и ученостию, теперь нами перечислены.

Глава 16

О святом Ефреме.

Но, кажется, всех их превосходит и служит особенным украшением кафолической Церкви Ефрем Сириянин, родившийся в Низибии, либо в окрестностях этого города. Проводя жизнь в монашеском любомудрии, не учившись и не подавая надежд, что будет таким, он вдруг показал столь великую ученость на языке сирийском, что постигал высшие умозрения философии, а легкостию и блеском слова, также обилием и мудростию мыслей, превзошел знаменитейших греческих писателей: ибо если сочинения последних перевести на сирский, или другой какой язык, и лишить их, так сказать, приправы греческих оборотов речи, то они тотчас разоблачатся и потеряют прежнюю приятность; а сочинения Ефрема не таковы. Еще при его жизни, все написанное им переведено на греческий язык и остается до ныне, однакож не много отступает от природного своего совершенства. На греческом ли читаете его, или на сирийском языке, – он равно удивителен. Этим мужем восхищался и удивлялся его учености сам Василий, бывший после епископом митрополии каппадакийской. А мне по справедливости кажется, что такое свидетельство, произнесенное устами Василия о Ефреме, можно почитать общим свидетельством самих ученых между Греками мужей того времени; потому что Василий, как известно, превосходил всех славою своего красноречия. Говорят, что Ефрем написал всего около тридцати тысяч стихов и имел множество учеников, которые ревностно следовали его учению. Знаменитейшие из них были: Аввас, Зиновий, Авраам, Марас и Симеон, которыми Сирияне и все, получившие у них образование, очень гордятся. Хвалят также за красноречие Павлона и Аранада; но говорят, что они уклонились от здравого учения. Не известно мне, что у Озроэнов и прежде были равным образом красноречивейшие мужи: Вардисан, основавший названную по его имени ересь, и сын Вардисана Армоний, который, научившись греческим наукам, первый, говорят, подчинил отечественный язык

поэтическим размерам и законам музыки, и установил напевы; так что Сирийцы нередко и ныне поют, пользуясь не сочинениями Армония, а его напевами. Как сочинитель, он был не совсем свободен от отцовской ереси и от того, что мыслят греческие философы о душе, рождении, разрушении и возрождении тела, и имея обычай писать в роде лирическом, примешивал к своим сочинениям и эти мысли. Видя, что Сирийцы увлекаются красотою его выражений и рифмом песен, а чрез то привыкают одинаково с ним мыслить, Ефрем, хотя сам и не имел греческого образования, однакож постарался изучить размеры Армония и, приспособительно к напевам его сочинений, написал другие стихотворения, согласные с церковным учением. Плодом этих трудов его были священные гимны и оды в похвалу бесстрастных мужей. С того времени Сирийцы размером песней Армониевым поют стихотворения Ефрема. Из этого можно заключить, каковы были природные его дарования. А в образе жизни он славился добрыми делами, строгостию правил и тем, что весьма любил безмолвие. Вид имел он степенный и так остерегался наветов, что избегал и одного взгляда на женщину. Говорят, однажды какая-то женщина, нерадивая по жизни и бесстыдная по нраву, либо сама желая искусить этого мужа, либо быв подкуплена другими, нарочно встретилась с ним в узкой улице лицом к лицу и нагло устремила на него взор. Он сделал ей упрек и приказал смотреть в землю. Да как же, когда я произошла не из земли, а из тебя, отвечала женщина? Справедливее будет смотреть в землю тебе, так как ты из земли получил бытие, а мне – на тебя, так как я произошла из тебя. Удивившись женщине, Ефрем изложил это событие в особом сочинении, которое Сирийцы поставляют в числе лучших его сочинений. Говорят, что прежде был он весьма склонен к гневу, но с того времени, как начал вести жизнь монашескую, его никогда не видывали гневающимся. Однажды, после многих дней обычного ему поста, служитель нес ему пищу и разбил сосуд. Видя, что он смешался от стыда и страха, Ефрем сказал: не робей; если пища к нам не идет, то мы к ней пойдем, – и севши к черепкам горшка, стал обедать. А сколько он был выше тщеславия,

можно видеть из следующего: Однажды донесли ему об избрании его в епископа и хотели взять его, чтобы вести для рукоположения. Заметив это, он тотчас выбежал на площадь и притворился безумным: начал ходить беспорядочно, волочить одежду и публично есть пищу. Когда хотевшие взять его подумали, что он в самом деле сошел с ума и оставили свое намерение; то он, воспользовавшись временем, убежал и скрывался до тех пор, пока не был рукоположен другой. Этим я и удовольствуюсь касательно Ефрема, хотя туземцы знают и рассказывают о тем более. Напишу только еще, что он сделал не задолго пред смертию; потому что это мне кажется достопамятным. Когда город Эдесса долго страдал от голода, он вышел из своего жилища, в котором занимался любомудрием, и стал укорять людей достаточных, мудро доказывая им, что не должно презирать своего единоплеменника, погибающего от недостатка в необходимом, и заботливо сохранять свое богатство к собственному вреду и на казнь своей души, которая превосходнее всякого богатства, дороже самого тела и всего прочего, между тем как они нимало не ценят ее, что Ефрем обличал самыми делами. Устыдившись этого мужа и его слов, богатые отвечали, что они нисколько не заботятся о богатстве, но не знают, кому вверить его для распоряжения; ибо почти все стремятся к корысти и дело превращают в мелочное барышничество. А меня каким почитаете вы, спросил он? – Те единогласно отвечали, что почитают его мужем, достойным доверия, весьма честным и добрым, именно таким, таким представляет его молва. Так для вас я охотно приму на себя эту обязанность, сказал он, и взяв у них деньги, устроил в публичных портиках, около трехсот кроватей, где врачевал страдавших от голода, принимал странников и снабжал всех, приходивших из деревень и не имевших необходимого. Когда же голод прекратился, он опять пошел в свое убежище, где жил прежде, и прожив не много дней, скончался. В чине церковном Ефрем достиг только диаконского сана, по добродетелям был славен не менее тех, которые украшались саном священства, честным образом жизни и ученостию. Вот краткие указания на добродетели Ефрема.

Чтобы рассказать и описать все по надлежащему, как он и всякий из тех, которые занимались тогда любомудрием, жил и поступал и с кем общался, нужен такой писатель, каков был он сам. А для себя я считаю это невозможным – как по недостатку слова, так и по незнанию самых мужей и их подвигов; ибо одни из них скрывались в пустынях, другие, хотя вращались и в городской толпе, но хотели казаться людьми простыми, ничем не отличающимися от всех прочих, и когда делали добро, то удалялись от истинного о себе мнения, чтобы не быть предметом прославления от других. Устремив свой ум к воздаянию небесному и благам будущим, они свидетелем своих подвигов поставляли одного Бога, а о внешней славе нисколько не заботились.

Глава 17

О тогдашних событиях, как содействием царей и епископов возрастала христианская вера.

Впрочем, говоря вообще, и предстоятели Церквей в то время вели жизнь строгую. Так и не удивительно, что под влиянием таких мужей народ усердно становился вокруг знамени Христовых чтителей, и благочестие ежедневно возрастало ревностию, добродетелями и чудными деяниями освященных и любомудрственных мужей, уловляя и привлекая к себе последователей языческого заблуждения. Возрастанию благочестия содействовали и цари, поколику не менее своего отца заботились о Церквах, клириков же, детей их и прислужников удостаивали особенных почестей и освобождали от податей, а против жертвоприносителей, почитателей идолов, или другим образом совершавшихся языческое богослужение, не только подтвердили отцовские законы, но издали и свои. Они повелели все находившиеся в городах и селениях храмы затворить, а некоторые отдать в пользу Церквей, нуждавшихся в местах, или материалах. Особенно же заботились – одни из молитвенных домов, пострадавшие от времени, возобновлять, а другие великолепно воздвигать с самого основания. К числу последних принадлежит достойная удивления и превосходнейшая по красоте церковь эмесская. Иудеям законом запрещено было покупать в рабство кого-либо из людей, не принадлежащих к их секте. И кто из них поступил бы вопреки этому закону, того раб отписывался к государству; а когда купленный, сверх того, по обряду иудейскому, подвергался бы обрезанию, то купивший присуждался к уголовному наказанию и лишению имения. Всячески стараясь о распространении христианской веры, цари заботились и о том, чтобы лица, по рождению не принадлежащие к Иудейству, ненаказанно не переходили в Иудейство, но чтобы все, подававшие хотя надежду присоединения к Христианству,

блюлись для Церкви; ибо Христианство возрастало преимущественно из среды язычников.

Глава 18

О вере сыновей Константина; о различии между словами: единосущный и подобносущий, и о том, каким образом Констанций отступил от православной веры.

Касательно христианского учения сначала сохраняли они веру отцовскую, потому что оба следовали никейской. Констант так и остался до конца жизни; а Констанций никейского исповедания держался только до некоторого времени, впоследствии же, когда слово «единосущный» сделалось предметом нападений, отступил от прежнего мнения, хотя и не перестал признавать Сына подобным Отцу по существу. Между тем евсевиане и некоторые другие из епископов, славившихся тогда на востоке красноречием и жизнию, стали, как известно, различать выражения: «единосущный» и «подобный по существу», что называлось у них «подобносущием», – на том основании, будто единосущный относится собственно к существам телесным, напр. к людям и прочим животным, к деревам и растениям, которые получают бытие и сущность из того, что подобно им, а подобносущие относится к существам бестелесным, напр. к Богу и ангелам, из коих каждое мыслится само по себе, в собственной сущности. Ими то царь Констанций был переубежден, хотя внутренне, как я полагаю, мыслил он одинаково с отцом и братом и, только заменив одно слово другим, говорил – подобносущный, вместо единосущный; – ибо так угодно было нововводителям, которые утверждали, что это выражение точнее, и что кто говорит не так, тот подвергается опасности счесть бестелесное за телесное. Напротив многим другим это казалось нелепым; потому что означения предметов умственных, говорили они, надобно заимствовать слова от предметов видимых, и выражение нисколько не опасно, если погрешности нет в самой мысли.

Глава 19

Еще о слове: единосущный, и об ориминском Соборе, как, почему и для чего был он составлен.

Многие, даже из епископов, беспрекословно приняли это выражение, тогда как мысленно согласовались с отцами, собиравшимися в Никее; а иные не делали между ними никакого различия и употребляли их в одном и том же смысле. Поэтому, мне кажется, весьма далеко от истины следующее сказание единомышленников Ариевых: Они говорят, будто после никейского Собора, многие из епископов, в числе которых были Евсевий и Феогнис, отказались называть Сына единосущным Отцу, – и Константин, разгневавшись на это, осудил их на изгнание. Но потом сон ли то, или божественное видение явилось сестре царя и убедило ее, что изгнанные мыслят верно и пострадали несправедливо. Побуждаемый этим царь вызвал их назад и спросил: почему несогласны они с определениями никейскими, тогда как сами принимали участие в изложении никейского Символа веры? На что они отвечали, что изъявили свое согласие не искренне, опасаясь, как бы, в случае споров, он не счел христианского учения сомнительным, тем более, что сам недавно сделался Христианином и еще не был крещен. После такого-то, говорят, оправдания Константин даровал им прощение и намеревался составить другой Собор, но не исполнив своего намерения, по причине скоро приключившейся ему смерти, завещал сделать это Констанцию, как старшему своему сыну, и сказал, что царствование не принесет ему пользы, если все не будут единодушно чтить Бога. Итак, повинуясь отцу, Констанций созвал Собор в Аримине. Но здесь-то особенно и открывается ложь. Собор ариминский состоялся при консулах Ипатие и Евсевие, когда Констанций, по смерти отца, царствовал уже двадцать второй год; а втечение этого времени было много Соборов, на которых рассуждали о единосущии и подобносущии. Почитать же Сына по существу не

подобным Отцу решительно никто не хотел до тех пор, пока эта мысль не заняла Аэция. И для отвержения его-то учения Констанций приказал иереям в одно и то же время собраться в Аримине и Селевкии; так что истинною причиною ариминского Собора было – не повеление Константина, а исследование дела Аэциева. А что это действительно справедливо, можно видеть из нижеследующего.

Глава 20

О том, что, по грамоте Констанция, Афанасий опять возвращается и получает свою кафедру; так же об архиереях антиохийских и о том, чего требовал Констанций от Афанасия; а наконец о славословии Бога в гимнах.

Узнав о происходившем в Сардике, Констант написал брату, чтобы он возвратил Афанасию и Павлу их Церкви. А так как последний медлил; то он опять написал ему, предлагая – либо принять упомянутых мужей, либо готовиться к войне. Сообщив об этом восточным епископам, Констанций счел безрассудным по такой причине начинать междоусобную войну. Он зовет к себе Афанасия из Италии, предлагает ему общественные подводы для проезда, и письмами не один раз убеждает ехать скорее. Афанасий, находившийся тогда в Аквилее, по получении Констанциева письма, отправился в Рим проститься с Юлием. Юлий принял его весьма дружелюбно и вручил ему послание к александрийскому клиру и народу, в котором справедливо удивлялся этому мужу, прославившемуся многими страданиями и, сорадуясь александрийской Церкви, по случаю возвращения к ней такого пастыря, увещевал ее мыслить с ним одинаково. Отсюда Афанасий отправился в Антиохию сирийскую, где тогда находился царь и где Церквами управлял Леонтий; ибо по изгнании Евстафия, антиохийский престол занимали приверженцы арианской ереси, – сперва Евфроний, потом Плакит, за ним Стефан, а когда последний, признанный недостойным, был низложен, епископство получил Леонтий. Афанасий удалялся от него, как от иноверца, а с так называемыми евстафианами имел общение и делал собрания в частных домах. Видя, что Констанций обходится с ним кротко и благосклонно, он решился просить его о возвращении себе своей Церкви и об отрешении предстоятелей арианской ереси. Я готов, сказал царь, исполнить все обещания, которые давал,

вызывая тебя; но справедливость требует, чтобы и ты охотно согласился исполнить просьбу, которую предложу тебе: она состоит в том, чтобы из многих, подчиненных тебе Церквей, одна принадлежала людям, не желающим иметь с тобою общение. На это Афанасий отвечал: весьма справедливо и необходимо повиноваться твоим велениям, Государь, – и прекословить я не буду. Но так как и в этом городе Антиохии есть некоторые, избегающие общения с иноверцами; то и я прошу подобной же милости, чтобы им принадлежала также одна церковь, в которой они могли бы безопасно собираться. Слова Афанасия царь признал справедливыми: но еретики сочли за лучшее замолчать, ибо рассудили, что их ересь в Александрии при Афанасие успеха иметь, конечно, не будет; потому что Афанасий способен и сохранять единомышленников и привлекать к себе противников. Если же подобное состоится и в Антиохии; то во-первых, собирутся все многочисленныне приверженцы Евстафия, во-вторых, арианам вероятно придется испытать новые затруднения, чтобы удержать при себе тех, которые преданы их ереси; ибо и теперь, несмотря на обладание их тамошними церквами, не весь клир и народ совершенно следует их мнениям, но по обычаю составляя хоры для прославления Бога, каждый из них в конце песней произносит собственное свое верование: одни величают Отца и равночестного ему Сына, другие Отца – в Сыне, выражая этою прибавкою ту мысль, будто Сын занимает вторую степень. В таких именно обстоятельствах, управлявший тогда антиохийскою кафедрой со стороны арианской ереси, Леонтий не знал что делать. Препятствовать прославлявшим Бога по преданию никейского Собора он не решался, опасаясь народного возмущения; но, говорят, взялся за голову, которая у него была покрыта сединами, и сказал: когда растает этот снег, много будет грязи, указывая на то, что, когда он умрет, разногласие в славословиях окончится возмущением народа, если преемники его не будут к нему столь же снисходительны.

Глава 21

О том, что писал Констанций Египтянам об Афанасие; также о Соборе иерусалимском.

Между тем, Афанасия царь отправил в Египет, и городским епископам, пресвитерам, народу александрийской Церкви писал послание, в котором, свидетельствуя о правоте жизни и добродетельном нраве посылаемого епископа, увещевал их, под руководством такого предстоятеля, быть единодушными и чтить Бога в молитвах и молениях. А кто из неблагонамеренных произведет возмущение, тому угрожал он наказанием по установленным против таких людей законам. Вместе с этим царь повелел изгладить в государственных памятниках все, что прежде писано было им против Афанасия и людей, имеющих с ним общение, и его клирикам, в совершении священнослужения, по прежнему даровать свободу. Об этом написал он начальникам Египта и Ливии. По прибытии в Египет, известных себе лиц с ариевым образом мыслей Афанасий низложил, а кого сам испытал и одобрил, тем поручил Церкви и веру никейского Собора, заповедав им ревностно держаться ее. То же, говорят, делал он тогда и у других народов, где проезжал и находил Церкви под управлением ариан. Впоследствии это то именно поставили ему в вину, что то есть осмелился он рукополагать в городах, нисколько ему не принадлежавших. Но так как его возвращение в настоящее время совершилось против воли врагов, да и дружба царя Константа не позволяла питать к нему презрение; то теперь уважали его больше, чем прежде. Теперь даже многие из епископов например палестинских оставили против него вражду и вступили с ним в общение; ибо, когда он проезжал чрез их страну, дружелюбно приняли его. А Максим и другие, составив в Иерусалиме Собор, написали о нем следующее.

Глава 22

Послание иерусалимского Собора об Афанасие.

Святой, собравшийся в Иерусалиме Собор – живущим в Египте, Ливии и Александрии пресвитерам, диаконам и народу, возлюбленным и вожделенным братиям, желает здравия о Господе.

«Не можем, возлюбленные, по достоинству возблагодарить Бога всяческих за чудеса, которые он всегда совершал, и ныне совершил с вашею Церковию, возвратив вам пастыря вашего, господина и сослужителя нашего, Афанасия. Кто мог бы надеяться – когда либо и глазами узреть то, что ныне получаете вы на самом деле? Молитвы ваши, поистине, услышаны Богом всяческих, который, промышляя о своей Церкви, умилостивился над вашими слезами и воздыханиями, и внял вашим молениям. Вы подобны были рассеянным, гонимым и лишенным пастыря овцам: но на вас воззрел пекущийся об овцах своих Пастырь истинный, и возвратил вам того, кого вы желали. Вот мы, делающие все для мира церковного и соглашающиеся с вашею любовию, уже приняли и приветствовали его и, вступив с ним в общение, чрез него посылаем вам это выражение своего благожелания, чтобы вы видели наше единение с ним и с вами в союзе любви. Вам надлежит возносить молитвы и за благочестие боголюбезнейших царей, которые, узнав о нашем желании и невинности Афанасия, благоволили возвратить его вам со всякою честию. Примите же его с распростертыми объятиями и поспешите вознести о нем подобающие благодарственные молитвы к благодеющему вам Богу; да не престанете радоваться о Боге и исповедовать Господа во Христе Иисусе, Господе нашем, чрез которого Отцу слава во веки веков. Аминь».

Глава 23

Признание единомышленников Ариевых Валента и Урсакия пред римским епископом, что они ложно обносили Афанасия.

Так писал Собор палестинский. Между тем случилось нечто, для Афанасия весьма важное, что ясно доказывало, как несправедливо осужден был он на Соборе тирском. Именно, Валент и Урсакий, которые, как сказано выше, вместе с сообщниками Феогниса отправляемы были в Мареотиду для исследования, точно ли Афанасий, согласно с доносом Исхириона, сокрушил священную чашу, раскаялись и римскому епископу Юлию написали следующее:

Господину блаженнейшему папе Юлию, – Урсакий и Валент.

«Так как пред этим пришлось нам своими грамотами взносить на епископа Афанасия много тяжких обвинений, а по письменному вызову твоей святости касательно упомянутого нами дела, мы не могли дать отчета; то в присутствии всех наших братьев, пресвитеров, признаемся пред твоею святостию, что все, прежде доходившее до слуха вашего на счет упомянутого Афанасия, есть чистая выдумка, и ни в каком смысле к нему не относится. Посему мы охотно вступаем с ним в общение, особенно же когда твое Богочестие, по врожденному добросердечию, благоволило простить нам наш обман. Объявляем также, что если бы восточные и даже сам Евсевий – захотели заставить нас злонамеренно дать об этом в суде неправое мнение, мы не отступим от истины без твоего ведома. А еретика Ария и защитников его, утверждающих, будто было время, когда Сына не было, или, будто Христос произошел из несущего, и не допускающих, что Христос есть Бог и что Сын Божий существует прежде веков, как мы изложили это и в прежнем медиоланском своем Символе, анафематствуем ныне и всегда. Подписывая свое исповедание собственноручно, мы и еще объявляем, что арианскую ересь и установителей ее, как сказано выше, осуждаем на веки. К сему исповеданию моему

лично подписался я, Урсакий; то же – и Валент». Такое-то признание написали они Юлию. Надобно приложить к сему и то, что написано ими Афанасию. Последнее послание их состоит в следующем:

Глава 24

Примирительное послание тех же епископов к Афанасию Великому, и о том, как прочие восточные епископы получили обратно свои престолы, и что вместо низложенного Македония снова занял свой престол Павел.

Господину брату епископу Афанасию – епископы Урсакий и Валент.

«Нашедши случай, сим усердно приветствуем тебя, возлюбленный брат, чрез брата и сопресвитера нашего Мусея, отправляющегося к любви твоей из Аквилеи. Желаем тебе здравствовать и просим прочитать наше послание. Ты утешишь нас, если на это писание ответишь свои. Знай, что мы имеем с тобою мир и церковное общение. Доказательством да послужит сие письменное приветствие наше». Итак, оставив западную империю, Афанасий возвратился в Египет. Равным образом отправились к своим кафедрам Павел, Маркелл, Асклепа и Лукий; ибо грамотами царя дозволено возвращение и этим епископам. По прибытии Павла в Константинополь, Македоний удалился и стал делать частные собрания. Только в Анкире произошло величайшее возмущение, когда, при вступлении Маркелла, Василий был изгоняем из тамошней Церкви; а в прочих городах вступление епископов в свои митрополии совершалось без затруднений.

Конец третьей книги церковной истории.

Примечания:

Книга четвертая

Глава 1

Об умерщвлении кесаря Константа и о событиях в Риме.

Доселе все шло так; но в четвертый год после сардикского Собора, правитель западной Галии, Констант умерщвлен, – и Магненций, которого козни были причиною смерти Константа, подчинил всю его область своей власти. Между тем в Сирмии иллирийские войска провозгласили царем некоего Ветраниона. Большая доля этих бедствий пала на древний Рим, когда племянник царя Константина, Непоциан собрал отряд войска и стал также домогаться царства; но он был умерщвлен воинами Магненция. Констанций, к которому одному теперь (законно) перешла власть над всею империею, был провозглашен самодержцем и старался истребить тиранов. Между тем Афанасий прибыл в Александрию и из египетских епископов составил Собор, на котором подтверждены сделанные касательно его в Сардике и Палестине определения.

Глава 2

О том, как Констанций опять изгнал Афанасия и сослал в ссылку исповедников единосущия; также о смерти Павла константинопольского и о том, что Македоний снова занял его престол и наделал много зла.

Поверив клеветам последователей враждебной ереси, царь не остался при прежнем мнении, но вопреки определениям сардикского Собора, повелел изгнать тех, которые были возвращены им. Тогда, по изгнании Маркелла, анкирскую Церковь опять занял Василий; Лукий заключен в темницу и там умер; а Павел, осужденный на вечное изгнание, отправлен в Кукус, что в Армении, где и скончался, – но от болезни или насильственно, утверждать не могу. Молва и доныне носится, будто он удавлен единомысленниками Македония; ибо когда Павел отправлен был в ссылку, – Церковию овладел Македоний, который, оградив себя многими, построенными им в Константинополе монастырями, и союзом с соседними епископами, говорят, различным образом преследовал приверженцев Павла: – то изгонял их из Церквей, то принуждал иметь с собою общение; так что многие погибли от побоев, другие лишены имущества, иные – прав гражданства, а некоторым на лице поделаны знаки, чтобы можно было знать, кто они. Известившись об этом, царь не одобрил поступков Македония, но обвинял его.

Глава 3

О мученичестве святых нотариев.

Зло простерлось до убийств. В числе других были также умерщвлены Мартирий и Маркиан, домашние Павла. Рассказывают, что преданные Македонием префекту, как бы виновники умерщвления Ермогена и возмущения против него, а потом как бы содействователи к низложению самого Македония, когда он был изгнан из константинопольской Церкви, они мужественно претерпели смерть. Первый из них был иподиаконом, а Маркиан – певцом и чтецом божественных писаний. Гробница их, за стеною Константинополя, знаменита, как памятник мучеников, и заключена в храм, который начал строить Иоанн, а докончил Мисиний, бывшие после того времени предстоятели константинопольской Церкви. Они почли непристойный, чтобы принадлежащих мученикам почестей лишены были те, которые прославлены самим Богом; ибо это место, где отсекали головы осужденным на смерть, было прежде неприступным от привидений, а тогда очистилось, – тогда на гробнице их одержимые демоном получали исцеление от болезни и совершалось много других чудес. Но довольно о Мартирие и Маркиане. Кому это кажется невероятным, тот без труда может обстоятельнее расспросить о том людей знающих, – и ему, должно быть, расскажут нечто, еще более удивительное.

Глава 4

О военном походе Констанция в Сирмию; также о Ветранионе и Магненцие, и о том, что Констанций, провозгласив Галла кесарем, послал его на восток.

Около того же времени, по удалении Афанасия, Георгий в Египте злодейски поступал с теми, которые не соглашались принять его образ мыслей. Между тем царь повел войско в Иллирию и пришел в Сирмию, куда по предварительному соглашению прибыл и Ветранион. Тут провозгласившие его воины изменили ему и одного Констанция признали самодержцем и августом; потому что об этом старались как сам царь, так и приверженцы его. Увидев же себя преданным, Ветранион с покорною головою пал к ногам Констанция и просил помилования. Констанций, сняв с него царские украшения и багряницу, оказал ему милость, позволил жить частным человеком и получать все необходимое в изобилии от казны, потом присовокупил, что ему, как старцу, гораздо приличнее удалиться от царственных забот и вести жизнь в спокойствии. Окончив таким образом дело с Ветранионом, Констанций выслал огромное войско в Италию против Магненция, а двоюродного своего брата Галла провозгласил кесарем и назначил его в Сирию для охранения края восточного.

Глава 5

О том, что при Кирилле, управлявшем иерусалимскою паствою после Максима, опять являлся на небе в течение многих дней величайший образ креста, превосходивший светом солнце.

В то же время, при Кирилле, предстоятеле иерусалимской церкви после Максима, явилось на небе знамение креста, сиявшее блистательно, но не так, как сияют планеты, разбрасывая лучи, а сильно сосредоточенным, сжатым и вместе прозрачным светом. Простираясь от Краниева места до горы Елеонской, знамение занимало небо над этим пространством стадий на пятнадцать; да и широта его соответствовала длине. При появлении столь необычайного чуда, все пришли в страх, оставили домы, площади, все, чем кто ни занимался, – и с детьми, с женами, сбежавшись в церковь, стали единогласно прославлять Христа и усердно исповедовать Бога. Весть об этом не мало поразила целую империю: а распространилась она скоро; потому что находившиеся в Иерусалиме, по обычаю, из всей так сказать вселенной, для молитвы и обозрения тамошних мест, рассказали свои ближним все, чего были очевидцами. Узнал об этом и царь, как по известиям от многих других, так и из послания епископа Кирилла[17]. Люди знающие говорили, будто об этом еще в древности предвозвещено одним божественным пророчеством, находящимся в священных книгах. Такой случай многих из язычников и Иудеев при влек к христианской вере.

Глава 6

О Фотине сирмийском, его ереси, и бывшем против него Соборе в Сирмии; также о трех изложениях веры, и о том, что после низложения, приглашенный (подписать символ), Фотин отказался и был обличен в пустословии Василием анкирским.

В то же время предстоятель сирмийской Церкви Фотин, еще прежде, когда находился в Сирмии царь, вводивший новую ересь, стал явно проповедовать свое учение. Быв от природы одарен красноречием и способностию убеждать, он многих привлек к своему образу мыслей. Фотин говорил, что Бог есть один, Вседержитель, сотворивший все своим словом, а предвечного рождения и бытия Сына не допускал, утверждая, что Христос получил бытие от Марии. Когда такое учение многим в окружности сделалось известно; тогда оскорбились как западные, так и восточные епископы, видя, что это противоречит вообще верованию каждого из них: ибо вера Фотинова в одно и то же время оказывалась отличною и от исповедания Христиан, державшихся предания отцов никейских, и от мнения приверженцев Ариевых. Да и сам царь был недоволен этим. Находясь в то время в Сирмии, он созвал Собор, на который съехались с востока, между прочими, Георгий, предстоятель Церкви александрийской, Василий, епископ анкирский, и Марк арефузский, а с запада – Валент мурсийский и Осия исповедник, который, присутствовав на никейском Соборе, в этом принял участие против воли. Не задолго пред тем, по наветам Ариан, осужденный на изгнание, он был вызван сюда царем, по желанию собравшихся в Сирмии, которые думали, что если убеждением или насилием привлекут они этого знаменитого и всеми уважаемого мужа на свою сторону, то он будет достоверным свидетелем собственного их учения. Съезд на собор в Сирмию совершался в первом году после консульства Сергия и Нигриана, когда, по причине

произведенного тиранами возмущения в государстве, не назначено было консулов ни на востоке, ни на западе. Съехавшиеся сперва низложили Фотина, как последователя Савеллия и Павла Самосатского, а потом, кроме прежних постановлений касательно веры, издали три изложения, – одно на греческом языке, а прочие на латинском, – которые, и по словам и по мыслям, во многом отличались как одно от другого, так и от прежних изложений. Надобно заметить, что в греческом изложении Сын не называется ни единосущным, ни подобносущным Отцу, а те, которые утверждают, что Он безначален, или что сущность Отца, расширяясь, производит Сына, или что Он равночестен, а не подчинен Отцу, отлучаются от Церкви. Из латинских же в одном совершенно запрещается употреблять слово «существо», у Римлян называемое субстанциею, – будет ли Сын признаваем единосущным или подобносущным Отцу; потому что оно и в священном Писании не употребляется, и для разумения человеческого недоступно. В нем повелевается признавать Отца больше (Сына) и честию, и достоинством, и божеством и самым отеческим именем, а Сына – подчиненным Отцу вместе со всеми прочими тварями; так что Отец не имеет начала, а Сын получил рождение, хотя оно неизвестно никому, кроме Отца. Говорят, что когда это изложение было уже издано, некоторые епископы находили его сделанным не как должно, и старались отобрать назад для исправления, что приказывал и царь, угрожая наказанием тому, кто стал бы скрывать прежнее: но однажды изданное, оно уже не могло быть совершенно уничтожено. Третье изложение по мыслям во всем сходно с прочими; но слово «существо» в нем отвергается, и причина на латинском языке приводится буквально следующая: Слово «Существо», употребленное отцами по простоте и для многих непонятное, производит соблазн, так как оно не употребляется и в Писаниях; поэтому благорассуждено отвергнуть его и о существе вовсе не упоминать, – особенно когда в священных Писаниях нигде не говорится об Отце, Сыне и Святом Духе, что они одного существа. Мы называем Сына подобным Отцу, как называют Его и священные Писания». Так определено было касательно

веры в присутствии самого царя. Осия сначала отказывался дать свое согласие на это, но принуждаемый силою и на старости, говорят, перенося побои, согласился и подписал. Низложив Фотина, Собор хотел попытаться, нельзя ли как отклонить его от прежнего мнения. Но Фотин, несмотря на убеждения епископов, которые обещали возвратить ему епископство, если он откажется от собственного мнения и согласится с их исповеданиями, не принял предложения, а напротив вызвал их на состязание. Когда в назначенный день собрались епископы и, по повелению царя, явились судии, которые при дворе превосходили в то время всех своими познаниями и достоинством; тогда состязание с Фотином принял на себя анкирский епископ Василий. После продолжительной борьбы посредством вопросов и ответов с той и другой стороны, между тем как скорописцы записывали слова обоих, Василий одержал верх. Фотин был присужден к изгнанию, однакож и тут не перестал защищать собственное учение, но издавал сочинения на латинском и греческом языке, в которых старался доказать, что кроме его учения все прочие ложны. Впрочем о Фотине и называемой по его имени ереси – довольно.

Глава 7

О смерти Магненция и изменника Сильвана, также о возмущении Иудеев в Палестине и о том, что подозреваемый в преступных замыслах кесарь Калл был умервщлен.

Между тем Магненций овладел древним Римом и умертвил многих из сенаторов и простого народа, но узнав, что шедшие против него военачальники Констанция находятся уже близко, отступил в западную Галлию. Там враждебные войска часто вступали в сражение, и одерживала верх то та сторона, то другая; но наконец Магненций был разбит и убежал в гальскую крепость Мурзу. Видя, что побежденные войска его упадают духом, он стал на возвышенном месте и старался ободрить их; а они, следую всегдашнему обычаю – привестствовать царей, думали приветствовать Магненция, но забывшись, нехотя, вместо Магненция, провозгласили августом Констанция. Из этого Магненций заключил, что ему свыше не дано царствовать, и оставив крепость, побежал далее. Но войско Констанция преследовало его и сразилось с ним близ так называемого Монтоселевка, после чего он обратился в бегство один и прибыл в Лугдун (Лион). Здесь, умертвив свою мать и брата, которого сделал кесарем, он умертвил наконец и себя. Спустя немного и другой брат его, Декентий, нанес себе смерть веревкою. Впрочем общественные смуты с этим не прекратились; ибо вскоре после сего в западной Галлии устремился к тирании некто Сильван, которого однакож военачальники Констанция скоро уничтожили. А между тем диокесарийские Иудеи стали делать набеги на Палестину и соседние области. Взявшись за оружие, они не хотели повиноваться Римлянам; но кесарь Галл, живший тогда в Антиохии, узнав об этом, послал против них войско, которое разбило их, а Диокесарию разрушило до основания. Засмотревшись на этот подвиг, он не перенес своего счастия и захотел быть самовластным; поэтому умертвил квестора Магна

и восточного префекта Доминициана, когда о его замыслах они донесли царю. Разгневавшись на это, Констанций приказал Галлу явиться к себе. Галл побоялся ослушаться и отправился в путь, но, находясь уже близ острова Флавона, по повелению царя был умерщвлен. Это случилось в третье консульство Галлово и в седьмое – Констанциево.

Глава 8

О прибытии Констанция в Рим, о Соборе италийском и о том, что случилось с Афанасием по наветам Ариан.

По истреблении тиранов, Констанций, надеясь успокоиться от бывших бедствий, оставил Сирмию и прибыл в древний Рим. Здесь хотел он торжествовать победу над тиранами и вместе, думая епископов обеих частей империи привести к единомыслию касательно догмата (о божестве Сына Божия), повелел быть Собору в Италии. Между тем Юлий, бывший предстоятелем римской Церкви двадцать пять лет, скончался, – и преемником его сделан Ливерий. Отвергавшие веру никейскую, считая это время благоприятным для оклеветания своих противников, заботливо домогались при дворе, чтобы все низложенные ими были изгнаны из церквей, как неправославные, и говорили, будто при жизни Константа они старались захватить царскую власть в свои руки, потому что Констант объявлял брату войну, если тот, как сказано выше, не примет их. Особенно же обвиняем был Афанасий, к которому Ариане питали столь великую ненависть, что и при жизни Константа, когда Констанций притворно оказывал ему благосклонность, не удержались от враждебных чувствований, но собрались в Антиохии, – Наркисс киликийский, Феодор фракийский, Евгений никейский, Патрофил скифопольский, Минофант ефесский и другие, всего около тридцати, – и написали ко всем епископам, что Афанасий возвратился в Александрию по происках своих единомышленников, вопреки законам церковным, не быв оправдан Собором, и увещевали не иметь с ним ни общения, ни переписки, а писать к рукоположенному ими Георгию. Афанасий тогда ничего не потерпел от этого, но в последствии его бедствия были тяжелее прежних; ибо как скоро Магненций погиб, – Констанций, сделавшись один властителем римской империи, стал употреблять все усилия, чтобы западных епископов соединить с

теми, которые Сына признавали подобносущным Отцу. Впрочем сначала делал он это по-видимому без насилия, а только убеждал подписаться под определениями восточных епископов против Афанасия; ибо думал, что если Афанасий будет уничтожен с общего согласия, то дело касательно веры легко устроится.

Глава 9

О Соборе медиоланском и о бегстве Афанасия.

На Соборе, по повелению царя, бывший в Медиолане, с востока приехали не многие; прочие же, чего и следовало ожидать, отказались, – одни по болезни, другие по отдаленности пути: но из западных собралось более трех сот. Когда восточные предложили осудить Афанасия, так чтобы он совершенно был изгнан из Александрии; то все согласились на это – или по страху, или по обману, или по незнанию дела: только Дионисий, епископ Альбы, митрополии италийской, Евсевий, епископ Маркелл лигурийских, Павлин триверский (трирский), Родан и Люцифер восстали против этого и говорили, что не следует так легкомысленно осуждать Афанасия; потому что, хотя бы и случилось это, зло все еще не прекратится, и козни коснутся самого православного учения о Боге. Царь и ариане, замечали они, домогаются этого с намерением истребить веру никейскую. За такое смелое противоречие упомянутые епископы, а вместе с ними и Иларий, осуждены были на изгнание. Что причина медиоланского Собора была действительно та, о которой я сказал, свидетельствуют последствия; ибо спустя немного, составились Соборы в Аримине и Селевкии, и на обоих, как сейчас скажу, старались исказить постановления никейские. Между тем Афанасий узнал, что при дворе строятся против него козни и, не имея дерзновения отправиться сам, да и не предвидя от этого пользы, избрал из египетских епископов пятерых, между коими был Серапион тмуитский, муж весьма уважаемый за святость жизни и красноречие, и послал их к царю, жившему тогда на западе империи. Вместе с ними назначил он к отъезду и трех пресвитеров из собственной Церкви, чтобы они благорасположили царя к своему епископу, защитили его, если будет нужно, против клеветы врагов и сделали все, что и для Церкви, и для него найдут лучшим. Но спустя немного по

отплытии их, Афанасий получил грамоту, которою царь призывал его ко двору. При этом случае, как сам епископ, так и народ его Церкви встревожились и пришли в состояние мучительного недоумения, считая небезопасным и послушаться царя неправославного, и не послушаться. Впрочем заблагорассудили лучше остаться, и тот, кто привез грамоту, возвратился без успеха. Потом, с наступлением лета, прибыл другой посол от царя вместе с светскими начальниками, и принуждал его удалиться из города, а Клиру наносил тяжкие оскорбления: но и этот, видя, что народ тамошней Церкви ободрился и приготовился к восстанию, выехал оттуда, равным образом, без всякого успеха. Прошло еще несколько времени, – и из Египта и Ливии призваны были войска, у Римлян называемые легионами. Когда получено было донесение, что Афанасий скрывается в церкви так называемой Феониной; то предводитель войск вместе с Иларием, которого царь опять прислал для споспешествования этому делу, взяв воинов, по времени неожиданно разломал двери и вошел в церковь, но искав везде, не нашел в ней Афанасия. Говорят, по внушению Божию, неоднократно случалось ему избегать много и других опасностей: так и теперь сам Бог предварительно открыл ему о нападении; ибо лишь только он вышел, – воины тотчас же овладели дверями церковными и разве какою-нибудь минутою опоздали схватить его.

Глава 10

О том, что различным образом преследуемый Арианами, Афанасий, как муж святой, по внушению свыше, избегал многих опасностей, также о бедствиях, какие, по удалении Афанасия, Египтяне претерпели от Георгия.

По видимому нельзя сомневаться, что этот муж был угоден Богу и ясно предвидел будущее; ибо кроме вышесказанного, мы слышали о нем нечто еще более удивительное, на основании чего надобно приписать ему совершенное знание будущего. И во-первых, когда, еще при жизни Константа, царь хотел сделать ему зло, он удалился и скрывался у одного из своих знакомых, пребывая долгое время в одном подземельном и мрачном убежище, которое прежде было водохранилищем. Никто не знал этого, кроме тех, у кого он скрывался, и служанки, которая казалась верною и удостоена была служить ему. Так как еретики всячески старались схватить его живого, то служанка, вероятно, прельщенная подарками или обещаниями, намеревалась указать его (убежище): но Бог наперед открыл ему это коварство, и от успел перейти в другое место, а служанка была наказана, как ложно показавшая на своих господ, которые также обратились в бегство; ибо еретики не в маловажном преступлении обвиняли и тех, кто принимал или скрывал Афанасия, и как ослушников царского повеления и государственных преступников, влачили их по судилищам. Слышал я и о другом подобном обстоятельстве, которое случилось с Афанасием в иное время. Когда по такой же причине удалялся он из Египта, плывя по Нилу; и намеревавшиеся взять его, по указанию некоторых, гнались за ним: то, вразумленный свыше, узнал он о преследовании и, объявив о том сопутникам, приказал им возвратиться в Александрию. Возвращаясь туда вниз по реке, проплыл он мимо преследователей, поднимавшихся против течения, и

благополучно прибыл в город, где среди народа и множества домов нашел безопаснейшее убежище. По причине этих и многих, подобных этим предсказаний Афанасия, враждовавшие на него язычники и еретики клеветали, будто он делает это волшебством. Говорят, однажды, когда он проходил по городу, случайно летевший над ним ворон начал каркать. Бывшая тут толпа язычников, насмехаясь над епископом, как бы над волшебников, просила его сказать, что говорит ворон, – и он с усмешкою отвечал: cras, что на латинском языке значит завтра, и этим криком предвозвещает, что завтрашний день будет для вас неприятен; ибо завтра, по повелению римского царя, вам будет запрещено совершать наступающий праздник. Предсказание Афанасия принято было с насмешкою, однакож оказалось справедливым; потому что на другой день к начальникам в самом деле прислана была грамота, которою повелевалось не дозволять язычникам входить в храмы и совершать обычные обряды и торжества. Таким образом наступавший тогда праздник не состоялся; а язычники почитали его важным и отправляли роскошно. Но, что Афанасий был муж с даром пророчества, сказано довольно. По избавлении его, как упомянуто, от преследователей, подчиненный ему клир и народ в течение некоторого времени владел церквами, пока египетский префект и предводитель тамошних войск не изгнали из них Афанасиевых приверженцев и не передали их ожидавшим Георгия. Спустя немного, прибыл и сам Георгий и принял церкви под власть свою. Так как он управлял с несвойственною нравам и званию иереев жестокостию и хотел казаться страшным для всех, а по отношению к приверженцам Афанасия был даже неистов – до того, что многие мужчины и женщины терпели узы и побои; то почитался тираном. По этой причине подвергся он всеобщей ненависти, – и раздраженный народ, напав на него, когда он находился в церкви, едва не лишил его жизни. Спасшись кое-как от опасности, ушел он к царю, а державшиеся стороны Афанасия заняли церкви, впрочем не надолго; ибо египетский военачальник, прибыв опять, передал их приверженцам Георгия. После того один царский скорописец, из сословия так называемых нотариев,

прислан был для наказания (православных и из числа Александрийцев многих подверг мучениям и побоям). Потом вскоре возвратился и сам Георгий и, по причине вышесказанных происшествий, чего и следовало ожидать, сделался еще жесточе, да за то и ненавидим был больше прежнего, как человек, склонивший царя к оскорблению многих и подвергшийся осуждения в неверии и надменности от египетских монахов, которых мнению народ следовал и свидетельство которых почитал несомненным, потому что они подвизались в добродетелях и проводили жизнь в любомудрии.

Глава 11

О римском епископе Ливерии, за что был он сослан Констанцием, и о преемнике его Феликсе.

Все это с Афанасием и Церковию александрийскою случилось по смерти Константа преемственно, а не в одно и то же время. Об этих событиях мы рассказали здесь за один раз – только для большей ясности. Между тем медиоланский Собор разошелся без успеха, и противоречившие врагам Афанасия были низвержены и осуждены царем на изгнание. Впрочем, усердно желая, чтобы вся Церковь согласно исповедовала догмат (о Сыне Божием) и чтобы епископы были единомышленны, он хотел созвать их отовсюду на запад, но рассудив, что это, по великому протяжению путей морем и сушею, весьма трудно, не знал, что делать, а совсем оставить свое намерение – ему не хотелось. Оставаясь с тою же мыслию, он до отправления в Рим и совершения обычных у Римлян обрядов по случаю празднования победы, пригласил к себе римского епископа Ливерия и убеждал его прийти к единомыслию с окружавшими себя епископами, в числе которых находился и Евдоксий: а так как Ливерий не соглашался и утверждал, что никогда не сделает этого, то приказал отправить его в Берию фракийскую. Говорят, что вместе с этим, причиною ссылки Ливерия было и то, что он не хотел отказаться от общения с Афанасием, но мужественно защищал его пред царем, когда последний обвинял Афанасия в том, будто он оскорбляет Церкви и из двух его братьев – старшего погубил, а Константа, сколько зависело от него, сделал ему врагом. При этом царь ссылался также и на всеобщий суд и особенно на приговор епископов, собиравшихся в Тире: но Ливерий отвечал, что им, так как они все решали по видам вражды или угодливости, верить не должно, и требовал, чтобы веру, исповеданную в Никее, скрепили подписями все епископы и находящиеся за нее в изгнании были возвращены, а

потом, чтобы, не получая казенных подвод или денег, следовательно не причиняя никому беспокойство и издержек, они на собственный счет съехались в Александрию, где, в присутствии оскорбившего и оскорбленных, можно было бы исследовать все обвинения и до точности объяснить истину дела. Тут же показал Ливерий письменное свидетельство касательно Афанасия, представленном Валентом и Урзакием предместнику его на римской кафедре Юлию. В этом свидетельстве они просили прощения и объявляли ложным все, сделанное ими в Мареотиде. Основываясь на их признании, римский епископ просил царя не осуждать Афанасия заочно и не верить тогдашним решениям, потому что клевета очевидна. Что же касается до его братьев, то он не намерен, говорил, мстить за них священною рукою, которую Бог заповедал употреблять не на это, а на освящение и всякое справедливое и доброе дело. За такое то неповиновение своим велениям, царь приказал Ливерию готовиться во Фракие, если он не передумает в течение двух дней. Но мне не о чем думать, Государь, отвечал Ливерий; это у меня давно уже обдумано и решено, и я теперь же готов отправиться в путь. Говорят, что, когда отводили его в изгнание, царь послал ему пятьсот златниц; но он не принял их, и тому, кем он принесены были, сказал: поди и возвести пославшему, чтобы он отдал это золото окружающим его льстецам и лицемерам, которые, по своей ненасытимости, мучатся постоянною и ежедневно возрастающею жаждою, так что всегда желают денег и никогда не насыщаются; а для нас Христос, подобный во всем Отцу, есть питатель и податель всех благ. По такой-то причине Ливерий лишен был римской Церкви, и на место его поставлен диакон тамошнего клира Феликс, о котором говорят, что по вере он был согласен с отцами никейскими, и касательно богопочтения совершенно безукоризнен; только за одно обвиняют его, что до рукоположения имел общение с неправославными. Впрочем, когда царь прибыл в Рим, и тамошний народ во множестве приступил к нему, прося с воплями возвратить Ливерия; то, по совету окружавших его епископов, он отвечал, что вызовет

епископа и возвратит его просящим, если он захочет прийти к единомыслию с находящимися при мне иереями.

Глава 12

О Сириянене Аэции и антиохийском епископе Евдоквие после Леонтия, также о слове: единосущный.

Около того же времени Аэций явно обнаружил, какое имел понятие о Боге. Он был тогда диаконом антиохийской Церкви, и посвящен Леонтием. Учение его не отличалось от Ариева, ибо утверждало, что Сын есть творение, что Он сотворен из ничего и неподобен Отцу. Так как Аэций очень любил спорить, был дерзок в суждениях о Боге и употреблял школьные и разнородные умозаключения, то почитался еретиком и у тех, с которыми сходился в образе мыслей. Быв извергнут из их общества, он показывал вид, будто сам отказался от общения с ними – за то, что они несправедливо вступили в общение с Арием; ибо, Арий по его словам, сделал преступление, раскаявшись и поклявшись пред царем Константином, что мыслит согласно с отцами никейскими. Так говорят об Аэции. Между тем, когда царь жил еще в западной империи, получено было известие, что скончался антиохийский епископ Леонтий. В это время, под тем предлогом, что тамошняя Церковь нуждается в попечении, Евдоксий стал просить царя об отпуске себя в Сирию и, получив его соизволение, поспешно отправился в Антиохию. Прибыв туда, он не стал искать согласия ни у Георгия, епископа лаодикийского, ни у Марка аретузского, как главнейших тогда сирийских епископов, ни у других, имевших право рукоположения, но прямо присвоил себе антиохийскою епископию. Говорят, что Евдоксий поступил так согласно с мыслию царя, при содействии придворным евнухов, которые вместе с Евдоксием принимали учение Аэция и почитали Сына неподобным Отцу. Овладев таким образом антиохийскою Церковию, он сделался еще дерзновеннее и начал уже явно защищать эту ересь. Составив в Антиохии Собор со своими единомышленниками, в числе которых были – Акакий, епископ Кесарии палестинской, и Ураний тирский, он

вместе с словом «подобносущный» отверг и слово: «единосущный» – под тем предлогом, что и западные епископы то же сделали; ибо Осия вместе с тамошними иереями, желая положить конец спорам Валента, Урсакия и Германия, и быв, как сказано выше, принужден к тому в Сирмии, согласился не употреблять слов – ни единосущный, ни подобносущный, так как их нет в священном Писании, а исследовать существо Божие есть дело выше ума человеческого. За тем, как бы поступив согласно с грамотою Осии, Евдоксий написал послание к Валенту, Урсакию и Германию, в котором свидетельствовал им благодарность и приписывал их усердию, что и западные стали мыслить православно.

Глава 13

О том, что нововводителю Евдоксию Георгий лаодикийский отправил послание, в котором укорял его; также об анкирском посольстве к Констанцию.

Когда Евдоксий начал таким образом вводить новости, – многие, противившиеся ему, были изгнаны из антиохийской Церкви; тогда изгнанные, получив послание от лаодикийского епископа Георгия, прибыли в Анкиру галатийскую. Случилось, что в то же время для освящения построенной в Анкире Церкви, Василий созвал туда многих из соседних епископов, которым и передал послание Георгия. Оно написано так:

Честнейшим господам, Македонию, Василию, Кекропию, Евгению – Георгий желает здравия о Господе.

«Крушение Аэция обняло почти всю Антиохию; ибо всех осужденных вами учеников этого ненавистного еретика Евдоксий принимает и возводит на степени клириков, а самому ему оказывает особенную честь. Итак поддержите великий ваш город, чтобы крушение его не увлекло (к погибели) всей вселенной; соберитесь вместе, сколько можно собраться, а от прочих епископов истребуйте подписей, и определите, чтобы из антиохийской Церкви Евдоксий изгнал Аэция, а учеников его, возведенных в чин церковный, низложил. Если же, вместе с Аэцием, он не перестанет называть Сына неподобным Отцу и дерзающих говорить это будет предпочитать говорящим противное; то ваша Антиохия, как я выше сказал, погибнет». – Таково было содержание Георгиева послания. Собравшиеся в Анкире епископы, изобличив нововведение Евдоксия письменным определением о догмате, которое он подписал вместе с собиравшимися в Антиохии, донесли об этом царю и просили, чтобы он позаботился дать силу определениям Соборов сардикского, сирмийского и других, положивших, что Сын подобен Отцу по существу. Послами к царю по этому делу избраны – сам Василий, епископ анкирский, Евстафий

севастийский, Элевзий кизикский и Леонтий, пресвитер из царских постельничих. Прибыв ко двору, они узнали, что ревностный защитник ереси Аэция, антиохийский пресвитер Асфалий уже кончил дело, для которого приезжал, и получив от царя грамоту, готовится в обратный путь. Несмотря однакож на то, известившись от анкирских послов о ереси, Констанций осуждал приверженцев Евдоксия и, взяв назад свое послание от Асфалия, вместо того написал следующее:

Глава 14

Послание царя Констанция об изгнании Евдоксия и его приверженцев.

«Победитель Констанций, Великий, Август – святой антиохийской Церкви.

Евдоксий пришел не от нас; пусть так не думают: мы далеки от этого. А кто, кроме сего, вдается еще в подобные софизмы, тот, очевидно, глумиться над Всевышним. Да и от чего по собственной воле удержатся те, которые, ища власти, проходят города, перебегают из одного в другой, как бродяги, и влекомые жаждою к большему, приникают во всякое убежище. Между ними, говорят, есть пройдохи и софисты, которых и наименовать неприлично: это – племя злое и нечестивейшее. Скопище их вам и самим хорошо известно. Вы, по вашим же словам, совершенно знаете Аэция и последователей его ереси, у которых одно только дело – развращать народ. Эти люди тщеславные и готовые на все дерзости осмеливались пред некоторыми пустословить, будто мы соизволяем на их рукоположение, когда как они сами себе присвоили его. Такие новости разглашаются теми, которые привыкли все болтать. Но на самом деле не так: тут нет ничего и похожего. Вспомните прежние мои слова, когда мы рассуждали о вере: в них Спаситель наш признан Сыном Божиим и по существу подобным Отцу. А эти умники, и о Всевышнем легкомысленного говорящие все, что им представляется, дошли до такого безбожия, что не только сами выдумывают нечто нелепое, но и других стараются научить тому же. Мы совершенно уверены, что все это обратиться на их голову. Впрочем на первый раз довольно будет изгнать их из Соборов и лишить участия в общих совещаниях; ибо в настоящее время я не намерен предварительно говорить, что вскоре потерпят они, если не оставят своего безумия. Эти люди какого зла не прилагают к злу? Собирая, как бы по наряду, деятелей самых негодных и притом ересеначальников, они возводят их в клир, и таким

образом порочат достоуважаемое звание, как будто им позволительно делать и предпринимать все, что ни вздумают. Кто же из смертных может терпеть таких людей, которые города наполняют нечестием и заразу простирают за пределы их, – которые любят только одно: постоянно враждовать против людей честных? Да исчезнет злое скопище на священных седалищах! Время уже явиться на свете питомцам истины и выйти на поприще тем, которые, удалившись от нынешних нравов, давно удерживаются страхом; ибо лукавство нечестивых теперь обличено и никакой новый способ не будет достаточен для отклонения их от нечестия. Мужам добрым свойственно держаться веры отцов и возращать ее, как сказано, а более ничего не исследовать. Впрочем желал бы я, чтобы и поздно вышедшие из этой бездны, присоединились к тому мнению, которое, касательно Существа Высочайшего, надлежащим образом постановлено мудрыми епископами. Тогда не много силы имела бы ересь так называемых Аномеев».

Глава 15

О том, что Констанций, по прибытии в Сирмию, опять вызвал Ливерия и возвратил его Риму, приказав вместе с ним священноначальствовать и Феликсу.

Чрез несколько времени, возвратившись из Рима в Сирмию, царь, по ходатайству западных епископов, вызвал Ливерия из Берии. Потом, в присутствии восточных послов, собрав находившихся в своем лагере иереев, принуждал его признать, что Сын не единосущен Отцу. Этого домогались и к этому расположили государя Василий, Евстафий и Элевсий, пользовавшиеся величайшею его доверенностию. Они собрали тогда в одно сочинение все, что было определено против Павла самосатского и Фотина сирмийского, присоединили и изложение веры, составленное при освящении антиохийской церкви, пользуясь тем предлогом, будто некоторые под видом учения о единосущии распространяют собственную ересь, и к принятию этого сочинения успели склонит, вместе с Ливерием, африканских епископов: Афанасия[18], Александра, Севериана и Крискента, с которыми изъявили свое согласие также Урсакий, Герминий сирмийский, Валент, епископ мурсийский, и все бывшие там с востока. А от Ливерия получили они даже особое исповедание, в котором не признающих Сына подобным Отцу по существу и по всему он отлучал от Церкви. Поэтому Евдоксий и прочие, вместе с ним в Антиохии защищавшие ересь Аэция, получив послание Осии, разглашали, будто и Ливерий отверг слово единосущный и признает Сына неподобным Отцу. После того как западными послами все это было сделано, царь дозволил Ливерию возвратиться в Рим. А тогдашнему предстоятелю римской Церкви Феликсу и тамошнему клиру находившиеся в Сирмии епископы написали, чтобы они приняли его, и чтобы на апостольском престоле восседали и священствовали во взаимном согласии – как Ливерий, так и Феликс. Неудовольствия же, возникшие при рукоположении

Феликса и удалении Ливерия, были преданы забвения: ибо римский народ любил Ливерия, как мужа доброго и отличного во всем прочем и неустрашимо говорившего царю в защиту догмата; так неудивительно, что из-за него произошло величайшее возмущение, доходившее до убийств. Впрочем Феликс жил недолго, и после его смерти, по устроению Божию, Ливерий был один предстоятелем Церкви, чтобы престол Петра не бесславился, управляясь двумя предстоятелями, так как это служит признаком разногласия и противно церковным законам[19].

Глава 16

О том, что, по поводу ереси Аэция и событий в Антиохии, царь повелел быть Собору в Никомидии: но так как Никомидия в то время потерпела землетрясение и встретилось много других препятствий; то Собор составился сначала в Никее, а потом в Аримине и Селевкии. Также об исповеднике Арзакие.

Так шли дела в Сирмии, и тогда казалось, что восток и запад, боясь царя, касательно догмата согласились. Оставались еще нововведения антиохийские и ересь Аэция: но и против них царь рассудил созвать Собор в Никее. А когда сообщники Василия не согласились на это – по той причине, что здесь и прежде рассуждали о догмате; то положено быть Собору в Никомидии вифинской и повелено немедленно, к известному дню, созвать грамотами тех епископов из каждой области, которые почитались умнейшими и способнейшими мыслить и говорить, чтобы, присутствуя на соборе, они рассуждали от лица всех иереев своей области. Но между тем как большая часть из них были уже в дороге, получается известие о несчастии Никомидии, что Бог потряс ее; притом разнесся слух, будто она разрушена совершенно. Это было причиною, что епископы остановились на пути. Молва, как водится, не ограничивалась рассказом о бедствии действительно пострадавших, но бежала далее: толковали, будто той же беде подверглись – и Никея, и Перенф, и другие ближайшие к ним города, и даже Константинополь. Такое событие не мало опечалило благомыслящих епископов; потому что (в Никомидии) разрушена, между прочим, великолепно построенная церковь, – и врагам благочестия представился случай донести царю, будто в ней погибло множество епископов, мужей, детей и жен, сбежавшихся туда в надежде

найти спасение. Но это было несправедливо; потому что землетресение произошло во втором часу такого дня, в который (церковных) собраний не бывает. Из епископов захвачены вне церкви только – один Кекропий никомидийский и другой – босфорский. Так как город поколебался мгновенно, то никто, хотя бы и хотел, не мог уйти в другое место, но в самую первую минуту опасности каждый, где стоял, там или спасся, или погиб. Говорят, что это несчастие, прежде чем оно совершилось, было предусмотрено Арзакием. Арзакий происходил из Персии и, в военном звании исправляя должность кормителя царских львов, сделался небезызвестным исповедником при Ликинии. Оставив потом военную службу, жил он в никомидийской башне внутри стены, и занимался любомудрием. Здесь явилось ему божественное видение и повелело выйти из города, с которым должно было случиться то, что случилось. После этого Арзакий скоро побежал в церковь и стал внушать клирикам, чтобы они усердно молились Богу и совершали умилостивительные прошения для отвращения угрожающего гнева; но не убедив их и подвергшись насмешкам, как вестник неожиданных бедствий, возвратился он в свою башню и, повергшись долу, стал сам молиться. Между тем произошло землетрясение, – и большая часть жителей погибла, а оставшиеся убежали в деревни и пустыню. Причиною бегства их было и то, что в городе благополучном и обширном ни один дом не оставался без огня – то в жаровнях и очагах, то в печах бань и у ремесленников, которые огнем исправляют свои работы. Итак, когда от землетрясения кровли домов обвалились, то пламень, обхватив вещество их, куда входили вероятно хворост и материалы, напитанные маслом, следовательно легко воспламенявшиеся, получил себе обильную пищу и, распространяясь повсюду, слился вместе и составил из всего города как бы один костер. Так как домы по этому сделались уже неприступными, то спасшиеся от землетрясения побежали в башню и в ней, не тронутой землетрясением, нашли Арзакия мертвым, лежавшем ниц в том положении, в каком он находился во время молитвы. Говорят, пред смертию он молился, чтобы Бог лучше попустил ему умереть, нежели видеть несчастие города, в котором он в

первый раз узнал Христа и предался церковному любомудрияю. Так как у нас зашла речь об этом муже; то надобно сказать, что силою своего благочестия он мог изгонять демонов и очищать одержимых ими людей. Так некогда один бесноватый, схватив меч, выбежал на площадь. Все от него уходили, и в городе сделалось смятение: но Арзакий, встретившись с ним, произнес имя Христово и поразил его этим словом, – человек тотчас очистился и возвратился к здравому смыслу. Совершено им много и других дел, превышающих человеческую силу, и между прочим следующее: Был там дракон, или какое-то пресмыкающееся животное, которое своим дуновением умерщвляло путников прежде, нежели они видели его; ибо это животное скрывалось в пещере близ большой дороги. Пришедши туда, Арзакий помолился, – и змей, сам собою вышедши из пещеры, ударился дважды головою об землю и убил себя. Так рассказывали люди, слышавшие это от тех, которые сами видели Арзакия. Между тем из епископов, несчастием Никомидии остановленных в своем путешествии на Собор, одни ожидали нового царского повеления, а другие свои понятия о вере изложили письменно. Не зная, что делать, государь писал Василию и спрашивал, как надобно поступить касательно Собора. Василий в своем письме, вероятно, восхвалил благочестие царя и, утешив его в несчастии Никомидии примерами из священной истории, возбуждал его поспешить созванием Собора и не оставлять намерения, которое предпринимается на пользу благочестия, а потом не отпускать собирающихся для этого и уже выехавших и находящихся на пути епископов, пока они не кончат дела. Сборным же пунктом для Собора назначил он, вместо Никомидии, Никею, чтобы дело о вере совершить там, где оно было обсуживаемо вначале. Василий написал это в той мысли, что предлагает угодное царю; ибо сперва местом Собора царь и сам назначал Никею. Получив письмо Василия, Констанция приказал в наступающее лето собраться в Никею всем, кроме немногих слабых здоровьем, которые впрочем должны были избрать и вместо себя прислать пресвитеров или диаконов, чтобы они объявляли свое мнение, давали советы в предметах

сомнительных и вместе с другими могли рассуждать о всем. За тем повелено Собору с общего согласия назначить по десяти человек из западных и восточных, и отправив их ко двору, чрез них уведомить о своих определениях царя, чтобы и он мог видеть, по смыслу ли священного Писания рассуждали они друг с другом, и касательно этого предмета постановить, что окажется лучшим. Но после царь передумал и приказал всем – в тех местах, где кто находился, или в собственных церквах – ожидать, пока будет назначено место Собора и получится приказание туда отправиться; а Василию написал, чтобы он посредством писем спросил восточных епископов, куда лучше съехаться на Собор, так чтобы к наступающей весне они уже знали об этом; ибо в Никее, где народ равномерно пострадал от землетрясения, быть Собору признано неудобным. Приложив к своему письму грамоту царя, Василий просил областных епископов внимательно рассудить и об избираемом ими месте немедленно известить его. Но все они, как обыкновенно бывает в подобных случаях, избирали не одно и то же место. Поэтому Василий отправился к царю, жившему тогда в Сирмии, и нашел там, кроме других епископов, прибывших по собственным нуждам, также Марка аретузского и Георгия, назначенного управлять александрийскою Церковию, которые положили уже составить Собор в Селевкии исаврийской. Того же хотели и сообщники Валента, находившиеся равным образом в Сирмии. Покровительствуя ереси аномеев, последние старались склонить бывших при дворе епископов к подписанию заготовленного ими изложения веры, в котором не находилось слова: существо. Но, между тем как приготовляемо было составление Собора, сообщники Евдоксия, Акакия, Урсакия и Валента рассуждали, что из всех епископов одни принимают исповедание никейское, другие – изложенное при освящении антиохийской церкви, и что оба эти исповедания имеют в себе слово: существо, и признают Сына подобным Отцу во всем. Следовательно, если все они соберутся вместе, то наверное осудят учение Аэция, которого сами держались и которое противоречило тому и другому исповеданию. Поэтому устроили они так, чтобы западные собрались в Аримине, а восточные – в

Селевкии исаврийской[20], в надежде, если можно, склонить на свою сторону оба Собора, действуя и там и здесь, – ибо легче убедить не многих, нежели всех; если же это и не удастся, то, по крайней мере, дать направление одному из них, чтобы проповедуемая ими ересь не была осуждена голосом всех епископов. В этом содействовали им – управитель царского двора, Евсевий евнух, друг и единомышленник Евдоксия, и многие из людей сильных, хотящих угодить Евсевию.

Глава 17

О том, что сделано на Соборе ариминском.

Убедившись, что собраться всем в одно место и для казны невыгодно – по причине издержек, и для епископов неудобно – по отдаленности пути, царь согласился разделить Собор на две части, и находившимся тогда в Аримине и Селевкии епископам написал, чтобы они наперед разрешили спорные вопросы касательно веры, а потом, на основании церковных законов, рассмотрели дела епископов, жаловавшихся на несправедливое низложение или изгнание их, в числе которых был также Кирилл иерусалимский, и обсудили обвинения, взнесенные на некоторых между ними; ибо епископы обвиняли друг друга, а Египтяне жаловались на алчность и несправедливости Георгия. Когда же все будет исследовано, (писал царь), – пусть оба Собора отправят по десяти человек ко двору для извещения о том, что сделано. Вследствие сего все собрались там, где было приказано. Собор ариминский открылся прежде. Его составляли больше четырехсот епископов. Враги Афанасия почли за лучшее не упоминать о нем. Когда же начали рассуждать, как должно веровать, то Валент и Урзакий, а вместе с ними Германий, Авксентий, Гаий и Демофил, вышедши на средину, предложили отвергнуть все прежде составленные изложения веры и принять то, которое не задолго пред тем составили они в Сирмии на латинском языке, и в котором говорится, что Сын подобен Отцу по Писаниям, а о существе Божием вовсе не упоминается. Они прибавляли, что это исповедание одобрил сам царь, и что поэтому необходимо должен принять его и Собор, не исследуя более мыслей каждого, дабы беседою и тщательным разбором принятых слов не произвести разногласия и смятения; ибо лучше говорить не по ученому, да мыслить о Боге правильно, нежели вводить новые слова, сродные диалектическому пустословию. Они разумели здесь и даже явно осуждали слово: единосущный, как неупотребляющееся в священном Писании и для многих неясное, а вместо того предлагали называть Сына подобным

Родившему во всем по божественным Писаниям. Когда же принесенное ими сочинение такого содержания было прочитано, то большая часть присутствовавших епископов сказали, что нет никакой нужды в новом изложении веры, что достаточно и того, которое утверждено до них, и что они собрались теперь для воспрепятствования каким-либо нововведениям против прежнего, а составителей читанного сочинения просили сказать, не заключает ли оно в себе чего-нибудь нового в сравнении с прежним, и предлагали им открыто отвергнуть учение Ария, которое даже до сего времени остается причиною смятений во всех церквах. Так как Урзакий и Валент, Германий и Авксентий, Демофил и Гаий на это предложение не согласились; то Собор приказал прочитать изложение веры всех еретиков, и изложение, составленное Отцами никейскими, чтобы первые осудить, а определения последнего подтвердить, и чтобы на будущее время однажды постановленного никто не смел пересуживать или требовать Собора, но все довольствовались прежним. Непристойно, говорили, делать это им, как будто теперь только полагающим начало веры, и отвергать предание времени прошедшего, которым руководствуясь, и сами они, и предшественники их управляли Церквами так, что многие окончили жизнь исповедниками и мучениками. Представлявшие это не соглашались ни на какое нововведение, а Валента и Урзакия с их сообщниками, поколику они не слушались и требовали, чтобы принято было предложенное ими исповедание веры, – низложили, и читанное ими сочинение признали не заслуживающим одобрения. Им казалась нелепою даже и самая надпись этого исповедания, что, то есть, оно изложено в Сирмии, в присутствии Констанция, вечного Августа, в консульство Евсевия и Ипатия. Так в послании к своим друзьям говорит[21] о ней и Афанасий: странно царя Констанция называть вечным, а вечность Сына Божия отвергать, также указывать на определенное время своего сочинения, а веру древних и мудрых мужей времени прошедшего осуждать. Когда в Аримине это было сделано, Валент и Урзакий с своими сообщниками, негодуя на Собор за низложение себя, немедленно отправились к царю.

Глава 18

Послание ариминского Собора к царю Констанцию.

Собор же с своей стороны, избрав двадцать епископов, отправил их послами и чрез ним на латинском языке писал царю следующее: «Мы веруем, что воля Божия и указ твоего благочестия устроили собрание епископов различных западных городов в Аримине – с тою целию, чтобы и вера кафолической Церкви для всех объяснялась, и мыслящие противное обнаружились. Итак, после продолжительных рассуждений, мы признали за лучшее – веру, дошедшую из древности, проповеданную Пророками, Евангелиями, Апостолами и самим Господом нашим И. Христом, – веру, хранительницу твоего царства и покровительницу твоего могущества, – эту веру содержать постоянно и, содержа, блюсти ее до конца; ибо нам показалось делом безрассудным и незаконным изменять что-либо, правильно определенное и точно рассмотренное на никейском Соборе в присутствии славного твоего отца и царя Константина, проповеданное в слух всех, и сделавшееся всеобщим учением и образом мыслей. Эта вера – одна поставлена в поборание и истребление ереси ариевой, и ею опровергнуто не только арианство, но и всякая другая ересь. В ней и прибавить что-либо по истине не безопасно, и отнять гибельно; ибо допусти то или другое, – врагам тотчас откроется возможность делать, что угодно. Посему-то Урзакий и Валент, давние сообщники и единомышленники арианского учения, и были отлучены от общения с нами, пока, для возвращения его, не сознались в своих заблуждениях, не раскаялись и не получили прощения, как свидетельствуют представленные ими письменные доказательства. По уважению к сим знакам раскаяния, они прощены и освобождены от виновности. Это сделано в то время, когда продолжались заседания Собора медиоланского, в присутствии, между прочими, и пресвитеров римской Церкви. Притом, мы помним и после смерти

достойного памяти Константина, который со всяким тщанием и вниманием письменно изложил дошедшую до нас веру, и был в ней крещен, когда выходил из среды людей и переселялся для наследования вожделенного мира, а потому сочли делом безрассудным после него внесть что-либо новое и презреть столь многих святых исповедников и мучеников, которые письменно изложили и рассмотрели это самое учение, которые все обсудили согласно с древними уставами кафолической Церкви, и которых веру Бог сохранил до времен твоего царствования, чрез Господа нашего И. Христа, даровавшего тебе царствовать так, что ты обладаешь и обитаемою нами империею. Несмотря на то, несчастные и жалкие умом люди опять стали с беззаконным дерзновением проповедовать нечестивое учение и разрушать все здание истины. Когда, по твоему указу, заседания Собора начали производиться, – и они обнаружили также намерение своего заблуждения, стали коварно и возмутительно вводить нечто новое и, при помощи сообщников своей ереси Германия, Авксентия и Гаия, начали возбуждать вражду и разномыслие. Переменчивое их учение одно превосходит все прочие богохульства. Увидев же, что помыслы у них не одинаковы и что нет согласия в худых их мнениях, они присоединились к нашему собрания, с намерением догматы веры изложить иначе. Но для обличения их намерения довольно было и краткого времени. А чтобы дела церковные не подвергались одним и тем же опасностям, и чтобы смятения и непрерывные беспокойства не привели всего в беспорядок, признано за благо сохранять твердыми и неизменными постановления древние, вышеупомянутых же людей отлучить от общения с нами. По этой причине мы отправили к твоей милости послов, которые известят тебя о всем и чрез послание объявят мнение собора. Этим послам прежде всего повелено утверждать истину на основании древних и верных определений. Они донесут твоему благочестию, что, вопреки словам Урзакия и Валента, мира не может быть, если извратится что-либо правое; ибо как могут сохранить мир те, которые нарушают мир? Это и в прочих городах, и в римской Церкви скорее произведет распри и

беспокойства. Итак умоляем твою милость принять представления нашего посольства слухом благосклонным и лицом светлым, и не попускать, чтобы, к оскорблению умерших, вводили какие-либо новости, но позволить нам оставаться при том, что определено и узаконено предками, которые, можно сказать, все совершили прозорливо, мудро и по внушению Святого Духа; между тем как нынешние нововведения тех людей внушают верующим неверие, а неверующим упорство. Умоляем также повелеть, чтобы епископам, проживающим на чужой стороне и угнетаемым как преклонностию лет, так и нуждами бедности, даны были средства для возвращения домой, дабы Церкви в отсутствии епископов не оставались сиротствующими. Но больше всего умоляем не попускать, чтобы из прежних определений что-либо убавляли, или прибавляли к ним, но оставить ненарушимым все, от времен благочестивого твоего отца соблюдаемое до настоящего времени. Пусть наконец мы не страдаем и не остаемся вне своих епархий, пусть епископы вместе с своим народом мирно возносят молитвы и совершают богослужение, молясь о твоем спасении, царстве и мире, что да дарует тебе Бог навеки. Наши послы имеют при себе подписи и имена епископов; они же убедят твое благочестие и на основании священного Писания».

Глава 19

О послах Собора, о послании царя, и о том, как епископы впоследствии согласились с принесенным прежде исповеданием Урзакия и Валента; также о ссылке архиереев, о Соборе в Нике, и о том, по какой причине был задержан отпуск Собора ариминского.

Таково послание епископов Собора ариминского. Между тем сообщники Урзакия и Валента, предупредив отправленных послов, представили царю читанное ими сочинение и оклеветали Собор. Разгневавшись, может быть, на то, что Собором принято не такое исповедание веры, какое было одобрено в Сирмии при нем самом, царь Урзакия и Валента удостоил почестей, а на послов не обращал внимания и презирал тягостное состояние проживавших в Аримине епископов. Спустя уже много времени, написал он Собору и извинялся, что какой-то необходимый поход против Варваров не позволил ему видеть послов, и что он приказал им ожидать своего возвращения в Адрианополь, дабы по благополучном окончании общественных дел, мог, на свободе от всех забот, выслушать и рассмотреть дело их посольства; ибо намеревающемуся рассуждать о предметах божественных надобно иметь душу, чистую от всего прочего. Так писал он. А Собор отвечал твердо, что он отнюдь не отступит от своих определений, о чем уже извещал и наказал послам, которых просил принять благосклонно, выслушать все им порученное, и прочитать чрез них написанное. Ему самому должно казаться неприятным, говорили они, что во время его царствования столь многие Церкви остаются без епископов. Посему, если благоугодно, они сочтут обязанностию возвратиться к своим Церквам до наступления зимы. Написав это послание, как и следовало, в виде и под именем прошения, они подождали еще несколько времени, но не получив никакого ответа, разъехались по своим городам. Таким образом из вышесказанного видно, что

епископы, собиравшиеся в Аримине, сперва подтвердили определения никейские. Теперь надобно упомянуть, как они впоследствии согласились принять исповедание, прежде предложенное сообщниками Валента и Урзакия. Об этом дошли до меня различные сведения. Одни говорят, что царь, оскорбившись будто бы удалением епископов из Аримина без его согласия, дозволил Валенту и сообщникам его распорядиться западными Церквами по собственному их желанию, обнародовать прочитанное ими в Аримине исповедание веры, а тех, которые откажутся подписать его, извергнуть из Церквей и на место их рукоположить других. Получив такое уполномочение, валентиниане насильно заставляли всех подписываться под этим исповеданием, и многих несогласившихся изгнали из Церквей, прежде же других римского епископа Ливерия. Сделав это с епископами италийскими, хотели они таким же образом распорядиться и Церквами восточными: для этого, проезжая Фракию, остановились в городе той области Нике и, составив здесь Собор, перевели читанное в Аримине исповедание на греческий язык, скрепили его и обнародовали так, как будто бы никским называли и объявляли составленное на вселенском Соборе. Это нарочито сделано было в Нике, и исповедание с намерением названо именем сего города, чтобы простодушные, обманываясь сходством названий и думая, что оно составлено в Никее, тем легче склонились к принятию его. Так рассказывают одни, но другие говорят, что когда епископы ариминского собора утомляемы были продолжительным ожиданием, – ибо царь не удостоивал их ответа и не позволял разъезжаться, – защитники арианской ереси подослали к ним некоторых с советом, что неприлично из-за одного слова: существо, всем иереям питать взаимную вражду, и что стоит только называть сына подобным Отцу, тогда повод к распрям совершенно прекратится; ибо восточные не успокоятся, пока слово: существо, не будет отвергнуто. Как скоро примирители сообщили им эту хвастливую свою мысль, – Собор расположился принять защищаемое сообщниками Урзакия исповедание; а последние, опасаясь, чтобы отправленные

Собором послы, прибыв к царю, не известили его о прежнем намерении западных епископов и о причине отверждения слова: единосущный, удержали их в Нике фракийской под тем предлогом, будто, по причине зимнего времени и утомления вьючных животных, неудобно будет продолжать путь, и убедили их, переведши читанное ими сочинение с латинского языка на греческий, послать его к епископам восточным. Они надеялись, что сочинение, составленное согласно с их целию, достигнет желаемого ими успеха, и обман их не будет обличен за отсутствием обличителей, которые могли бы доказать, что ариминский Собор отверг слово: существо, не по доброй воле, а по снисхождению к восточных, поколику они отвращались от сего слова. В самом деле, это была явная ложь; ибо, исключая немногих, все признавали Сына подобным Отцу и по существу. Если же мнения их касательно сего предмета были несогласны, то разве в том, что одни называли Сына единосущным, а другие подобносущным. Так вот как различны сказания тех и других.

Глава 20

О событиях в недре Церквей восточных и о том, что Марафоний, Элевсий кизикский и Македоний изгоняли исповедников единосущия; также о перенесении новацианской церкви и о том, что Новациане имели общение с православными.

Между тем как в Италии все происходило по сказанному, – на востоке, прежде чем составился селевкийский Собор, вышли величайшие смятения; ибо сообщники Акакия и Патрофила, низвергнув Максима, которого рукоположил Макарий, вверили иерусалимскую Церковь Кириллу. А Константинополь и ближайшие к нему города возмущал Македоний, и в этом случае пользовался содействием Элевсия и Марафония, из которых первого, бывшего диаконом своей Церкви и ревностным смотрителем домов призрения и монашеских, как мужских, так и женских обителей, сделал он епископом никомидийским, а последнего, не без отличия служившего при дворе, – епископом кизикским. Говорят, оба они были жизни доброй, но усердно вредили тем, которые признавали Сына единосущным Отцу, хотя все не так, как Македоний; ибо этот несоглашавшихся иметь с ним общение не только изгонял, но и заключал в узы и предавал судьям, а некоторых силою принуждал к общению с собою, например, отнимал некрещенных детей и жен и насильно совершал над ними таинство крещения, даже, основываясь на указе царя, коим повелевалось разрушать молитвенные домы признававших Сына единосущным Отцу, во многих местах разрушил много церквей. По этой именно причине была разрушена в Константинополе и церковь новацианская, находившаяся у так называемого Пеларгоса; при чем, последователи этой ереси совершили, говорят, славный подвиг, в котором им, как единомыслящим, может быть, помогали и Христиане кафолической церкви. Когда назначенные к тому люди делали

распоряжения, чтобы разрушить упомянутую церковь, Новациане собрались целыми семействами, и одни из них разбирали материал, а другие переносили его на противоположную сторону города, в предместие Сики. Усердие их скоро достигло конца; потому что в этом деле участвовали не только мужчины, но и женщины и дети, и каждый из них трудился с чрезвычайною ревностию – в той мысли, что служил Богу. Таким же образом и с равным тщанием эта церковь впоследствии была возобновлена и, по случаю упомянутого события, с того времени названа Анастасиею; ибо по смерти Констанция, наследовавший царство Юлиан возвратил Новацианам прежнее место и позволил построить на нем церковь, что и было сделано при помощи народа, который из предместия усердно перенес туда материал здания. Впрочем это было после, а в тогдашнее время Новациане и Христиане кафолической Церкви едва не соединились между собою; ибо подобным образом мысля о Боге, наравне быв гонимы и подвергаясь одинаковым бедствиям, те и другие имели взаимное благорасположение, вместе собирались и вместе молились. Поводом служило и то, что у Христиан кафолической Церкви не было молитвенного дома; все они были отняты единомышленниками Ария. Вследствие такого взаимного и постоянного обращения, те и другие, как и следовало ожидать, увидели, что они напрасно не согласуются между собою, и хотели вступить в общение. Это без сомнения и случилось бы, если бы расположению всего народа не повредила зависть немногих, которые утверждали, что против сего дела восстают причины древние.

Глава 21

О том, что сделал Македоний в Мантинеи, как он был низведен с престола за перенесение гробницы Константина Великого, и как Юлиан провозглашен Кесарем.

В то самое время Элевсий разрушил до основания новацианскую церковь и в Кизике. Да таким же бедствиям подверглись как вообще Пафлагоняне, так особенно жители Мантинеи; ибо Македоний, узнав, что так многие следуют учения Новата, и что одни православные не в состоянии изгнать их оттуда, убедил царя послать туда для сей цели четыре отряда войска. Он думал, что тамошние жители, непривычные к оружию, при первом взгляде на вооруженных воинов, устрашатся и тотчас же примут его учение. Но вышло иначе: жители Мантинеи собрались в великом множестве и, вооружившись серпами, секирами, всем, что у кого случилось, вступили с войском в битву. Сражение было упорное, – и со стороны Пафлагонян пали весьма многие, а из воинов – почти все. После сего многие приближенные упрекали Македония, как виновника таких несчастий, да и сам царь отвратился от него и уже не имел к нему расположения. Негодование царя еще более увеличилось по следующему случаю: Македоний хотел перенести в другое место гробницу Константина; потому что храм, в которое она находилась, угрожал падением: но из народа одни соглашались на это, а другие противились, почитая такое дело нечестивым и похожим на раскапывание могил. К последним присоединились также принимавшие учение никейского Собора и не позволяли тревожить тело Константина – частию потому, что он был единоверный с ними, а частию и потому, что старались, думаю, действовать вопреки Македонию. Однакож Македоний не обратил на них внимания и перенес гробницу в ту церковь, в которой находился гроб мученика Акакия. Тогда жители, с одной стороны одобрявшие, с другой осуждавшие это, собрались, и в той самой церкви напали одни

на других с такою жестокостию, что наконец и молитвенный дом, и близ лежащие места наполнились кровию и убийством. Царь, в то время живший еще в западной империи, узнал об этом и досадовал. Как оскорбление (останков) своего отца, так и бедствия народа приписывая Македонию, он сильно разгневался на него. Вознамерившись переехать на восток, отправился он в путь, а племянника своего Юлиана, поставил Кесарем и послал в западную Галию.

Глава 22

О Соборе селевкийском.

Между тем около ста шестидесяти восточных епископов, собрались в Селевкию исаврийскую. Это было в год консульства Евевия и Ипатия. К ним присоединился и Леона, занимавший при дворе высокую должность и явившийся на Собор по повелению Констанция, чтобы при нем состоялось определение о вере. Был там и предводитель областных войск Лаврикий, чтобы в случае нужды оказать Собору услуги; ибо указ царя требовал его содействия. В первом заседании, кроме других епископов, не присутствовали Патрофил скифопольский, Македоний константинопольский и Василий анкирский. У каждого из них был свой предлог: у Патрофила – глазная болезнь, у Македония – нездоровье. А в самом-то деле они не явились тогда, опасаясь обвинений в своих преступлениях. По причине их отсутствия, некоторые отказывались исследовать недоумения; но Леона, несмотря на то, велел приступить к делу. Потом одни считали необходимым наперед рассмотреть учение веры, а другие – судить о жизни обвиняемых между ними, в числе которых был Кирилл иерусалимский и Евстафий севастийский. Повод им представляла сама грамота царя, в которой упоминалось то о том, то о другом. Начав спором касательно этого предмета, они уже не имели расположения друг к другу, но разделились на две партии. Впрочем верх одержали те, которые предлагали наперед рассудить о вере. Когда же приступили к этому, то одни хотели совершенно отвергнуть слово: существо, предлагая исповедание веры, незадолго пред тем составленное Марков в Мирмии, и принятое случившимися тогда при дворе епископами, в числе коих был и анкирский епископ Василий; но большая часть защищали символ, изложенный при освящении антиохийской церкви. Первое мнение поддерживали особенно Евдоксий, Акакий, Патрофил, Георгий александрийский, Ураний тирский и другие, в числе тридцати двух; а второе – Георгий епископ Лаодикии сирийской, Элевсий кизикский и Софроний, епископ

Помпеополиса пафлагонского, которым следовали большая часть присутствовавших. Сообщники Акакия нарочито решились не соглашаться с прочими касательно догмата, чтобы под этим предлогом избавиться от представленных против себя обвинений; ибо прежде в своем послании к константинопольскому епископу Македонию они исповедали, что Сын во всем подобен Отцу и одного с Ним существа, а теперь прежнему своему исповеданию бесстыдно противоречили. После многих споров об этом предмете, епископ тарский Сильван воскликнул, что не следует принимать никакого нового изложения веры, кроме того, которое одобрено в Антиохии, и что оно одно должно оставаться во всей силе. Сообщники Акакия при этом выразили свое негодование и встали; а прочие тогда же прочитали определения антиохийские. На другой день собрались они в церкви, заперли за собою двери и, оставшись одни, подтвердили свое мнение. Акакий осуждал такой поступок и частным образом сообщил Леоне и Лаврикию защищаемое им сочинение. На третий день вместе с прочими явились в собрание также Македоний и Василий, которых прежде не было; но Акакий и сообщники его не хотели участвовать в совещании, пока не выйдут вон низложенные и осужденные ими. Так и сделано. Принадлежавшие к другой стороне согласились на такое требование, поняв, что Акакию хотелось воспользоваться этим предлогом для закрытия Собора и для избежания предстоявшего суждения о ереси Аэция и тех обвинениях, которые сделаны на них самих. Итак, когда все собрались, Леона сказал, что у него есть сочинение, переданное ему акакианами. А это сочинение, заключавшее в себе изложение веры с некоторым предисловием, и неизвестное прочим, скрывал он с намерением, потому что в образе мыслей согласовался с Акакием. Как скоро оно было прочитано, – в собрании произошел великий шум; ибо оказалось, что несмотря на повеление царя – ничего не вносить в символ веры мимо священного Писания, некоторые, привезши с собою епископов, то по различным областям низложенных, то противозаконно поставленных, произвели на Соборе смятение, и одних между

ними оскорбили, другим запретили говорить, а о себе свидетельствовали, что они не отвергают исповедания веры, объявленного в Антиохии, хотя собиравшимися там епископами это исповедания составлено применительно к тогдашним вопросам. Впрочем, так как слова: единосущный и подобосущный, (говорили они), доныне смущают многих, а некоторые недавно избрали еще новость, – стали называть Сына неподобным Отцу; то единосущие и подобносущие, поколику этого нет в священном Писании, надобно отвергнуть, а неподобие – осудить, и открыто исповедовать Сына подобным Отцу, так как, по свидетельству апостола Павла, он есть образ невидимого Бога. После такого предисловия акакиане изложили и самый символ веры, несогласный ни с никейскими, ни с антиохийскими определениями, но составленный так, что единомышленники Ария и Аэция нисколько не ошиблись бы, основывая на нем свою веру; ибо опустив выражения, которыми отцы никейские опровергают арианское учение, и умолчав о том, что Сын неизменяем по Божеству и есть непреложный образ Отца по существу, воле, силе и славе, как сказано Собором антиохийским, они исповедали, что веруют в Отца, веруют в Сына и в Святого Духа и, присоединив к каждому из них некоторые общие имена прилагательные, не враждебные ни им, ни противникам их, определяли – верующих иначе признавать чуждыми кафолической Церкви. Таково было содержание свитка, предложенного Леоною и подписанного самим Акакием и единомыленными с ним епископами. По прочтении его, Софроний пафлагонский, воскликнув, сказал: если ежедневное изложение собственных помыслов мы будем принимать за изложение веры; то истины точной у нас не останется. Когда же Акакий стал доказывать, что нет препятствия издать новое исповедание веры, как скоро исповедание никейское однажды изменено и потом многократно изменяемо было; то Элевсий в ответе ему сказал: теперь Собор составился не для того, чтобы узнать, чего он не знал, или принять какую-либо другую веру кроме той, которая уже одобрена Собором антиохийским, но чтобы держаться этой веры во всю жизнь до самой смерти. Продолжая таким образом

разговор, епископы перешли к другому предмету и спросили Акакиан: в каком отношении признали они Сына подобным Отцу? Когда же последние сказали, что в отношении только к воле, а не к существу; то все прочие стали доказывать, что Он подобен Отцу и по существу, и обличали Акакия сочинением, которое сам же он написал и издал, и в котором держался одного с ними мнения. Но Акакий возразил, что никого не следует обвинять по его сочинениям. Таким образом разговор становился более и более спорным, и наконец Элевсий кизикский сказал: если бы Василий или Марк сделали что-нибудь сами про себя, и если бы разделяли их с акакианами какие-нибудь частные обвинения; то для Собора это было бы совершенно все равно, и ему не предстояло бы нужды разбирать, хороша или худа изложенная ими вера. Он помнит, что должно следовать той, которая утверждена девяносто семью епископами в Антиохии, и кто вводит что-нибудь кроме этого, тот чужд благочестия и Церкви. Все бывшие с ним подтвердили его мысль, – и тогдашнее заседание Собора кончилось. На следующий день Акакий и Георгий с сообщниками уже не решались явиться в собрание. Не явился и Леона, хотя был приглашаем, ибо явно следовал образу их мыслей. Посланные к нему встретили в его доме сообщников Акакия и, когда стали просить и звать его в собрание, он отказался под тем предлогом, что Собор разделился на партии, между тем как царь приказал ему присутствовать на Соборе согласном и полном. Время проходило в том, что прочие епископы часто приглашали акакиан, а акакиане просили некоторых придти в дом Леоны, либо утверждали, что царь повелел им судить всех других, и не соглашались ни исповедать одну и ту же веру, ни оправдываться в обвинениях, ни являться для исследования дела о Кирелле, которого низложили сами же, без всяких посторонних побуждений. Наконец, собравшиеся на Собор епископы низложили между некоторыми другими Георгия епископа александрийского, Акакия кесарийского, Урания тирского, Патрофила скифопольского и Евдоксия антиохийского, а многих лишили церковного общения, доколе они не оправдаются в взнесенных на себя обвинениях. Об этих

определениях написали они во все епархии, а на место Евдоксия, в епископа антиохийского рукоположили пресвитера тамошнего клира Адриана. Но акакиане схватили его в выдали Леоне и Лаврикию, которые сперва содержали его под военною стражею, а потом присудили к ссылке. Таково было окончание Собора селевкийского. Он описан сокращенно; а кто хочет знать о каждом обстоятельстве подробнее, тот пусть читает акты, написанные бывшими на Соборе скорописцами.

Глава 23

Об Акакие и Аэции, и о том, как царь склонил посольства обоих – ариминского и селевкийского – Соборов мыслить одинаково.

После такого окончания этих дел, сообщники Акакия поспешно отправились ко двору, а прочие разъехались по домам. Избранные же из них общим мнением десять епископов, согласно с повелением, прибыли к царю и нашли там десятерых, посланных от Собора ариминского, и акакиан, которые свой образ мыслей успели уже внушить сильным при дворе людям и чрез них приобрели царское благоволение. Из придворных, говорят, одни были их единомышленниками, другие подкуплены ими на счет церковных имуществ, а иные обмануты льстивыми речами и достоинством убеждавшего; ибо Акакий почитался не каким-нибудь обыкновенным епископом, поколику от природы был способен отлично мыслить, говорить и приводить в исполнение свои намерения, управлял знаменитою Церковию, гордился своим учителем Евсевием Памфиловым, после которого наследовал (кесарийское) епископство, и пользуясь славою сочинений его, перешедших к нему по преемству, выдавал себя за человека, знающего более других. Быв таким мужем, он легко достигал, чего хотел. Когда же в Константинополе от обоих Соборов находилось двадцать послов, да сверх сего случилось там несколько других епископов; то сперва Гонорат, незадолго пред тем, по возвращении царя из западной империи, сделанный первым префектом Константинополя, получил приказание рассмотреть, в присутствии членов верховного совета, дело об Аэции, а потом, вместе с правительственными лицами, рассматривал его сам Констанция. Вследствие сего Аэций оказался неправомыслящим в вере, так что богохульными его речами были раздражены и царь и все прочие. Говорят, что акакиане, сначала притворяясь, будто не знают этой ереси, нарочита

домогались, чтобы суждением о ней занялся сам царь с своими приближенными, и надеялись, что Аэций на словах останется неопровержимым, что он будет в состоянии увлечь слушателей к убеждению, и ересь невольно одержит верх. Когда же последствия не оправдали их надежд; то они предложили символ, привезенный из Аримина, и начали требовать, чтобы послы селевкийского Собора приняли его. Но так как последние утверждали, что они никак не оставят слова: существо; то первые с клятвою уверяли, что и сами они не почитают Сына неподобным по существу, и даже готовы произнести проклятие против этой ереси. Поелику же западные в Аримине сверх чаяния отвергли слово: существо, то акакиане и стали держаться их изложения; потому что, если оно, говорили, будет принято, то вместе с словом: существо, будет умолчано и слово: единосущный, которое однакож западные епископы, из уважения к никейскому Собору, ценили весьма высоко. Притом и сам царь решился принять это исповедание, ибо имел в виду многочисленность собиравшихся в Аримине и рассуждал, что не будет греха, если он станет исповедовать (Сына) подобным, а не подобносущным, и что у него не будет различия в мыслях, если, отвергнув слова, неупотребляющиеся в священном Писании, он равносильным и бесспорным словом: подобный, будет выражать один и тот же смысл. Рассуждая таким образом, Констанций приказал епископам единодушно принять изложенное Собором ариминским исповедание и, приготовляясь на другой день к консульскому торжеству, какое, по римскому обычаю, совершалось в начале месяца Января, провел весь день и большую часть наступившей ночи между епископами в рассуждениях (о вере), пока и прибывшие из Селевкии не подписались под привезенным из Аримина символом.

Глава 24

О том, что акакиане подтвердили определения ариминского Собора; также список низложенных епископов, и о том, за какие вины они низложены.

Пробыв несколько времени в Константинополе, Акакий с сообщниками вызвал из Вифинии епископов, в числе которых были Марий халкидонский и Ульфила готфский. Сошедшись в одно место до пятидесяти, они подтвердили читанное в Аримине изложение веры и присовокупили, чтобы впредь отнюдь не упоминать ни о существе, ни об ипостаси в Боге и, кроме этого символа, отвергнуть все другие, бывшие и будущие. После сего лишили диаконского сана Аэция – за то, что он писал сочинения спорные, хвастаясь мудростию, несогласною с духом Церкви, в разговорах употреблял нечестивые выражения и производил в Церквах беспокойства и смятения. Некоторые говорят, что они низложили его не по убеждению, но желая оправдать себя во мнении царя; ибо их обвиняли в единомыслии с Аэцием. Пользуясь тем, что царь, по вышесказанным причинам, гневался на Македония, акакиане низложили и его, равно как Элевсия кизикского, Василия анкирского, Эортасия сардского и Драконтия пергамского. Отличаясь от этих епископов учением, они, при низложении из, не порицали веры низлагаемых, но всем им вообще вменяли в вину то, что они возмущали Церкви и нарушали церковные законы, а каждому порознь приписывали особенные преступления. Именно Василия обвиняли в том, будто он у александрийского пресвитера Диогена, проезжавшего чрез Анкиру, отнял бумаги и нанес ему удары, также без суда велел (гражданским) начальникам сослать в ссылку и подвергнуть другим наказаниям некоторых антиохийских клириков при реке Евфрате, в Киликии, Галатии и Азии; так что последние испытали железные узы, а свои имущества отдали ведшим их воинам, чтобы не терпеть от них оскорблений. Обвиняли его и в

том, будто, когда царь приказал привести Аэция и некоторых из его сообщников к Кекронию для оправдания в представленных против них обвинениях, он чиновника, имевшего это поручение от царя, убедил поступить так, как хотелось ему самому, а префекту Гермогену и правителю Сирии написал, кого и куда надобно сослать в ссылку, и, когда царь приказал возвратить из ссылки, он воспрепятствовал этому, противясь и гражданским, и духовным начальникам. К сему присовокупляли, будто он возмутил сирмийский клир против Германия, и в письме говоря о своем общении как с ним, так с Валентом и Урсакием, между тем клеветал на них пред африканскими епископами, а, когда обвиняли его в этом, не признавался и клялся; быв же обличен, старался хитростию прикрыть свое клятвопреступление, – также будто он был виновником несогласия и смятений у Иллирийцев, Италлийцев и Африканцев, и событий в римской Церкви, – будто приказал заключить в узы одну служанку и заставил ее дать ложное показание на госпожу, – будто крестил и удостоил диаконского сана одного развратного человека, жившего с женщиною не по закону брака, и не отлучил от Церкви одного бродягу, виновного в убийствах,– будто за священною трапезою составлял заговоры, заклиная клириков и связывая их божбою, что они не будут обвинять друг друга, а делал это с тою хитрою целию, чтобы самому, как предстоятелю клира, избавиться от обвинения обличителей. Вот кратко приведенные причины низложения Василиева. Евстафия же акакиане низложили за то, что, когда он был еще пресвитером. Отец его, епископ Кесарии каппадокийской, Евлалий осудил его и отлучил от общения в молитвах; потом в Неокесарии понтийской он не был принят в общение собором и низложен епископом константинопольским Евсевием за не выполнение некоторых возложенных на него обязанностей. Равным образом, как человек учащий, действующий и мыслящий не право, был он лишен епископства собором гангрийским, обличен в клятвопреступлении на Соборе антиохийском, старался изменить определения Собора мелитинского, и наконец, быв сам виновен во многих преступлениях, хотел быть судиею и называл других неправославными. Элевсия низложили они за то, что какого-то

Ираклия, родом Тирянина, который был жрецом тамошнего геркулесова храма, обличен в волшебстве и, подвергшись наказанию, убежал в Кизику и там проживал, – этого Ираклия, притворявшегося Христианином, он неосмотрительно удостоил диаконского сана и, узнав его после не таким, не отлучил от Церкви; – равным образом, что он без исследования рукоположил несколько лиц, которые, быв осуждены халкидонским епископом Марием, присутствовавшим на халкидонском Соборе, удалились в Кизику. Эортасия низложили за то, что он сделан епископом сардским без согласия епископов ладийских. А Драконтия пергамского – за то, что он прежде был епископом в Галатии, и потому оба эти рукоположения, как незаконные, признали недействительными. После сего они опять собрались и низложили Сильвана, епископа тарсийского. Софрония, епископа Помпеополиса пафлагонского, Элпидия саталийского и Неону, епископа Селевкии исаврийской. Сильвана низложили за то, что он был виновником безумия других в Селевкии и Константинополе, и что предстоятелем каставальской Церкви сделал Феофила, который, епископами палестинскими быв прежде рукоположен в епископа Элевферополиса, дал клятву, что без их согласия другого епископства не примет. Софрония за то, что он был любостяжателен, вздумал продавать в свою пользу посвященные церкви приношения и, призываемый несколько раз, едва явился, да и то не хотел оправдываться в обвинениях пред ними, а избрал судей посторонних. Неону за то, что он хлопотал в своей Церкви о рукоположении епископа антиохийского Анниана и некоторых неопытных в священном Писании и церковных законах людей, бывших прежде в гражданской службе, неосмотрительно сделал епископами, а они потом священному сану предпочли имущества и письменно объявили, что согласны лучше оставаться в (гражданской) службе, владея имуществом, нежели быть епископами и лишиться его. А Элпидия за то, что он содействовал Василию в смутах и был виновником бесчиния, и что, вопреки определению мелитинского Собора, восстановил в прежний сан низложенного с пресвитерства Евсевия, а некоторую женщину

Нектарию, лишенную общения за нарушение договоров и клятв, удостоил звания диакониссы, тогда как, по законам Церкви, не следовало воздавать ей никакой чести.

Глава 25

О причине низложения иерусалимского епископа Кирилла; о разногласии тогдашних епископов между собою, и о том, что Мелетий, рукоположенный арианами, сделался предстоятелем Севастии вместо Евстафия.

Вместе с другими акакиане низложили и Кирилла иерусалимского – за то, что он имел общение с Евстафием и Элпидием, противниками собора мелитинского, на котором сам присутствовал, и что, быв низложен в Палестине, имел общение с Василием и лаодикийским епископом Георгием. Кирилл, еще вскоре по вступлении на иерусалимское епископство, как предстоятель апостольского престола, спорил с Акакием кесарийским о правах митрополита. С тех пор уже питали они вражду и обвиняли друг друга в неправых понятиях о Боге; ибо тот и другой были подозреваемы – Акакий в последовании учению Ария, а Кирилл в согласии с теми, которые признавали сына подобносущным Отцу. Имея такое расположение к Кириллу, Акакий, вместе с единомышленными епископами своей области, еще прежде низложил его под следующим предлогом: когда в иерусалимской стране был голод и множество бедных, не имевших насущного хлеба, обращали взоры к епископу, а у него не было денег, чтобы помочь им; тогда он распродал драгоценные сосуды и священные завесы. Рассказывают, что потом кто-то увидел собственную, пожертвованную им в церковь вещь на одной театральной женщине и, спросив: откуда она получила ее, – узнал, что ей продал эту вещь купец, а купцу – епископ. Вот предлог, под которым Акакий низложил Кирилла. Всех вышеупомянутых и, как сказано, низложенных епископов акакиане изгнали из Константинополя, а некоторых, заседавших с собою, но не соглашавшихся подписать низложение и бывших в числе десяти, отделили от своего общества и запретили им

священнодействовать и управлять Церквами до тех пор, пока они не подпишутся: если же не переменят своих мыслей в течение шести месяцев и не изъявят согласия на все определения и деяния этого Собора; то угрожали и их низложить и написать к областным епископам, чтобы они собрались и на место этих рукоположили других. Постановив такие определения и приведши их в исполнение, акакиане предписали всем епископам и клирикам хранить эти предписания и действовать по ним. Вследствие сего, чрез несколько времени сообщники Евдоксия поставляют одного на место другого: место Македония занимает сам Евдоксий, Василия замещает Афанасий, Элевсия сменяет Евномий, который после был главою ереси, называемой его именем, а вместо Евстафия предстоятелем Церкви севастийской делается Мелетий.

Глава 26

О смерти Македония константинопольского; о том, что в своем поучении сказал Евдоксий, как Евдоксий и Акакий старались уничтожить исповедание никейское и ариминское, и какое от того произошло в Церквах смятение.

Низложенный с епископского престола константинопольской Церкви, Македоний жил в усадьбе близ городских ворот и там скончался, а Церковию начал управлять Евдоксий. Это произошло в десятое консульство Констанция и третье – кесаря Юлиана. Совершая в первый раз богослужение при освящении великой церкви, называемой Софиею, он взошел, говорят, на иерейскую кафедру и, как бы намереваясь учить народ, в самом начале поучения произнес: Отец не чтителен, а Сын чтителен. Когда же в народе произошел шум, то он сказал: успокойтесь; Отец не чтителен потому, что не чтит никого, а Сын, чтителен потому, что чтит Отца. После таких слов его, слушателями овладел смех. Но больше всего он и Акакий старались у всех привести в забвение никейские определения и, читанный в Аримине символ с своими дополнениями, в виде поправок, разослав по всей империи, требовали, чтобы не подписывающие его, по повелению царя, наказываемы были ссылкою. Таким образом надеялись они, говорят, без труда достигнуть своей цели. Но это было началом величайших бедствий: во всей империи произошли такие же смятения, о каких говорено выше; во всех Церквах начались почти такие же гонения, какие бывали при царях-язычниках. Хотя телесные мучения казались умереннее, но людей благомыслящих они без сомнения более тяготили стыдом; ибо те и другие, гонящие и гонимые, принадлежали к Церкви, – и это зло было тем постыднее, что священными законами запрещаются враждебные поступки в отношении не только к единоплеменникам, но и к людям чуждого племени.

Глава 27

О том, что низложенный с кафедры Македоний богохульствовал на Святого Духа, и что Марафоний вместе с другими распространял его ересь.

Нововведение, быв поощряемо похвалами увеличивалось более и более и возросло в ересь. Слишком полагаясь на себя и презирая предания отеческие, оно постановило собственные законы и не хотело мыслить о Боге согласно с древними, но, изобретая всегда новые догматы, не переставало прилагать новости к новостям, что случается и ныне. Как скоро Македоний с константинопольской кафедры был низложен, то уже не стал мыслить одинаково с акакианами и евдоксианами, но начал учить, что Сын есть Бог, подобный Отцу и по всему другому, и по существу, а Духа Святого не признавал причастным тех же преимуществ, называя Его служителем, исполнителем и другими именами, приличными святым ангелам. Такое учение разделяли с ним Элевский, Евстафий и другие, низложенные тогда в Константинополе последователями противной ереси. К ним присоединилась не малая часть и народа в Константинополе, Вифинии, Фракии, Геллеспонте и областях соседних; ибо жизнь их, на которую народ больше всего обращает внимание, была безукоризненна, походка – степенна, правила препровождения времени – сходны с монашескими, речь – проста, нрав – привлекателен. Таков именно, говорят, был тогда и Марафоний. В должности государственного счетчика при областных войсках нажив большое богатство, он оставил военную службу и сначала сделался смотрителем общины больных и бедных, а потом, по убеждению севастийского епископа Евстафия, начал вести жизнь подвижническую и основал в Константинополе общину монахов, которая с того времени преемственно сохраняется доныне. Марафоний своими усилиями и деньгами так поддерживал эту ересь, что некоторые македониане называют марафонианами и,

я думаю, не несправедливо; ибо, кажется, он один с своею братиею был причиною того, что эта ересь не совсем исчезла в Константинополе. Со времени низложения Македония, последователи его ереси не имели ни церквей, ни епископов до царствования Аркадия: в этом препятствовали им ариане, отбирая церкви и подвергая тяжким мучениям всех мысливших несогласно с собою. Но перечислить епископов, которые в то время были изгнаны из своих городов, весьма трудно: я думаю, во всей римской империи не осталось ни одной области, не испытавшей этого бедствия.

Глава 28

О том, как ариане, почитая святого Мелетия своим единомышленником, перевели его из Севастии в Антиохию; когда же он дерзновенно исповедал православие, то были постыждены, и низложив его, на ту кафедру возвели Евзоя; а Мелетий начал делать частные собрания, потому что исповедники единосущия чуждались его, как рукоположенного арианами.

В то время, как Евдоксий управлял константинопольскою Церковию, многим хотелось присвоить себе кафедру антиохийскую. От этого, по обыкновенному ходу дел в подобных случаях, происходили ссоры и различные смятения между клиром и народом; ибо в предстоятеля Церкви каждая сторона старалась избрать того, кого считала согласным с собою во вере. А разногласить касательно учения они еще не перестали в псалмопениях все еще не сходились друг с другом, но пение, как сказано выше, всякий приспособлял к собственному верованию. При таком состоянии антиохийской Церкви, сообщникам Евдоксия казалось благовременным переместить туда из Севастии Мелетия, как человека способного говорить и убеждать, добродетельного по жизни и прежнего их единомышленника. Они, конечно, надеялись, что слово этого мужа привлечет к их ереси жителей антиохии и соседних городов, особенно же так называемых евстафиан, которые мыслили о Боге по преданию никейского Собора. Но вышло не то, чего надеялись. Когда Мелетий прибыл в Антиохию; то собралось, говорят, множество народа из последователей Ариевых и общников Павлиновых, – одни с намерением посмотреть мужа, которого слава долетела к ним еще прежде его прибытия, другие, желая узнать, что он скажет и с кем согласится; ибо была молва, что он держится учения отцов

никейского Собора, как доказали и последствия. Сначала Мелетий всенародно говорил так называемые нравственные поучения, а наконец открыто исповедал Сына единосущным Отцу. Говорят, что, когда он еще произносил это, архидиакон тамошнего клира подбежал и заградил ему уста рукою; но он яснее, чем голосом, выразил свою мысль, посредством руки, показав сначала только три пальца, а потом опять сложив их и показав один, – и этим видом руки изобразил народу то, что мыслил и что препятствовали ему высказать. Когда же неловкий архидиакон схватил его руку и чрез то открыл уста; то он, получив свободу языка, еще яснее и громче объявил свою мысль, то есть, увещевал держаться определений никейских и внушал слушателям, что мыслящие иначе отступают от истины. Между тем как Мелетий продолжал то же самое либо говорить, либо опять показывать рукою, смотря потому, что можно было делать при помехе архидиакона, от чего между нами происходила борьба, почти похожая на театральную, – евстафиане громко восклицали, радовались и прыгали, а ариане стояли с поникшими головами. Услышав об этом, сообщники Евдоксия смутились и вознамерились изгнать Мелетия из города. Сначала они убеждали его исправить сказанное и, как бы раскаявшись, принять противное учение; но так как он не оставлял своих мыслей, то царь приказал изгнать его из Церкви и отправить в ссылку. Когда это было исполнено, то на антиохийскую кафедру вступил Евзой, который некогда был низложен вместе с Арием: а преданные Мелетию, отделившись от единомышленников Ария, собирались особо; потому что исповедавшие издревле Сына единосущным Отцу не соглашались иметь с ними общение, так как Мелетий был рукоположен епископами арианскими, да и последователи его крещены такими же священниками. По этой-то причине отделились они одни от других, хотя мыслили и одинаково. Между тем, царь услышал о новых движениях Персов и прибыл в Антиохию.

Глава 29

О том, что акакиане и теперь не остались спокойными, но старались изгнать единосущие и восстановить ересь арианскую.

Сообщника Акакия и теперь не могли оставаться спокойными, но, собравшись в Антиохию, вместе с немногими другими, отвергли прежние свои определения и рассудили – из символов, читанного в Аримине и Константинополе, исключить слово: подобный, и учить, что Сын не подобен Отцу ни почему, – ни по существу, ни по воле, и что Он произошел из несущего, как некогда проповедовал Арий. С ними согласились и единомышленника Аэция, который после Ария первый осмелился явно употреблять эти выражения, отчего и называем был безбожником, а последователи его – аномеями и эксуконтами. Когда держащиеся никейских определений спрашивали их, как они, исповедуя Сына Богом от Бога, осмеливаются, вопреки прежнему своему символу, называть Его неподобным (Богу) и происшедшим из несущего; то они отвечали, что и апостол Павел сказал: вся от Бога суть, а в числе всего заключается и Сын, и что в таком-то смысле, по учению священного Писания, надобно принимать сделанное ими прибавление. Так толковали лжемудрствовали акакиане. Наконец, быв не в состоянии достаточно оправдаться пред теми, которые обвиняли и порицали их за это, они снова прочитали одобренное в Константинополе исповедание веры и, закрыв Собор, удалились в свои города.

Глава 30

О Георгие александрийском и епископах иерусалимских, как после Кирилла сменились три епископа, за которыми на кафедру иерусалимскую вступил опять Кирилл.

В то время, как Афанасий скрывался, Георгий, прибыв в Александрию, начал жестоко оскорблять язычников и мысливших несогласно с ним Христиан. Тех и других принуждал он почитать Бога так, как ему хотелось, а противившихся этому преследовал. К нему питали ненависть и знатные – за то, что он презирал их и хотел повелевать начальниками, – и народ – за то, что он тиранствовал и имел силу больше всех. Особенно же досадовали на него язычники, что он препятствовал им приносить жертвы и совершать древние празднества, и что, приведши с собою в город воинов и египетского военачальника с оружием, лишил их храмы идолов пожертвований и украшений. Впоследствии это служило поводом к его умерщвлению, о чем я расскажу вскоре. По низложении Кирилла, как сказано выше, иерусалимскую Церковь получил Эрений, за ним Ираклий, а потом Иларий. Эти епископы управляли тамошнею Церковию, сколько известно, до царствования Феодосия; а при Феодосие Кирилл снова вступил на прежнюю свою кафедру.

Конец четвертой книги церковной истории.

Примечания:

Книга пятая

Глава 1

Об отпадении отступника Юлиана от веры и о кончине царя Констанция.

Так шли дела в Церквах восточных. Между тем кесарь Юлиан, одержав победу над Варварами, обитавшими по берегам Рейна, частью перебил их, а частью забрал живыми. Прославившись этим, он приобрел также любовь войск мягкостью нрава и обходительностью и был провозглашен от них Августом. По сему случаю, не просил он, как бы следовало, извинения у Констанция, а напротив сменил поставленных им начальников и нарочито показывал его письма, которыми он призывал Варваров на помощь против Магненция и ввел их в пределы римской империи. Притом Юлиан доселе казался Христианином, а теперь вдруг переменил веру и, назвав себя верховным жрецом, начал посещать языческие храмы, приносить жертвы и убеждать к тому же своих подданных. Так как в то время ждали нападения Персов на пределы римской империи; то Констанций жил в Сирии. Предполагая, что в этих обстоятельствах можно без боя занять Иллирию, Юлиан направился туда – под тем предлогом, будто идет оправдаться пред Констанцием, что царские знаки от войска принял неохотно, против своего желания. Рассказывают, что как скоро он подошел к пределам Иллирии, виноградные сады, уже после сбора зрелых плодов, именно во время захождения Плеяд, наполнились зелеными виноградными кистями, а выпавшая из воздуха роса, разливаясь по его платью и по платью его спутников, своими каплями отпечатлевала на них знак креста. Не вовремя явившиеся кисти винограда и ему самому, и многим его приближенным показались хорошим предзнаменованием, а роса (думали они) случайно выпала и так расписала их одежды. Но иные говорили, что из двух знамений одно предвещает раннюю гибель царя, по подобию зеленых виноградных кистей, и кратковременность его царствования, а другое свидетельствует о небесном учении Христиан и о том, что все

должны осеняться знамением креста. Предсказывавшие царю несчастья, по-видимому, не погрешали против истины; ибо последующее время доказало, что оба эти истолкования были верны. Между тем Констанций узнал о вооружении против себя Юлиана и, оставив приготовления к персидской войне, отправился в Константинополь, но во время путешествия скончался в Мопсукринах, между Киликиею и Каппадокиею, близ Тавра, на сорок пятом году от рождения. Царствовал он тринадцать лет вместе с отцом, да двадцать пять – после него. По кончине Констанция, Юлиан овладел уже Фракиею и, вскоре вступив в Константинополь, провозглашен был самодержцем. Язычники рассказывали, что еще прежде, чем оставил он Галлию, предвещатели и демоны возбуждали его к этому вооружению, предсказывая ему смерть Констанция и перевороты в государстве. Это предсказание можно бы назвать достоверным, если бы вскоре не пресеклась жизнь самого Юлиана, так что царствованием наслаждался он как бы в сновидении; ибо, мне кажется, безумно говорить, будто, посредством прорицания предузнав нечаянную кончину Констанция и собственную свою погибель от Персов, он охотно однако ж пошел на явную смерть, которая ему не могла доставить ничего, кроме мнения многих о его неблагоразумии и незнании воинского искусства, а римскую империю подвергала такой опасности, что Персам после того не трудно было покорить почти всю ее, или большую часть ее. Впрочем об этом сказали мы только для того, чтобы не сделать пропуска; а думать всякий может, как кому угодно.

Глава 2

О жизни, обычаях, правилах и восшествии на престол Юлиана.

По кончине Констанция, Церковь возмущена была страхом гонений, и ожидание искушения сделалось для Христиан ужасным – частью от большого промежутка времени, которое изгладило в них привычку к подобным опасностям, частью от воспоминания прежних козней, а частью от ненависти государя к их учению. Говорят, что он тотчас же с явным бесстыдством отрекся от веры во Христа, так что, отменив таинство Церкви, очистился от нашего крещения какими-то жертвами, призываниями, известными у язычников под именем заклинаний, и кровью животных, и с того времени частно и всенародно совершал заклания, употреблял идоложертвенное и вообще исполнял языческие обряды. Однажды, рассматривая жертву, увидел он, говорят, в ее внутренностях знак креста, окруженного венцом. Прочие участники гадания при этом случае ужаснулись, заключая отсюда о силе нашей веры и вечности учения; потому что крест, окруженный венцом, означает победу: в своем круге начинаясь отвсюду и замыкаясь в себе самом, он нигде не имеет конца. Но главный вождь в этих исследованиях убеждал не терять духа, говоря, что внутренности благоприятны и согласны с желанием; ибо символ (христианского) учения заперт и стеснен ими, чтобы ограниченный фигурою круга, не мог он ни распространяться, ни безбоязненно идти, куда хочет. Слышал я также, что для какого-то посвящения, или гадания, Юлиан сходил в один из знаменитейших и страшных (языческих) тайников, и что, когда нечаянно представились ему там подготовленные и действием волшебства являющиеся призраки, он от шума и страха забыл о настоящем, – ибо к этой науке приступил уже в поздние годы жизни, – и по привычке первого возраста, как бы будучи Христианином и находясь среди великих опасностей, оградил себя знамением Христовым. От этого призраки вдруг исчезли и предположенная цель не

достигнута. Тайноводитель приведен был этим в недоумение и, узнав о причине бегства демонов, поступок Юлиана назвал скверною; потом, уговорив его быть мужественным и ничего не делать и не мыслить христианского, снова начал вводить его в таинства. Попечение царя о таких делах сильно огорчало и страшило Христиан, особенно потому, что прежде он был Христианином, ибо родился от благочестивых, по вере, родителей, удостоен крещения по уставу Церкви, научен священному Писанию, воспитан епископами[22] и лицами духовными. А отец у него и у Галла был Констанций, по отцу родной брат царя Константина и Далмация, которого сын Далмаций, нареченный кесарем, после смерти Константина убит был воинами. Лишившись отца, и сами они едва не погибли тогда вместе с Далмацием. Галла избавила от козни приключившаяся ему болезнь, которая, как ожидали, и без того должна была умертвить его, а Юлиана – юный возраст, потому что ему в то время был только восьмой год. Спасшись от смерти столь чудесно, они получили повеление жить в Макелле; а Макелла была царское местечко в Каппадокии, близ горы аргейской, недалеко от города Кесарии, с великолепным царским дворцом, банями, садами и неиссякаемыми источниками. Там удостоились они царского содержания и попечения; там пользовались свойственными своему возрасту наставлениями в науках и гимнастике, слушали уроки учителей и истолкователей священного Писания, так что присоединены были к клиру и читали народу церковные книги; даже самыми нравами и делами обнаруживали любовь к благочестию, потому что весьма уважали иереев и других добрых и преданных вере мужей, часто хаживали в молитвенные домы и воздавали должную честь гробницам мучеников. В это-то время разделили они, говорят, между собою попечение о построении огромнейшего храма над гробом мученика Мамы[23]. Такое соревнование одного пред другим, такое старание превзойти друг друга в уважении святыни могло бы показаться делом весьма странным и вовсе невероятным, если бы не дожило доныне много лиц, слышавших об этом от самовидцев. При этом, рассказывают, что работы, доставшиеся на часть Галла,

шли вперед и совершались по желанию; а из поделок Юлиана, одни разрушались, другие опять начинаемы были с основания, а некоторые не могли крепко держаться и при самой поверхности, как будто бы какая-то противная, непреоборимая и книзу гнетущая сила, отвергала их. Это явление по справедливости на всех наводило страх, и по сему событию многие судили, а иные заключали, что Юлиан в почитании Бога не искренен, что он только притворяется благочестивым, считая делом не безопасным обнаруживать свои мысли пред тогдашним государем-Христианином. Говорят также, что он изменил отеческому богопочтению, быв расположен к этому сперва обращением с гадателями. С течением времени, когда гнев Констанция прошел, Галл, прибыв в Азию, жил в Ефесе, где находилась большая часть его имения, а Юлиан, возвратившись в Константинополь, посещал тамошних учителей. Всем известно было, что он имел от природы прекрасные дарования и легко успевал в науках; ибо, прогуливаясь в платье частного человека, со многими разговаривал. А так как в нем сверх того видели брата государева и человека, казавшегося способным управлять делами государства; то толпа столицы, что обыкновенно бывает, ожидала его воцарения и много толковала об этом. Вследствие сего Юлиану повелено было жить в Никомидии. Здесь встретил он философа, Максима ефесского, который, начав преподавать ему учение философов, поселил в нем ненависть к христианской Религии, и так как был провещатель, то совершенно оправдал народную о нем молву. Последний же, – что среди затруднительных обстоятельств случается со многими, – льстясь надеждою на лучшую будущность, считал его своим другом. Когда об этом донесено было царю, Юлиан в страхе обрил себе волосы и притворился, будто ведет жизнь монашескую, а тайно держался другой веры, и только пришедши в мужской возраст, стал свободно открывать свой образ мыслей и стремиться к язычеству. Между тем, узнав с удивлением, будто есть наука предвидеть будущее, и полагая, что она для него нужна, начал он заниматься тем, что не позволено Христианам, вошел в дружбу с преподавателями

этой науки и, водясь своими мыслями, из Никомидии переехал в Азию, чтобы иметь ближайшие сношения с тамошними провещателями и к задуманному делу приложить более ревности. Потом, когда брат его Галл, поставленный кесарем, начал делать нововведения и по донесению был лишен жизни, – Констанций, подозревая, что и сам он стремится к царской власти, стал содержать его под стражею. Но супруга Констанция Евсевия употребила свое ходатайство и, испросив у царя позволение, отправила его в Афины. Предлогом к этому было занятие греческими науками; а на самом деле ему, говорят, хотелось беседовать с тамошними гадателями о своих делах. Впоследствии из Афин Констанций вызвал его, поставил кесарем и, при этом случае, дав ему в супружество сестру свою Констанцию[24], послал его к западным Галлам; потому что Варвары, которых некогда в помощь себе нанимал он против Магненция, не занятые в этой войне никаким делом, опустошали Галлию. Так как Юлиан был еще молод, то управление делами царь вверил сопровождавшим его военачальникам. Но последние были весьма ленивы; поэтому первый, как кесарь, о ходе войны начал заботиться сам. Убеждая войска не бояться опасностей и положив определенную награду каждому за убитого им Варвара, он возбудил в них готовность к битвам. Приобретши таким образом любовь войск, донес он Констанцию о недеятельности военачальников, и когда назначен был другой, начал сражаться с Варварами и одерживать победы. Тогда Варвары прислали к нему послов и представили письма, которыми Констанций призывал их в римскую землю: но Юлиан, нарочно медля отпуском этого посольства, неожиданно напал на великое множество неприятелей и разбил их. Говорят, будто Констанций вверил ему ведение этой войны, строя против него козни: но такое сказание мне кажется невероятным; потому что царь мог прежде всего не делать его и Кесарем, – зачем же сделал? да еще выдал за него свою сестру, и когда тот жаловался на беспечность военачальников, послушал его и вместо них прислал ему лучшего. Для чего желал он, чтобы Юлиан успешно кончил войну, если не был к нему расположен? Я

догадываюсь, что вначале Констанций был к нему благосклонен и потому объявил его Кесарем. Но когда, вопреки своему желанию, он провозглашен был Августом; то либо от опасения, как бы не вспомнил он обид, причиненных в детстве ему и брату, либо от зависти, что он будет пользоваться равною с ним властью, стал строить ему козни посредством прирейнских Варваров. Впрочем это одним кажется так, другим иначе.

Глава 3

О том, что Юлиан, возведенный на царство, стал ощутительно колебать Христианство и коварно вводить язычество.

Как скоро Юлиан остался на царстве один; то и в странах восточных начал открывать языческие храмы. Он повелел брошенные из них поправлять, разрушившиеся возобновлять и воздвигать жертвенники, изобрел для них источники доходов, восстановил древние обряды, городовые празднества и жертвоприношения, сам явно и всенародно совершал возлияния и заклания, и людей, в этом отношении ревностных, удостаивал великих почестей, тайнодействователям, жрецам, иерофантам и служителям при идолах возвратил древние преимущества и подтвердил права, дарованные им прежними царями, также освободил их от должностей и других повинностей, от которых они некогда освобождены были, а храмовым попечителям отдал отнятые у них хлебные запасы. При этом запретил им осквернятся яствами и предписал все правила воздержания, чтобы они, как говорится у язычников, были чистыми. Сверх того приказал он нилометр, священные знамена и древние отечественные знаки переносить в храм Сераписа, тогда как, по повелению Константина, это переносимо было в церковь, и городским общинам часто писал, что городам, обратившимся к язычеству, он позволяет просить, каких хотят даров, а к тем, которые оставались в Христианстве, имел явное отвращение и не хотел ни сам посещать их, ни допускать к себе их послов, если бы они вздумали приносить ему какие-либо жалобы. Когда Римляне ожидали вооруженного нападения Персов; то жителям города Низибы, отправившим по этому случаю посольство к царю, между тем как все они, быв Христианами, не открывали языческих храмов и не посещали капищ, он грозил, что не подаст им помощи, не примет их посольства и в нечистый город их войдет не прежде, как узнав, что они обратились к язычеству. Обвиняя в том же самом и

жителей Констанции, Юлиан приписал их город к Газе; ибо эта Констанция, как мы видели выше, была портовым поселением Газы и называлась Майюмою. Когда же Константин узнал, что Майюма особенно предана христианской Вере, то возвел ее на степень города, и по имени своего сына назвав Констанциею, даровал ей самостоятельное управление; потому что несправедливо было бы, думал он, Майюмцам зависеть от жителей Газы, которые были сильно преданы язычеству. Но как скоро восшел на царство Юлиан, Газцы стали судиться с Константийцами, – и царь, взявшись сам быть их судьею, приписал Констанцию к Газе, хотя первая от последней находилась в двадцати стадиях. С того времени Констанция, потеряв свое название, носит имя приморской части Газы. У них общи и гражданские правители, и военачальники, и дела народные: только по отношению к Церкви, они и доныне кажутся двумя городами; потому что тот и другой имеет особого епископа и клир, делает особые собрания в память мучеников и для поминовения бывших у них иереев, и определяется особыми границами, в черте которых находятся церковные угодья каждой епископии. В наше время, по случаю смерти одного предстоятеля майюмской Церкви, епископ города Газы старался подчинить себе оба клира, – говоря, что незаконно одному городу управляться двумя епископами: но Майюмцы не согласились, – и местный Собор, разобрав дело, рукоположил другого епископа, ибо признал справедливым, чтобы место, за благочестие праведных удостоенное имени города, а по суду царя-язычника, лишившееся этого, в иерархическом чине Церквей не теряло дарованных себе преимуществ. Но это случилось гораздо позднее.

Глава 4

О том, какое зло сделал Юлиан Кесарийцам, и о мужестве халкидонского епископа Мариса.

В то же время из списка городов царь исключил и Кесарию, что при горе Аргейской[25], – город обширный и богатый, митрополию всей Каппадокии, и отнял у него самое имя, которого он удостоен был в царствование кесаря Клавдия, ибо прежде назывался Мазакою. Юлиан и до этого уже питал неприязненную ненависть к ее жителям – за то, что все они были Христиане и давно разрушили у себя храмы градохранителя Зевса и отечественного Аполлона. А когда кесарийскими Христианами истреблен был и последний остававшийся у них храм Счастья, да еще истреблен в его царствование; то он сильно вознегодовал на весь этот город и раздражился до крайности, даже укорял самых язычников, которых число там было довольно незначительно, что они не поспешили на помощь и, если бы надлежало пострадать, не пострадали. Все имущества и деньги церквей как в Кесарии, так и в ее округе повелел он разыскать посредством пыток и свезти на площадь, потом триста литр золота тотчас же сдать в казну, а всех клириков внести в список областного войска, в котором служба по римскому войсковому ведомству почитались самою убыточною и низкою[26], Христианам же простого сословия с женами их и детьми сделать перепись и наравне с поселянами обложить их податью. При этом Юлиан грозился с клятвою, что если они в наискорейшем времени не воздвигнут капищ, он не перестанет мстить и делать зло их городу, даже не согласится, чтобы Галилеяне, – так обыкновенно в насмешку называл он Христиан, – носили на плечах головы. Эта угроза, может быть, и приведена была бы в исполнение, когда бы в скором времени не постигла его смерть; потому что и в самом начале своего царствования он казался человеколюбивее прежних гонителей Церкви – не из жалости к Христианам, а от того, что казни, как

видно было из прежних примеров, нисколько не споспешествовали к утверждению язычества, но что напротив чрез мужество святых, за веру охотно шедших на смерть, дела Христиан еще более возрастали и становились тем славнее. Посему, завидуя славе их, но не давая им пощады, он для изменения их мыслей, не считал нужными огонь, железо, телесные мучения, потопление, закапывание заживо, о чем старались прежде, но думал обратить их к язычеству словом и убеждением, и надеялся, что легко достигнет этой цели, если, не употребляя насилий, сверх чаяния покажется для них человеколюбивым. Говорят, что когда он приносил жертву в константинопольском храме Счастья, халкидонский епископ Марис, подошедши к нему, всенародно называл его нечестивцем, безбожником и отступником; а тот в ответ порицал его только именем слепца, – ибо епископ, у которого от старости глаза вытекли, ходил с помощью вожатого, – и по обыкновению с насмешкою понося Христа, сказал: твой Бог галилеянин не исцелит тебя. Но я благодарю моего Бога за слепоту, отвечал Марис; – она не позволяет мне видеть отступника от благочестия. Царь ничего не сказал на это и прошел мимо, ибо полагал, что неожиданно являя христианскому народу примеры незлобия и кротости, он придает тем больше силы язычеству.

Глава 5

О том, что Христианами, заключенным в темницы, Юлиан дал свободу, чтобы Церковь тем более волновалась, и о бедствиях, придуманных им для Христиан.

Помышляя таким образом, он возвратил из ссылки всех, сосланных за веру при Констанции, и предписал законом отдать им отобранное у них в казну имущество, а народу повелел Христиан не притеснять, не поносить и насильно не влечь к жертвоприношению, приходящих же к жертвенникам по своей воле сперва вводить в милость так называемых у язычников гениев – оберегателей и очищать обычными у них жертвами. Впрочем клириков лишил он всех вольностей, почестей и данного Констанцием продовольствия, отменил изданные касательно их законы и подчинил их гражданским судилищам, даже повелел взыскивать подати с тех дев и вдов, которые, по бедности их, приписываемы были к клиру и получали содержание от общества; ибо Константин приводя в порядок церковные дела, из доходов каждого города отчислил сумму, достаточную для заготовления необходимых припасов, и постановил законом разделять ее по всем клирам. Этот закон со времени смерти Юлиана, строго соблюдается и доныне. Говорят, что взыскивание податей производилось с жестокостью и оскорблениями, о чем свидетельствуют выданные тогда сборщиками расписки для показания того, что из полученного по закону Константина возвращено было. Но не этим только обнаруживалось отвращение государя от веры. Питая ненависть к христианскому учению, он не оставил ни одного средства для истребления Церкви: отнимал у ней деньги, приношения и священные сосуды, людей, по повелению Константина и Констанция разрушивших языческие храмы, принуждал снова строить их, или производить постройку на счет разрушителей. А так как они не в состоянии были сделать ни того, ни другого, да притом от них намеревались вытребовать священные вещи; то

и иереи, и клирики, и многие из Христиан были жестоко мучимы и ввергаемы в темницу. Из всего этого можно заключить, что относительно убийств и придумывания телесных казней, он был умереннее прежних гонителей Церкви, а в других отношениях жесточе их. Юлиан озлоблял Церковь всячески, кроме того только, что иереев, в царствование Констанция принужденных жить на чужой стороне, вызвал из ссылки. Говорят впрочем, что он издал это повеление не из сострадания к ним, а для того, чтобы Церковь, получив повод к внутреннему раздору, вступила в междоусобную войну и уклонилась от собственных постановлений, также, чтобы подвергнуть порицанию Констанция; ибо надеялся против него, даже умершего, возбудить ненависть почти во всей империи, – язычникам, угождая, как единомышленникам, а терпевшим от него Христианам показывая сострадание, как обиженным. Для этого именно изгнал он из дворца и любимых его евнухов, а Евсевия, управлявшего царским двором, казнил смертью, – тем более, что почитал его виновным и в отношении к самому себе, ибо подозревал, что причиною смерти брата его Галла были наветы Евсевия. Начальнику же евномиевой ереси, Аэцию, который заточен был Констанцием между прочим и по подозрению в сношении с Галлом, писал в выражениях весьма милостивых и, дав ему общественную подводу, призвал его к себе[27]. По такому именно побуждению и кизикский епископ Элевсий должен был, под опасением тягчайшего наказания, в течении двух месяцев снова построить на собственное иждивение новацианскую церковь, которую разрушил он при Констанции. Можно бы пересказать много и других дел, которые, по ненависти к царственному своему предместнику, либо сам он совершил, либо позволил совершить другим.

Глава 6

О том, что Афанасий тогда, целые семь лет скрывавшийся у одной мудрой и прекрасной девы, наконец явился и прибыл в Александрию.

Когда пронеслась весть о смерти Констанция, то Афанасий, до того времени где-то скрывавшийся, теперь, в одну ночь явился среди александрийской Церкви. Это по справедливости было изумительно, поколику случилось нечаянно, сверх всякого ожидания. Выше сказано, что, по навету друзей Георгиевых, начальник египетских войск, уполномоченный волею царя, старался взять его, но не успел. Ушедши тогда, он до настоящего царствования скрывался в Александрии у одной посвященной Богу девы, которая превосходила тогдашних жен столь великою красотою, что для видевших ее казалась чудом, и что люди скромные и целомудренные, чтобы чрез подозрение не подвергнуться порицанию, должны были убегать от ней; потому что она была в цвете лет, отличалась благородною осанкою и чрезвычайным целомудрием; а это, хотя бы природа и не помогала, обыкновенно украшает тело особенною приятностью. Положим, нельзя сказать, как некоторые говорят, что каково тело, такова и душа; но черты тела действительно отпечатлеваются по свойствам души, и как кто занят, таким во время занятия и является. Кто исследует это с точностью, тот противоречить, думаю, не будет. Говорят, что Афанасий убежал к этой деве, быв возбужден божественным видением, указывавшим ему именно такой способ спасения. И если смотреть на исход дела, то это устроилось, мне кажется, не без воли Божией; ибо надлежало, чтобы и друзья Афанасия не встретили затруднения, если бы кто стал расспрашивать у них, где он, или заставлял их клясться, да и сам Афанасий, спрятавшись у той девы, не мог надежнее скрываться, поколику ее красота не позволяла предполагать, что там проживает иерей. Она же, имея довольно мужества приняла Афанасия и

сохранила его своею мудростью. Помянутая дева была столь верным его стражем и таким ревностным слугою, что умывала ему ноги и одна исправляла все, что относилось к его пропитанию и ко всем другим необходимым потребностям природы, да еще сверх того приносила ему от других книги, в каких он имел нужду. И хотя так прошло много времени[28], однако ж из жителей Александрии никто не знал об этом.

Глава 7

Об убиении александрийского епископа Георгия, о триумфе ради событий в храме Митры и о том, что по этому случаю писал Юлиан.

Итак, когда таким образом спасшись, Афанасий неожиданно явился в Церкви, Александрия не знала, откуда он пришел. Сильно обрадовавшись его прибытию, александрийский народ отдал ему церкви; а последователи Ария, быв изгнаны, делали собрания в частных домах и на место Георгия епископом своей ереси поставили Лукия. Георгий в то время был уже убит; ибо как скоро правители города объявили всенародно, что Констанций умер и самодержцем сделался Юлиан, языческая чернь Александрии возмутилась. С криком и бранью бросилась она к Георгию и хотела тотчас же убить его, но удержав мгновенное раздражение, в то время только заключила его в оковы, а вскоре после того, сбежавшись в темницу, умертвила его и, привязав к нему веревку, целый день неистовствовала над ним, пока поздно вечером не предала его огню. Знаю, что приверженцы арианской ереси говорят, будто Георгий потерпел это от Христиан, преданных Афанасию: но я думаю, что убийство сделано было скорее язычниками, и заключаю из того, что последние имели более важнейших причин ненавидеть Георгия – особенно за низвержение их истуканов, за разрушение храмов и за возбранение им приносить жертвы и совершать отеческие обряды. Ненависть к нему возрастала и от самой силы его при дворе. К тому же, у них тогда случилось нечто в так называемом храме Митры. Это место, давно уже запустевшее, Констанций подарил александрийской Церкви. И когда Георгий начал очищать его для построения там молитвенного дома, то открыл тайник, в котором найдены истуканы и некоторые орудия совершавшихся тогда посвящений или таинств, что для зрителей казалось смешным и странным. Все это Христиане выставили напоказ и, смеясь над

язычниками, торжествовали. А последние, собравшись во множестве, напали на Христиан, кто с мечами, кто с камнями, кто с чем случилось, и одних убили, других в знак поношения над нашею верою, распяли на кресте, гораздо же большему числу их нанесли раны. По этой причине Христиане начатое дело оставили неоконченным, а язычники, при наступлении Юлианова царствования, умертвили Георгия. Что это было действительно так, свидетельствует сам царь, который конечно не признал бы этого, если бы не был вынужден к тому истиною; ибо ему хотелось бы, думаю, чтобы убийцами Георгия были лучше Христиане, или кто другой, чем язычники. Но он не скрыл правды, – и в письме своем к Александрийцам по сему случаю является очень разгневанным, хотя своего порицания не простер далее письма и воздержался от казней из уважения, как говорит, к покровителю их города Серапису, основателю его Александру и прежнему начальнику над Египтом и Александриею, дяде своему Юлиану. А этот человек был весьма расположен к язычникам и чрезвычайно ненавидел Христиан; так что, сколько от него зависело, вопреки воле царя, озлоблял их до пролития крови.

Глава 8

О сосудохранителе антиохийской Церкви, Феодоре, и о том, что Юлиан, дядя отступника, за сосуды съеден был червями.

Говорят, что когда усиливался он отнять и перенести в царские сокровищницы множество драгоценнейших приношений антиохийской Церкви, а молитвенные домы запирать; то все клирики разбежались. Из города не вышел только пресвитер Феодор, которого, как хранителя сосудов, могшего сообщить о них сведенье, Юлиан взял и жестоко сек; когда же наконец увидел, что, несмотря на все пытки, он мужественно отвечает и просиявает славою исповедника веры, то приказал умертвить его мечом. После сего, расхитив священные сосуды, он разбросал их по полу и смеялся, изрыгал, какие хотел, хулы на Христа и, садясь на собранные грабителями вещи, тем самым еще более увеличивал поношение над ними. Но вдруг заболел у него детородный уд и ближайший проход, плоть начала гнить и превратилась в червей, так что болезнь оказалась выше усилий врачебного искусства. Впрочем из уважения и страха к царю, врачи пробовали различные средства, закалали редких и тучных птиц и жир их прикладывали к гниющим частям, чтобы этим выманить червей наружу; но ничто не помогало: скрываясь во глубине, они внедрялись в живую плоть и не переставали съедать ее, пока не умертвили Юлиана. Тогда увидели, что это бедствие послано было Богом для наказания; ибо и хранители царских сокровищ, и другие лица, которым вверены были правительственные должности при дворе, за посмеяние над Церковью, подвергшись Божию гневу, окончили жизнь неожиданно и жалким образом.

Глава 9

О мученичестве святых: Евсевия, Нестава и Зенона из города Газы.

Но если уже я довел рассказ до убиения Георгия и Феодора; то теперь время, кажется, упомянуть также о братьях Евсевие, Несставе и Зеноне, которые, сделавшись предметом ненависти газского народа, взяты им из дому, где они скрывались, и сперва, быв посажены в темницу, претерпели побои, а потом народ, сошедшись на зрелище, начал обвинять их громкими воплями, что они осквернили их капища и пользовались обстоятельствами прошедшего времени для истребления и оскорбления язычества. Между тем, как эти вопли продолжалась, язычники взаимно возбуждали себя к убийству и приходили в неистовство. Убеждая друг друга, – что обыкновенно бывает при возмущении черни, – они побежали в темницу и, выведши оттуда помянутых мужей, умертвили их жесточайшим образом: влачили то навзничь, то лицом книзу, и ударяли о землю, а кому вздумалось, били, – кто камнями, кто палками, кто чем случилось. Слышал я также, что и женщины выходили из-за станов и кололи их веретенами, а харчевники на площади то схватывали с очагов котлы горячей воды и выливали ее на мучеников, то пронзали их вертелами. Растерзав же их и разбив им головы до того, что падал на землю мозг, они вывезли их за город, куда обыкновенно бросают трупы околелых бессловесных животных, и разведши огонь, сожгли тела их, а оставшиеся и не истребленные огнем кости перемешали с разбросанными там костями верблюдов и ослов, так чтобы нельзя было отыскать их. Однако ж они недолго оставались не открытыми. Одна жена Христианка, не из Газы родом, но в Газе имевшая свое пребывание, по устроению Божию, ночью собрала эти кости и сложив их в горшок, отдала для хранения родственнику мучеников Зенону. Бог объявил это ей во сне и, означив, где живет тот муж, указал его, прежде чем она с ним увиделась; так как он был незнаком ей и, по случаю

воздвигнутого гонения, скрывался, ибо и сам тогда едва не был взят и убит жителями Газы. Между тем, как народ занимался избиением родственников его, он, улучив время, перебежал в приморский город Анфидону, отстоявший от Газы стадий на двадцать, благоприятствовавший в то время язычникам и преданный идолослужению. Быв объявлен здесь, как Христианин, Зенон перенес от Анфидонян сильные палочные побои по спине и, изгнанный из города, пришел в пристань Газы и там скрылся. Тут-то нашла его та жена и отдала ему останки. Он несколько времени хранил их дома, когда же впоследствии получил жребий епископства над тамошнею Церковью, что случилось в царствование Феодосия, то построил за городом молитвенный дом, воздвиг под ним алтарь и кости мучеников положил в нем близ исповедника Нестора, который был в дружеской связи с его родственниками, когда они еще были живы. Взятый народом вместе с ними, этот Нестор испытал узы и бичевание; но волоча его, мучители сжалились над красотою его тела и еще дышавшего, хотя уже обреченного на смерть, выбросили его за городские ворота. Там кто-то взял его и принес к Зенону, у которого, несмотря на старание уврачевать его раны и язвы, он умер. Между тем жители Газы, помышляя о важности своего злодейства, начали бояться, что царь не оставит их без наказания; ибо уже ходила молва, будто он разгневался и думает в народоселении их лишить жизни одного из десяти, что впрочем была весть ложная, обыкновенный толк черни, распространенный в толпе общим сознанием преступлений. Юлиан в письме к Газейцам не сделал им и такого выговора, какой сделал Александрийцам за Георгия. Напротив, он лишил власти и оставил в подозрении тогдашнего начальника провинции и, отдав его под суд, говорил, что только по человеколюбию не осуждает его на смерть. В вину же ему вменял то, что некоторых Газейцев, признанных за начинщиков возмущения и убийств, он взял и держал в цепях, как людей, долженствовавших получить наказание по законам. Стоило ли брать их под стражу, говорил он, что они немногим Галилеянам отмстили за многие оскорбления, причиненные и им самим, и богам их? Так рассказывают об этом.

Глава 10

О святом Иларионе, об умерщвленных свиньями илиопольских девах и об удивительном мученичестве аретузского епископа Марка.

В это же время, преследуемый Газейцами, убежал в Сицилию монах Иларион. Там, на пустынных горах собирая и нося на плечах в город дрова, он продавал их, и таким образом ежедневно снискивал себе пищу, чтобы только существовать. Но кто и каков был Иларион, – о том возвещено одним бесноватым из благородного сословия, которого избавив от беса, этот муж перешел в Далмацию. Совершив и тут силою Божиею дела великие и дивные, так что по его молитве возвратилось в свои пределы выступившее на сушу море, он удалился и отсюда; ибо не по душе ему было жить там, где его хвалят. Чрез перемену местопребывания он старался оставаться в неизвестности и посредством частых переходов из страны в страну думал уничтожить распространявшуюся о нем славу. Наконец переплыл он на остров Кипр и пристал к Пафосу. Приглашенный тогдашним кипрским епископом, он полюбил это убежище и начал любомудрствовать близ местечка, по имени Харвириса. Что этот муж не сделался мучеником, причиною было его бегство. А убегал он потому, что есть Божие повеление не выжидать гонителей. Если же гонимые взяты, то они должны быть мужественны и побеждать насилие преследующих. Впрочем описываемые нападения на Христиан происходили не у одних Газейцев и Александрийцев: жители Илиополиса при Ливане и Аретузы в Сирии своею жестокостью, кажется, превзошли их. Илиополисцы, – трудно бы и поверить, если бы рассказывали не современники события, – брали посвященных Богу дев, которых обыкновенно нельзя было видеть народу, и принуждали их стоять без одежды публично и быть позорищем и предметом поношения для всех желающих. Насмеявшись над ними таким образом, сколько кому хотелось,

они потом снимали с них кожу и, рассекши тела их на части, приманивали свиней пожирать их внутренности, а для сего утробу их покрывали свойственною этим животным пищею, чтобы, то есть, не могши отличить одного от другого и стремясь к обычной себе пище, они терзали вместе и человеческую плоть. Догадываюсь, что к такой жестокости против посвященных Богу дев вызывало Илиополисцев отменение старинного их обычая выдавать тамошних дев для растления всякому приходящему, прежде чем они вступали в брак с женихами. Константин, разрушив в Илиополисе храм Афродиты, создал у них тогда первую церковь и возбранил им законом совершать это обычное блудодеяние. Аретузцы же жалким образом умертвили бывшего у них епископа Марка[29], старца, заслужившего уважение сединами и жизнью. К этому мужу они и прежде питали злобу – за то, что в царствование Констанция он обращал язычников в Христианство ревностнее чем словами, и разрушил особенно уважаемый и великолепнейший храм их. Посему, когда власть перешла к Юлиану, видя возмущение против себя в народе, и быв осужден волею царя либо внести деньги за постройку храма, либо построить его, он размыслил, что ни то, ни другое для него невозможно, а последнее было бы беззаконно даже вообще для Христианина, тем более для священника, и сперва решился было бежать, но узнав, что ради его многие подвергаются опасности, захватываются, отводятся в суд и там подвергаются мучениям, возвратился из побега и произвольно вышел к народу, – пусть он делает с ним, что хочет. Но народ, вместо того, чтобы тем более хвалить его, как человека, по любомудрию, совершившего дело справедливое, подумал, будто Марк питает к нему презрение, и напал на него толпою, начал волочить его по улицам, толкать, рвать и бить по какому попало члену тела. Этим делом ревностно и злобно занимались мужчины, женщины и люди всякого возраста, так что уши его были изорваны на малейшие частицы. А дети, шедшие в школу, поступали с ним, как с игрушкою, подкидывали его вверх, катали по земле, бросали одни к другим и перехватывали, и беспощадно кололи стилями. Когда же все тело его покрылось ранами, а он еще дышал, Аретузцы

намазали его медом и рыбьим жиром и, положив в корзину, эту тростниковую плетушку подняли высоко и повесили. Тогда слетались к нему во множестве осы и пчелы, и начали кусать его тело, а он, говорят, сказал Аретузцам: я высок, вы же как видно, низки и ходите по земле; из этого можно заключить, что после будет со мною и с вами. Рассказывают, что тогдашний префект, человек весьма преданный язычеству, но благородный нравом, так что слава его велика и доныне, удивляясь твердости Марка, смело порицал царя и говорил, что те справедливо покрываются стыдом, которые побеждены одним старцем, мужественно боровшимся с столькими мучениями: первые конечно смешны, а последние, с которыми так поступлено, становятся тем славнее. Таким образом блаженный столь великодушно вытерпел неистовство Аретузцев и множество мучений, что заслужил похвалу от самих язычников.

Глава 11

О мучениках тогдашнего времени: Македоние, Феодуле, Грациане, Бузирисе, Василие и Евпсихие.

В то же время мужественно приняли мученичество Фригийцы – Македоний, Феодул и Грациан. Когда народный префект в фригийском городе Мире открыл тамошний языческий храм, и очистил его от накопившихся временем нечистот; то они ночью вошли в него и сокрушили находившихся в нем идолов. В качестве виновников этого поступка взяты были и долженствовали подвергнуться наказанию другие; но виновники донесли сами на себя. Впрочем, им можно было бы избавиться от казни, если бы они принесли жертву: но так как префект не убедил их покрыть свое преступление, по крайней мере, этим одним способом; то, подвергнув их мучениям разного рода, наконец положил на сковороды и развел под ними огонь. А они, быв жегомы, говорили: если ты желаешь мяса, Амахий, – так назывался префект, – то поверни нас к огню на другой бок, чтобы, полуизжаренные, мы на твой вкус не показались неприятными, – и, сохранив такое великодушие, в этих мучениях окончили свою жизнь. Рассказывают, что и Бузирис в Анкире галатийской выдержал за веру знаменитое и мужественное исповедание. Он принадлежал в то время к секте так называемых энкратитов (воздержников); посему народный префект взял его, как человека, издевающегося над язычниками, и хотел высечь. Выведши осужденного всенародно к орудию мучения – столбу, он приказал подвысить его. Но Бузирис, подняв обе руки к голове, обнажил бока и сказал префекту: для чего палачам напрасно трудиться – подвышать меня на столбе и потом опять опускать? я и без того готов выставить мучителям свои бока; пусть секут, сколько хотят. Изумленный такою решимостью, префект еще более поражен был самым делом. Он терзал скорпионами бока мученика, сколько хотел; но последний неподвижно держал руки на голове

и мужественно принимал удары. После того он заключен был в узы, но вскоре по случаю смерти Юлиановой, освобожден и, дожив до царствования Феодосия, отрекся от прежней своей секты и присоединился к Церкви кафолической. Говорят, что в то же время, мученически окончили жизнь пресвитер анкирской Церкви Василий [30] и кесарийской Каппадокиец Евпсихий[31], только что женившийся и бывший как бы еще женихом. Догадываюсь, что Евпсихий лишен жизни за храм счастья, вследствие разрушения которого все вообще Кесарийцы, как выше сказано, испытали гнев царя, а самые виновники разрушения были наказаны – одни смертью, другие изгнанием из отечества. Василий же во все царствование Констанция славился, как ревностный защитник православия, и противоборствовал последователям Ария. За это единомышленники Евдоксия постановили не делать ему церковных собраний. А когда Юлиан один управлял царством, – Василий, ходя везде, всенародно и открыто убеждал Христиан держаться своих догматов, не оскверняться языческими жертвами и возлияниями и ни во что вменять даруемые им от царя почести, потому что эти кратковременные дары, говорил, достаются ценою вечной погибели. Имея о том попечение и посему находясь у язычников в подозрении и ненависти, однажды увидел он всенародное приношение жертв, остановился, восстенал и начал молить Бога, да не искусит это заблуждение никого из Христиан. Взятый при сем случае, передан был он народному префекту и, претерпев множество мучений в этом подвиге, мужественно окончил его мученичеством. Такие события происходили, конечно, не по воле царя, однако ж показывают, что в его царствование было много великих мучеников. Сказания о них, для ясности, я собрал в одно место, хотя время каждого мученичества было не одно и то же.

Глава 12

О западных епископах Люцифере и Евсевие, и о том, что Евсевий, Афанасий Великий и прочие епископы составили в Александрии Собор, на котором подтвердили веру Собора никейского, определили единосущие Отца, Сына и Святого Духа и сделали постановление касательно существа и ипостаси.

По вступлении Афанасия в Церковь, Люцифер, епископ Караллы, что на остр. Сардинии, и Евсевий епископ Врекелл, что в Лигурии италийской, возвращались из верхних Фив, где по повелению Констанция находились постоянно в ссылке. Условившись между собою касательно восстановления порядка в ходе церковных дел, Евсевий пошел в Александрию, чтобы вместе с Афанасием созвать Собор[32] для подтверждения никейских определений, а Люцифер, послав с Евсевием диакона, который должен был вместо него присутствовать на Соборе, сам прибыл в Антиохию и тамошнюю Церковь нашел возмущенною. Она была рассечена последователями арианской ереси, которыми управлял Евзой; да и приверженцы Мелетия, как выше сказано, отделились от своих единомышленников. Посему, прежде чем Мелетий возвратился из ссылки, Люцифер поставил епископом Павлина. Между тем, в Александрии к Афанасию и Евсевию собрались епископы многих городов и, утвердив постановления никейские, исповедали единосущие Святого Духа со Отцом и Сыном и назвали это Троицею, также внесли в учение мысль, что Бог-Слово принял совершенного человека не только по телу, но и по душе, как утверждали и древние церковные любомудрствователи. Поелику же исследование о существе и ипостаси тревожило Церкви, так что касательно этого предмета были непрестанные споры и толки; то Собор, по моему мнению, весьма мудро определил, что

говоря о Боге, не должно тотчас, с самого начала, употреблять эти слова, разве когда стараются отвергнуть учение Савеллия: чтобы, то есть, по недостатку слов не думали, будто одно и то же лицо называется тремя именами, но понимали, что каждое мыслится особым в Троице. Так постановили Отцы, собравшиеся тогда в Александрии. Тут же читал Афанасий и написанное им защитительное слово о своем бегстве.

Глава 13

Об антиохийских архиереях – Павлине и Мелетие, о взаимной вражде Евсевия и Люцифера, и о том, что Евсевий и Иларий утвердили никейскую веру.

Когда Собор разошелся, – Евсевий, прибыв в Антиохию, нашел, что тамошний народ разделился: приверженцы Мелетия не соглашались собираться с Павлином и делали собрания особо. Досадуя, что рукоположение совершено не с согласия всех, как следовало бы, он, по уважению к Люциферу, не высказал явно своего неудовольствия и, не сообщаясь ни с которою стороною, обещал огорчение той и другой устранить на Соборе. Но, между тем как Евсевий старался привести народ к единомыслию, – Мелетий, возвратившись из ссылки, увидел, что его приверженцы отделились, и начал собираться с ними особо за городом, а Павлин с своими – в городе; потому что предстоятель арианской ереси Евзой, питая к нему уважение за кроткую его жизнь и старость, не изгнал его, а уступил ему одну церковь. Итак Евсевий не получил никакого успеха и выехал из Антиохии, а Люцифер, обиженный тем, что он не принял рукоположения Павлинова, досадовал на него, не хотел иметь с ним общение и по своей вражде решился было отвергнуть постановления александрийского Собора. Это-то послужило поводом к основанию ереси так называемых люцифериан; ибо Христиане, разделявшие с ним его досаду, отложились от Церкви. Впрочем, несмотря на оскорбленное свое чувство, сам Люцифер помнил, что чрез посланного с Евсевием диакона он участвовал в деяниях александрийского Собора, а потому отправился в Сардинию, храня единомыслие с вселенскою Церковью. Евсевий же между тем, путешествуя по востоку, утверждал не радевших о вере и учил, чему надобно веровать. С такою заботливостью обошел он также Иллирию и прибыл в Италию, где встретил епископа аквитанского города Пиктавии Илария, который еще прежде подвизался на том же самом

поприще. Возвратившись из ссылки ранее Евсевия, последний учил в Италии и Галлии, какие догматы веры следует держать и каких удаляться. Он выражался по латыни весьма красноречиво и писал, говорят, очень полезные рассуждения против положений Ария. Эти-то Иларий и Евсевий распространили в западной империи учение никейского Собора.

Глава 14

О том, как произошло несогласие между македонианами и Акакиевыми арианами, и что говорили они в свое оправдание.

В это время македониане, в числе которых были – Элевсий, Евстафий и Софроний, начали уже открыто называться македонианами и, образуя особую секту, по случаю смерти Констанция, приняли смелость созвать своих единомышленников в Селевкию и составили там Собор, на котором, отвергши акакиан и утвержденную в Аримине веру, произнесли мнение в пользу символа антиохийского, впоследствии подписанного в Селевкии. Когда же обвиняли их и спрашивали, почему они разногласят с акакианами, с которыми прежде имели общение, – македониане чрез Софрония пафлагонского дали следующий ответ: западные исповедывали единосущие, а на востоке Аэций признавал неподобие по существу: – первые отдельные ипостаси Отца и Сына именем единосущия беспорядочно сплели в одно, а последний сродство природы Сына с Отцом слишком разделил. Напротив, мы благочествуем, ибо говорим, что Сын по ипостаси подобен Отцу, то есть, избираем средний путь между обеими, уклоняющимися в противоположные крайности. Так старались они оправдаться пред порицателями.

Глава 15

О новом изгнании Афанасия, также об Элевсие кизикском, Тите епископе бострийском, и упоминание о предках писателя.

Известившись, что Афанасий делает собрания в александрийской Церкви, безбоязненно учит народ и многих язычников убеждает принять христианскую веру, царь повелел ему выйти из Александрии, а если будет упорствовать, угрожал сильнейшим наказанием[33]. Предлогом к обвинению выставлял он то, что прежними царями осужденный на изгнание, Афанасий восшел на епископский престол без его соизволения; ибо изгнанным от Констанция он не позволял вступать в Церковь, а только позволил им возвратиться в отечество. После такого царского указа, собираясь удалиться и видя вокруг себя сонм плачущих Христиан, Афанасий сказал: не унывайте; это – облако, оно скоро пройдет. Сказав так, он собрался и, поручив свою Церковь ревностнейшим из друзей, оставил город Александрию. В то же время Кизикцы отправили к царю послов для ходатайства по своим делам и поручили им просить его о восстановлении языческих храмов. Царь похвалил их за попечение о святыне и соизволил на все, о чем они просили. Кизикскому епископу Элевсию он запретил жить в городе – за то, что Элевсий разрушал храмы и оскорблял священные рощи язычников, построил домы для призрения вдовиц и монастыри для посвященных Богу дев, а язычников убеждал оставить отеческие обряды. Юлиан запретил входить в Кизику и иностранным, бывавшим у Элевсия Христианам, выставляя, вероятно, ту причину, что они возмутятся за веру. К ним присоединил он и Христиан городских, державшихся подобного образа мыслей о Боге, казенных суконщиков и монетчиков, которых считалось весьма много и которые, быв разделены на два многолюдных полка, по указу прежних царей, с женами и домочадцами имели жительство в Кизике и каждый год вносили

в казну определенную подать – одни военною амуницией, другие – вновь вычеканенными монетами. Положив всячески восстановлять язычество, он считал однако ж безумием принуждать, или наказывать народ, не хотевший приносить жертвы. Префекты всех городов напрасно трудились над составлением переписки таких Христиан: он не препятствовал им даже сходиться в одно место и молиться по желанию; ибо знал, что установление дел, требующих свободного произволения, никогда не совершается необходимостью. Напротив, клириков и предстоятелей в Церквах спешил выгонять из городов; ибо не иначе, как чрез отдаление их, почитал возможным расстроить собрания народа, когда бы, то есть, не было ни собирающих, ни учащих, ни совершающих таинства, так чтобы в течение долгого времени народ мог забыть свою веру. Предлогом же к изгнанию их поставлял он то, что клирики раздувают в толпе мятежи. Поэтому, именно, приказал выйти из Кизики Элевсию и окружавшим его Христианам, хотя тогда не было возмущения, да и не ждали его. Юлиан чрез народного вестника уговаривал и Бострийцев изгнать из города тогдашнего епископа бострийской Церкви Тита; ибо грозил, что если народ возмутится, виновниками возмущения он будет почитать клириков. По сему случаю Тит послал царю прошение и свидетельствовал, что в Бостре население Христиан равносильно населению язычников и что, руководимые его увещаниями, Христиане живут мирно, возмущение им и на мысль не приходит. Но царь, этими самыми словами стараясь возбудить всеобщую вражду против Тита, писал Бострийцам[34] и в письме клеветал на епископа, будто он обвиняет народ, будто, то есть, народ избегал возмущений не сам по себе, а только по его увещаниям; потому внушал Бострийцам этого человека, как общего врага, изгнать из города. Таких поступков, вероятно, много было и в других местах, и они происходили частью по указам царя, частью от раздражения и необузданности черни. Впрочем причиною их во всяком случае можно почитать властелина; потому что нарушителей закона он не судил по законам, но, ненавидя веру, на словах как будто порицал преступления, а на самом деле ободрял людей,

которые совершали их. Поэтому, хотя его именем гонения и не было, Христиане тем не менее бегали по городам и селениям. Такому бегству предавались многие из моих предков и мой дед. Рожденный отцом язычником, он и сам с своим семейством, и потомки Алафиона были первыми Христианами в газском многолюдном селении Вефилии. Это селение имеет языческие храмы, за древность и архитектуру благоговейно чтимые жителями, а особенно пантеон, стоящий в виде крепости на одном искусственном холме и возвышающийся над всем селением. Догадываюсь, что от этого пантеонского храма и самое местечко получило свое имя, которое, в переводе с сирского языка на греческий, значит жилище богов. Говорят, что виновником Христианства в упомянутых семействах был монах Иларион. Когда Алафион находился во власти беса, то многие язычники и Иудеи, употребляя над ним свои заклинания и ворожбы, не принесли ему никакой пользы; а Иларион изгнал из него беса, произнесши только имя Христово, и чрез это обратил те семейства к христианской вере. Мой дед славился истолкованием священного Писания, ибо имел прекрасные способности и мог познавать, что должно, притом несколько наставлен был в науках, так что понимал и арифметику. Поэтому аскалонские, газские и вообще окрестные Христиане очень любили его, как человека, для веры нужного, легко разрешавшего встречающиеся в священном Писании обоюдности. А добродетели другого семейства напрасно хотел бы кто-нибудь описать. Члены его были первыми в той области строителями церквей и монастырей, и украшались – с одной стороны святостью жизни, с другой – любовью к странникам и бедным. Из этого поколения дожили и до нашего времени мужи добрые, с которыми – уже старцами, обращался и я в своей юности. Но о них придется упомянуть и после.

Глава 16

О старании Юлиана восстановить язычество и уничтожить нашу веру; также письмо посланное им к одному языческому жрецу.

Издавна заботясь о том, чтобы во всей империи господствовало язычество, царь досадовал на перевес Христианства. Языческие храмы были отворены, жертвоприношения, отеческие обряды и городовые праздники, по-видимому, совершались согласно с его волею; однако ж он скорбел при мысли, что, если устранено будет его попечение, скоро все изменится. Не менее также досадовал он, слыша, что христианскую веру исповедуют жены, дети и домашние многих жрецов. Предполагая, что Христианство укрепляется жизнью и поведением принадлежащих к нему лиц, он задумал языческие храмы повсюду украсить принадлежностями и чинностью веры христианской, а языческое учение возвысить кафедрами, председаниями, преподавателями и чтецами языческих догматов и увещаний, установлением молитвословий в известные часы и дни, учреждением монастырей для ищущих любомудрия мужчин и женщин, гостиницами для странников и убогих, и другими делами человеколюбия к нищим. Подражая христианскому преданию касательно произвольных и непроизвольных прегрешений, он предписал также соответственное грехам исправление себя посредством покаяния. Не менее, говорят, соревновал он епископам в сочинении посланий, которыми обмениваясь, они обыкновенно поручали друг другу странников, и с которыми, откуда бы кто из них ни пришел и к кому бы ни пристал, по этому свидетельству принимаем был, как присный и возлюбленный. Вводя это, Юлиан старался приучить язычников к обычаям христианским. А так как упомянутые действия для многих кажутся невероятными, то в доказательство истины того, что сказано, я приведу самые слова царя. Он пишет так:

«Галатийскому жрецу Арзакию.

Язычество еще не достигло желаемого мною благоденствия, и виноваты мы, его приверженцы. Относящееся к богам – славно и величественно, выше всякого желания и всякой надежды. Да будет милостива к нашим словам Адрастея! Происшедшей в течение краткого времени столь великой и столь важной перемены несколько прежде никто не смел и желать. Но думаешь ли, что довольно этого? Мы и не видим, что безбожие особенно возрастает любовно к странникам, заботливостью о гробах умерших и поддельною честностью жизни. Я думаю, что нам надобно по истине исполнять все это. И быть таким надлежит не только тебе одному, но просто всем жрецам Галатии, которых – стыдом ли то, или убеждением, ты старайся сделать добрыми. Если же они с женами, детьми и рабами не станут приходить к богам и будут держать галилейских слуг, сынов и жен, которые в отношении к богам нечестивы и безбожие предпочитают богопочтению; то отставляй их от священнослужения. Потом увещевай жреца не ходить на зрелища, не пить в корчемницах, не заниматься каким-либо постыдным и презренным делом, и послушных чти, а непослушных изгоняй. В каждом городе устрой побольше странноприимных домов, чтобы пришельцы не только из нашего отечества, но и из других стран, когда понадобятся им деньги, пользовались нашим человеколюбием. А откуда что взять, – это моя забота. Я уже приказал ежегодно раздавать по всей Галатии тридцать тысяч мер хлеба и шестьдесят тысяч семин вина. Пятая часть из этого, говорил я, должна быть употреблена на бедных, служащих жрецам, а прочее обязаны вы разделять пришельцам и просителям; ибо если и из Иудеев никто не просит милостыни, если и нечестивые Галилеяне, кроме своих, питают и наших; то стыдно, что наши, как видно, не получают от нас помощи. Учи язычников, чтобы они приносили что-либо для такого служения и чтобы языческие селения отделяли богам начатки плодов. Делай их привычными к подобным благодеяниям, внушая им, что это издревле было у нас в обычае. Вот и у Омира Эвмей говорит:

Мне не следует, странник, – приди кто и хуже тебя,–
Странника не уважать; потому что все мы от Зевса –

Странники бедные: мало даю, но с любовью даянье.

Не позволяя другим соревновать тому, что у нас хорошо, мы от беспечности срамим сами себя, а еще более роняем благоговение к богам. Если узнаю, что ты делаешь так, как я говорил, то буду преисполнен радости. Первенствующих жрецов редко посещай лично, а чаще пиши к ним послания. При входе их в город никто из жрецов да не выходит им навстречу; но когда вступают они в храмы богов, да будет встреча в преддверии. Из почетной стражи никто не должен входить внутрь впереди их, а позади – кому угодно; ибо, едва кто переступил чрез порог капища, тотчас стал частным человеком. Внутри, как тебе известно, ты сам начальник; этого требует и божественный закон. И кто повинуется, тот поистине благочестив, а заботящийся о личности – честолюбив и тщеславен. Писинунциям готов я помогать, если они привлекут к себе милость матери богов; а нерадящие о ней не только не останутся без укоризны, но еще – прискорбно сказать, – испытают наше негодование:

Ибо не следует мне пещись и быть милосердым
К людям, которых не любят бессмертные боги.

Итак убеди их, чтобы они, если хотят быть предметом моей заботливости, все совокупно служили матери богов».

Глава 17

О том, что Юлиан, не желая казаться тираном, преследовал Христиан коварно; также об отменении крестного знамения и о принуждении войск приносить жертвы.

Так поступая и говоря в письмах, царь полагал, что легко отвлечет подданных от принимаемого ими учения. Но сколько он ни старался уничтожить христианскую веру, – подействовать убеждением никак не мог, а употреблять явное насилие стыдился, что бы не показаться тираном. Впрочем Юлиан не отступал от своего намерения, но придумывал разные хитрости, чтобы поданных, а особенно войско, частью лично, частью чрез начальников, привести к язычеству. Всячески приучая воинов язычествовать, он счел нужным то руководительное знамя римских легионов, которое по повелению Божию, как выше сказано, получило образ креста, переделать в прежний вид, а на общественных портретах строго приказывал изображать подле себя Юпитера, так как бы он сошел с неба и вверял ему символы царствования – венец и багряницу, равным образом Марса и Ермия, так как бы эти боги смотрели на него и свидетельствовали взором, что он красноречив и воинствен. Это-то и многое другое, относящееся к языческой вере, повелел он вносить в свои портреты; так что по поводу законного почтения царю, Римляне незаметно воздавали почтение и тем, которые написаны были вместе с ним. Злоупотребляя старинными обычаями, он со всею внимательностью старался обольщать этим души подданных: ибо полагал так, что кого он убедит, того найдет готовым на все, чего захочет; а кто станет упорствовать, того будет наказывать без пощады, как человека, не следующего римским нравам и погрешающего против отечества и царя. Немного было таких, которые, даже и подвергаясь наказанию, понимали его мысли, но все отказывались покланяться изображениям, согласно с своим собственным обычаем. Только чернь, как всегда бывает, в

неведении и простоте сердца, считала должным просто повиноваться древнему закону и приступала к изображениям без размышления. Но употребив в дело и эту хитрость, царь не получил никакого успеха. Впрочем он не уступал и придумывал все средства, как бы привести подданных к чтимой им вере. Последующий его замысел не отличался от упомянутого выше; но он был открытие первого, выполнялся с большим насилием, и многим в придворном войске подал случай показать свое мужество. Когда пришло время получить войскам царские подарки, что всегда бывает в торжественные римские праздники, в дни рождения царей и основания столиц; то размыслив, что воины по природе просты, нерассудительны и легко увлекаются обычною жадностью к деньгам, Юлиан, для возбуждения их к жертвоприношению, употребил некоторую хитрость. Издавна велось, что всякий приступающий, для получения подарка, должен был принести жертву. Итак, когда они подходили для этого, предстоявшие царю приказывали каждому из них совершить курение; – а тут возле, по давним римским узаконениям, горел огонь и лежал ладан. Тогда одни не колеблясь страхом, показали свое мужество и не хотели ни воскурять, ни принять от царя подарок, другие, обратив все внимание на закон и древность, даже и не заметили, что грешат, а некоторые, быв увлечены приманкою выгоды, либо предзаняты страхом и тревогою от зрелища, нечаянно им представившегося, хотя и понимали, что язычествуют, однако не избегли этого языческого обряда. Говорят, что когда впавшие в такой грех по неведению после того сидели за трапезою и делали, что обыкновенно делается при питии вина, то есть, выпивая чашу за здравие друг друга, упоминали имя Христово[35]; то кто-то из собеседников возразил им и сказал: странны ваши поступки; вы призываете Христа, которого недавно отверглись, приняв дар от царя и положив ладан в огонь. Услышав это и поняв, что сделали, они тотчас вскочили с своих мест, начали всенародно бегать, кричать, плакать и свидетельствовать пред Богом и пред всеми людьми, что были и останутся Христианами, что совершили это по неведению и что язычествовала, если только можно сказать, одна рука их,

без участия сердца. Потом побежали они к Юлиану и, бросив данное им золото, весьма мужественно просили его взять обратно свой подарок и умертвить их; ибо они не переменят своих мыслей и, за неумышленное преступление правой руки, готовы ради Христа подвергнуть наказание все тело. Однако ж царь, сколь ни был разгневан этим, поопасался лишить их жизни, чтобы они не удостоились чести мученичества, но отняв у них право служить в войске, изгнал их из дворца.

Глава 18

О том, что Юлиан запретил Христианам пользоваться правом голоса на народных сходках, занимать места в судах и воспитываться в эллинских школах; также о Василие Великом, Григорие Богослове и Аполлинарие, которые, перевели священное Писание на эллинский язык, особенно же Аполлинарий и Григорий Назианзен, из коих первый писал очень ораторски, и последний героическими стихами.

При случаях, это же расположение обнаруживал Юлиан и по отношению ко всем Христианам. Отказывающихся приносить жертвы, хотя ни в чем нельзя было обвинять их, он лишал права гражданства, участия в народных сходках и совещаниях, также отнимал у них возможность быть судьями, начальствовать и получать знаки почестей, даже детям их запрещал учиться у эллинских поэтов и писателей и ходить в их школы; ибо его немало огорчала образованность Аполлинария сирского, обладавшего различными познаниями и науками, также каппадокиан, Василия и Григория, которые превосходили тогда всех риторов и весьма многих иных знаменитых мужей, из коих одни держались определений никейских, а другие происходили из секты арианской. Полагая, что только образование сообщает убедительность их словам, он не позволял Христианам заниматься эллинскими науками. Между тем вышеупомянутый Аполлинарий, кстати воспользовавшись обширными своими познаниями и способностями, по образу Омировых поэм, переложил в героические стихи еврейское бытописание и, доведши его до царя Саула, разделил все творение на двадцать четыре части, из которых каждую означил одною буквою греческого алфавита, следуя их числу и порядку. Писал он также, применительно к твореним Менандра, и комедии,

подражал и Эврипиду в трагедиях, и Пиндару в роде лирическом. Просто сказать, заимствуя из божественных Писаний предметы для всего так называемого круга наук, он в короткое время произвел равночисленные и равносильные образцы, по роду, выражению, характеру и плану, похожие на знаменитые творения Эллинов. Так что люди, если бы не увлекались древностью и не предпочитали того, к чему привыкли, труды Аполлинария становили бы и изучали наравне с древними и тем более дивились бы дарованиям этого мужа, что каждый из древних писателей занимался одним родом творений, а он обнял все и в своих сочинениях, сколько требовала нужда, отпечатлел достоинства всякого. Не без достоинств также и его книга против самого Юлиана и греческих философов, под заглавием: об истине, в которой и не приводя свидетельств из священного Писания, он доказал, что в своих понятиях о Боге философы уклонились от прямого пути. Смеясь над этим сочинением, Юлиан послал его к знаменитейшим тогдашним епископам с надписью: прочитал, понял, осудил (anegnwn, egnwn, kategnwn). Но они отвечали на это: читал, да не понял, потому что, если бы понял, не осудил бы. Этот ответ некоторые не без правдоподобия относят к предстаятелю каппадокийской Церкви Василию. Но ему ли принадлежал он, или кому другому, во всяком случае нельзя не удивляться мужеству и уму писателя.

Глава 19

О книге Юлиана, под заглавием: misopwgwn (ненавистник бороды), и об антиохийской Дафне; описание ее. Также о перенесении останков священномученника Вавилы.

Собираясь вступить в войну с Персами царь прибыл в Антиохию сирийскую. Когда же народ начал роптать, что хлебных запасов так много, и однако ж хлеб продается так дорого; то Юлиан, желая, думаю, оказать черни снисхождение, приказал покупать товары на площади за низшую, чем следовало, цену. Но продавцы разбежались, – и запасов не стало. Огорчившись этим, Антиохийцы стали оскорблять царя, смеяться над его бородою, которая была у него длинна, и над его монетою, на которой изображен был бык: они насмешливо говорили, что в его царствование лежащие навзничь быки[36] разрушат мир. Юлиан сперва гневался и грозился, что худо будет Антиохийцам, даже готов был уже переселить их в Тарс, но потом, неожиданно оставив свой гнев, за оскорбление себя отмстил одними словами, именно издал против Антиохийцев красиво и вежливо изложенное сочинение под названием misopwgwn. С Христианами же и здесь поступал он одинаково, то есть, старался распространить между ними язычество. Стоит рассказа, что случилось тогда с гробницею мученика Вавилы и с храмом Аполлона в Дафне. Начну со следующего. Дафна, знаменитое предместье Антиохии, украшается большою рощею кипарисов, между которыми много и других дерев, а под деревами земля, смотря по времени года, произращает разного рода цветы. Это место всюду облегается более как бы сводом, чем тенью; густота ветвей и листьев не позволяет проникать туда лучам солнечным. Не менее приятности и усладительности доставляет ему также обилие и красота вод, благорастворенность воздуха и тихое дыхание ветров. Там, по баснословным рассказам детей Греции, дочь реки Ладоны, Дафна, убегавшая из Аркадии от Аполлона, превращена была в

соименное себе дерево. Но Аполлон и тут не оставил ее: он увенчивался ветвями своей возлюбленной, обнимал это дерево и более всего любимое свое место почтил долговременным пребыванием. При таком мифологическом значении упомянутого предместья Дафны, люди скромные почитали за стыд ходить туда; ибо положение и свойство того места влекло к наслаждениям и любовное содержание басни, при малейшем случае, усугубляло страсть развратных юношей. Извиняясь баснословным рассказом, они сильно разжигались, бесстыдно отваживались на дела срамные и, быв чужды скромности сами, не любили встречать там и скромных людей. Впрочем язычники весьма уважали описанное место; ибо там стояла прекрасная статуя аполлоновой Дафны, там же выстроен ей великолепный и богатый храм. Строителем его был, говорят, Селевк, отец Антиоха, от которого город получил свое имя. Чтители того урочища верили, что в нем течет и пророчественная вода Кастальского источника, вместе с названием, имевшего силу источника дельфийского. Хвастаются, будто там и Адриану, когда он был еще частным человеком, предсказан жребий царствования; ибо как скоро ветвь Дафны погрузил он в источник, тотчас получил, говорят, знание будущего, прочитав свою судьбу на листьях погруженной ветви. Когда же он восшел на престол, то приказал засыпать источник, чтобы нельзя было и другим предузнавать будущее. Но входить в подробности сей басни предоставим тем, которые этим занимаются. Брат Юлиана, Галл, возведенный Констанцием в достоинство кесаря, жил в Антиохии и, так как был Христианин, особенно чтивший память мужей, пострадавших за веру, то упомянутое место умел очистить от языческих поверий и скверн людей развратных. Поняв, что легко достигнет этого, если устроит там молитвенный дом, он в Дафну перенес гроб мученика Вавилы, славно управлявшего антиохийскою Церковью и увенчавшегося мученичеством. С того времени демон перестал, говорят, произносить обычные свои провещания. Причиною же того, что он замолчал, сперва полагали прекращение жертвоприношений и служения, которых прежде удостаивали его: но после открылось, что ему не дозволяло делать это соседство

мученика; ибо когда римскою империею правил один Юлиан, то и возлияний, и курений, и жертв было в изобилии, но демон тем не менее молчал, давши же наконец ответ, сам объявил о причине прежнего своего молчания. Царю вздумалось испытать относительно к чему-то тамошнего оракула. Прибыв в храм, он усердно почтил демона дарами и жертвами и просил не пренебрегать того, что лежало у него на сердце: но демон ясно не объявил по прошению, говоря, что не может делать провещаний по близкому соседству гробницы мученика Вавилы. Это место, прибавил он, теперь наполнено мертвецами, что препятствует исхождению провещаний. Итак, хотя в Дафне лежало множество и других мертвецов, однако ж догадываясь, что один мученик мешает давать провещания, царь приказал вынести оттуда его гробницу. Тогда Христиане сошлись и понесли ее стадий чрез сорок, в город, где мученик лежит и ныне, – на то самое место, которое от него получило свое название. Говорят, что несшие гроб мужчины и женщины, юноши и девы, старцы и дети, побуждая друг друга, совершили весь путь с псалмопением. Предлогом было то, чтобы трудящиеся облегчали для себя тягость пути, а на самом деле они возбуждались тем большею ревностью и усердием, что царь не согласовался с ними в своих мыслях о Боге. Предначинали пение те, которые знали псалмы лучше других; потом за ними единогласно пел уже весь народ. А припевом был стих: «посрамились все, кланяющиеся истуканным, хвалящиеся о идолех своих» (Пс. 96, 7).

Глава 20

О том, что за это перенесение царь причинил зло многим Христианам; также о святом Феодоре исповеднике и о том, что спадший с неба огонь сожег храм Аполлона в Дафне.

Подвигнутый этим на гнев и как бы лично оскорбленный, царь захотел подвергнуть Христиан наказанию. Саллюстий, исполнявший должность префекта, хотя был язычник, не похвалил за это царя; однако ж, не смея противоречить, положил привести в исполнение указ его и, на следующий день забрав многих Христиан, заключил их в оковы, а одного из них юношу, по имени Феодора, которого вывели первым, привязал к дереву для мучения. Долго терзаемый когтями, Феодор не уступал мучениям и не умолял префекта о помиловании, а напротив казался таким, что будто и не чувствует боли, что он находится только между зрителями собственных своих мучений, и мужественно принимал удары. Потом запев опять тот псалом, какой пел прежде, он доказал самым делом, что не заботится о том, за что осудили его. Пораженный твердостью юноши, префект пошел к царю и, рассказав ему случившееся, прибавил: если ты в наискорейшем времени не отменишь своего повеления; то мы от этого подвергнемся посмеянию, а Христиане еще более прославятся. Этот совет Юлиану показался хорошим, – и взятые под стражу были освобождены от оков. После сего некоторые спрашивали, говорят, Феодора, были ли ощутительны для него причиняемые ему мучения, – и он отвечал, что не мог совершенно не чувствовать их, но что подле него стоял какой-то юноша, который смягчал его страдания. Отирая с него пот тончайшим полотенцем, возливая на него самую холодную воду и тем удерживая кровь его от воспаления, этот юноша воодушевлял его на подвиги. До такой степени презирать свое тело кажется мне делом не одного человека, сколь бы мужествен ни был он; надобно, чтоб ему помогала и божественная сила. Итак мученик Вавила, по

вышесказанным причинам, сперва перенесен был в Дафну, а потом опять вынесен оттуда. В непродолжительном времени после сего события, на храм дафнийского Аполлона неожиданно упал огонь и сжег на нем кровлю, а в нем статую. Остались одни обнаженные стены, ограда и колонны, которыми поддерживалась передняя и задняя сторона здания. Христианам казалось, что этот огонь на демона послан был от Бога, по молитве мученика: а язычники толковали, будто он был делом Христиан. Когда это подозрение разошлось повсюду, – жреца Аполлонова привели в суд с тем, чтобы он показал, кто дерзнул произвести упомянутый пожар. Но жрец, заключенный в узы, жестоко высеченный и вытерпев множество побоев, не сделал никакого показания. Это-то особенно заставило Христиан думать, что разрушение храма было делом не человеческих козней, а мщения Божия, и произведено ниспадшим с неба огнем. Все сие совершилось, как сказано. Вероятно, по случаю этого события в Дафне ради мученика Вавилы, царь, узнав, что в Милете, близ храма Аполлона дидимейского, построены молитвенные домы в честь мучеников, написал префекту Карии, что, если они имеют кровлю и священную трапезу, сжечь их, а когда эти здания выведены только в половину, то раскопать их до основания.

Глава 21

Об изображении Христа в Панеаде, которое Юлиан низверг и разрушил и на место которого поставил изображение самого себя; о том, что это последнее поражено и истреблено молниею, также об эммаусском источнике, где Христос умывал ноги, о дереве Персисе, которое в Египте поклонилось Христу и о производимых чрез него чудесах.

Из того, что случилось в царствование Юлиана, достойно рассказа еще одно событие, сделавшееся знамением Христовой силы и показателем Божия гнева к государю. Узнав, что в Кесарии филипповой, городе финикийском, называемом Панеадою, есть знаменитое изображение Христа, воздвигнутое избавившеюся от болезни кровоточивою, Юлиан снял его и на то место поставил изображение самого себя. Но упавший с неба бурный огонь сокрушил грудь статуи, а голову с шеею низверг, и так как сокрушена была грудь, бросил ее ниц на землю. С того времени статуя Юлиана и доныне остается в этом виде, то есть, вся покрыта черными следами громового удара. А изображение Христа язычники влачили тогда по городу и сокрушили. Обломки его после собраны Христианами и положены в церкви, где хранятся они и теперь. На подножии же этого изображения, как повествует Евсевий, выросло какое-то растение, которого вид неизвестен никому из наших врачей и естествоиспытателей, и которое служит целебным средством против различных страданий и болезней. По городам и селениям, вероятно, было великое множество и других дивных дел; но о них, как о предмете старинного предания, пересказывают, друг другу одни туземцы. А что это справедливо, вот доказательство: в Палестине есть город, именуемый ныне Никополисом. Божественная книга Евангелий упоминает о нем, когда он быль

еще селением, и называет его Еммаусом. Имя Никополиса дали ему Римляне, по взятии Иерусалима и после победы над Иудеею, и назвали его так в память этого самого случая. Пред сим городом, на распутии, где после воскресения из мертвых проходил Христос и, как бы поспешая в другое селение, сошелся с Клеопою и сопутником его, – на этом самом месте есть спасительный источник, в котором не только люди, но и животные, страдающие разными болезнями, омываются от своих недугов; ибо, пришедши к этому источнику из какого-то путешествия вместе с учениками, Христос, говорят, умывал в нем ноги и чрез то сотворил его воду целебным средством против болезней. Рассказывают также, что в фиваидском городе Гермополисе многие отгоняют болезни деревом, по имени Персисом, прикладывая к страждущим сучок, листик, либо немного коры от этого дерева; ибо у Египтян есть предание, что когда Иосиф, взяв Христа и Святую Богородицу, Марию, чтобы бежать от Ирода, пришел в Гермополис [37], – при вступлении его в этот город, упомянутое дерево, имея высокий рост, не смело стоять пред прибывшим Христом, но нагнулось до самой земли и поклонилось Ему. Об этом растении я сказал то, что слышал от многих. А сам думаю, что оно либо служило знаком присутствия Божия в городе, либо, что вероятнее, отличаясь высоким ростом и красотою, по закону языческому было боготворимо тамошними жителями, а потому, когда при появлении сокрушителя своего чтимый в этом дереве диавол содрогся, потряслось и самое дерево. По словам пророка Исайи (Ис. 19, 1), в то время от прибытия Христа вострепетали в Египте и все идолы. В память же изгнания демонов и для засвидетельствования об этом событии, упомянутое дерево с тех пор начало подавать верующим исцеление. В Египте и Палестине каждый знает и рассказывает об этих происшествиях.

Глава 22

О том, что, негодуя на Христиан, царь позволил Иудеям воссоздать храм в Иерусалиме; но когда они принялись за это со всею ревностью, исторгшийся из земли огонь погубил многих из них. Также о явившихся тогда на платье работников знаках креста.

Христиан царь ненавидел и выражал им свое негодование, но к Иудеям был благосклонен и милостив, так что патриархам их, вождям и самому народу писал послания и просил молиться о себе и своем царствовании. Впрочем он делал это, вероятно, не потому, что одобрял их богопочтение, ибо знал, что вера иудейская есть как бы мать учения христианского, признающая тех же пророков и патриархов, – а потому, что Иудеи питали непримиримую ненависть к Христианам, и следовательно чрез доброхотство им он старался досаждать тем, от кого отвращался. Может быть, Юлиан думал также, что Иудеев ему легче склонить к язычеству и жертвоприношению, поколику и мудрейшие из Евреев священное Писание разумеют только буквально, а не созерцательно, как Христиане. Что это именно было его намерение, видно из самого дела. Созвав вождей народа иудейского, он убеждал их соблюдать законы Моисея и помнить отеческие обычаи. Когда же те стали говорить, что со времени разрушения иерусалимского храма, они, лишившись своей митрополии, по закону не должны, и по обычаю предков не могут делать это в другом месте; то он, выдав им из казны денег, приказал воссоздать храм и сохраняя богослужение праотцов, совершать, по древним обычаям, жертвоприношения. Итак, не обратив внимания на то, что предписываемое дело не согласно с священными пророчествами, Иудеи ревностно принялись за работу: собрали опытнейших строителей, заготовили материал и очистили место. Усердие было столь велико, что даже женщины носили землю передниками, и для

издержек на эту работу произвольно пожертвовали свои ожерелья и всякое другое женское украшение. Пред этим делом и царь, и язычники, и Иудеи все прочие дела почитали второстепенными: ибо самые язычники, хотя и не были благорасположены к Иудеям, принимали однако ж участие в их старании, предполагая, что чрез это они осуществят свое намерение, докажут лживость Христовых предсказаний, а Иудеи, имея в мысли то же самое, думали сверх того, что теперь-то именно представляется им благоприятный случай воссоздать свой храм. Но как скоро раскопали они остатки прежнего здания и очистили грунт, в ту самую минуту, когда надлежало положить первое основание, вдруг произошло, говорят, великое землетрясение. От этого сотрясения земли, из глубины ее начали вылетать камни, и Иудеи гибли. Жертвою погибели были не только участвовавшие в работе, но и сошедшиеся смотреть на нее; потому что и жилища близ храма, и общественные портики, в которых народ собирался, все подверглось разрушению. Погибших людей собрано было там великое множество, и из них одни совсем умерли, а другие найдены полумертвыми, то без рук, то без ног, то без иных членов тела. Когда же Бог остановил колебание земли; то уцелевшие хотели было снова приняться за дело, потому что его нельзя было отменить и по указу царя, и по собственному их расположению. Человеческой природе как-то нравится в делах удовольствия почитать полезным только то, что исполняется по ее желанию. Находясь в таком заблуждении, она и не имеет столько проницательности, чтобы узнать в чем польза, и не вразумляется примерами опасностей, чтобы обратиться к своему долгу. Это самое случилось тогда, думаю, и с Иудеями. Несмотря на достаточность и первого возбранения, ясно показывавшего, что это предприятие прогневляет Бога, Иудеи снова обратились к суетному усилию. Но едва принялись они за дело в другой раз, как из-под оснований храма вдруг исторгся, говорят, пламень и пожрал многих. Этому верят и об этом рассказывают все в один голос; сомнения не обнаруживает никто: только одни повествуют, что пламень противустал им и совершил сказанное, когда хотели они насильно проникнуть в

храм, а другие, что это сделалось, когда выносили они землю. Но первое ли примем, или последнее, во всяком случае событие дивно. После сего произошло и другое явление, очевиднее и чудеснее первого. Вдруг на платье всех сам собою отпечатлелся знак креста, и все одежды разукрасились как бы звездами, так что были сделаны будто из искусно вышитых тканей. Чрез это для одних тотчас стало понятно, что Христос есть Бог и что возобновление храма Ему не угодно, а другие присоединились к Церкви по прошествии немногого времени и, приняв крещение, за свою дерзость умилостивляли Христа песнопениями и молитвословиями. Кому это кажется невероятным, того пусть уверят люди, слышавшие от самовидцев и еще живущие, пусть уверят Иудеи и язычники, оставившие свою работу не оконченною, или которой, лучше сказать, они и начать не могли.

Конец пятой книги церковной истории.

Примечания:

Книга шестая

Глава 1

О вооружении Юлиана против Персов; о том, что он был разбит и бедственно испустил дух, и о том, что пишет Ливаний относительно его убийцы.

В предыдущей книге я рассказал все, что знал о церковных событиях в царствование Юлиана. Потом, едва наступила весна, Юлиан вознамерился начать войну с Персами и скоро перешел реку Ефрат. Миновав Эдессу, может быть, по ненависти к ее жителям, так как этот город еще в древности весь принял Христианство, он пришел в Каррас и нашедши здесь храм Зевса, принес в нем жертву и совершил молитву. Отсюда, из следовавших за ним войск, двадцать тысяч латников послал он к реке Тигру, для наблюдения над теми местами, и повелел, чтобы этот отряд тотчас явился к нему, как скоро будет позван. А армянскому вождю Арзакию, союзнику Римлян, написал, чтобы он соединил с ним военные свои силы. В этом письме, выше меры тщеславясь и превознося себя, как мужа, способного царствовать, и как друга исповедуемых им богов, предшественника же своего Констанция порицая за слабость характера и нечестие, он очень оскорблял Арзакия угрозами, и угрозы, равно как свои преступные хулы на Христа, усиливал тем более, что в своем союзнике узнал Христианана. Такое тщеславие обыкновенно позволял он себе при всяком случае и говорил, что чтимый им Бог не защитит его, если он презрит даваемые царем повеления. Полагая, что это делает хорошо, Юлиан взял римское войско и вступил в Ассирию. Здесь то изменою, то силою оружия брал он города и крепости, и не осторожно шел вперед, не думая о находившемся позади и о том, что тем де самым путем надобно будет возвращаться. Все, что ни брал он, разрушал до основания, хлебные же запасы и прочее либо раскапывал, либо сожигал. Продолжая путь по берегу Ефрата, он был уже не далеко от Ктизифона. А Ктизифон – большой город, нынешняя столица персидских

царей, вместо Вавилона. Близ него течет Тигр. Но так как промежуточная замля (между Ефратом и Тигром) не позволяла подойти к Ктизифону с кораблями, и потому настояла необходимость либо миновать город, либо оставить суда; то царь стал расспрашивать пленных и узнал, что там есть засыпавшийся от времени судоходный канал. Уничтожив эту преграду, он с Ефрата перешел к Тигру и, на фланге сухопутного своего войска имея флот, двинулся к городу. Тут по берегам Тигра показалось великое множество персидской конницы, пехоты и слонов. Видя свое войско в неприятельской земле запертым между двумя большими реками и боясь, что, понадобится ли остаться здесь, или идти в обратный путь по разоренным городам и селам, без съестных запасов оно должно будет погибнуть от голода, царь предложил награды скакунам и созвал воинов смотреть на конское ристалище, а начальникам флота между тем приказал побросать (в воду) тяжести и запасенный для войска хлеб, чтобы воины, видя себя в опасности и чувствуя нужду в съестных припасах, сделались решительнее и сражались с неприятелем мужественнее. Потом, после ужина собрав военачальников и полководцев, он посадил войска на корабли. Воины ночью переплыли Тигр и достигнув противоположного берега, сошли с судов. Из Персов же одни, заметив это движение, стали защищаться и дали знать прочим, а другие захвачены были Римлянами еще сонные. Между тем настал день, и сражение закипело. Перебив много неприятелей, Римляне окончательно перешли чрез реку и осадили Ктизифон. Юлиан положил однако далее нейти, а возвратиться в Империю. Сожегши корабли, как бы для того, что многие, охраняя их, не могли участвовать в сражении, он пошел назад, и слева прикрывался рекою Тигром. Так как проводниками Римлян были пленные, то сперва в той стране наслаждались они обилием и имели все нужное; но потом к царю привели одного как бы насильно взятого, а в самом деле нарочито отдавшегося старика, который решился умереть за свободу всех Персов. Расспрашиваемый касательно дороги, старик, по-видимому, говорил правду и, убеждая Римлян следовать за собою, обещался весьма скоро ввести войско в римские

пределы. Только дня три или четыре поход будет труден (говорил он); и на столько дней надобно взять с собою запасов; потому что земля тут пуста. Склонившись на слова хитрого старика, царь положил идти сим путем. Когда же Римляне ушли уже далеко и чрез три дня очутились в местах диких; то пленный старик под пытками показал, что он для своих соотечественников произвольно перебежал к неприятелям на смерть и готов потерпеть все мужественно. Но между тем как римское войско, изнуренное во-первых долготою пути, во-вторых недостатком съестных припасов, находилось в состоянии расслабления, персидское напало на него. Сражение было упорное. В это время вдруг подул сильный ветер; небо и солнце закрылись тучами, а воздух наполнился пылью. И среди мрака, среди этого великого возмущения природы, какой-то всадник, проезжая мимо царя, бросил в него копье, и нанес ему смертельную рану. Так как царь упал с коня, то убийца успел скрыться, и кто он, осталось неизвестным. Одни говорят, что это был Перс, другие, что Сарацин, а иные утверждают, что римский воин, и что он нанес Юлиану удар, негодуя на его базрассудство и дерзость, которые повергли войско в столь великие бедствия. Но сирский софист Ливаний, бывший к нему особенно близким и пользовавшийся его дружбою, об убийце пишет следующее[38]: «Может быть, иной желал бы слышать, кто убил Юлиана? Имени убийцы я конечно не знаю: но он не был из неприятелей; это ясно доказывается тем, что из неприятелей никто не награжден за убиение. Персидский царь чрез глашатая сколько ни вызывал убившего к награде, и явившемуся следовало получить нечто важнейшее; никто однакож не похвастался этим даже по любви к наградам. Неприятелям надобно изъявить великую благодарность, что они не вменили себе в честь того, чего не делали, но предоставили нам искать убийцы у себя самих. Сделав это тогда могли те, для кого жизнь царя была не полезна, и которые, живя не по его законам, давно уже строили ему козни. К этому побуждала их как вообще несправедливость, в царствование Юлиана лишившаяся власти, так особенно вера в богов, которой они противодействовали».

Глава 2

О том, что Юлиан умер, как жертва Божией мести, о видениях, предвещавших некоторым мужам его смерть, об ответе сына тектонова, о том, что Юлиан бросил Христу свою кровь и об общественных бедствиях, которые чрез него постигли Римлян.

Говоря так, Ливаний дает разуметь, что убийцею Юлиана был Христианин. Может быть, это и справедливо; ибо кому-нибудь из тогдашних воинов и пришло на мысль умереть за свободу всех и усердно помочь соглажданам, родственникам и друзьям. Да напрасно бы стали мы и порицать такого человека, который ради Бога и исповедуемой веры показал свое мужество. Что же касается до меня, то кроме приведенных мнений, кто был виновником этого убийства, я определенно не произношу никакого другого. Впрочем все единогласно утверждают, будто бы дошедшее да нас сказание не ложно, что Юлиан умер жертвою Божией мести. Доказательством этого служить божественное видение, явившееся, как я слышал, одному из его родственников. Говорят, что этот родственник, спеша увидеться с царем, находившимся тогда в Персии, остановился в одном месте при большой дороге и, по недостатку помещения, лег спать в тамошней церкви. Во сне ли то было, или на яву, только туда же сошлись многие Апостолы и Пророки и, жалуясь на оскорбления, причиняемые Церкви Юлианом, советовались, что надобно делать. Долго рассуждали они об этом и как бы недоумевали; но наконец двое из них, вставши, повелели другим благодушествовать и, спеша будто бы уничтожить власть Юлиана, тотчас оставили собрание. А тот человек, бывший зрителем сих чудесных явлений, не хотел уже продолжать свой путь и, ожидая с трепетом, чем окончится это видение, снова там же заснул и видит прежнее собрание. Вдруг те два мужа, в прошедшую ночь вооружившиеся против Юлиана, как будто возвратились с пути и, вошедши, объявили

другим, что он убит. В то самое время и живший в Александрии церковний любомудрствователь Дидим, сильно скорбя о том, что царь так грешит против веры, с одной стороны, по случаю его заблуждений, с другой – по случаю причиняемых церквам обид, постился и молил об этом Бога. От сокрушения не принимал он пищи до самой ночи и, сидя в своем кресле, заснул. Быв в состоянии восторженном, он будто бы видит бегущих в воздухе белых коней, и едущие на них всадники провозглашают: возвестите Дидиму, что ныне, в этот самый час, Юлиан убит. Об этом пусть он объявит и Афанасию и, восстав, вкусит пищи. Такие то, слышал я, были видения Юлианову родственнику и любомудрствователю, и ни который из них, как открылось в последствии, не обманулся в истине того, что видел. А кому для показания Божией воли в убиении Юлиана, как разорителя Церквей, этотого недостаточно; тот пусть обратит внимание и на пророчество, изреченное одним духовным лицом. Когда Юлиан, приготовляясь к войне с Персами, грозился, что после этой войны худо будет от него Церквам, и с насмешкою говорил, что тогда не защитить их Сыну тектонову; то упомянутый муж пророчески отвечал: этот Сын тектонов для погребения тебя приготовляет деревянный гроб. Впрочем, получив удар, он даже и сам отчасти понял, откуда было поражение, и не совсем не разумел причину своего бедствия. Говорят, что когда рана была нанесена, он собрал с нее кровь и, как бы смотря на явившегося себе Христа и обвиняя его в убиении себя, бросил ее на воздух. Иные же рассказывают, что, указав рукою кровь, он бросил ее на воздух от досады на солнце, – зачем оно помогло Персам, а его не спасло, хотя, по каким-то астропомическим наблюдениям, покровительствовало ему при рождении. Справедливо ли, что находясь при смерти, когда душа, отрешаямь уже от тела, по обыкновению, более видит мир духовный, чем это возможно человеку, – справедливо ли, что в эту минуту он видел Христа, утверждать не могу, потому что так думают не многие, но не смею и отвергать, как ложь; ибо нет ничего невероятного, что в доказательство нечеловеческого происхождения Христовой веры случались вещи удивительнее и таких. В самом деле, во

все время этого царствования Бог являлся постоянно разгневанным и римскую империю во многих областях поражал различными бедствиями. От непрестанных и сильнейших замлетресений и разрушения жилищ не безопасно было проводить время и дома, и на открытом воздухе. Из полученных мною сведений заключаю, что в это же царствование, или по крайней мере тогда, как Юлиан находился на второй степени царствования, случилось бедствие и с египетскими александрийцами, когда, то есть, отлившееся море снова так прилилось к земле, что выступив из своих берегов, далеко потопило сушу, и когда, по удалении вод, морские суда находимы были на кровлях домов. Тот самый день, в который это случилось, Александрийцы назвали днем труса, и доныне ежегодно воспоминают его общественно. Это воспоминание совершают они торжественно и благоговейно, по всему городу зажигая множество светильников и вознося Богу благодарственные молитвы. В Юлианово также царствование истребила все плоды и заразила воздух чрезмерная засуха. Чрез это, по редкости съедомых вещей, голод заставлял людей употреблять в пищу бессловесных животных, а затем следовала зараза, которая, внесши особенного рода болезни, убивала тела. Так-то было при Юлиане.

Глава 3

О царствовании Иовиана и о том, что сделал он, вступив на престол.

После Юлиана, с общего согласия лагеря, царство принял Иовиан. Впрочем, когда войска среди неприятелей объявили его самодержцем, он, называя себя Христианином, отказывался от управления и не принимал регалий, пока воины, узнав о причине отречения, не провозгласили и себя Христианами. Но дела, по случаю Юлианова воеводства, пришли в опасное и бурное состояние; войска страдали от недостатка съестных припасов: поэтому Иовиан признал необходимым войти с Персами в мирные условия и сдать им некоторые города, прежде платившие подать Римлянам. Узнав же из опыта, что в царствование его предшественника постигавшие Империю бедствия были явлением Божией мести, он, нисколько не медля, написал областным префектам, чтобы все подданные его собирались в церквах, усердно служили Богу и чтили одну христианскую Веру, при чем церквам, клирам, вдовицам и девам возвратил льготы и все, что Константин и его дети даровали, либо узаконили в пользу или честь богопочтения, и что после отнято было Юлианом. Сверх того Секунду, имевшему должность преторианского префекта, дал он общий закон, которым назначалась смертная казнь всякому, кто решится поять в брак посвященную Богу деву, или даже бесстыдно взглянуть на нее, либо похитить ее. Этот закон дан был потому, что в царствование Юлиана иные коварные люди с такими девами вступали в брачный союз и увлекали их к растлению либо насилием, либо убеждением, что обыкновенно бывает, когда вера пренебрегается и подвергается презрению, и когда постыдная страсть может отваживаться на это ненаказанно.

Глава 4

О новом беспокойствии в Церквах, об антиохийском Соборе, на котором утверждена вера Никейская, и в том, что этот Собор писал царю Иовиану.

Между тем предстоятели Церквей снова начали свои исследования и рассуждения о догматах, тогда как в царствование Юлиана, при всеобщей опасности Христианства, хранили молчание и все нераздельно молили Бога о помиловании себя. Люди обыкновенно таковы, что когда обижают сторонние, – известное племя приходит к единомыслию; а как скоро внешнее зло прекратилось, – начинается вражда домашняя. С какими случалось это государствами и народами, в настоящее время перечислять некогда. Теперь скажу о том, что анкирский епископ Василий, тарсийский Сильван, помпеонопольский софроний и их единомышленники, чуждаясь так называемой ереси неподобныков и вместо «единосущный» принимая слово «подобносущный» послали царю прошение, в котором, изъявляли свою благодарность к Богу, что Он вверил ему верховную власть над римскою империею, домогались, чтобы либо постановления Ариминские и Селевкийские оставались неприкосновенными, и состоявшееся по ревности и усилию некоторых было отменено, либо епископы всех областей, имея в виду раскол Церквей до этих соборов, согласились одни сами по себе, без всякого постороннего вмешательства, собираться в любом месте, намерения же лиц, имеющих свои частные виды и старающихся обманывать, как было при Констанции, не достигали целей. К этому присоединяли они, что сами не явились в лагерь и опасения, как бы не показаться людьми докучливыми: а если это будет им позволено, приедут с удовольствием на собственных подводах и на свой счет. Так писали царю Иовиану упомянутые епископы. Но в то же время в Антиохии сирской составился Собор и утвердил веру Отцов,

собиравшихся в Никее, постановив беспрекословно исповедовать единосущие Сына со Отцом. На этом Соборе присутствовали: Мелетий управлявший тогда антиохийскою Церковию, Евсевий самосатский, Пелагий, епископ Лаодикии сирской, Акакий, епископ Кесарии палестинской, Иринион Газский и Афанасий анкирский. Сделав это, они представили свои постановления царю и писали так:

«Благочестивейшему и боголюбезнейшему господину нашему Иовиану, Победителю, Августу – Собор епископов собравшихся в Антиохии из разных епархий.

Что твое благочестие первое позаботилось о восстановлении мира и единомыслия в Церкви, это мы хорошо знаем, боголюбезнейший царь. Не неизвестно нам и то, что главным условием такого единства ты справедливо почитаешь характер истинной православной веры. Итак, чтобы ты не думал о нас, как о людях, извращающих учение истины, доносим твоему благоговению, что мы и принимает, и держим веру святого собора, некогда созванного в первый раз в Никее. А что в ней одно слово, то есть «единосущный» для иных кажется странным; то от Отцов оно получило определенное объяснение, именно означает, что Сын родился из существа Отчего и что по существу Он подобен Отцу. Страдание же какого-либо в этом неизреченном рождении мы не допускаем, и слова «существо» не принимает в том смысле, как у язычников, желая отвергнуть этим нечестивое учение Ария о происхождении Сына из несущего, что, для разрушения церковного единомыслия, еще дерзновеннее и бесстыднее, чем Арий, проповедуют теперь недавно появившиеся аномеи. К сему донесению нашему присовокупляем и список той самой веры, которая изложена была собравшимися в Никее епископами, и которую мы исповедуем». Вслед за сим жившие тогда в Антиохии иерее определили – написать слово в слово изложенную никейскими Отцами веру и этот список приложить к посланию.

Глава 5

Об Афанасии Великом, как отлично любим он был царем и управлял Церквами египетскими, и о видении Антония Великого.

В это же время и блюститель александрийской кафедры Афанасий, посоветовавшись с близкими к себе, счел нужным видеть царя-Христианина. Прибыв в Антиохию, он представил ему о всем, что требовалось. А по словам других, царь сам пригласил этого мужа – с намерением слышать его мнение о том, что надлежало делать относительно веры и православия. Устроив дела Церкви, как было можно, Афанасий помышлял уже о возвратном путешествии. Но Антиохийский епископ арианской ереси Евзой начал хлопотать, чтобы предстоятелем того же учения в Александрии был евнух Проватий. Когда единомышленники Евзоя повели это дело, то некто Лукий, родом Александриец, пресвитер из числа рукоположенных Георгием, предстал пред царя с клеветами на Афанасия, что во все время своего епископства он постоянно подвергался суду и от прежних царей не редко изгоняем был в ссылку, что от него происходили – разномыслие касательно богопочтения и мятежи, просил, вместо его, над александрийскою Церковию поставить другого епископа. Однакож царь, зная уже об устрояемых Афанасию кознях, не внял этим клеветам, но с угрозою повелел Лукию замолчать, а Проватия и других с ним евнухов, как виновников таких беспокойств, приказал образумить иначе; Афанасия же, который, после беседы с царем, стал ему еще любезнее, послал в Египет и поручил ему руководить Церковь и народ, как признает наилучше. Говорят, что он очень хвалил этого епископа за его добродетели, проявляемые и жизнию, и благоразумием, и ученостию. Таким образом вера Отцов, собиравшихся в Никее, быв, как сказано выше, столько времени оспариваема, в настоящее царствование получила первенство. Впрочем скоро должна будет она опять испытать такое же беспокойство: ибо предсказание монаха Антония

ограничевается, вероятно, не теми только событиями в недре Церкви, которые совершились при Констанце; после них остаются еще события и при Валенте. Рассказывают, что прежде чем овладели церквами ариане, Антоний в царствование Констанция видел сон, будто мулы били ногами жертвенник и опрокинули священную трапезу, и тотчас же предсказал, что Церковь возмущена будет искаженным и смешанным учением, и что снова восстанут иноверцы. Неложность этого видения и предсказания доказаны прежними и следующими далее событиями.

Глава 6

Смерть Иовиана. О жизни и мужественном благочестии Валентиниана и о том, как он возведен был на престол и в соправители себе избрал брата своего Валента; также о различии между ними.

Процарствовав около осьми месяцев и едучи в Константинополь, Иовиан на пути, в вифинском местечке Дадастанах нечаяно скончался, – по словам некоторых, либо от того, что неосторожно поужинал, либо от угара в только что истопленном доме, где он спал; ибо когда, по зимнему времени, для теплоты было зажжено в нем много угля, то воздух сделался влажным и стены очень взмокли. Итак, пришедши в Никею вифинскую, войско провозгласило царем Валентиниана, мужа доброго и царской власти достойного. В то время он возвратился из ссылки и был на лицо; ибо говорят, что Юлиан, овладев римским престолом, его, как управлявшего отрядом так называемых юпитеровцев, отрешил от военной службы и наказал вечною ссылкою. Предлог был тот, что своих воинов он не устроил по надлежащему для войны с неприятелем; истинная же причина состояла в следующем: Живя еще на западе, в Галлии, Юлиан однажды шел в храм принести жертву. При нем находился и Валентиниан; ибо у Римлян издавна вошло в обычай, чтобы предводители юпитеровцев и геркулесовцев, – а эти отряды между войсками были самые почетные, так как один имел название по Геркулесу, а другой по Юпитеру, – всегда близко следовали за царем и составляли его стражу. Когда же царю надлежало переступить через порог храма, жрец, держа в руке мокрое кропило, по правилам языческим, оросил входящих. При этом одна капля упала на платье Валентиниана, и он, выразив свою досаду, потому что был Христианин, побранил кропившего. Говорят даже, будто Валентиниан тотчас, при глазах царя, отрезал обрызганную часть платья и бросил ее вместе с самою каплею. С того

времени Юлиан питал на него гнев и не много после, поставляя причиною будто бы нерадивость о вверенном ему войске, осудил его на всегдашнюю жизнь в арменской Мелитине, а прямо показать, что делает ему зло за веру, не хотел, чтобы он не удостоился чести мученика или исповедника. Я и прежде сказал, что, по этой и по другим причинам, Юлиан щадил Христиан: он видел, что опасности им самим доставляют славу, а их учению твердость. Но когда верховная власть над римскою империею перешла к Иовиану, – Валентиниан, быв вызван из ссылки, переехал в Никею, и так как в это время случилась смерть царя, то по совету войск и высших чинов государства, согласно с общим желанием, он избран был на царство. Принимая знаки власти, услышал он крик войск, которым предлагалось ему взять себе помощника в царствовании, и отвечал: Избрать меня правителем над вами зависело от вас, воины; но как скоро вы уже избрали, – подавать это предложение лежит не на вас, а на мне. Вы, подданные, должны молчать; а я, царь, обязан смотреть, что надобно делать. Сказав это, Валентиниан тогда не уступил войскам, но, по прибытии в Константинополь, скоро объявил царем своего брата, и восточную часть империи отдал ему, а страны от Иллирии до западного океана и всю противолежащую сушу до последних пределов Ливии подчинил себе. По вере оба они были Христиане, однакож с различными мнениями и образом мыслей. Валент, приготовленный к таинству епископов Евдоксием, по крещении, сделался ревнителем веры Ариевой и был весьма не доволен, что не мог принудить всех мыслить одинаково с собою: напротив Валентиниан соглашался с отцами никейскими и покровительствовал своим единоверцам, не оскорбляя впрочем и тех, которые мыслили иначе.

Глава 7

О новом волнении в Церквах, о Соборе лампсакском и о том, что Евдоксиевы ариане одержали верх, а православные, в числе которых и антиохийский епископ Мелетий, изгнаны из Церквей.

Когда Валентиниан из Константинополя чрез Фракию ехал в Рим, то геллеспонтские, кафинские и все другие епископы, исповедовавшие единосущие Сына со Отцом, отправили к нему ираклейского и пиринфского епископа Ипатиана, чтобы он ходатайствовал за них и испросил им позволение съехаться на Собор для исправления учения. Ипатиан пришел к царю и изъяснил ему желание епископов; но Валентиниан отвечал: я принадлежу к мирянам и считаю неприличным вмешиваться в это дело. Пусть иереи, которым следует пещись об этом, съедутся, куда хотят, сами по себе. Узнав о таком ответе царя на предстательство Ипатиана, епископы собрались в Лампсаке и проведши в рассуждениях два месяца, наконец положили: отменить постановления, утвержденные в Константинополе старанием евдокскиан и какиан; отвергнуть то изложение веры, которое они представили под видом исповедания западных епископов и некторых расположили подписать его, обещавшися отбросить неподобие по существу, но не исполнив того; напротив, утвердить мнение, что Сын подобен Отцу по существу, – ибо прибавка слова «подобный» необходима для отличения ипостасей, – и веру, признанную в Селевкии и изложенную при освящении антиохийского храма, обнародовать по всей Церкви; а тем, которых утверждающие, что Сын не подобен Отцу, низложили, возвратить епископские их престолы, потому что они изгнаны из Церквей незаконно, и кто захочет обвинять их, тот сам подвергнется равной опасности; судиями же в этом случае должны быть православные епископы самой области и епархий соседственных, собравшиеся в той Церкви, где есть свидетели действий каждого. Сделав такие

определения, они призвали евдоксиан и предложили им раскаяться; а так как те не послушались, то объявили свои мнения всем Церквам. Потом, считая делом вероятным, что Евдоксий успеет склонить на свою сторону двор и оклеветать их, они признали нужным предварить его и донести царю о деяниях Собора лампсакского, что и сделали, представ пред царя Валента, когда он, проводив до некоторого места брата, отъезжавшего в Ираклею. Но Евдоксий и самого царя и придворных уже расположил в свою пользу. Поэтому прибывшим из Лампсака послам Валент сказал, чтобы они не разногласили с Евдоксием. Когда же послы стали прекословить и порицать Евдоксия за сделанный им в Константинополе обман и за мнение против селевкийских постановлений; то царь разгневался и епископам повелел жить в ссылке, а Церкви их отдал евдоксианам. В это время приезжал он в Сирию, ибо опасался, как бы Персы не нарушили тринадцатилетнего, заключенного Иовианом мирного договора; но так как у них ничего не затевалось, то местом своего жительства избрал Антиохию. Тут осудил он на изгнание в ссылку епископа Мелетия, а Павлина, по уважению к святой его жизни, пощадил, прочих же, не имевших общения с Евзоем, изгнал из церквей и либо подверг их денежному штрафу, либо сек, либо мучил иным образом.

Глава 8

Об отложении Прокопия победственной его смерти, также об Элевсие кизикском и Евномие еретике, как он сделался преемником Элевсия.

Можно думать, что тогда было бы им еще хуже, если бы не возгорелась война с Прокопием. Захватив верховную власть в Константинополе и в короткое время собрав множество войска, Прокопий двинулся против Валента. Валент выступил из Сирии и сразился с ним при фригийском городе Наколии. Здесь изменою Агелона и Гомария, своих полководцев, мятежник был взят живой и вместе с своими предателями погиб бедственною смертию. Говорят, что первых, несмотря на данную им клятву быть благосклонным, царь распилил надвое пилою, а Прокопия привязал лядвеями к двум не далеко росшим и одно к другому нагнутых деревам; так что эти дерева, быв потом отпущены и естественно стремясь выпрямиться, разорвали того человека. По окончании войны, Валент прибыл в Никею и, живя спокойно, начал снова пугать тех, кто неодинаково с ним мыслил о Боге. Он чрезвычайно гневался на собиравшихся в Лампсаке епископов за то, что они осудили единомышленников Ария и изложенный в Аримине символ веры. В порыве своего гнева, призвал он из Кизики Элевсия и, собрав одинаково мысливших с собою епископов, заставлял его приять общение в их вере. Элевсий сперва мужественно противостоял, но убоявшись ссылки и отнятия имущества, – ибо этим грозили ему за непослушание, – сделал, что приказывали: потом однакож тотчас же раскаялся и, возвратившись в Кизику, всенародно исповедал свой грех в церкви и предлагал Кизикцам рукоположить другого епископа; потому что мне, как предателю своей веры, говорил он, не следует уже священнодействовать. Впрочем Кизикцы, уважая этого мужа за образ жизни и очень любя его, не решились иметь епископом кого-либо другого. Между тем предстоятель арианской ереси в Константинополе,

Евдоксий, узнав об этом, епископство кизикское отдал Евномию, ибо думал, что так как он красноречив, то убедительностию слова легко привлечет Кизикцев к своему учению. Таким образом Евномий прибыл в Киззику и, по изгнании оттуда Элевсия царским указом, взял тамошние церкви в свое управление; а преданные Элевсию построили молитвенный дом за городом и начали там собираться. Об Евномие и соименной ему ереси я скажу немного после.

Глава 9

О тогдашних бедствиях лиц, державшихся никейской веры и о предстоятеле новациан, Агелии.

Подобные бедствия испытывали и константинопольские приверженцы учения Отцов никейских, а вместе с ними и последователи Новата. Царь повелел всех из изгонять из города, а новацианские церкви запирать; потому что у прочих запереть было нечего, так как еще прежде, в царствование Констанция, у них все было отнято. Он осудил тогда на изгнание даже Агелия, управлявшего новацианскими церквами в Константинополе со времен Констанция. Этот епископ, говорят, весьма дивно соблюдал церковные законы; а жизнь его, – что в любомудростовании главное, – была совершенно свободна от стяжания денег: это открывалось из самого образа его жизни, – он носил один хитон и ходил всегда без обуви. Быв вскоре возвращен из ссылки, Агелий снова начал управлять церквами и безбоязненно делал собрания. Причиною этого был некто Маркиан, муж и по жизни и по уму удивительный, некогда служивший в придворном войске, а тогда, уже в сане пресвитера новацианской ереси, преподававший грамматику царским дочерям – Анастасии и Каросе, которых именами и доныне называются две константинопольские бани. Из уважения и милости к этому-то человеку, оказано новацианам то, о чем было сказано.

Глава 10

О Валентиниане Младшем и Грациане, о гонении со стороны Валента и о том, что исповедники единосущия, быв преследуемы арианами и македонианами[39], отправили посольство в Рим.

В это время на западе, у царя Валентиниана родился соименный ему сын, а вскоре после сего Грациан, которого он имел еще до вступления на царство, наречен был Августом. На Востоке же тогда, несмотря на необыкновенный град, во многих местах падавший в виде камней, и на сильнейшее землетресение, которым разрушены и другие города, а особенно Никея вифинская, царь Валент и епископ Евдоксий не переставали преследовать разномыслящих с собою Христиан. Против людей, мысливших согласно с никейским Собором, их успехам, по-видимому, благоприятствовали и тогдашние обстоятельства; ибо в большей части Валентовой империи, особенно же во Фракии, Вифинии, Геллеспонте и областях отдаленнейших, последние не имели ни церквей, ни иереев: поэтому гонители особенно злобствовали на единомышленников Македония, которых в той стране было множество, и обратившись против них, сильно их преследовали. Но македониане, страшась предстоящих бедствий, начали сноситься между собою, и чрез послов, отправляемых из города в город, пришли к мнению, что лучше, прибегнув в Валентиниану и римскому епископу, вступить в общение с ними, чем с Евдоксием, Валентом и их единомышленниками. Приняв такую мысль, они избрали из себя трех епископов: Евстафия севастийского, Сильвана тарского и Феофила каставальского и отправили их к царю Валентиниану с письмом на имя Римского епископа Ливерия и вообще западных иереев. В этом письме македониане просили их всячески помочь своим послам и вступить с ними в рассуждение о том, что должно делать, чтобы, как им покажется лучше, поправить состояние церкви;

ибо, сохраняя чистую и твердую веру от самых Апостолов, они преимущественно пред прочими должны пещись о богопочтении. Прибыв в Италию, упомянутые епископы известились, что царь живет в Галии и ведет войну с соседственными той стране Варварами. Посему, считая путешествие в Галлию, по случаю войны, довольно трудным, они представили послание Ливерию и, вступив с ним в рассуждения о предметах своего посольства, отреклись от Ария и всех, которые держатся его мыслей и учения, отвергли также и всякую ересь, враждебную вере никейского Собора, и приняли имя «единосущный», как однознаменательное с выражением: «подобный по существу». Получив от них это исповедание письменно, Ливерий принял их в общение с собою и, отвечая восточным епископам собственным посланием, хвалил их за единомыслие и согласие в отношении к учению и извещал их о своих рассуждениях с посланниками. П исповедание Нвстафия и его сопутников было следующее:

Глава 11

Исповедание Македониан – Евстафия Сильвана и Феофила, представленное римскому епископу Ливерию.

Господину брату и сослужителю Ливерию – Евстафий, Сильван и Феофил желают здравия о Господе.

«Избегая безумного мнения еретиков, не перестающих привносить соблазны в кафолические Церкви, мы отнимаем у них всякий к тому повод и признаем Собор православных епископов, бывший в Лампсаке, Смирне и в разных других местах. От сего Собора[40] посланы мы к твоей милости и ко всем италийским и западным епископам – представить тебе грамоту в удостоверение, что держим и храним кафолическую веру, утвержденную на святом никейском Соборе, при блаженном Константине, тремястами осьмнадцатью лицами, и пребывающую непрерывно доныне чистою и непоколебимою, – ту веру, в которой, вопреки превратному учению Ария, свято и благочестно принимается единосущие. Вместе с вышеупомянутым собором и мы собственною подписью удостоверяем, что ту же веру держали, держим и храним до конца, а Ария и нечестивое его учение, равно как его учеников и единомышленников, и всякую ересь партропассиан, маркионитов, фотиниан, маркеллиан, Павла самосатского с их преемниками и всех единомышленных им, и все ереси, противные вышереченной святой вере, которая благочестиво и кафолически изложена в Никее святыми Отцами, осуждаем. Особенно же анафематствуем исповедание, читанное на ариминском Соборе, как составленное вопреки той вышеупомянутой вере святого собора в Никее, принесенное из Ники фракийской и подписанное в Константинополе епископами, которые увлечены были к тому обманом и клятвами». Исповедав это, они к своему исповеданию приложили снятую слово вслово копию никейского символа

веры и, получив от Ливерия послание о том, что сделано, отплыли в Сицилию.

Глава 12

О Соборах сицилийских и тианском, и о Соборе, которого ожидали в Киликии, но который отменен Валентом. Равным образом о тогдашнем гонении и о том, что Афанасий Великий опять ушел и скрылся, а потом снова вызван был письмами Валента и управлял египетскими Церквами.

В Сицилии по этому случаю был также Собор, и когда тамошние епископы утвердили то же мнение, восточное посольство отправилось назад. В это время епископы – Евсевий Кесарии каппадокийской, Афанасий анкирский, Пелагий лаодикийский, Зенон тирский, Павел эмесский, Отрей мелитинский, Григорий назианзен и многие другие, в Антиохии, в царствование Иовиана, положившие защищать единосущие, держали Собор в Тианах[41], на котором читали послание Ливерия и западных епископов. Быв им сильно обрадованы, они писали ко всем Церквам и просили познакомиться с суждением епископов на западе, также с посланием Ливериевым и с письмами италийскими, африканскими, западно-галльскими и сицилийскими; ибо послы ламисакские принесли письма и от епископов тех стран; а число их было велико, так что оказалось выше числа предстоятелей, составлявших Собор ариминский. В своих посланиях отцы тианского собора убеждали всех хранить единомыслие и общение с ними, а что действительно так мыслят, объявить им о том собственными письмами и до исхода еще весны, в назначенный ими день собраться в Тарсе киликийском. Но тогда как они убеждали одни других ехать на собор, и Собор в Тарсе должен был состояться, – в Антиохии карийской собралось около тридцати четырех азийских епископов, которые начали также выхвалять старание о единомыслии Церквей. Они отвергли слово единосущие и усиливались дать перевес вере, изложенной в Антиохии и Селевкии; потому что эта вера, говорили, есть вера мученика

Лукиана, еще до них искушенная опасностями и великими трудами. Между тем царь, по происках Евдоксия, ожидаемый в Киликии Собор уничтожил и писал об этом с угрозами, а префектам провинций дал особое повеление изгонять из церквей тех епископов, которые, быв низложены при Констанции, в царствование Юлиана снова получили право священнодействовать. Вследствие сего повеления, и египетское правительство начало стараться об отобрании церквей от Афанасия и об изгнании его из города; ибо царский указ грозил не малым наказанием, если это не будет сделано: правители и подчиненные им войска и судилища должны были подвергнуться великой денежной цене и наказанию телесному. Однакож Христиане собрались во множестве и стали просить префекта, чтобы он опрометчиво не изгонял епископа, но определение царского указа рассмотрел тотчас: ибо этот указ относится только к тем, которые, быв сосланы при Констанции, возвратились при Юлиане; а Афанасий, говорили, был и сослан Констанцием, и возвращен на свою епископию Констанцием же, между тем как Юлиан, возвратив всех прочих епископов, преследовал его одного, так что Афанасий вызван был уже Иовианом. Говоря это, они конечно не убедили его, однакож противодействовали и не допускали употребить насилие. Многочисленное отвсюду стечение народа, великое его смятение, беспокойство в городе и опасение возмущения заставили префекта известить царя об этом событии, а Афанасию позволить оставаться в городе. После сего протекло уже много дней; волнение по-видимому прекратилось: но в один вечер Афанасий тайно вышел из города и скрылся в некотором месте. А в ту же самую ночь, рано поутру, овладели его жилищем – церковию префект Египта и начальник тамошних войск, однакож ища его везде, даже на вершине кровли, сознались в ошибочности своего соображения и удалились. Они думали, что так как народ наконец забыл о прежнем возмущении и весь спит, то если теперь нападут, легко исполнят царский указ и вместе сохранят город от восстания. Однакож всем казалось чудом, что Афанасия не нашлось. По внушению ли божественной силы удалился он, или по

предостерегательному доносу каких-нибудь людей, это все равно. Надлежало иметь проницательность вышечеловеческую, чтобы можно было вовремя предузнать козни и спастись от них. Иные говорят, что, предвидя бузумное возмущение народа и боясь, как бы не показаться причиною имеющих произойти от того бедствий, Афанасий все это время прожил в погребальнице своих предков. Но вскоре потом, как от таким образом скрылся, царь письмом приглашал его возвратиться и управлять Церковию. Догадываюсь, что Валент решился писать это не по собственному чувству, но либо потому, что рамышлял о торжестве Афанасиевой славы и вероятно за это порицал Валентиниана, который покровительствовал учению отцов никейских, либо потому, что видел множество Афанасиевых хвалителей и опасался, как бы не произошло возмущения и нововведений ко вреду дел общественных. Почитаю правдоподобным, что и предстоятели арианской ереси не слишком сильно поддерживали его ревность в этом отношении: они могли рассуждать, что, если Афанасий будет изгнан из города, то опять начнет наскучать царям, получит предлог беседовать с ними и переуверить Валента, а в единомыслящем с собою Валентиниане даже возбудит гнев; ибо, испытав добродетель Афанасия еще из событий при Констанции, Ариане очень боялись его. Ведь и тогда он до такой степени стоял выше противной партии, что египетские церкви уступлены были ему с удовольствием и что, для принятия их, Констанций едва склонил его своими письмами возвратиться из Италии. По этой-то, думаю, причине, у Афанасия не отняты были церкви, как у прочих епископов, на которых воздвигнутое гонение едва не уподоблялось языческому; потому что отказывавшиеся мыслить по-арианси заботливо отправляемы были в ссылку, и молитвенные домы, быв отняты у одних, передавались другим. Но Египет, при жизни Афанасия, не испытал этого.

Глава 13

О том, что после Евдоксия епископом в Константинополь поставлен был Арианин Демофил, между тем как православные избрали Евагрия, и о происшедшем из того гонении.

Царь Валент вздумал отправиться в Антиохию, что при Оронте, и когда он находился в пути, пресеклась жизнь Евдоксия, управлявшего константинопольскими церквами одинадцать лет. За Евдоксием начальство над ними принял рукоположенный арианами Демофил; а преданные учению Собора никейского, настоящие обстоятельства почитая благоприятными, епископом себе рукоположили Евагрия. Руковологал же его управлявший Церковию Антиохии сирской Евстафий, который, быв вызван из ссылки Иовианом, жил тогда скрытно в Константинополе и убедительно учил единоверных себе Христиан держаться одной и той же мысли о Боге. По этому случаю ариане взволновались и начали жестоко преследовать ревнителей Евагриева рукоположения. Царь узнал о том в Никомидии и на несколько времени остановил свое путешествие. Боясь, чтобы город как-нибудь не пострадал от возмущения, он нашел нужным послать в Константинополь войско, какое для нистоящего случая считал годным; Евстафия повелел взять и отвезть на жительство в фракийский город Визию, а Евагрия в другое место. Так было дело.

Глава 14

О восьмидесяти православных пресвитерах, которые, по повелению Валента и Никомидии, сожжены среди моря вместе с кораблем.

Ариане, как обыкновенно бывает в счастии, сделались дерзновеннее и Христианам противного мнения стали строить невыносимые козни. Поэтому последние, мучимые телесно, предаваемые властям, ввергаемые в темницы и от проистекающих из того всегдашних убытков мало-помалу лишавшиеся своего достояния, решились просить царя, чтобы он хоть несколько облегчил их от бедствий, и для сего избрали восемьдесят мужей под руководством Урбана, Феодора и Менедема. Эти избранные, пришедши в Никомидию, написали о своих делах прошение и подали его царю. Царь сильно разгневался, но, не обнаружив степени своего гнева, тайно повелел префекту, взять их и лишить жизни. Префект же боясь, чтобы беззаконное умерщвление стольких благочестивых мужей, не сделавших никакого зла, не возбудило возмущения в народе, притворился, будто хотет наказать их ссылкою. Показывая вид, что отправляет их в ссылку, он приказал им взойти на корабль, и они готовы были мужественно подвергнуться этому определению. Но когда плаватели находились среди так называемого астахийского залива, матросы, как было им приказано, подожгли судно, сами же перескочили в лодку и удалились. Корабль, гонимый попутным ветром, успел доплыть до приморского местечка в Вифинии Дакивизы, где пристав к берегу, разрушился и скорел со всеми людьми.

Глава 15

О несогласии между Евсевием кесарийским и Василием Великим, и о том, что отсюда ариане получили смелость нападать на кесарийскую Церковь, которая отвергала их.

Оставив Никомидию, Валент отправился в Антиохию и, прибыв к Каппадокийцам, начал, по обыкновению, заботливо притеснять правомыслящих и тамошние церкви передавать арианам. В этом думал он успеть тем легче, что Василий, по какому-то несогласию, находился в неприятных отношениях к тоглашнему правителю кесарийской Церкви Евсевию, от чего он удалился в Понт и жал с тамошними монахами-любомудрователями. Народ, а особенно люди сильнейшие и умнейшие имели подозрение на Евсевия и, почитая его причиною удаления мужа по жизни и краснорению славнейшего, думали оставить своего епископа и собираться особо. Но Василий уединенно проводил жизнь в обителях Понта собственно по нехотению, чтобы Церковь возмущалась еще чрез него, тогда как в ней довольно было смут и от иноверцев. Между тем царю и окружавшим его епископам, – а при нем всегда бывали ариане, – отсутствие Василия и ненависть народа к Евсевию придавали тем более решимости в предприятиях. Впрочем на этот раз дело окончилось несогласно с их желанием; ибо как скоро стало известно, что они приехали в Каппадокию, Василий оставил Понт и, по собственной воле прибыв в Кесарию, поговорил с Евсевием, примирился с ним и вовремя успел утвердить Церковь своими красноречивыми беседами. Поэтому Валент не достиг своей цели и с единомышленными себе епископами удалился тогда без успеха.

Глава 16

О том, что после Евсевия каппадокийского Церковию управлял Василий, и о дерзновении его пред Валентом.

Чрез несколько времени прибыв снова в Каппадокию, Валент узнал, что, по смерти Евсевия, тамошними церквами управляет Василий. Задумав изгнать его, он против воли был удержан от своего определения; ибо едва лишь решился на это, в следующую же ночь жена его, говорят, напугана была сновидением, а сын Галат, который у него был единственный, умер скоропостижно. Тогда всем казалось, что за устрояемые Василию козни сам Бог явился мстителем и за злодеяние родителей лишил жизни сына. Так понимал и Валент. Действительно, по смерти сына, он уже не оскорблял Василия, а когда сын был еще жив и, страдая болезнию, приближался к смерти, – послал просить его, чтобы он помолился за страждущего. Дело шло следующим образом: В то время, как Валент только что прибыл в Кесарию, префект, призвав к себе Василия, приказал ему мыслить о Боге согласно с царем, и когда Василий не слушался, грозил ему смертию. Василий же на это отвечал, что для него было бы весьма важно и возбудило бы в нем величайшую благодарность наискорейшее отрешение от уз тела. Однакож тот день и следующую ночь префект оставил ему на размышление, чтобы он не подвергался бедствию не осмотрительно и объявил ему свое мнение, пришедши на следующее утро. Но мне не нужно размышлять, сказал Василий; я и завтра останусь тот же. Будучи тварию, я не стану подобного себе признавать Богом, не захочу, следовательно, иметь общение в вере ни с тобою, ни с царем. Вы хоть и очень знамениты и управляете не малою частию вселенной; однакож за это людям благоугождать, а веру в Бога уничижать не следует. Я никогда не предам своей веры, хотя бы вы отняли у меня имение, отправили меня в ссылку, или даже приговорили к смерти; ибо из всего этого ничто не может

причинить мне скорби. Имения у меня нет, кроме рубища и немногих книг; живу я на земле, как бы мимоходом; а тело мое, по его слабости, от первого удара окажется выше ощущения и пыток. Выслушав столь свободную речь Василия, префект удивился добродетели этого мужа и возвестил о нем царю. Царь же, в праздник Богоявления, вместе с начальниками и телохранителями пришедши в церковь, принес дары для священной трапезы и вступив в разговор с Василием, хвалил его за мудрость, благолепие и благочиние в священнодействии. Однакож вскоре клевета противной стороны одержала верх, и Василию приходилось жить в ссылке. Уже наступила ночь, в которую этому надлежало исполниться, как вдруг царский сын начал гореть и впал в неослабную и опасную болезнь. Отец повергся на пол и стал оплакивать сына еще живого. Не зная, что делать, но стараясь всячески спасти его, он поручил своим домашним просить Василия о посещении больного, а повелеть ему это, как человеку недавно оскорбленному, стыдился. Как скоро Василий вошел, дитяти стало легче; так что он и не умер бы, многие говорили тогда, если бы царь вместе в Василием не призвал к молитве и иноверцев. Сказывают, что в то же время заболел и префект, но обратившись с прошением к Василию, исцелился от болезни. Впрочем в повествовании о Василие, муже любомудрственном и всюду прославившемся ученостию, это не должно казаться удивительным.

Глава 17

О сотовариществе Василия и Григория Богослова и о том, что, достигши высокой мудрости, они сделались защитниками никейского учения.

Быв современниками, Василий и Григорий прославились, можно сказать, как соревнователи в добродетелях. Юношеский свой возраст они оба провели в Афинах, учась у знаменитейших тогдашних софистов, Имерия и Проэресия, а потом в антиохии у Ливания сирского; но презрев софистику и судебное ораторство, изобрали жизнь любомудрственную по закону Церкви. Посвятив несколько времени изучению языческих философов, а потом ревностно занявшись изъяснением священного Писания по книгам Оригена и других, частию предшествовавших ему, а частию следовавших за ним знаменитых истолкователей библейских книг, они в свое время оказали великую пользу единомышленникам отцов никейских; ибо тот и другой мужественно защищал их учение против ариан и доказывал, что они и вообще не имеют правильных понятий, и в частности не понимают мнений Оригена, на которых основываются. Труды свои, как я слышал от некоторых, разделили они по обоюдному согласию и жребию. Василий, обходя города понтийские, основал там много монашеских общежитий и, уча народ, убеждал его мыслить одинаково с собою; а Григорий, после своего отца получив жребий епископства в небольшом городе Назианзе, по этому служению непрерывно ездил в разные места, а особенно в Константинополь: чрез несколько же времени определением многих иереев назначен и предстоятельствовать в этом городе; ибо так как в Константинополе не было ни епископа, ни церкви, то надлежало опасаться, чтобы там не угасло учение никейского Собора.

Глава 18

О гонении, бывшем в Антиохии при Оронте; об эдесском храме апостола Фомы, о тамошнем собрании и об исповедовании Эдесском.

Прибыв в Антиохию, царь из тамошних церквей и из церквей в окруженных городах совершенно изгнал единомышленников никейских отцов и подвергал из различным казням; так что, по уверению некоторых, многие из них умерщвлены другими способами, а иные брошены в реку Оронт. Узнав, что в Эдессе есть величественный храм, соименный апостолу Фоме, Валент приехал осмотреть его и, видя, что Христиане кафолической Церкви собираются в поле перед городом, – ибо молитвенные домы и у них были отняты, – стал бранить префекта и ударил его кулаком по щеке, зачем он, несмотря на его запрещение, позволил такие собрания. Поэтому Модест, – так называли префекта, – хотя был и иноверец, тайно дал знать Эдессянам, чтобы они поостереглись в следующий день собираться для молитвословия в обыкновенное место; ибо царь приказал ему казнить всех, кто будет там взят. Так грозил он в надежде, что никто, или по крайней мере не многие подвергнутся опасности; а чрез это и сам старался избавиться от царского гнева. Но Эдессяне, презрев его угрозу, по утру стеклись еще ревностнее, чем прежде, и наполнили привычное место. Модест, когда сказали ему об этом, не знал, что и делать, и хотя настоящим случаем затруднялся, однакож пошел на то поле. В это время, одна женщина, влекшая за руку дитя и, вопреки свойственному женам благолепию в одежде, просто тащившая верхнее платье, так как бы вели ее куда со всею поспешностию, пробежала сквозь предводимый префектом военный отряд и, увидев Модеста, приказывала ему взять себя. Модест подозвал ее и требовал, чтобы она сказала причину такого бега. Жена отвечала, что ей хотелось скорее поспеть на поле, где

собираются Христиане кафолической Церкви. – Так ты одна не знала, сказал на это Модест, что сюда придет префект и возмет всех, кого найдет здесь? – Нет, я слышала об этом, говорила жена, и для того-то особенно должна была бежать, чтобы по времени не остаться назади других и не лишиться венца мученицы. Однако за чем же ведешь с собою это дитя, спросил префект? – За тем, чтобы и оно имело участие в общем страдании и удостоилось равных наград. Удивившись мужеству этой женщины, Модест пошел назад во дворец и, рассказав о ней государю, убедил его не приводить в исполнение приговора; потому что исполнение его будет постыдно и бесполезно. Так-то вся Эдесса сделалась исповедницею своего учения.

Глава 19

Смерть Афанасия Великого и восшествие на епископскую кафедру арианина Лукия. О постигших египетские Церкви бедствиях и о том, что преемник Афанасия Истр ушел и жил в Риме.

В это время, епископ александрийской Церкви, Афанасий, совершив сорока шестилетнее поприще архиерейского служения, скончался. Ариане тотчас же объявили о его смерти, – и вскоре предстоятель арианской ереси в Антиохии Евзой, прибыв в Египет вместе с посланным от царя хранителем царских сокровищ Магном, взял и заключил в темницу Петра, которому Афанасий вверил свою епископию, и александрийскую Церковь передал Лукию. С этого времени Египтяне стали терпеть от врагов более ненависти, и бедствия, сменяясь новыми бедствиями, начали мучить Христиан кафолической Церкви; ибо как скоро Евзой, приехав в Александрию, решился овладеть тамошними церквами, народ тотчас воспротивился. Причиною сего возмущения признаны были клирики и посвященные Богу девы. Поэтому ариане напали на город, как неприятели, от которых одни убегали, а другие, быв преследуемы и забираемы, содержались в узах. Потом узников выводили из темниц и либо секли их когтями и воловыми ремнями, либо жгли огненными орудиями. После таких казней оставаться еще живым почиталось чудом; все пламенно желали, не испытывая их, или умереть, или быть присужденными к ссылке. Так-то делалось. Между тем епископ Петр, убежав из темницы и попав на корабль, отплыл к единоверному себе римскому епископу; а ариане, хотя их было и не много, овладели церквами. В то самое время вышел царский указ, которым Христиане, согласные в вере с Отцами никейскими, по указанию и воле Лукия, изгонялись не только из Александрии, но даже и из Египта. Так повелено было префекту

области. Евзой же, совершив все, чего хотел, возвратился в Антиохию.

Глава 20

О гонении на египетских монахов и учеников св. Антония, и о том, что за православие они сосланы были на один остров и совершала там чудеса.

Взяв с собою предводителя египетских войск, Лукий с вооруженною толпою пошел на монахов в их пустыни. Может быть, он думал, что если потревожить этих любителей уединенной жизни, то они послушаются его, а чрез них тем скорее присоединятся к нему Христиане и по городам; ибо из тогдашних предстоятелей в монастырях было много мужей дивных, и все они чуждались арианства, а их свидетельсву внимал и народ, и мыслил с ними одинаково. Рассуждать и пустословить о догматах народ и не любит, и не умеет, но верить, что истина известна тем, которые добродетель свою доказывают делом. Вождями египетских подвижников были тогда, как мы слышали, два Макария, о которых упомянуто прежде, Памва, Гераклид и прочие ученики Антония. Итак, размышляя, что пока эти монахи не сделаются единомышленниками ариан, последние не могут надежно владеть церквами кафолических Христиан, Лукий решился употребить насилие, ибо убедить был не в состоянии. Однакож и в этом случае он не достиг своей цели. Монахи, если бы потребовалось, готовы были скорее умереть и подклонить свои выи под мечи, чем оставить учение Собора никейского. Говорят, что, когда ждали они нападения от воинов, к ним принесен был из среды народа кто-то с иссохшими членами, так что не мог стоять на ногах. Помазав его елеем, они велели ему, во имя Христа, гонимого Лукием, встать и идти домой. Человек тотчас сделался здрав и явно доказал, что в вере надобно согласоваться с теми, которых веру сам Бог, осуждая Лукия, признал истинною, поколику услышал их молитвы и исцелил страждущего. Но строители козней монахам и при этом не образумились. Напав на них ночью, они перевели их на один

египетский остров, окруженный болотами. Жители на том острове вовсе чужды были христианского учения и покланялись идолам, так что имели у себя древнейший храм и весьма благоговейно чтили его. Говорят, что, когда изгнанники пристали туда и высаживались из корабля, одержимая диаволом дочь жреца вышла к ним навстречу. И так как она бежала и кричала, то пораженные этим нечаянным и чудесным явлением, жители следовали за нею. Прибежав к кораблю, на котором приплыли св. старцы, она начала жалобно вопить, кататься по земле, умолять и громко взывать: зачем вы и к нам пришли служители великого Бога? Этот островок есть древнее наше жилище. Мы никого не беспокоим; незнаемые людьми и быв окружены отвсюду этими болотами, мы обитаем здесь скрытно. Если вам угодно, возьмите это стяжание наше и сделайте своим; мы уступаем. Так взывала девица. Когда же Макарий и его спутники запретили демону, она пришла в себя. Поэтому случаю и отец ее со всеми домашними, и целый остров принял Христианство. Жители его разрушили свой храм и заменили его церковию. Весть об этом, дошедшая в Александрию, не мало окорчила Лукия; ибо он опасался, как бы не сделаться предметом ненависти и у своих, поколику объявил войну, очевидно, не людям, а самому Богу. Это побудило его немедленно дать тайное повеление, чтобы Макарий и его спутники возвращены были в свои скиты и пустыни. Так-то Лукий волновал Египет, славившийся в то время не одним любителем мудрости, Дидимом, но и другими знаменитыми монахами, смотря на добродетели которых, тамошняя Церковь противодействовала приверженцам Лукия, и хотя гонима была в Египте, однакож многолюдностию далеко превосходила арианство.

Глава 21

Исчисление мест, в которых господствовало никейское учение; также о вере Скифов и вожде этого народа, Ветранионе.

То же случилось тогда и у Озройцев, даже у Каппадокиян, которые на свою долю получили божественную двоицу, Василия, епископа кесарийского, и Григория Назиянзена. Напротив, Сирия и пограничные области, особенно же город Антиохия, страдали от неустройства и возмущений. В этих областях было более ариан, владевших церквами, хотя не мало и Христиан Церкви кафолической, которых называли евстафианами и павлианами, ибо ими, как выше сказано, управляли Павлин и Мелетий. Последние, тогда как вся антиохийская Церковь едва не сделалась арианствующею, с трудом держались против ревности царя и лиц, имевших при нем силу. Где Церквами управляли люди мужественные, там только, по-видимому, народ не изменял прежних своих мыслей. В самом деле, по такой именно причине и Скифы остались, говорят, с тою же верою. Этот народ имеет много городов, селений и крепостей. Его митрополия – Томис, город большой и богатый, лежащий у моря, на левом берегу, при входе в так называемый Евксинский Понт. Там и доныне господствует древний обычай в церквах всего народа быть одному епископу. В описываемое время управлял ими Ветранион. Царь Валент приехал в Томис и, когда, пришедши в церковь, по обыкновению, начал убеждать Ветраниона, чтобы он вступил в общение с епископами противной ереси, последний, весьма мужественно и смело высказав государю свои мысли в пользу учения никейских отцов, оставил его и перешел в другую церковь а за ним последовал и народ. Народу же тогда было почти весь город, который сошелся в надежде видеть царя и в ожидании каких-нибудь новостей. Оставшись один с своею свитою, Валент сильно раздражен был таким оскорблением и, взяв Ветраниона, приказал отвесть его в ссылку. Потом однакож

вскоре позволил ему возвратиться, ибо видя, что Скифы ропщут за изгнание своего епископа, боялся, думая, как бы они не затеяли новостей. А он знал, что этот народ мужественен и по местному своему положению нужен римской империи, потому что охранял ее от пограничных с тою страною Варваров. Итак Ветранион в этом случае явился выше усилий государя. По свидетельству самых Скифов, он был муж вообще добрый и отличался святостию жизни. От таких причин гнев царя испытывали все клиры, кроме клиров в Церквах западной империи; потому что над тамошними Римлянами царствовал Валентиниан, который одобрял учение никейского Собора и весьма благоговейно чтил Бога, так что не вводил никаких новостей в церковном законодательстве, хотя государь был отличный и способность свою управлять империею оправдал самым делом.

Глава 22

О том, что в то же время, усилено было начатое еще прежде исследование, должно ли и Святого Духа признавать единосущным Отцу и Сыну.

Продолжительные рассуждения об этом были не менее спорны, как и прежние о Слове Божием. Признававшие сына неподобным и подобносущным в сем случае согласились между собою; ибо те и другие утверждали, что Дух есть лицо служебное, по чину и чести третие и по существу отличное. А которые исповедовали Сына единосущным Отцу, те тоже мыслили и о Духе. Это исповедание сильно защищали – с Сирии Аполлинарий лаодикианин, в Египте – епископ Афанасий, в Каппадокии и Церквах понтийских – Василий и Григорий. Тогда как упомянутый вопрос был в ходу и споры по обычаю со дня на день становились сильнее, римский епископ, узнав об этом, писал восточным Церквам, чтобы они вместе с западными иереями исповедовали единосущную Троицу. После сего, как бы судом римской Церкви, этот вопрос казался окончательно решенным, – и все замолчали».]

Глава 23

О кончине Ливерия римского и преемников его, Дамаса и Сирикия, и о том, что на западе кроме Медиоланян и архиерея их Авксентия, все держались православия; также о бывшем в Риме Соборе, который низложил Авксентия, и о его постановлении.

Около этого времени, по смерти Ливерия, на римскую кафедру вступил Дамас. Но представленный также к рукоположению диакон Урсин не мог перенесть своей неудачи. Быв тайно рукоположен некоторыми незначительными епископами, он старался разделить народ и собирался отдельно. По разделении же народа, одни хотели видеть епископа в нем, а другие в Дамасе. От этого между чернию, как обыкновенно, возникли сильные споры и возмущения, так что зло простерлось до ран и убийств, пока римский префект многих из черни и клира не подверг наказанию и тем не остановил Урсинова предприятия. Что же касается до догматов, то ни Римляне, ни другие народы на западе, как и прежде, не разногласили между собою, но все принимали постановления никейских отцов и исповедовали равночестную и равносильную Троицу – все, кроме единомышленников Авксентия. Этот Авксентий, предстоятельствовавший тогда в медиоланской Церкви, задумал с некоторыми, вопреки общему согласию западных иереев, вводить новости, усиливать учение арианское и мыслить одинаково с теми, которые, по прившедшему вновь исследованию, признавали Сына и Духа неподобными. Но когда из Галлии и Венеции донесено было, что и там есть Христиане, держащиеся подобного образа мыслей; то вскоре епископы многих областей, стекшись в Рим, положили мнением – Авксентия и мысливших подобно ему лишить общения с собою, и веру, преданную никейским Собором, оставить неприкосновенною, а то, что в противность ей было постановлено в Аримине, отменить, поколику на это не

соглашались ни римский епископ, ни другие, и поколику тамошние постановления не были одобрены даже многими из тех, которые там присутствовали. Что все это так производилось и принято, свидетельствует самое послание римского епископа Дамаса и членов тогдашнего Собора, писанное епископом иллирийским. Оно таково:

«Епископы, стекшиеся на святой Собор римский, Дамас, Валерий[42] и прочие – возлюбленным братиям, епископам и предстоятелям в Иллирике желают здарвия о Господе.

Верим, что вы держите нашу святую, на учении апостолов утвержденную веру, и именно ее преподаете народу, – ту веру, которая ни в чем не разногласит с постановлениями отеческими. Да и прилично ли иначе мыслить Божиим иереям, у которых, по справедливости, должны учиться мудрые. Однакож по доношениям братий из Галлии и Венеции знаем, что некоторые вводят ересь. Этого зла епископы не только должны остерегаться сами, но и не увлекаться людьми, придумывающими различные учения, – когда придумыватели, пользуясь неопытностию, либо простотою некоторых, противополагают их убеждениям собственные толкования, – напротив, в случае стечения различных мнений, тем сильнее держаться отеческого образа мыслей. Уже написано, что за это особенно был осужден и Авксентий медиоланский. Итак справедливость требует, чтобы в римском мире все учители хранили единомыслие и не оскверняли своей веры разногласящими учениями ; иобо едва только нечестие еретиков начало усиливаться, подобно тому, как ныне особенно, избави Господи, учинилось арианское богохульство, триста осьмнадцать избранных отцов, сделав в Никее исследование спорного предмета, воздвигли эту твердыню в защиту от диавольского учения и таким противоядием извергли смертельный яд ереси, то есть, положили веровать, что Отец и Сын имеют едино Божество, едину силу, едину славу. Веруем, что и Св. Дух того же существа, а кто мыслит иначе, того почитаем чуждым нашего общения. Это спасительное правило, это досточтимое определение иные хотели нарушить: но и из них некоторые, сначала принужденные вводить новости и

посягать на него в Аримине, так поправили дело, что признали себя обманутыми каким-то иначим рассуждением, вовсе не думая противиться мнению, принятому отцами никейскими; ибо между членами ариминского Собора, во время его открытия, никто не мог иметь к тому даже и побуждения, – ни римский епископ, которого мнение надлежало принять прежде всех, ни Викентий, который столько лет неукоризненно хранил епископство, ни другие, согласившиеся с постановлениями ариминскими, особенно, когда представим, что те самые, которые, как сказано, по-видимому увлеклись хитростию, пришедши к лучшей мысли, засвидетельствовали, что то прежнее мнение им не нравится. Итак, да усмотрит ваша непорочность, что надобно с постоянною твердостию держать одну ту веру, которая основана на авторитете апостолов и св. отцов в Никее, и что этою самою верою вместе с нами хвалятся и восточные, если они признают себя Христианами кафолической Церкви, и западные. Веруем, что мыслящие иначе, за такую решимость скоро будут отлучены от общения с нами и лишены имени епископов, чтобы их миряне, освободившись от рассеиваемого ими обмана, могли отдохнуть; ибо, находясь в заблуждении, они отнюдь не могут исправить его в других. Итак с мыслями всех иереев Божиих да придет в согласие и образ мыслей вашей чести, в котором вы, как мы верим, пребудете твердыми и непоколебимыми. А что мы с вами должны так веровать, докажите это обратною грамотою вашей любви».

Глава 24

О святом Амвросие, как он возведен был на епископство и расположил мирян к благочестию; также о фригийских новацианах и о Пасхе.

Предваряя таким образом людей, вводивших новости, западные иереи ревностно сохраняли преданную себе древле веру; так что иноверцев было там очень мало, – почти только те, которые окружали Авксентия; а вскоре низложен был и Авксентий. Когда же он умер, народ возмутился, потому что епископствовать над медиоланскою Церковию избрали не все одного и того же, и город был в опасности. Та или другая сторона, испытав неудачу, грозилась сделать то, что обыкновенно бывает в подобных смутах. Боясь беспокойств со стороны черни, Амвросий, бывший тогда префектом области, вошел в церковь и, напоминая о законах, единомыслии и благах мира, советовал прекратить вражду. Еще не перестал он беседовать об этом, как вдруг все, оставив гнев один на другого, жребий епископства, по общему мнению, предоставили советнику единомыслия, и приглашая его к крещению, потому что до того времени он не приобщался таинству, требовали от него принятия священства. Но так как Амвросий отказывался, отвергал избрание и просто – избегал такого сана, а народ настаивал и утверждал, что иначе ссора не прекратится; то об этом деле донесено было царедворцам. Получив весть об избрании Амвросия, царь Валентиниан, говорят, стал молиться и приносить благодарение Богу, что к священнодействию присуждаются мужи, поставленные от него правителями. Узнав притом о настоянии народа и отказе Амвросия, он из единодушного желания медиоланской Церкви заключил, что это угодно Богу и повелел в наискорейшем времени рукоположить избранного. Когда же Амвросий был крещен и принял рукоположение, то Церковь свою, от предстоятельства Авксентиева долго страдавшую несогласием, расположил к

единомыслию в деле веры. Впрочем, каков был этот Амвросий после рукоположенния, с каким мужеством и благоговением проходил он звание священства, – будет сказано в своем месте. В это время, фригийские новациане, вопреки прежнему обычаю, начали совершать праздник Пасхи вместе с Иудеями. Начальник их ереси Новат не допускал к общению даже покаявшихся в своих согрешениях, и только в этом состояло его нововведение. Но помянутый праздник как сам он, так и приверженцы его отправляли согласно с римскою Церковию, после весеннего равнодействия. Напротив, в теперешнее царствование некоторые из новацианских епископов во Фригии, собравшись в фригийском селении Пазе, откуда вытекают источники реки Сангары, не захотели и в этом иметь общения с иноверцами и постановили особый закон – праздник опресноков совершать после, а Пасху – с Иудеями. Впрочем на этом Соборе не присутствовал ни Агелий, новацианский епископ в Константинополе, ни предстоятель из Никеи, ни из Никомидии, ни из значительного фригийского города Козаика, хотя этих епископов новациане называют, так сказать, владыками и клавами в отношении ко всему, что делается в их ереси и Церкви. Каким же образом, по этой причине, пришли они в разногласие и, произвольно отделившись от прочих начали собираться особо, скажу в свое время.

Глава 25

Об Аполлинариях, отце и сыне, о пресвитере Виталии, и о том, по какому побуждению уклонились они в ереси.

В это же время сделался известен Аполлинарий и открылась называющаяся по его имени ересь, которая, отторгши многих от Церкви, образовалась в особое общество. В составлении частного учения Аполлинарию помогал и Виталий, один из посвященных Мелетием антиохийским пресвитеров, муж по образу и правилам жизни между прочими отличный, в управлении подчиненных себе ревностный и за то пользовавшийся высоким уважением народа. Вскоре отсекши себя от общения с Мелетием, он присоединился к Аполлинарию и управлял антиохийскими его единомышленниками. Уважение принятых Виталием правил жизни приобрело ему не малое число приверженцев, которые получили от него свое имя; так что антиохийцы и до ныне называют их виталианами. Говорят, будто он так поступил от огорчения, что был презрен Флавианом, который в последствии занимал антиохийский престол, а тогда сопресвитерствовал Вилатию и представлял ему препятствия видеть епископа. Почитая себя униженным, он поддался человеческому чувству и, пошедши к Аполлинарию, вступил с ним в общение и дружбу. С этот времени они и по другим городам собирались особо, под управлением особых епископов и следовали постановлениям, несогласным с постановлениями кафолической Церкви, то есть, кроме узаконенных священных песней, пели какие-то песни стихотворные, сочиненные самим Аполлинарием; потому что, обладая всякою другою ученостию, Аполлинарий был также и поэт, знаток различных стихотворных метров, чем доставлял многим удовольствие и располагал их внимать себе. И мужчины как на пирах, так и за работой, женщины за ткацкими станками пели его песни; потому что он написал много идиллий на каждый случай, – и на случай труда и отдыха, на дни

праздничные и иные, и все его идиллии клонились к прославлению Бога. О распространении этой ереси первые узнали – римский епископ Дамас и александрийский Петр, и, составив Собор в Риме, объявили ее чуждою кафолической Церкви. Говорят, что и Аполлинарий начал вводить новое учение также по малодушию. Причина была следующая: когда правитель александрийской Церкви Афанасий, изгнанный Констанцием в ссылку, получил повеление возвратиться в Египет; то во время его переезда чрез Лаодикию Аполлинарий познакомился с ним и сделался его искренним другом. Но так как членам противной ереси клятвенно запрещено было иметь с ним общение, то тамошний епископ их Георгий, за сношение с Афанасием, вопреки правилам и законам иереев, с бесчестием изгнал Аполлинария из Церкви. Вменяя ему это в вину, он вместе поносил его и за совершение грехов давнишних, очищенных покаянием. Ибо когда лаодикийскою Церковию управлял еще предшественник его Феодот, – знаменитый в то время софист Епифаний произносил гимн Дионису. Аполлинарий, бывший тогда в юношеских летах, пользовался уроками этого самого Епифания и вместе с своим отцем, не неизвестным грамматиком, носившим также имя Аполлинария, присутствовал при чтении гимна. Намереваясь произнесть свое сочинение, Епифаний, по обычаю декламаторов этого рода, повелевал непосвященным и нечистым выйти вон. Но ни молодой, ни старый Аполлинарий, и никто из присутствовавших при чтении Христиан не отказался от слушания. Узнав об этом, епископ Феодот сильно разгневался, и прочих, принадлежавших к мирянам, несколько укорив, простил, а двух Аполлинариев за соделанный ими грех обличил всенародно и отлучил от Церкви; потому что оба они принадлежали к клиру, – отец был пресвитером, а сын – еще чтецом священного Писания. Потом чрез несколько времени, видя, что они со слезами и постом принесли соответственное грезу покаяние, епископ снова принял их в общение. Но когда то же епископство получил Георгий, и у Аполлинария с Афанасием, как сказано, установились дружеские отношения; то Георгию захотелось объявить его лишенным общения и чуждым Церкви.

Аполлинарий, говорят, многократно просил Георгия о принятии себя в общение; но так как последний не соглашался, то, побежденный скорбию, он возмутил Церковь и ввел новое учение, вышеупомянутую ересь, мстя своему врагу, чем мог, то есть искусством слова, и доказывая, что он, как лучший, низложен тем, который в преподавании божественного учения хуже его. Таким образом частные ссоры клириков того времени весьма вредили церкви и раздробляли веру на множество ересей. Доказательство следующее: если бы и Гергий, подобно Феодоту, принял раскаявшегося Аполлинария, то ереси, называемой по его имени, думаю, не было бы; ибо человеческая природа такова, что быв презираема, она становится тем самолюбивее, вдается в споры и нововведения, а пользуясь чем должно, обыкновенно сохраняет мерность и постоянство.

Глава 26

Об Евномие и учитель его Аэций, – о том, что к ним относится и чему они учили, – также о том, что они первые придумали при крещении делать одно погружение.

Около сего времени Евномий, управлявший вместо Элевсия кизикскою Церковию и бывший предстоятелем арианства, кроме этой ереси, ввел и другую, которой последователям одни дают имя самого изобретателя, а другие – название аномеев. Некоторые говорят, что Евномий первый осмелился полагать правилом, чтобы святое крещение было совершаемо чрез однократное погружение, следовательно искажал предание, всюду сохраняющееся от апостолов до настоящего времени, да и вообще измышлял какую-то особенную церковную практику, и новость ее прикрывал важностию и величайшею точностию. К тому же был он мастер говорить и спорить, и любил речь силлогистическую, каковых между его единомышленниками можно видеть много. Они не столько хвалят доблесть жизни, благонравие и милосердие к бедным, разве кто следует их образу мыслей, сколько спорщиков в разговоре и собеседников, побеждающих силлогизмами. Такие люди от всех их почитаются благочестивыми. Впрочем, иные полагают, и мне кажется, справедливее, что вводить новости относительно как других евномиевых мнений, так и святого крещения, начали в настоящее царствование отделившиеся от своего общества ревнители этой ереси, Феофроний каппадокийский и Евтихий. Они то именно стали требовать, чтобы крещение совершалось не в Троицу, а в смерть Христову; а Евномий касательно этого предмета не установлял ничего нового, но с самого начала согласился с Арием и в таком убеждении оставался. Когда же он сделался епископом кизикским, и подвластные ему клирики начали обвинять его, как вводителя новых учений; то тогдашний начальник арианской ереси в Константинополе Евдоксий,

призвав его к себе, поручил ему беседовать с народом о вере и, не нашедши ничего худого в преподаваемом им учении, позволил ему возвратиться в Кизику. Однакож Евномий сказал, что он не намерен быть в сношении с теми, кого подозревает, и этим предлогом воспользовался для отторжения себя от Церкви, тогда как действительная причина его отторжения состояла в том, что не хотели принять в общение учителя его Аэция. С того времени он жил в своем доме и ничего не изменил в прежнем образе мыслей. О всем этом одни говорят так, другие – иначе. Но Евномий ли ввел помянутую новость касательно предания о крещении, или кто иной, евномиане все равно одни, по моему мнению, подвергаются опасности – оставлять жизнь, не получая святого крещения: ибо, если, быв крещены в начале по закону Церкви, они сами себя перекрещивать не могут, то полагают начало тому, чего сами не имеют; а не имея этого и не сделавшись такими чрез других, передают то же и прочим. Ведя свое учение от какого-то безличного начала и от собственного помысла, они преподают другим, чего не получили, а это – безумие; ибо сами же сознаются, что не крещенные не могут крестить других, и не крестившегося согласно с их преданием почитают некрещенным, так как бы крещение его было не надлежащее, – сами же свидетельствуют об этом, поколику всех, кого успевают убедить к единомыслию с собою, перекрещивают, хотя бы принимаемые ими были уже крещены по преданию кафолической Церкви. Между тем это не мало волновало нашу веру, и различие учений в сем отношении, для желающих вступить в Христианство, служило препятствием; потому что всякий раз поднимались горячие споры и, как обыкновенно бывает при начале ереси, постоянно усиливались, поколику являлись доказыватели, отличавшиеся ревностию и силою слова. Можно думать, что евномиане увлекли бы многих из кафолической Церкви к своему мнению, если бы не встретили противников в Каппадокиянах – Василие и Григорие. Впрочем усилию их положило предел и наступившее скоро царствование Феодосия, который самых ересеначальников из областей империи, более населенных, изгнал в места пустынные. А чтобы

нам не совсем не знать учения той и другой ереси, надобно заметить, что первым изобретателем мнения евномиева был Сирянин Аэций, утверждавший с Арием, что Сын не подобен Отцу, что Он есть творение и произошел из несущего. Мыслившие таким образом сперва назывались аэцианами. Когда же, как сказано при описании царствования Констанциева, одни стали почитать Сына единосущным, другие подобносущным Отцу, а царям, по установлению ариминского Собора, угодно было исповедовать Его подобным: тогда Аэций, как богохульник, осужден был на изгнание, и основанная им ересь на некоторое время, по-видимому, исчезла; потому что ни другой кто-нибудь из значительных лиц, ни Евномий явно не смел защищать ее. Впоследствии уже, заняв престол кизикской Церкви, вместо Элевсия, последний никак не мог долее оставаться покойным и, беседуя к народу, снова пустил в ход мнение Аэция. Люди же, как часто случается, забыв первого изобретателя этой ереси, единомышленников его назвали евномианами; потому что Евномий, после Аэция, возобновил и раскрывал его учение дерзновеннее первого ересеначальника.

Глава 27

О том, что в послании к Нектарию пишет Григорий Богослов об Аполлинарие и Евномие, и о том, что ереси их угашены любомудрием живших тогда монахов; ибо ересями этих двух человек заражен был почти весь восток.

Надобно согласиться, что Евномий мыслил одинаково с Аэцием; ибо своего учителя Аэция сам он превозносит и нередко явно свидетельствует о нем в своих сочинениях. А Аполлинария в своем послании к предстоятелю константинопольской Церкви Нектарию обвиняет епископ Назианза Григорий. Он пишет так: «Домашнее наше зло – Евномий не любит жить как-нибудь, но если не успевает вовлечь в свою погибель всех, то почитает это для себя вредом. Впрочем такое зло еще сносно. Самое тяжкое из всех церковных бедствий есть дерзость аполлинаристов. Я не понимаю, как твоя святость не обратила внимания на то, что они осмелились усвоить себе право делать равночестные нашим собрания. Благодатию Божиею ты всеконечно изучил Божественные таинства, знаешь не только относящееся к защищению Слова Божия, но и то, что против здравой веры измышлено еретиками: однакож твоей достопочтенности, может быть, благовременно будет слышать и от нашего малоумия, что мне случилось иметь в руках аполлинариеву книгу, которой содержание выше всякого еретического зла. Аполлинарий утверждает, что плоть единородного Сына Божия, принятая Им по домостоительству, заимствована не от нашего естества, но что та плотская природа была в Сыне изначала, и в свидетельство такой нелепости приводит худо понятое евангельское изречение: «никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе Сын человеческий» (Иоан. 3, 13); так что Сын был сыном человеческим и до сошествия, и сошел с тою самою предвечною, сосущественною себе плотию, которую имел на

небе. Приводит он также и апостольское изречение: «вторый человек с небесе» (1Кор. 15, 47), и объясняет его так, что человек, пришедший свыше, ума не имел, но в замене природы ума, носил в себе божество Единородного, бывшее третьею частию человеческого состава. То есть, душа и тело по человечеству в нем были, а ума не было, и отсутствие ума восполнялось Богом-Словом. Но самое ужасное нечестие еще не в этом. Гибельнее всего – та мысль, что Сам единородный Сын Божий, Судия всех, Начальник жизни, истребитель смерти, смертен, что Он в собственной своей Божественности принял страдание, что во время трехдневной мертвенности его тела, вместе с телом умирало и Божество, и что таким образом от смерти Он снова воскрешен был Отцом. – Но пересказывать все, что к этим нелепостям еще присоединяет Аполлинарий, было бы долго. Что и как мыслили о Боге он и Евномий, всякому желающему можно знать из сказанного. А кто хотел бы потрудиться для приобретения подобного знания об этом, тот больше найдет, перечитывая сочинения, написанные либо ими, либо другими о них. Мне же такие предметы и понимать и описывать не легко. Причину того, что эти учения не сделались господствующими и далеко не распространились, сверх вышесказанного, по всей вероятности, надобно искать особенно в тогдашних монахах: ибо все любомудрствователи и в Сирии, и в Каппадокии, и в областях сопредельных неотступно держались догматов никейских. Восток, начиная от Киликии до Финикии, готов был принять сторону Аполлинария, а от пределов Киликии и Тавра до Геллеспонта и Константинополя склонялся к ереси евномиевой; ибо тот и другой легко внушал собственный образ мыслей жителям тех областей, где сам обитал, равно как и областей пограничных. Но с ними случилось почти то же, что с арианами: то есть народ, удивляясь добродетели и делам упомянутых монахов, верил, что они мыслят право, а потому от людей мысливших иначе, как от зараженных превратным учением, отвращался. Точно таким же образом было и Египтянами: следуя своим монахам, они противостояли арианам.

Глава 28

О процветавших тогда в Египте святых мужах: Иовиане, Оре, Аммоне, Вине, Феоне, Коприе, Эллие, Аппелесе, Исидоре, Серапионе, Диоскоре и Евлогие.

Теперь, мне кажется, кстати вспомнить и, сколько можно, рассказать о тогдашних христианских любомудрствователях; ибо около того времени процветало весьма много Боголюбивых мужей. Между ними в египте, знаем, отличались – во-первых Иоанн, которому, Бог открывал будущее, от других сокровенное, и даровал силу отгонять страдания людей, одержимых неизлечимыми болезнями; во-вторых Ор, который от самой юности жил в пустыне и воспевал Бога, питался травами и кореньями, пил воду, если случайно находил ее, достигши же старости, по повелению Божию, переселился в Фиваиду, где управлял многими монастырями и подвизался не без дивных дел; ибо одною молитвою врачевал болезни и изгонял демонов, и, не зная грамоты, не имел нужды в книгах для припоминания, но все принимаемое мыслию, удерживал без забвения. В тех же местах любомудрствовал и Аммон, управлявший так называемыми тавенскими монахами и имевший у себя около трех тысяч учеников. Правителями монашеских учреждений были равным образом Вин и Феона, обладавшие даром предведения и пророчества. Феона, отличавшийся, говорят, знанием наук египетских, эллинских и римских, впродолжение тридцати лет хранил молчание. А что касается до Вина, то никто не видывал, чтобы он либо гневался, либо клялся, либо лгал, либо произносил суетное, дерзкое и уничижительное слово. В то же время жили Коприй, Эллий и Илия. Коприю, говорят, свыше даровано врачевать страдания и разные болезни, и иметь власть над демонами. Эллий, от юности изучивший монашеское житие, совершил множество чудес, так что носил огонь за пазухою, не сожигая платья и этим сильно поощрял монашествующих братий, видевших, что дар чудодействия

следует за добродетельною жизнию. Илия же тогда любомудрствовал недалеко от города Антинои и имел от роду около ста десяти лет. До этого времени, по его словам, семьдесят лет прожил он один в пустыне. Несмотря на столь глубокую старость, он постоянно соблюдал пост и вел самый строгий образ жизни. Кроме этих, в то время славился и Апеллес, в египетских монастырях близ города Ахориса совершавший множество чудес. Раз ночью ковал он железо, – ибо это было его ремесло, – как вдруг представился ему призрак демона в виде прекрасной женщины, и стал искушать его целомудрие: тогда он, вытащив из огня обрабатываемое железо, обжег им лицо демона, и демон убежал с воплем и скрежетом зубов. Знаменитейшими же отцами монахов в то время были Исидор, Серапион и Диоскор. Исидор, загородив отвсюду свой монастырь, старался, чтобы никто из его жителей не выходил за ворота и чтобы все потребное имелось дома. Серапион жил в аренноЙской номе и под своим управлением имел до тысячи монахов. По правилам его управления, монахи должны были приобретать себе потребное собственными трудами и помогать другим нуждающимся. В летнее время, они за известную плату нанимались жать и, спрятав достаточный для себя запас хлеба, уделяли из него потом другим монахам. Но у Диоскора было не более ста учеников. Имея сан пресвитера, он священнодействовал со всяким тщанием, испытывал и заботливо рассматривал приступающих к таинствам, чтобы, то есть, они предварительно очистили свой ум и не оставили в совести какого-либо тяжкого преступления. В преподавании божественных таинств еще строже его был тогда пресвитер Евлогий. Они при священнодействии, говорят, до того провидел помыслы приступающих к таинству, что явно обличал согрешения и в каждом обнаруживал сокровенные мысли. Поэтому, кто сделал что-либо худое, или вознамерился сделать какое-нибудь преступление, того, по обличении греха, устранял от чаши и позволял приступить к ней, когда очистится покаянием.

Глава 29

О фиваидских монахах – Аполлосе, Дорофее, Пиаммоне, Иоанне, Марке, Макарие, Аполлодоре, Моисее, Павле фермийском, Пахоне, Стефане и Ниоре.

В одно время с этими в Фиваиде жил Аполлос. Он начал любомудрствовать с первой молодости и, прожив в пустыне сорок лет, потом, по указанию Божию, занял пещеру при подошве горы, не далеко от жилищ человеческих, где множеством чудодействий вскоре приобрел известность и управлял весьма многими монахами, которых привлекал к себе также учением на пользу. Но каков был образ его жизни и сколько совершал он божественных и дивных дел, – повествует правитель александрийской Церкви Тимофей, описавший житие не только Аполлоса, но и других упомянутых уже мною знаменитых монахов. Тогда по Александрии ревностно любомудрствовало много мужей доблестных, около двух тысяч, и из них одни обитали в так называемых пустынях, другие – в Мареотиде и местах, соседних с Ливиею. Между теми мужами чрезвычайно славился фивский уроженец Дорофей. Жизнь его была такова, что днем он на морском берегу собирал камни и из них на каждое лето строил себе хижину, которую потом передавал людям, не могшим строиться, а ночью для своего пропитания из финиковых листьев плел веревки и делал из них корзины. Пищею же его были шесть унций хлеба и пучок простых овощей, а питием – вода. Подвизавшись таким образом с юности, он не оставил этого образа жизни и в старости. Никогда не видывали, чтобы он спал на рогоже, либо на кровати, или чтобы, для успокоения, протягивал ноги, либо произвольно предавался сну. Одолеваемый природою, он смежал очи разве только за работою или пищею, так что, когда засыпал, принимая пищу, она нередко выпадала из уст его. Случалось, что до крайности побеждаемый сном, он без сознания упадал на рогожу, но потом, сокрушаясь об этом, тихо

говорил: если убедишь спать ангелов, убедишь и ревностного подвижника. Говоря так, он указывал на самого себя, и свое слово обращал либо к сну, либо к демону, полагавшему препятствия совершать добрые дела. Между тем, как Дорофей таким образом изможддал себя, некто подошедши сказал ему: для чего ты до такой степени умерщвляешь свое тело? Для того, что оно умерщвляет меня, отвечал он. Знаменитейшими монастырями близ египетского Диолка в то время управляли равным образом Пиаммон и Иовиан, и так как были пресвитеры, то ревностно и весьма благочестно совершали священнослужение. Говорят, что Пиаммон однажды во время совершения даров видел стоящего у священной трапезы святого ангела, который монахов присутствующих вписывал в какую-то книгу, а отсутствующих изглаживал из нее. Иоанну же Бог даровал столь великую силу над страданиями и болезнями, что им исцелены многие с больными ногами и расслабленными членами. В то же время весьма славно любомудрствовал в ските и старец Вениамин, владея полученным от Бога даром избавлять страждущих от всякой болезни без лекарств, посредством одного прикосновения руки, или благословенного с молитвою елея. Этот муж, впав в водяную, говорят, так распух, что не мог бы быть вынесен чрез двери дома, в котором жил, если бы вместе с дверью не сняли притолок. Во время болезни, не могши лежать на кровати, он около осьми месяцев сидел в стуле огромной широты и, по обычаю, исцеляя больных, сам нисколько не скорбел, что не избавляется от собственного недуга. Мало того, он даже утешал других, которые посещали его, и просил их молить Бога о своей душе, а о теле нисколько не заботиться, – говоря, что тело как в здравом состоянии было для него бесполезно, так и в болезненном безвредно. В то же время, в Ските жили – знаменитый Марк, младший Макарий, Аполлоний и Ефиоплянин Моисей. Рассказывают, что Марк еще в молодых летах был очень кроток, воздержан и живо помнил священное Писание. Богом же он был столь любим, что от Макария, который почитался пресвитером Келлий[43], по свидетельству последнего, никогда не принимал того, что иереи должны преподавать допущенным к священной трапезе. Дары

преподавал ему ангел, которого рука, по его словам, была видима до кисти. А Макарию Бог даровал благодать презирать демонов. Повод к любомудрию сперва подало ему невольное убийство. Быв уже взрослым юношею, пас он овец близ мареотского озера и в игре убил одного из своих товарищей. Убоявшись казни, он убежал в пустыню, где проведши три года под открытым небом, наконец построил себе малую хижину и прожил в ней двадцать пять лет. Рассказывали люди, слышавшие от него самого, что он был весьма благодарен тому несчастному случаю, так как он послужил для него причиною любомудрия и блаженной жизни. Аполлоний в прежнее время занимался торговлею и уже дожив до старости, пришел в скит. Рассудив, что по летам не может научиться ни письму, ни какому-либо другому искусству, он за свои деньги покупал разные лекарства и приличные страждущим яствы и, ища больных, до девяти часов подходил к каждой монашеской двери. Такое занятие почитая своим подвигом, он в этом провел всю жизнь и, при смерти передав другому, что имел, повелел ему делать то же самое. Моисей, родившийся в рабстве, за развратную жизнь, изгнан был из дому господина и, обратившись к разбою, сделался предводителем разбойнической шайки. Совершив множество злодейств и отваживавшись на многие убийства, он по некоторым обстоятельствам перешел к монашеской жизни и вдруг предался добродетели любомудрия. Так как от прежнего образа жизни он получил крепкое здоровье, то, чтобы не улекаться призраками удовольствий, начал изнурять свое тело бесчисленными подвигами: то довольствовался малою частицею хлеба без вареной пищи, то делал множество дел и молился до пятидесяти раз, то впродолжении шести лет непрерывно каждую ночь проводил стоя, и молился, не сгибая колен и не смежая для сна очей, а иногда ночью, обходя жилища монахов, ведра каждого тайно наполнял водою, что было весьма трудно; потому что место, где доставаема была вода, от одних находилось стадиях в десяти, от других в двадцати, от некоторых же в тридцати и более. Но как ни старался он многими подвигами ослабить свои силы и

непрестанными трудами изможднть тело, долго однакож оставался с прежнею крепостию. Рассказывают, например, что раз на то место, где Моисей любомудрствовал один, сделали набег разбойники, и что он всех их переловил и связал. Несмотря на то, что разбойников было четыре человека, – он взвалил их себе на плечи и, принесши в церковь, поручил товарищам своего монашества произнесть им приговор, так как сам принял за правило никому не делать сам зла. И действительно, говорят, никому не случалось сделать столь разительного перехода от зла к добру, как ему; так что он достиг высоты монашеского любомудрия, внушал демонам страх и ужас и сделался пресвитером скитских монахов. Быв таким мужем, Моисей оставил много отличных учеников и, дожив до осьмидесяти пятилетней старости, скончался. В то же царствование жили – Павел, Пахон, Стефан да Моисей – оба Ливийцы, и Египтянин Пиор. Павел жил на Ферме; а Ферма была египетская гора, служившая убежищем не меньше, как пятидесяти подвижникам. Там он ничего не делал и ничего ни от кого не брал, кроме пищи, а только молился и ежедневно, как бы какую дань, возносил Богу триста молитв. Опасаясь же незаметно ошибиться в счете, он клал за пазуху триста камешков и при каждой молитве выбрасывал один из них. Когда камней больше не оставалось, то явно было, что принесенные молитвы равночисленны камням. Тогда же в Египте славился и Пахон. Он с юности до старости вел жизнь пустынническую, и ни телесное здравие, ни душевная страсть, ни демон не заставали его слабым в воздержании от тех вещей, от которых любомумудрствователь должен воздерживаться. Стефан же имел жительство у Мареотского озера не далеко от Мармарики. Проходя путь строгого и совершенного подвижничества в продолжение шестидесяти лет, он сделался монахом знаменитым и пользовался дружбою Антония Великого, был кроток и весьма мудр, в беседах приятен и полезен, имел способность услаждать души скорбящих и располагать их к радости, хотя бы они подавляемы были скорбию необходимою. Таков был он и в собственных несчастиях. В самом деле, страдая тяжкою и неисцелимою болезнию и испорченные члены

своего тела позволив резать врачам своим, он руками плел финиковые листья, а присутствующим советовал не скорбеть при взгляде на его страдания и думать только о том, что все, творимое Богом, достигает непременно благой цели, что следовательно испытывание таких страданий принесет ему пользу, и что, может быть, посылается по грехам, за которые принять наказание лучше здесь, чем после этой жизни. Моисей, по преданию, очень славился кротостию, любовию и исцелениями страданий, совершенными молитвою. А Пиор, с юности решившись посвятить себя любомудрию, вышел для сего из отеческого дома и дал обет Богу не видеть никого из родственников. Но чрез пятьдесят лет, сестра его узнала, что он жив и, быв поражена чрезмерною радостию от этой неожиданной вести, не могла утерпеть, чтобы не повидаться с своим братом. Видя ее на старости скорбящею об этом и внимая усильному ее прошению, тамошний епископ сжалился над нею и написал предстоятелям пустинных монахов, чтобы они прислали Пиора. Получив повеление идти, Пиор не мог противоречить; потому что египетским монахам, да вероятно и другим, не позволялось не слушаться приказаний. Итак, взяв себе сопутника, он отправился на родину и, остановившись пред родительским домом, дал знать о своем прибытии. Потом, услышав стук дверей, зажмурил глаза и, назвав сестру по имени, сказал ей: я твой брат, Пиор; смотри на меня, сколько хочешь. Она, обрадовавшись, принесла Богу благодарение; а он, помолившись у дверей, возвратился в место своего жительства. Там, выкопав колодезь, Пиор нашел в нем горькую воду и пользовался ею до самой смерти. Великость его воздержания открылась в последующее время; ибо когда он умер, в том самом месте многим хотелось любомудрствовать, но никто не мог перенести этого. Впрочем, я уверен, что если бы Пиор не решился таким образом любомудрствовать, не трудно было бы ему ту воду изменить в напиток сладкий; ибо он же сделал, что вода открылась там, где ее не было. В самом деле, рассказывают, что сподвижники Моисея, копавшие тот колодезь, уже готовы были отказаться от своего труда, потому что не находили ни чаемого родника, ни воды во глубине

колодезя. Но около полудня пришел к ним Пиор и сперва приветствовал их, а потом укорив за неверие и малодушие, сошел в выкопанную яму, помолился, и – едва три раза ударил землю киркою, вода тотчас потекла и наполнила яму. Когда же Пиор с молитвою пошел прочь, а сподвижники Моисея стали просить его вкусить с ними пищи; то он не послушался их и сказал, что не для того послан и что то, для чего приходил, совершилось.

Глава 30

О скитских монахах: Оригене, Дидиме, Кронионе, Орсисие, Путувастие, Аренсионе, Аммоне, Евсевие, и братиях Диоскора, называемых Длинными, также о философе Евгарие.

В то же время в скитских монастырях славились еще: старец Ориген, остальной ученик Антония Великого, Дидим, Кронион, доживший уже до ста десяти лет, Арисий Великий, Путувастий, Арсион и Серапион, – современники антония Великого. Состаревшись в любомудрии, они тогда были предстоятелями тамошних монастырей, а с ними достигали известности многие прекрасные и доблестные мужи возраста более юного и среднего, например, Аммоний, Евсевий и Диоскор, которые были братьями и, по росту, получили название Длинных. Говорят, что этот Аммоний достиг высоты любомудрия, мужественно побеждал удовольствие и самоугождение и был весьма учен, так что перечитал сочинения Оригена, Дидима и других духовных писателей, и от юности до кончины не вкушал ничего бывшего на огне, кроме хлеба. Однажды хотели взять его и рукоположить в епископа; но он, сколько ни отковаривался, не могши убедить пришедших, чтобы они удалились, отрезал себе ухо и сказал: ступайте; теперь уже, если бы я и хотел, церковный закон не позволил бы рукоположить меня; ибо иерею надлежит быть без телесных недостатков. Пришедшие удалились; но потом, вздумав, что этот закон надобно соблюдать только Иудеям, христианская же Церковь нисколько не заботится о теле, был бы только иерей без недостатков нравственных, – возвратились, с намерением взять этого мужа. Но он поклялся, что отрежет себе язык, если употреблено будет насилие. Тогда, испугавшись угрозы, они удалились. с того времени Аммония прозвали безухим. Не много спустя после этого царствования, в дружбе с Аммонием находился мудрый Евагрий, муж ученейший, сильный умом и

словом и особенно способный различать мысли, ведущие к добродетели и пороку, и располагаться так, чтобы первые развивать, а последних остерегаться. Впрочем, каков он был в ученом отношении, покажут оставленные им сочинения. Нрав его отличался, говорят, умеренностию и обнаруживал столь мало тщеславия и гордости, что, как заслуженные похвалы не надмевали его, так и незаслуженные укоризны не возбуждали в нем огорчения. Евагрий родился в городе Ивире, лежавшем у так называемого Понта эвксинского, а любомудрствовал и учился священному Писанию у назианзенского епископа Григория, при котором, в бытность его предстоятелем константинопольской Церкви, служил архидиаконом. Лицом был он приятен и любил изящно одеваться. Некто из вельмож, заметив его знакомство с своею женою, воспламенился ревностию и задумал убить его. Когда умысел готовились уже привесть в исполнение, – Бог послал ему во время сна странное и вместе спасительное сновидение. Казалось, будто он захвачен был в преступлении и будто руки и ноги его закованы в железы. Вот уже хотят вести его в суд и подвергнуть казни. Тут некто, подошедши, показал ему святую книгу Евангелий и, обещавшись избавить его от уз, если только он выйдет из города, потребовал от него клятвы, что сделает это. Евагрий, прикоснувшись к книге, поклялся в решимости поступить по требованию и, освобожденный от оков, тотчас проснулся и, веря божественному сновидению, избег опасности. Задумав вступить в подвижническую жизнь, он из Константинополя перешел в Иерусалим, и чрез несколько времени прибыв посмотреть на скитских любомудрствователей, заблагорассудил там остаться.

Глава 31

О нитрийских и так называемых келлийских монастырях; также о жительстве Ринокуруров, о Мелане, Дионисие и Солоне.

То место называют Нитриею, потому что в этом пограничном селении собирают селитру. Там находилось не малое число любомудрствователей; ибо было до пятидесяти смежных один с другим монастырей, частию общежительных, частию келейных. Оттуда, по направлению в глубину пустыни, есть и другое место в расстоянии почти семидесяти стадий, называемое Келлиа. Там рассеяно множество монашеских жилищ, получивших имя того урочища. Они столь удалены одно от другого, что жители их не могут ни видеть, ни слышать друг друга; впрочем все сходятся в одно место и делают церковные собрания в первый и последний день недели. А кто из них не пришел, – значило, что он отсутствует не по своей воле, но задержан либо недугом каким-нибудь, либо болезнию. И навестить его для врачевания идут не все вдруг, но в разные времена каждый, и каждый несет с собою, что имеет против его болезни. Независимо же от этой причины, они не беседуют один с другим, разве иной приходит к благоглаголивому брату с намерением поучиться, то есть, – для наставлений касательно познания Бога и пользы душевной. Живут по кельям однакож только достигшие высоты любомудрия, могущие управлять самими собою и проводить время в уединении, отделившись от других, ради тишины. Все это о ските и тамошних любомудрствователях сказали мы кратко; потому что если бы я взялся описывать подробности их жизни, то читатели, может быть, стали бы порицать это сочинение за его растянутость, Следуя своему особенному уставу жительства, упомянутые любомудрствователи для каждого возраста назначали приличные ему дела, занятия и упражнения, род пищи и время. С тех дней стала славиться и Ринокуруса – не пришлыми, а туземными доблестными мужами. Из распросов известно мне,

что отличными тамошними любомудрствователями были: Мелан, тогдашний правитель Церкви, Дионисий, имевший свою обитель в северной части города, Солон брат Мелана и преемник его епископства. Рассказывают, что когда вышло повеление изгонять всех по городам иереев, мысливших несогласно с Арием, – пришедшие взять Мелана нашли его, будто последнего слугу, за деланием церковных свечей, подпоясанного по плащу загрязнившимся от масла поясом и несшего светильни. На вопрос их о епископе, Мелан сказал: он здесь, я вам укажу его, – и тотчас этих мужей, как утомившихся от пути, ввел в епископские комнаты, предложил им трапезу и какую случилось пущу. А после стола, вымыв им руки, – ибо сам служил при столе, – показал им в себе епископа. Пришельцы изумились и, хотя признались, зачем пришли, однакож, уважая этого мужа, оставили ему свободу бежать. Но он сказал, что и не думает устраняться от участи единомышленных с ним иереев и ихотно избирает отшествие в ссылку. Любомудрствуя с юности, Мелан стяжал всякую монашескую добродетель. Да и Солон, из купца сделавшись монахом, получил себе от того не малую пользу. Старательно учась у своего наставника – брата и других там любомудрствовавших, он и к богопочтению обнаруживал особенную ревность, и к ближним показывал доброту. Имев с самого начала таких предстоятелей, рипокурурская Церковь с того времени процветает до ныне и, следуя даже теперь прежним уставам, образует в себе мужей доблестных. У тамошних клириков и жилище, и стол, и все прочее – общее.

Глава 32

О монахах палестинских – Исихе и Епивание, который впоследствии был кипрским епископом, также об Аммоние и Сильване.

Жилищами мужей монашествующих процветала и Палестина; ибо монашество украшалось там частию многими еще из тех, которые перечислены мною при описании царствования Констанциева, частию лицами, под их руководством достигшими высоты добродетели и для большей славы вступившими в тамошние обители. К ним относились – Исиха, друг Илариона, и Епифаний, впоследствии бывший саламинским епископом в Кипре. Исиха любомудрствовал там же, где и его учитель, а Епифаний – близ своей родины, селения Визандухи, находившегося в номе элевферопольской. С юности наставленный опытнейшими монахами, и для того весьма долго живший в Египте, Епифаний, по монашескому любомудрию, приобрел знаменитость и у Египтян, и у Палестинцев, и у Кипрян, которые избрали его в епископа митрополии свого острова. Чрез это то особенно, думаю, слава о нем распространилась во всей, так сказать, подсолнечной; ибо и священнодействуя среди народного собрания, в большом и приморском городе, и с такою добродетелию входя в дела гражданские, он в короткое время стал известен и горожанам, и различным иностранцам: первым потому, что они видели его и узнавали образ его жизни, а последним потому, что ни слышали о нем от первых. Прежде же своего прибытия на остров Кипр, в упомянутое царствование жил он еще в Палестине, когда в тамошних обителях весьма славились братья – Саламиний, Фускон, Малахион и Криспион. Они любомудрствовали близ селения Вефилии, находившегося в газской номе, и причислялись к благородному тамошнему сословию, а учились этому любомудрию у Илариона. Рассказывают, что однажды, когда они шли от него домой, Малахион как бы исторгнут был из среды их и стал невидимым, потом нечаянно снова явился и

шел вместе с братьями. Вскоре после сего, быв еще юношею, но в любомудрии добродетелию жизни и боголюбивостию не отставая от старцев, он скончался. В расстоянии стадий десяти от Вефилии, близ газского селения Хафарховры, места своей родины, жил Антоний, муж жизни строгой, мужественно совершавший поприще подвижничества. Сильван же, которому, за великие его добродетели, говорят, видимо служил Ангел, быв родом из Палестины, тогда любомудрствовал, кажется, еще в Египте, а после, прожив несколько времени на горе Синае, в Герарах, у источника, основал обширнейшую и знаменитейшую общежительную обитель весьма многих мужей доблестных, которую потом управлял дивный Захарий.

Глава 33

О сирских монахах, – Ватфее, Евсевие, Варгие, Але, Авосе, Лазире, Авдалеосе, Зиноне, Илиодоре, Евсевие карском, Протогене и Аоне.

Отсюда надобно идти в Сирию и к сопредельным с Сирийцами Персам, между которыми, соревнуя любомудрствователям египетским, иноки весьма размножились. Между ними у Низибийцев, близ так называемой горы Сигор, тогда особенно славились Ватфей, Евсеви, Варгий, Ала, Аввос, Лазарь, бывший епископом, Авдалеос, Зинон и старец Илиодор. Их называли также пасущимися, ибо они положили начало этому новому роду любомудрия. Такое название дано им потому, что они не имеют жилищ, не едят хлеба и вареной пищи, и не пьют вина, но, живя в горах, всегда славословят Бога молитвами и песнями по уставу Церкви. Когда же наступает время вкусить пищу, – каждый из них, взяв серп, отправляется бродить по горе, будто пасущееся животное, и питается растениями. Так то любомудрствовали некоторые из них. Между тем в Карре славился Евсевий, на престоле епископском по охоте занимавшийся также любомудрием, и Протоген, управлявший карскою Церковию после тамошнего епископа Вита, – того знаменитого Вита, которого в первый раз встретив царь Константин, говорят, признался, что этого мужа давно уже и неоднократно Бог показывал ему в видениях и повелевал повиноваться словам его. Равным образом и Аон имел у себя обитель в Фадане, где потомок Авраамов – Иаков, пришедши из Палестины, встретился с девою, которая потом была его женою, и сняв камень с колодезя, в первый раз напоил ее стадо. Говорят, что этот Аон в Сирии, подобно Антонию в Египте, прежде всех людей положил начало строгому любомудрию.

Глава 34

Об эдесских монахах – Юлиане, Ефреме сирском, Варсие, Евлогие; также о монахах келесирийских, галатийских, каппадокийских и других, и о причине долголетия прежних святых.

Вместе с ним жили и в такой же добродетели соревновали ему Гаддана и Азиз. А в соседней Эдессе и окрестностях ее, около этого времени, знаменитейшими любомудрствователями были – Юлиан и сирский писатель Ефрем, упомянутый нами при описании царствования Констанциева, также Варсий и Евлогий, оба впоследствии бывшие епископами не какого-нибудь города, но ради чести и как бы в вознаграждение за жизнь, рукоположенные в собственных своих монастырях. Точно таким же образом поставлен был в епископа и упомянутый Лазарь. Эти то из числа тогдашних знаменитых любомудрствователей в Сирии и пограничной с нею Персии сделались известны нам. Правила жительства у всех их были, так сказать, общими: сколько можно более пещись о душе; посредством молитв, постов и священных песнопений приучать ее к готовности оставить здешние блага и в этом проводить большую часть жизни; а деньги, занятие житейскими делами, негу тела и попечение о нем пренебрегать совершенно. Некоторые из подвижников достигли до такой степени воздержания, что, например, у Ватфея от неядения из зубов выползали черви, Ала до семидесяти лет не вкушал хлеба, а Илиодор по целым неделям соблюдал пост и многие ночи проводил без сна. Сирия же, или так называемая Кела, и страна за нею, кроме Антиохии, хотя медленнее принимали Христианство, однако не оставались также без духовных любомудрствователей. И эти мужи были и казались тем мужественнее, чем больше испытывали ненависти и козней от тамошних жителей: они великодушно противодействовали им, не защищаясь и не отмщая за себя, но с готовностию перенося оскорбления и

побои со стороны язычников. Таковы были, как я слышал, – Валентин, которого одни почитают уроженцем Эмиссы, а другие – Арефузы, еще соименник его и Феодул, – оба из Титтов, номы анамейской, также Мароза, из Нехилов, Васс, Вассоний и Павел, который, происходя из селения Телмисы, во многих местах основал много общежительных монастырей, и, как следовало, руководил их к уразумению любомудрия, а наконец в стране так называемой Югите устроил величайшую и знаменитейшую общину монахов. Там он и скончался, там и гроб его – предел жизни долговременной; ибо Павел, следуя славному и святому способу любомудрия, дожил до нашего времени. Впрочем и другие из упомянутых монахов почти все жили долго. И мне кажется, что этим мужам Бог даровал долголетие, желая чрез то распространить веру; ибо к своему богопочтению они привели почти всех Сирийцев и весьма многих из Персов и Сарацинов, так что успехи язычества у этих народов остановились. Притом, положив в тех странах начало монашескому любомудрию, они образовали не мало подобных себе подвижников. Я полагаю, что и Талатийцы, и Каппадокияне, и пограничные с ними народы имели также много других церковных любомудрствователей, ибо издавна ревностно держались христианского учения. Большая часть их жили общинами по городам и селениям, – во-первых от того, что еще не освоились с преданием предков, во-вторых от того, что в случае холодной зимы, которая, по свойству тамошней местности, бывает не редко, жить в пустыне казалось им делом невозможным. Славшейшими монахами, как я слышал, был там – Леонтий, впоследствии управлявший анкирскою церковию, и Прапидий, который уже в старости епископствовал над многими селениями и под своим начальством имел также Василиаду, то есть, знаменитый странноприимный дом для бедных, построенные кесарийским епископом Василием, от которого он с самого начала получил и до ныне удерживает свое название.

Глава 35

О деревянном треножнике и о преемстве царя, дознаваемом посредством складывания букв; также об убийстве философов и об астрономии.

О церковных любомудрствователях, сколько мне досталось узнать, я рассказал: а любомудрствователи языческие в то время почти все погибли; ибо некоторые из них, в любомудрии имевшие, по-видимому, преимущество пред другими и взиравшие с досадою на возрастание Христианства, вздумали предузнавать, кто после Валента будет царствовать над Римлянами, и касательно этого обращались к разным оракулам, а наконец, сделав из лаврового дерева треножник, произносили заклинания и обычные себе слова, так чтобы из сложения букв, соответствующих каждому звуку, который производился искусством треножника и оракулом, выходило имя будущего царя. Поколику желания их склонялись к Феодору, находившемуся тогда в числе знаменитых воителей при дворе, – к язычнику, впрочем мужу отличному; то порядок звуков, доходивший до дельты этого имени, обманул философов. Между тем как они ждали, что вот скоро воцарится Феодор, о желании их было донесено, – и Валент, подумав, будто злоумышляют против его благополучия, неудержимо воспламенился гневом. Тотчас взяты были – и Феодор, и делатели треножника, и одним из них назначено погибнуть от огня, а другим от меча. Почти по этой же причине знаменитые философы истреблены и во всей империи. Так как гнев царя был неудержим, то убийство распространялось и не на философов, если они носили философскую одежду, до того, что и занимавшиеся другим делом, избегая опасности и боясь, как бы не подумали, что они занимаются провещаниями и тайными науками, отнюдь не одевались в палевые плащи. Между тем люди здравомыслящие, по моему мнению, справедливо порицали столько же царя – за чрезмерность его гнева и

жестокости, сколько и философов – за безрассудство и не философское предприятие. Царь, приняв намерение умертвить своего преемника престола, не пощадил ни прорицателей, ни того, о ком они провещавали, не пощадил даже и лиц соименных ему. В числе же людей, носивших это и подобные этому названия, тождезвучные с до , были тогда мужи знаменитые. А философы, приступив к упомянутому делу, не подумали, что не в их власти одного царя низложить, а другого возвести на престол. И действительно, положив, что преемство царей открываемо было движением звезд, – в таком случае надлежало ждать будущего, кто бы он ни был. А если это есть дело воли Божией, то к чему те хлопоты? Предведением или старанием человеческим уразуметь судьбы Божии никак невозможно, – да и хотя бы и возможно, – все дерзко думать, что люди, пусть даже самые мудрые, судят лучше Бога. Когда же до такой безрассудности дошли они просто из желания знать будущее, то, бросаясь в открытую пропасть и презирая древние, данные Римлянам законы, тогда как язычествовать и приносить жертвы не было опасности, мыслили неодинаково с Сократом, который, имея возможность спастись и в то же время собираясь выпить несправедливо подносимый себе яд, по уважению лежавшим на нем и воспитавшим его законам, хотя и мог, не убежал из темницы.

Глава 36

О вооружении против Сарматов и о смерти Валентиниана в Галлии. Провозглашение Валентиниана Младшего. О гонении на иереев и о речи философа Фемистия, действием которой Валент сделался человеколюбивее к несогласовавшимся с собою Христианам.

Но об этом пусть всякий рассуждает и говорит, как ему кажется. Потом на некоторые места империи сделали набег Сарматы, и Валентиниан должен был идти на них войною. Услышав однакож о приготовлении и многочисленности римского войска, это варварское племя прислало послов и стало просить мира. Видя их, царь спросил: неужели Сарматы все таковы? – и когда они отвечали, что находящиеся на лицо и составляющие посольство суть благороднейшие из них, то он исполнился гнева и с громким криком сказал: как бедственно положение наших подданных и как несчастно в глазах наших римское правительство, если и варварский народ, Сарматы, из которых эти носят титулы благородных, не довольствуясь жизнию в пределах своей страны, дерзнули сделать набег на управляемую мною империю и даже мечтают воевать с Римлянами! Долго пламенея гневом и таким образом крича, он от чрезмерного напряжения, привел свою внутренность в такое сотрясение, что жилы и артерии в нем изорвались, и из них полилась кровь, от чего в одной гальской крепости он скончался, прожив около пятидесяти четырех лет, а процарствовав с особенно великою славою тринадцать. В шестой день по кончине отца, войско провозгласило царем юнейшего и соименного ему сына; а вскоре это избрание подтверждено было также мнением Валента и брата его Грациана, хотя сначала они досадовали, что знаки царской власти возложены на него войском без их согласия. В это время Валент, живя в Антиохии сирийской, еще более негодовал на

Христиан, несогласовавшихся с ним в мнениях о Боге, жестоко притестял их и преследовал. Но философ Фемистий, произнесши пред ним речь, доказал ему, что разногласию церковных учений удивляться не должно, что оно умереннее и слабее, чем у язычников, которых мнения разнообразны, и что при множестве догматов, несогласие касательно их необходимо производить также много споров и ссор. Сверх того, может быть и Богу угодно, чтобы Его не легко познавали и имели о Нем разные мнения, чтобы, сознавая недоступность совершенного ведения о Боге, каждый тем более боялся Его, и из того, сколь далеко кому удалось взойти, заключал сам собою, каков Бог и сколь велик Он.

Глава 37

О Варварах за Истром, что изгнанные Гуннами, они пришли к Римлянам и сделались Христианами; также об Ульфиле и Афанарихе, что случилось с ними, и о том, откуда они заимствовали арианство.

После таких слов Фемистия царь сделался как то человеколюбивее и не с прежнею жестокостию подвергал православных наказаниям. Впрочем гнев его не совсем бы пощадил по крайней мере духовных, если бы привзошедшее попечение о делах общественных не отвлекло его от занятий этого рода. Готфы, обитали прежде за рекою Истром и владычествовали над другими варварами. Но быв изгнаны так называемыми Гуннами, они подошли к пределам римской империи. Народ Гунны, говорят, не были известны ни прежним приистрийским Фракийцвам, ни самим Готфам. Сходясь своими границами, они не знали один другого потому, что между ними лежало величайшее озеро и что каждый, населяя свой берег, почитал его концом земли, за которым уже – море и беспредельное пространство вод. Но случилось, что один, укушенный оводом вол перешел чрез озеро и что за ним следовал пастух, который, на другой стороне увидев землю, возвестил о том своим единоплеменникам. А иные рассказывают, что дорогу, по поверхности закрытую водою, показал Гуннам олень, за которым они гнались. Подивившись стране, отличавшейся умеренностию воздуха и богатством плодов, они тогда возвратились и возвестили царю своего народа о том, что видели. Первый опыт войны их против Готфов был в малых силах, но потом, вооружившись всем своим могуществом, они разбили своих соседей и взяли всю их землю. Быв пресаледуемы, Готфы вступили в пределы римской Империи и, перешедши реку, отправили послов к Церю с обещанием, что впредь будут помогать Римлянам в войнах, и просили дозволения поселиться на их земле по желанию.

Главным лицом этого посольства был готфский епископ Ульфила. Так как все вышло согласно с их желанием, то они стали селиться по Фракии, но вскоре потом, возмутившись одни против других, разделились на две части, из которых одною управлял Афанарих, а другою – Фритигерн. Возгорелась междоусобная война, в которой Фритигерн, испытав неудачу, просил Римлян помочь себе. Когда же царь решился помогать ему и повелел стоявшим во Фракии войскам поддерживать его своим оружием, – он, снова сразившись, одержал победу и Готфов Афанариховых обратил в бегство. А чтобы отблагодарить Валента и доказать ему дружбу во всем, принял общение в его исповедании и подвластных себе Варваров убедил согласиться с ним в образе мыслей. Впрочем, не это одно, кажется, было причиною, что все помянутое племя доныне предано арианскому учению. Тогдашний готфский святитель Ульфила сперва ни в чем не разногласил с кафолическою Церковию, да и после, в царствование Констанция, хотя по неосмотрительности, думаю, и присутствовал с Евдоксием и Акакием на Соборе константинопольском, однакож в общении постоянно находился с иереями, державшимися веры отцов никейских. Но когда он прибыл в в Константинополь по случаю посольства, то предстоятели арианской ереси, рассуждая с ним о догматах, говорят, обещались ходатайствовать пред царем об успехе его дела, если он примет их образ мыслей. И тут то, побуждаемый ли необходимостию, или действительно подумав, что так мыслить о Боге лучше, Ульфила и сам вступил в общение с Арианами, и все племя отторг от кафолической Церкви; потому что наставляемые им, как учителем в благочестии, и познакомившиеся чрез него с более кроткими правилами жизни, Готфы легко верили ему во всем и были убеждены, что в его словах и делах нет ничего худого, но что все служит к пользе ревностной их веры. Он даже показал им весьма много опытов своей добродетели, – с одной стороны, подвергаясь опасностям за учение, когда упомянутые Варвары исповедовали еще веру языческую, – с другой, сделавшись для них первым изобретателем письмен и переводчиком священных книг на

отечественный язык. Итак, эта то вообще была причина, почему Варвары при Истре имели арианский образ мыслей. В то же время многие Христиане, из числа подвластных Фригитерну, умерли за Христа мученическою смертию; ибо Афанарих, досадуя, что и его подданные, под влиянием убеждений Ульфилы, принимают Христианство, и что тем самым отечественная вера их упраздняется, подверг многих различным казням, – одних, дерзавших мужественно защищать свое учение, предал на истязания, а других, не позволив им и оправдываться, прямо умертвил. Говорят, что лица, которым это приказано было от Афанариха, поставили на колесницу один истукан и возили его по домам всех, объявивших себя Христианами, повелевая поклоняться ему и приносить жертвы. И те домы, в которых отказывались совершать предписываемое поклонение, были сожигаемы вместе с людьми. Слышал я, что тогда случилось нечто, еще поразительнее этого. Многие, как мужчины, так и женщины, из которых одни вели с собою детей, а другие несли новорожденных младенцев, питая их своею грудью, когда язычники хотели заставить их силою приносить жертву, скрылись под сень тамошней церкви, и как скоро она была зажжена, все в ней сгорели. Впрочем Готфы скоро пришли к взаимному единомыслию и, возмутившись, начали злодействовать во Фракии и опустошать ее города и селения. Услышав об этом, Валент дознал опытом, сколь важную сделал он ошибку; ибо думая, что они и себе и империи будут полезны, а для неприятелей, как народ всегда вооруженный, страшны, он вознерадел о римских легионах и, вместо обыкновенного пополнения войск рекрутами по римским городам и селениям, требовал от них денег. Обманувшись в своей надежде, царь оставил Антиохию и быстро приехал в Константинополь. По этому случаю гонение на несогласовавшихся с ним Христиан остановилось. Между тем по смерти Евзоя, на его кафедру возведен был и предстоятельствовал над арианами Феодор.

Глава 38

О сарацинской царице Мавии и о том, что, при разрыве союза Сарацин с Римлянами, мир между ними восстановлен руковоложенным для сарацинских Христиан епископом Моисеем. Также об Измаильтянах, Сарацинах и их божествах, и о том, что у них введено Христианство патриархом их Зокомом.

В это самое время, по случаю смерти сарацинского царя, мирный договор Сарацин с Римлянами был расторгнут. Супруга его Мавия, вступив в управление народом, начала опустошать города Финикии и Палестины, и свои опустошения простерла до стран египетских, лежащих в так называемой Аравии, по левой стороне Нила, когда плывешь против его течения. Этой войны нельзя было почитать легкою, хотя ее вела женщина. Борьба, говорят, происходила упорная и со стороны Римлян неодолимая, так что предводитель финикийских войск должен быть звать себе на помощь главного военачальиника всей стоявшей на востоке конницы и пехоты. Этот военачальник, смеясь над его приглашением, запретил ему участвовать в битве, и, утроив войска, сам пошел на Мавию, но, обращенный в бегство, едва спасся содействием палестинских и финикийских легионов; ибо последний, видя, что он в опасности, счел делом безрассудным, согласно с его повелением, оставаться вне сражения, но поспешно противостав Варварам, дал ему время уйти с большею безопасностию, сам же потом начал отступать и, при отступлении отстреливаясь, своими стрелами отражал нападавших неприятелей. Многие из тамошних жителей и до ныне вспоминают об этом. А Сарацины то сражение воспевают в песнях. Такая тяжелая война заставила Римлян отправить к Мавии посольство с предложением мира. Но Мавия, говорят,

отвечала послам, что она, напротив, совершенно откажется от мирных договоров с Римлянами, если для ее подданных не будет рукоположен в епископа некто Моисей, любомудрствовавший тогда в ближайшей пустыне, – муж, прославившийся святостию жизни, божественными знамениями и чудесами. Обратившись к царю и известив его об этом, воеводы взяли Моисея и привели его к Лукию. Но Моисей, в присутствии начальства и стекшегося народа, сказал: я не могу достойно носить имя и сан Архиерея. Если же Богу угодно даровать мне это и несмотря на мое недостоинство, то все однако свидетельствуюся Творцом неба и земли, что своих рук, обагренных кровию и осквернённых убийством святых мужей, ты на меня не возложишь. На это Лукий возразил ему: ты поступаешь несправедливо, отвращаясь от меня, когда еще не знаешь моей веры и прежде чем научился ей. А если узнал ее от клеветников, то послушая лучше меня самого, и будь судиею слов моих. Но твоя вера кажется мне слишком ясною, отвечал Моисей. Свидетели того, какова она, суть епископы, пресвитеры и диаконы, страдающие в изгнании и рудокопнях. Такие признаки богопочтения, знаешь, вовсе чужды Христа и людей, православящих Бога. Когда эти слова Моисей запечатлел клятвою, что от руки Лукиевой священства не примет, то римские правители, отвергнув Лукия, повели Моисея к епископам, находившимся в ссылке. Руковоложенный ими, он возвратился к Сарацинам и, примерив их с Римлянами, остался у них священнодействовать и многих обратил в Христианство. А прежде исповедников Христианства находилось там очень мало; ибо это племя происходило от сына Авраамова Измаила и получило его имя. Древних Сарацинов, по прародителю их, действительно называли Измаильтянами; но чтобы изгладить улику незаконного рождения и неблагородство матери Измаиловой Агари, которая была рабынею, Измаильтяне стали называться Сарацинами, как будто бы, то есть, они произошли от жены Авраамовой Сарры. Имея такое происхождение, все они, подобно Евреям, обрезываются, воздерживаются от свиного мяса и соблюдают много других еврейских обычаев. А что в жизни управляются не все теми же законами, – это

надобно приписать времени и смешению их с пограничными племенами; ибо Моисей, живший спустя после того много времени, дал законы только вышедшим из Египта. Между тем пограничные с ними народы, быв сильно преданы заблуждениям, вероятно, исказили отечественный образ жизни Измаиловой, которым древние Евреи до Моисеева законодательства пользовались одним, как законом не писанным. В самом деле, Сарацины чтили одних и тех же с соседями богов, одни и те же воздавали им почести и усвояли названия. В этом сходстве их веры с соседнею открывается причина изменения законов их отечества. Очень могло быть, что, по прошествии долгого времени, одно забыли они, а другое ввели у себя. Но потом некоторые из них, встретившись с Иудеями, узнали о своем происхождении и, возвратившись к сродному себе, приняли еврейские обычаи и законы. С того времени многие между ними и до ныне живут по-иудейски, а некоторые, не задолго до настоящего царствования, начали христианствовать и Христову веру приняли чрез обращение с обитавшими вблизи иереями и монахами, которые, любомудрствуя в прилежащих к той стране пустынях, славились доблестию жизни и чудодействиями. Рассказывают, что тогда обратилось к Христианству даже все их племя и именно по случаю крещения патриарха их Зокома. Быв бездетен и привлекаясь славою одного монаха, он пришел побеседовать с ним и стал жаловаться ему на свою участь; потому что у Сарацинов, да кажется и у всех Варваров, чадородие весьма уважалось. Монах, убедив его сохранять присутствие духа, помолился и, прощаясь с ним, сказал ему, что он будет иметь сына, если уверует во Христа. Это обещание Бог оправдал самым делом: у Зокома родился сын, – и он, приняв крещение сам, крестил и всех своих единоплеменников. С того времени это племя, говорят, начало благоденствовать и, размножившись, сделалось страшным для Персов и прочих Сарацинов. Вот все, что узнали мы об обращении Сарацинов в Христианство и о первом епископе их.

Глава 39

О том, что, по удалении Лукия, Петр возвратился из Рима и стал управлять египетскими церквами; также о походе Валента на запад против Скифов.

По городам ревнители учения никейского Собора снова начали воодушевляться, особенно же сделались мужественными египетские Александрийцы. По возвращении Петра из Рима с грамотою Дамаса, подтверждавшего его рукоположение и никейский символ, они отдали ему церкви; а изгнанный Лукий поплыл в Константинополь. Впрочем царь Валент, вероятно, развлекаемый заботами, не нашел времени отмстить за него, потому что, прибыв в Константинополь, заметил в народе сильное к себе подозрение и ненависть: причина была та, что Варвары, опустошив Фракию, проникли до самых предместий столицы и не встречая отпора, решались уже лезть на стену. Это раздражало жителей города, и вина падала на царя, что он не выступает, но откладывает войну. Притом полагали, что царь то и привел неприятелей, а наконец, когда дано было зренище в ипподроме, стали явно кричать, что он незаботится об общем деле, и требовали оружия, говоря, что сами пойдут сражаться. Разгневанный этим, Валент вооружился против Варваров, но вместе грозил и народу, что по возвращении накажет его как за настоящее оскорбление, так и за прежнюю преданность тирану Прокопию.

Глава 40

О святом монахе Исаакие, предсказавшем смерть Валента и о том, что Валент, убегая с поля битвы, спрятался в солому и там сгорел.

Когда Валент выступил из Константинополя, то один монах Исаакий, муж и по всему доблестный, а особенно неустрашимый в деле Божием, подошедши к нему, сказал: царь! отдай православным, сохраняющим предание отцов никейских, отнятые у них церкви, – и ты победишь врага. Но Валент, разгневавшись, приказал взять его и держать в узах, пока сам не возвратится и не накажет дерзкого. Не отдав церквей, государь, ты не возвратишься, – отвечал на это Исаакий. Так и случилось. Когда царь вышел с войском, то Готфы начали отступать. Преследуя их, он прошел уже Фракию и прибыл в Адрианополь. Но, находясь невдалеке от Варваров, которые стояли лагерем в безопасном месте, и не составив плана, где и как расположить войско, слишком поспешил битвою. Поэтому конница его тотчас была рассеяна, а пехота обращена в бегство, сам же он, в сопровождении немногих воинов, быв преследуем неприятелями, на бегу соскочил с лошади, и вошедши в какую-то хижину или башню, спрятался в ней. Варвары гнались за ним, с намерением умертвить его, но находясь вблизи, проскакали мимо, ибо не подозревали, что он там скрывался. Когда уже большая часть их миновала это место и проезжали только не многие отсталые, то некоторые из бывших с царем воинов начали стрелять в этих проезжавших. А они тотчас закричали: здесь Валент. Услышав это, скакавшие вблизи, сами завопили и своим воплем дали знать как передним, так и задним о том, что слышали. Таким образом в короткое время услышали и самые дальние неприятели, и все стеклись в одно место. Окружив хижину и разложив около ее множество горючих веществ, они все это зажгли. Пламень, раздуваемый случившимся тогда сильным ветром, мгновенно

обхватил весь материал, а потом, сообщившись всему, что находилось в хижине, истребил и царя и бывших с ним. Валент умер, имея от роду около пятидесяти лет. Царствовал же он с братом тридцать лет, да после него три года.

Конец шестой книги церковной истории.

Примечания:

Книга седьмая

Глава 1

О том, что Римлянам, теснимым от Варваров, подана помощь Мавиею, что к одержанию победы содействовали некоторые из народа и что Грациан повелел веровать, как кто хочет.

Так то случилось умереть Валенту. После сего Варвары, надменные победою, опустошали всю Фракию и наконец сделали набег на предместие Константинополя. В столь бедственных обстоятельствах Римлянам принесли великую пользу не многие из союзных с ними Сарацин, присланных Мавиею, и весьма многие из народа; ибо как скоро супруга валента, Доминика, выдала им из государственной казны условленное жалованье, они, вооружившись, как кому случилось, выступили на встречу врагам и, противустав им, отогнали их далеко от города. Между тем Грациан, вместе с своим братом управлявший всею римскою Империею, не одобряя дяли за его нерасположение к разномыслившим с ним Христианам, позволил возвратиться в отечество всем, которые при нем за веру осуждены были на изгнание, и дал закон, чтобы все, кроме маниеев и последователей Фотина и Евномия, безбоязненно веровали, как хотят, и делали церковные собрания.

Глава 2

О том, что Грациан в соправители себе избрал Феодосия, родом Испанца, и что востоком, за исключением Иерусалима, владели ариане; также о Соборе антиохийском, и о состоянии тогдашнего предстоятельства в Церквах.

Размыслив, что необходимо отражать варваров, которые, жавя около Дуная, нарушали спокойствие Иллирии и Фракии, и в то же время присутствовать в областях западных, – особенно потому, что тамошниих жителей разоряли алеманы, Грациан, в бытность свою в Сирмии, сделал участником в правлении Феодосия, родившегося в Иберии и жившего около пиринейских гор, – человека, знаменитого по своим предкам и часто отличавшегося в войнах, так что, и прежде воцарения, он, по суду подданных, почитался способным к царствованию. В то время восточными Церквами, за исключением иерусалима, владели еще единомышленники Ария; а македониане, и особенно те, которые жили в Константинополе, после договора с Ливерием, не многим чем отличались от Христиан, следовавших учению отцов никейских, так что по городам смешивались с ними, как с единомыслящими, и находились во взаимном общении. Но после изданного Грацианом закона некоторые из епископов этой ереси, возымев смелость, завладели церквами, которых лишились при Валенте, и собравшись в Антиохии карийской, определили, что должно называть Сына не единосущным, а подобосущным Отцу, как называли Его прежде. Поэтому одни отделились и стали собираться особо; а другие, сделавшись такое определение осудив за сопротивление и любовь к спорам, отступили от них и в учении еще тверже соединились с теми, которые следовали постановлениям никейского Собора. Впрочем из епископов, в то время, по закону Грациана возвратившихся из ссылки, которой подверглись в царствование Валента, иные нисколько не

заботились о предстоятельстве, но, предпочитая согласие народа, просили епископов Ариевой ереси не удаляться и несогласием не рассекать Церкви, которую Бог и апостолы предали единою, а любовь к спорам и к предстоятельству разделила на многие. Таких мыслей был и Евлалий, епископ города Амасии, что в Понте. Возвратившись из ссылки, он, говорят, нашел свою церковь под предстоятельством одного из арианских епископов, у которого впрочем в городе не было и пятидесяти человек последователей. Заботясь о соединении всех, Евлалий предложил ему первенствовать и сообща управлять Церковию – с тем, что, в награду за согласие, он будет иметь предстоятельство. Но тот не согласился, только не долго однакож начальствовал и над теми не многими, которые у него были, потому что и они соединились с прочими.

Глава 3

О делах святого Мелетия и Равлина, епископов антиохийских, и о клятве, данной относительно епископского престола.

В то же время, вследствие известного закона, в антиохию сирскую возвратился Мелетий, и от этого в народе возникло сильное смятение. Тогда жив еще был Павлин, которого, как мы видели, царь Валент, из уважения к его благочестию, не посмел отправить в ссылку. Посему некоторые хотели, чтобы мелетий занимал епископский престол вместе с ним. Но приверженцы Павлина этому воспротивились, осуждая хиротонию Мелетия, как совершенную арианскими епископами. Однакож преданные Мелетию насильно привели в исполнение то, чего домогались. Будучи довольно многочисленны, они в одной из загородных церквей возвели его на епископский престол. Но между тем как народ той и другой стороны волновался, и надлежало ожидать возмущения, вдруг один необыкновенный совет одержал верх и привел всех к согласию. Положено было – от людей, которые почитались способными, или надеялись занять тамошний епископский престол (а таких было пять человек, кроме Флавиана), взять клятву, что они не старут домогаться и, даже если избрание падет на них, не примут епископства, пока Павлин или Мелетий будут живы, но, по смерти которого-либо из них, дозволят другому одному удержать за собою престол. Когда в этом дана была клятва, то почти весь народ согласился: противились только не многие из люцифериан; потому что мелетий был рукоположен не православными. После сих происшествий Мелетий отправился в Константинополь, где в то время были и другие епископы, считавшие необходимым переместить туда Григория из Назианза и поручить ему тамошнюю епископию.

Глава 4

О царствовании Феодосия Великого, и о том, как он от Асхолия, епископа солунского, принял святое крещение, и что писал к тем, которые веруют не по определению Собора никейского.

Около этого времени, так как на западе алеманы тревожили еще жителей Галлии, – Грациан возвратился в отцовскую часть империи, которую оставил в управление себе и своему брату, а Иллирию и на востоке подвластные области поручил Феодосию. Военные дела окончились по желанию – и у него против Алеманов, и у Феодосия против Варваров, живущих по Дунаю. Феодосий одних победил в сражении, других, искавших дружбы Римлян, принял в союзники и, взяв от них заложников, прибыл в Солун. Здесь он заболел, но быв наставлен в таинственном учении здешним епископом Асхолием, принял крещение и выздоровел. Так как Феодосий происходил от христианских родителей, следовавших постановлениям никейского Собора, то очень тогда обрадовался асхолию, который держался тех же постановлений, славился добрыми делами и, кратко сказать, был украшен всеми добродетелями священства. Обрадовался он и тому, что Иллирийцы вообще не разделяли Ариевых мыслей. Расспрашивая о других народах, он узнал, что до Македонии все Церкви единомышленны, что Бога-Слово и Святого Духа чтут они наравне с Отцом; а области, находящиеся отсюда на воток, волнуются, так что народ разделяется на различные ереси, и особенно в Константинополе. Рассудив, что лучше предварительно объявить свои мысли о Боге, дабы неожиданное повеление веровать вопреки убеждению не показалось насилием, он из Солуни дал закон народу константинопольскому, ибо был уверен, что из Константинополя, как из главного города всей подвластной ему империи, его писание скоро сообщится и прочим городам. А в этом писании он объявлял свое желание,

чтобы все веровали, как вначале предал Римлянам верховный из Апостолов Петр, и как тогда учили римский епископ Дамас и александрийский Петр, – чтобы кафолическою называлась Церковь только тех Христиан, которые признают Святую Троицу равночестною, и чтобы думающие иначе носили имя еретиков, были уничижаемы, и ожидали себе наказания.

Глава 5

О Григории Богослове и о том, что Феодосий отдал ему церкви, изгнав Демофила и тех, которые признавали Сына не единосущным Отцу.

Издав такой закон, Феодосий, чрез несколько времени, прибыл в Константинополь. В то время церквами владели еще последователи ария, которыми управлял Демофил; а Григорий Назианзен начальствовал над исповедниками единосущной Троицы и церковные свои собрания делал в небольшом доме, который единомышленными с ним и веровавшими подобно ему Христианами обращен был в церковь. В последствии эта церковь между городскими храмами сделалась знаменитою и теперь славится не только красотою и величием зданий, но и благотворностию поразительных богоявлений; ибо здесь является Божественная сила, нередко на яву и во сне подающая помощь многим больным и потерпевшим несчастие. Веруют, что это – помощь Божией Матери, Святой Девы Марии, и что она так является. А называют ту церковь Воскресением (#) – и, я думаю,потому, что учение собора никейского, вследствие усиления еретиков, уже павшее в Константинополе и, так сказать, умершее, действием Григориевой проповеди снова оживилось. Рассказывали мне также, как несомненную истину, что во время церковного собрания здесь одна беременная женщина упала с верхней галлерии и умерла. Но когда все принесли за нее общую молитву, она ожила и была спасена вместе с своим дитятею. По случаю такого то явленного здесь Богом чуда, эта церковь с того времени получила свое название. Рассказ об этом повторяется и доныне. Между тем царь послал сказать Демофилу, чтобы он либо веровал по учению никейского Собора и приводил народ к единомыслию, либо оставил церкви. Демофил, собрав народ, объявил ему царскую волю и сказал, что в следующий день он сделает церковное собрание за городскими стенами; ибо Божественный

закон, повелевает: «егда гонят вы во граде сем, бегите в другий» (Матф. 10, 23). Сказав таким образом, он после сего собирал народ за городом, а с ним был и Лукий, которому некогда Ариане поручили Церковь александрийскую, и который, как мы сказали, быв изгнан, прибежал в Константинополь и здесь имел свое жительство. Когда же приверженцы Демофила оставили церквоь, царь вошел в нее и молился. С того то времени исповедники единосущной Троицы начали владеть церквами. А это был пятый год консульства Грацианова, первый – Феодосиева, и сороковой с тех пор, как церкви поступили во власть Ариан.

Глава 6

Об арианах и Евномие, который тогда был в силе, также о дерзновении пред царем святого Амфилохия.

Впрочем ариане, под покровительством Констанция и Валента чрезвычайно размножившиеся, безбоязненно собирались и всенародно рассуждали о Боге и существе его. Они убедили своих единомышленников при дворе испытать царя и, имея в виду случившееся при Констрацие, надеялись достигнуть исполнения своих намерений. Это обеспокоило и устрашило православных, и страх их особенно увеличивался при мысли о красноречии Евномия в беседе. Евномий незадолго пред сим, при царе Валенте, поссорившись в Кизике с своими клириками, отделился от ариан, и жил уединенно в Вифинии, против Константинополя. Многие отсюда ездили к нему, а другие приходили и из других мест – с целию либо испытать его, либо послушать его речей. Слух о нем дошел и до царя, и царь готов был повидаться с ним; но царица Плакилла сильно противодействовала этому и удержала его. Будучи самою верною хранительницею учения никейского Собора, она боялась, как бы муж ее не был увлечен беседою Евномия, – что и могло статься, – и не склонился к его мыслям. Но между тем как усилия с обеих сторон были еще велики, однажды, когда живущие в Константинополе епископы пришли во дворец, чтобы по обычаю приветствовать царя, между ними, говорят, находился некто старец, священник незначительного города, человек простой и в делах гражданских не опытный, но разумный в предметах божественных. Все другие очень просто и благопочтенно приветствовали царя. Точно так же приветствовал его и старец иерей, но сыну царскому, сидевшему вместе с отцом, он не выразил одинаковой чести, напротив подошедши к нему, как к простому дитяти, сказал: здравствуй, дитя, и приласкал его рукою. Разгневавшись и вознегодовав за оскорбление сына, что ему не воздана

одинаковая честь, царь, приказал с бесчестием выгнать старца. Но когда выгоняли его, он, обратившись, сказал: знай же, царь, что и отец небесный точно так негодует на тех, которые не одинаково чтут Сына, но дерзают называть Его меньшим Отца. Удивившись этим словам, царь снова позвал к себе иерея, просил у него прощения и сознался, что он сказал истину. С тех пор, сделавшись осторожнее, он не принимал тех, которые думали иначе, воспретил состязания и сходки на площади и сделал то, что рассуждать по-прежнему о существе и природе Божией, стало не безопасно; ибо касательно сего постановлен был закон и определено наказание.

Глава 7

О втором святом вселенском Соборе, отчего и по какой причине он был созван, и об отречении Григория Богослова.

В скором времени также Феодосий созвал собор единомышленных себе епископов, частию для подтверждения определений, сделанных в Никее, а частию для рукоположения епископа, имевшего занять престол в Константинополе. Предполагая, что можно присоединить к кафолической Церкви и так называемых македониан, поколику они не многим чем отличались в своих понятиях о вере, он пригласил и их. Таким образом из исповедников единосущной Троицы собралось около ста пятидесяти епископов, а из последователей Македониевой ереси – тридцать шесть, которые большею частию были из городов, лежащих около Геллеспонта. Между последними председательствовали – Элевсий кизикский и Маркиан лампсакский; а между первыми – Тимофей, занимавший престол александрийский, который наследовал он после брата своего Петра, не задолго пред тем скончавшегося. Тут же были – епископ антиохийский Мелетий, приехавший в Константинополь еще прежде для поставления Григория, и иерусалимский Кирилл, расскаивавшийся тогда, что прежде держался мысле Македония. Вместе с ними находились также – Асхолий, епископ солунский, Диодор тарсийский и Акакий берийский. Так как все они одобряли учение веры, утвержденное в Никее, то бывших с Элевсием епископов просили согласиться с собою, напоминая им о том, что чрез послов говорили они Ливерию, и что исповедовали чрез Евстафия, Сильвана и Феофила, как об этом сказано было прежде: но последние, прямо объявив, что никогда не признают Сына единосущным Отцу, хотя будут говорить и против своего исповедания Ливерию, удалились и единомышленникам своим по городам написали, чтобы они не соглашались с определениями никейскими. Между тем, оставшиеся в

Константинополе епископы советовались, кому бы поручить здешнюю кафедру. Говорят, что, удивляясь жизни и учению Григория, царь признавал его достойным этого епископства. Уважая добродетели Григориевы, с ним соглашалась и большая часть присутствовавших на соборе епископов: но сам Григорий, хотя сначала и принял начальствование над константинопольскою Церковию, однакож, когда узнал, что некоторые возражают против этого, и особенно епископы египетские, – отказался. Не могу не удивляться сему мудрейшему мужу, как за все его дела, так не менее и за настоящий поступок; ибо ни красноречие не надмевало его, ни тщеславие не возбуждало в нем желания начальствовать над Церковию, которую он принял, когда она была на краю погибели, но, по требованию епископов, отдал врученный себе залог, и не жаловался ни на многие труды, ни на опасности, которым подвергался, сражаясь с ересями. И хотя не представлялось ничего худого, почему он не мог бы быть епископов в Константинополе, где тогда не оставалось епископа, – да притом и в Назианзе уже рукоположен был другой епископ; однако собор, сохраняя отеческие законы и церковный порядок, взял от него, по его желанию, то, что дал, нисколько не уважив преимуществ этого мужа. Но между тем, как царь и иереи с величайшею заботливостию совещались, и самодержец предписывал сделать тщательное исследование, кто особенно отличается такими прекрасными качествами, чтобы ему можно было поручить первосвященство в обширнейшем и царственном городе, – Собор был не одинакового мнения: каждый епископ считал достойным хиротонии кого-либо из своих.

Глава 8

Об избрании Нектария на константинопольский престол, и о том, откуда он и какого был нрава.

В это время в Константинополе жил некто Нектарий, родом из Тарса киликийского, принадлежавший к знаменитому классу сенаторов. Собравшись уже ехать в отечество, он приходит к тарсийскому епископу Диодору – с тем, чтобы взять от него письма, если ему угодно будет писать. Случилось, что в то самое время Диодор размышлял, кого бы предложить для столь желаемой хиротонии. Взглянув на Нектария, он нашел его достойным епископства и мысленно тотчас же дал голос в его пользу, ибо увидел и седину мужа, и лицо приличное священному сану, и кротость нрава. Приведши его к епископу антиохийскому – как будто за чем-то другим, Диодор хвалил его и просил стараться о нем. Но епископ, в столь важном деле, когда для избрания предлагаемы были уже многие знаменитейшие мужи, посмеялся выбору Диодора, однакож призвал к себе Нектария и приказал ему немного помедлить отъездом. Спустя несколько времени, царь повелел епископам написать на бумаге имена тех, которых каждый считает достойными рукоположения, а себе самому предоставил избрание одного из всех. По силе этого повеления, написал кто кого; да и начальствующий над Церковию антиохийской означил имена, чьи хотел, а в конце всех, из угождения Диодору, присовокупил и Нектария. Царь, прочитав список написанных имен, остановился на Нектарие и, задумавшись, долго рассуждал сам с собою, держа палец на последней подписи; потом, обратившись к началу, он снова пробежал всех, – и избрал Нектария. Такое избрание казалось чудом: каждый спрашивал, кто этот Нектарий, какого он звания, и откуда; а когда узнали, что он доселе не принял таинства крещения, то еще более удивились странности царского определения. Этого, думаю, не знал и Диодор; ибо, зная, не посмел бы, подать голос

в пользу непросвещенного крещением. Видя седины Нектария, он, вероятно, воображал, что этот человек давно уже крещен. Впрочем такое событие произошло не без воли Божией; потому что и узнав, что он не просвещен, царь остался при прежнем мнении и не смотрел на возражения многих епископов. Когда же все уступили и согласились с определением самодержца; тогда Нектарий был окрещен и, облеченный еще в таинственную одежду, наречен епископом Константинополя. Многие уверены, что это так случилось, поколику так Бог повелел царю. Я не вхожу в строгое исследование, верно ли то, или нет, однакож убежден, что случившееся произошло не без соизволения Божия. Смотрю ли на странность рукоположения, или обращаю внимание на события последующие, – в том и другом случае я вижу, что здешнее епископство Бог поручил человеку самому кроткому, доброму и достойному. Так вот каковы, по слухам, были обстоятельства Нектариева рукоположения.

Глава 9

О том, что определил второй вселенский Собор, и о киническом философе – Максиме.

После сего и сам Нектарий, и другие епископы, собравшись, определили, чтобы вера никейского Собора оставалась господствующею, а все ереси подвергнуты были запрещению, чтобы Церкви везде управлялись по древним церковным правилам, чтобы епископы пребывали при своих церквах, и не ходили без нужды в чужие и, без приглашения, не вмешивались в рукоположения, до них не касающиеся, как это часто случалось прежде, когда кафолическая Церковь была гонима; чтобы делами каждой Церкви управлял и распоряжался, по своему благоусмотрению, местный собор, чтобы епископ Константинополя, после епископа римского, имел преимущество чести, как занимающий престол нового Рима; ибо этот город не только уже получил такое название и имеет сенат, народное чиноначалие и правительство, но и судится гражданскими уложениями живущих в Италии Римлян, и во всех правах и преимуществах сравнен с древним Римом. Касательно же Максима отцы собора определили, что он и не был епископом, и теперь не епископ, что рукоположенные им не принадлежат к клиру и что все сделанное при нем или им, не имеет никакой силы; ибо его, родом Александрийца, по званию – кинического философа, и только приверженного к учению никейского Собора, прибывшие из Египта епископы тайно поставили епископом Константинополя. Таковы то были постановления собора, – и царь утвердил их и дал закон, чтобы господствующею оставалась вера отцов никейских, и чтобы церкви повсюду были отданы тем, которые в существе трех Лиц, равночестных и равносильных, исповедуют одно и то же Божество Отца, Сына и Святого Духа. Исповедники этого учения должны были иметь общение в Константинополе с Нектарием, в Египте – с Тимофеем, епископом александрийским, в восточных Церквах – с Диодором, епископом тарсийским и Пелагием,

епископом Лаодикии сирской, в азиатских Церквах – с Амфилохием, предстоятелем Церкви иконийской, в городах понтийских, от Вифинии до Армении, – с Элладием, епископом Кесарии каппадокийской, Григорием нисским и Отрейем, епископом мелитинским; в городах, находящихся во фракии и Скифии, – с Теренцием, епископом города Томи, и Мартирием, епископом маркианопольским; ибо и сам царь одобрял их, когда виделся и беседовал с ними, да об них всегда была и добрая молва, как о людях, благочестно управляющих Церквами. Когда же все это было сделано и Собор закрыт, то епископы возвратились каждый в свою епархию.

Глава 10

О Мартирие Киликийце, и о перенесении мощей Павла исповедника и Мелетия антиохийского.

Между тем Нектарий, под руководством аданского епископа Кириака, изучал обязанности священства; ибо он просил тарсийского епископа Диодора, чтобы Еириак несколько времени побыл с ним. Склонял он и многих других Киликийцев жить у него и между прочими Мартирия, который был домашним его врачем и знал грехи его молодости, и которого он хотел рукоположить в диакона. Но Мартирий не согласился, утверждая, что он недостоин божественного служения, и ссылался на самого Нектария, как на свидетеля прежней своей жизни. Тогда Нектарий сказал: я – ныне иерей, а не гораздо ли хуже тебя провел прежнюю свою жизнь, как сам ты знаешь, – ты, столь часто услуживавший различным моим страстям? Но ты, блаженный, отвечал Мартирий, недавно крестившись, очистился и за сим удостоился священства; а то и другое установлено Богом для очищения от грехов, и мне кажется, что тебя нельзя отличить от новорожденных младенцев: а я, давно уже приняв божественное крещение, продолжал жить по-прежнему. Сказав таким образом, он отказался от рукоположения. Я хвалю этого человека за его отречение и потому-то даю ему место в этой истории. Между тем царь, узнав обстоятельства жизни бывшего константинопольского епископа Павла, перенес тело его и положил в церкви, построенной врагом его Македонием. Этот величайший и знаменитейший храм и доселе называется его именем, от чего многие, не знающие истины, особенно женщины и большая часть простого народа думают, что здесь погребен апостол Павел. Около того же времени и останки Мелетия перенесены были в Антиохию и положены подле гробницы мученика Вавилы. Говорят, что по повелению царя, они на всем пути, вопреки древнему закону Римлян, вносились внутрь городов и в

каждом месте сретаемы были новою сменою псалпомений, пока не достигли Антиохии.

Глава 11

О рукоположении антиохийского епископа Флавиана и о том, что тогда случилось из-за клятвы.

Такого-то погребения удостоился Мелетий: а на его место рукоположен был Флавиан – вопреки данной клятве, потому что Павлин был еще жив. От этого в антиохийской Церкви опять произошло величайшее волнение, так что весьма многие отделились от общения с Флавианом и стали собираться отдельно под предстоятельством Павлина. Из-за этого же пришли в несогласие между собою и сами иереи, – именно: египетские, аравийские и кипрские огорчались за Павлина, считая его обиженным; а сирские, палестинские, финикийские и большая часть армянских, каппадокийских, галатийских и понтийских держались стороны Флавиана. Не менее также оскорбились – римский епископ и все западные иереи, и к Павлину, как епископу антиохийскому, писали обычные послания, [носящие имя соборных], а в отношении к Флавиану хранили молчание. Они считали виновными даже Диодора, епископа тарского, и Акакия берийского, как рукополагателей Флавиана, и не имели с ними общения. Для исследования же обстоятельств этого дела, они, равно как и царь Грациан, письменно приглашали на Запад епископов восточных.

Глава 12

О том, что Феодосий хотел согласить все ереси, о новацианских епископах Агелие и Сисиние и об их совете, также о том, что, когда составился новый собор, царь принял только тех, которые исповедовали единосущие, а думавших иначе изгнал из церквей.

В это же время, по случаю отбирания молитвенных домов епископами кафолической Церкви, во многих местах империи произошли сильные смуты, возбуждаемые противодействием со стороны Ариевой ереси. Между тем царь Феодосий, спустя не много времени после первого собора, снова собрал предстоятелей особенно сильных тогда ересей – с тем, чтобы они либо склонились на убеждения, либо сами убедили других, в чем не согласны были между собою. Он предполагал, что всех приведет к единомыслию, если предложит им сообща рассудить о спорных предметах учения. Предстоятели еретиков собрались, – это было во сторой год консульства Меровавда и в первый Сатурнина, когда царь назначил в соправители себе сына своего Аркадия. Пригласив к себе Нектария, царь сообщил ему о будущем соборе и приказал приготовить для рассуждения вопросы, из которых возникли ереси, чтобы одна была Церковь верующих во Христа и одно согласное учение о Богопочтении. Так как у Нектария много было своих забот, то о желании царя он объявил предстоятелю новацианских церквей, Агелию, как человеку одного с ним образа мыслей касательно веры. Но Агелий, святость жизни доказывавший делами, а в искусстве и тонкостях речи неопытный, предложил вместо себя некоего, именем Сисиния, который умел предусмотреть, что надобно делать, и мог рассуждать, если бы понадобилось, и который в то время был один из его чтецов, а в последствии получил в управление ту же епископию. Как человек способный и понимать и говорить, подробно знавший изъяснения священных

книг и имевший разнообразные сведения о всем, что мыслили язычники и церковные писатели, Сисиний и в этом случае заметил самую лучшую сторону дела и посоветовал уклониться от рассуждений с неправославными, как от источника споров и вражды, а спросить у них, принимают ли они тех истолкователей и учителей священного Писания, которые жили до разделения церкви. Если они отвергнут свидетельство их, то будут изгнаны своими единомысленниками, а когда признают их достаточными свидетелями для решения спорных вопросов, то нужно будет представить написанные ими книги; ибо он точно знал, что древние, исповедуя Сына совечным Отцу, никогда не осмеливались говорить, будто Он по своему рожению имел какое-либо начало. Это понравилось Нектарию, как дело хорошее, да и царь, узнав о том, одобрил совет и стал испытывать еретиков, как они думают о толкованиях древних учителей. Когда же последние стали чрезвычайно хвалить их, то он прямо спросил: прекратят ли они споры на основании их изречения, и признают ли их достаточными свидетелями учения? Так как вследствие сего вопроса между начальниками ересей возникло несогласие, потому что не все одинаково думали о сочинениях древних учителей; то царь понял, что они отказываются от предложения, надеясь только на свои словопрения, и порицая их намерение, приказал каждой ереси представить себе письменное изложение своего учения. Когда наступил назначенный для того день, собрались во дворец – от лица исповедников Единосущной Троицы Нектарий и Агелий, от ереси Ариевой – начальник ее, Демофил, от евномиевой – сам Евномий, а кизический епископ Элевсий от имени так называемых македониан. Приняв от каждого письменное изложение, царь одобрил одно то, которое признает единосущную Троицу, а все прочие, как противные ему, разорвал. Новациане тогда не получили ничего неприятного, потому что они мыслят о Боге одинаково с кафолическою Церковию; прочие же негодовали на своих иереев – за то, что они пред царем грубо противоречили самим себе, а многие, осудив их, перешли к одобренному исповеданию. После того царь законом повелел, чтобы неправославные не делали

церковных собраний, не учили вере, и не рукополагали ни епископов, ни кого-либо другого, – чтобы одни из них выгнаны были из городов и сел, а другие почитались бесславными и не имели наравне с прочими прав гражданства. К законам он присовокупил и тяжкие наказания, не приводя их однакож в исполнение; потому что хотел не наказывать подданных, а только постращать их, чтобы они одинаково с ним мыслили о Боге. Тех же, напротив, которые обращались добровольно, он хвалил.

Глава 13

О Максиме тирание и о том, что происходило между царицею Юстиною и святым Амвросием, также о каварном убиении царя Грациана и о том, что Валентиниан с матерью убежал в Фессалонику к Феодосию.

Около того же времени на Грациана, занятого войною с Алеманами, восстал Максим из Британии и старался подчинить себе римскую империю. В Италии жил тогда Валентиниан, будучи еще юношею, а общественными делами там управлял префект Проб, бывший в должности Консула. В это самое время мать царя Юстина, разделявшая мысли Ария, причинила много беспокойства медиоланскому епископу амвросию, и возмутила Церкви. Она покушалась на нововведения против определений никейского собора и всячески старалась дать перевес вере, утвержденной Собором ариминским. Но так как этому противился Амвросий: то, в досаде, она оклеветала его пред сыном, что будто была оскорблена им. Валентиниан принял клевету за истину и, вознамерившись отмстить за мать, послал в церковь множество воинов, которые, напав на храм, силою ворвались в двери и схватили Амвросия, чтобы тотчас же вести его в ссылку. Однакож окружавший епископа народ противостал воинам и скорее готов был умереть, чем оставить своего иерея. От этого Юстина воспламенилась еще большим гневом и свои замыслы решилась утвердить законом. Она призвала к себе Беневола, тогдашнего начальника над излагателями законов, и приказывала ему тотчас составить закон об утверждении исповедания веры, читанного в Аримине. Когда же он отказывался от этого, – ибо принадлежал к кафолической Церкви, – то она убеждала его, обольщая обещаниями высшей почести. Однакож не убедила; напротив, Беневол, сняв пояс, поверг его к ногам царицы и сказал, что в награду за нечестие не принимает ни настоящего достоинства, ни высшего. Так как он твердо стоял на том, что никогда этого

не сделает, то для составления такого закона употреблены были другие. Этим законом предписывалось, чтобы верующие согласно с постановлениями, сделанными в Аримине и потом в Константинополе, учреждали свои собрания безбоязненно, а те, которые противодействуют этому, или требуют противного сему царскому закону, наказываемы были смертию. В то время, как мать царя домогалась этого и изданный ею закон старалась привесть в исполнение – приходит весть, что коварством Андрагафия, который был военачальником Максима, Грациан убит. Едучи в царской дорожной колеснице, Андрагафий спрятался в ней, а проводникам приказал объявить, будто едет супруга царя. Грациан, как человек, недавно женившийся, еще молодой и страстно любивший свою жену, поспешил видеть ее и, не подозревая никакого обмана, неосторожно переправился чрез протекавшую в том месте реку и попал в руки Андрагафия, – был схвачен и вскоре умерщвлен. От роду имел он около двадцати четырех лет, а царствовал пятнадцать. По случаю столь великого несчастия, Юстина оставила свой гнев на Амвросия. Между тем Максим, собрав огромное войско из Британцев, соседних Галлов, Кельтов и сопредельных им народов, пошел в Италию – под тем предлогом, чтобы не допустить никаких нововведений в отеческой вере и церковном чиноначалии, в самом же деле для того, чтобы отдалить от себя славу тирана; так как, домогаясь царства, он всячески старался, нельзя ли ему каким-нибудь образом показать вид, будто присвояет себе римскую империю законно, а не силою. Вынужденный обстоятельствами, Валентиниан признал знаки его царствования, но опасаясь, как бы не потерпеть какого-либо зла, убежал из Италии и прибыл в Фессалонику, а вместе с ним удалились также – мать его и префект Проб.

Глава 14

О рождении Гонория и о том, как Феодосий, оставив в Константинополе Аркадия, отправился в Италию; также о преемстве новацианских и других патриархов, о дерзости ариан, и о том, что Феодосий, умертвив тирана, совершил в Риме великолепное торжество.

В то время у Феодосия, когда он готовился к войне с Максимом, родился сын Гонорий. Приготовив все нужное для войны, он оставил царствовать в Константинополе сына своего Аркадия, а сам отправился в Фессалонику и встретил там Валентиниана, присланных же от Максима послов и не отверг прямо, и не принял, но взяв войско, пошел в Италию. Около этого времени новацианский епископ в Константинополе, Агелий, приближаясь к смерти, назначил на свое место одного из подвластных себе пресвитеров, Сисиния. Когда же народ стал роптать, что выбор его пал не на Маркиана, славившегося тогда благочестием; то, почувствовав облегчение от своей болезни, он рукоположил Маркиана и в церкви объявил народу следующее: после меня пусть будет у вас Маркиан, а после него Сисиний. Сказав это, Агелий вскоре скончался. Предстоятельство его в новацианской ереси с великою похвалою продолжалось сорок лет. Некоторые утверждают, что этот человек во времена языческие был даже исповедником. Спустя не много, переселились также из сей жизни Тимофей и Кирилл, и престол александрийский наследовал Феофил, а иерусалимский – Иоанн. Равным образом умер и константинопольский начальник ариевой ереси Демофил, и его место занял некто Марин, вызванный из Фракии, а потом этою ересью управлял признанный более способным пришелец из сирской Антиохии Дорофей. Между тем, по отбытии Феодосия в Италию, распростанялись разные слухи о войне, смотря по видам каждого. У ариан был слух, будто многие пали в

сражении и сам царь находился во власти тирана. Принимая свои вымыслы как бы уже за действительные события, они сделались дерзкими и, сбежавшись, зажгли дом епископа Нектария, в досаде, что он владеет церквами. А у царя между тем военные дела шли согласно с его желанием; потому что Максимовы воины, страшась ли сделанных против них приготовлений, или побуждаясь изменою, схватили тирана и убили его, а Андрагафий, умертвивший Грациана, узнав об этом, во всем своем оружии бросился в близ текущую реку и погиб. Окончив таким образом войну и отмстив, как следовало, за смерть Грациана, Феодосий прибыл в Рим и вместе с Валентинианом совершил победное торжество, а потом устроил в Италии и дела церковные; ибо Юстина тогда уже умерла.

Глава 15

Об антиохийских епископах, Флавиане и Евагрие, и о том, что происходило в Александрии при разрушении храма Дионисова; также о храме Сераписа и о других разрушенных идольских капищах.

В то время скончался в Антиохии Павлин; но собравшиеся под его начальством Христиане, по прежнему отвращались Флавиана, как нарушителя данной при Мелетие клятвы, хотя и ничем не отличались от него в учении. Епископом над ними поставлен был Евгарий, который однако прожил не долго, и преемника ему, вследствие противодействия Флавианова, не было; отказывавшиеся же от общения с Флавианом собирались отдельно. Около того времени александрийский епископ обратил в церковь находившийся в Александрии храм Диониса, по просьбе получив его в дар от царя. Когда уничтожаемы были стоявшие в нем изваяния и открываемы недоступные места, епископ, стараясь опозорить языческие таинства, с намерением обнаруживал их и все, что скрывалось в местах недоступных и было, либо казалось смешным. Пораженные этим необыкновенным и неожиданным событием, язычники не могли оставаться спокойными, но сговорившись между собою, напали на Христиан и, одних умертвив, а других ранив, заняли храм Сераписа – здание, знаменитейшее по красоте и обширности, находившееся на небольшом возвышении. Отсюда, как из какой-нибудь крепости, выходя внезапно, они схватывали многих Христиан и мучениями принуждали их приносить жертвы идолам, а кто отказывался, тех либо пригвождали ко кресту, либо сокрушали им колени, либо умерщвляли их иначе. Наконец пришли к ним начальники города и, напоминая о законах, убеждали их прекратить войну и оставить храм Сераписа. В то время войсками в Египте управлял Роман, а префектом александрийским был Евагрий. Так как они нисколько в том не успели, то о происшедшем донесли царю.

Собравшихся в храме Сераписа язычников к такой дерзости располагало частию сознание совершенного ими преступления, а частию убеждение некоего Олимпия, который, живя с ними в одежде философа, внушал им, что не должно оставлять отеческих обычаев, но следует, если нужно, умирать за них. Видя, что его единоверцы, по случаю разрушенных изваяний, впадают в уныние, он увещевал их не отступать от своего богопочтения и говорил, что статуи суть вещество тленное – одни изображения, и потому подвержены уничтожению, но что в них обитали некие силы, которые теперь отлетели на небо. Уча таким образом и будучи окружен множеством язычников, этот человек жил также в храме Сераписа. Между тем царь получил известие о случившемся и умерщвленных Христиан провозгласил блаженными, как удостоившихся чести мученичества и пострадавших за веру, а убийцам приказал даровать прощение, чтобы, пристыженные этим благодеянием, они тем легче обратились к Христианству; находившиеся же в Александрии языческие храмы повелел разрушить, поколику они были причиною народного возмущения. Говорят, что когда царская грамота об этом была читана всенародно, Христиане подняли сильный крик, так как царь в самом начале ее обвинил язычников, и что от того охранявшие храм Сераписа испугались и обратились в бегство, а Христиане заняли то место и с тех пор владеют им. Что же касается до Олимпия, то мне сказывали, что не много прежде, в полночь, предшествовавшую тому дню, в который это случилось, он услышал в храме Сераписа кого-то поющего аллилуиа. Так как двери были заперты и господствовала тишина, среди которой, Обимпий, никого не видя, слышал только голос, поющий ту самую песнь, то понял, что это значило, и потихоньку от всех вышедши из храма Сераписова, нашел случайно корабль и отправился в Италию. Говорят, что тогда, при разрушении упомянутого здания, открыты были начертанные на камнях какие-то так называемые иероглифические буквы, похожие на крестное знамение. По изъяснению знатоков, это начертание означало грядущую жизнь, что и подало повод многим язычникам обратиться к Христианству. Притом другие письмена говорили, что когда те

буквы будут открыты, упомянутому храму настанет конец. Таким-то образом взят был храм Сераписа и чрез несколько времени обращен в церковь, названную по имени Аркадия. Впрочем по другим городам язычники все еще усердно сражались за свои храмы: именно в Аравии – Петрейцы и Акрополитяне, в Палестине – Рафиоты и Газейцы, в Финикии – жители Илиополиса, а в Сирии особенно жители города Апамеи, лежащей при реке Аксиосе. Сказывали мне, что для охранения своих храмов они часто пользовались помощию Галилеян и поселян, живущих около Ливана, и наконец дошли до такой дерзости, что умертвили тамошнего епископа Маркелла. Маркелл рассудил, что их нельзя удобнее отвратить от прежнего богопочтения, как разрушив бывшие в городе и деревнях храмы. Узнав же, что в Авлоне, местечке страны апанейской, есть у них величайшее капище, он взял несколько воинов и единоборцев и отправился туда. Приблизившись к этому месту, Маркелл остановился на таком расстоянии, чтобы до него не достигали стрелы, ибо был болен ногами и не мог ни сражаться, ни преследовать, ни бежать. Но между тем, как воины и единоборцы заняты были осадою храма, некоторые из язычников, узнав, что епископ остался один, вышли с той стороны местности, которая не была занята сражающимися, и нечаянно напав, взяли его, возложили на костер и умертвили. В то время убийцы остались неизвестными. Когда же в последствии они были открыты, то сыновья Маркелла хотели отмстить за смерть отца; однакож местный Собор воспрепятствовал им, признав несправедливым мстить за такую кончину, за которую должно благодарить Бога – умершему таким образом, и детям его, и друзьям, ибо он сподобился умереть за Бога. Так-то происходило это.

Глава 16

О том, как и по какой причине отменен был в Церкви пресвитер-духовник, и повествование об образе покаяния.

В это время константинопольский епископ Нектарий, первый уничтожил звание пресвитера, поставленного над кающимися, в чем ему подражали почти все епископы. Что это было за звание, откуда оно началось и по какой причине уничтожено, другие, может быть, рассказывают инача; а я расскажу, как думаю. Поелику совсем не грешить свойственно только природе выше человеческой, и кающимся, хотя бы они часто согрешали, Бог повелел даровать прощение, а между тем для получения прощения надлежало исповедать грех, что епископам с самого начала по справедливости должно было казаться тяжким, – как в самом деле объявлять грехи, будто на зрелище, пред собранием всей Церкви? – то для сей цели они назначили пресвитера самой отличной жизни, молчаливого и благоразумного, чтобы согрешившие, приходя к нему, исповедовали ему дела свои, а он, смотря по греху каждого, назначал, что кому надобно делать, или какое понесть наказание, и потом разрешал, предоставив всякому, согласно предписаниям, наказать самому себя. Для новациан, у которых не было и слова о покаянии, это оказывалось ненужным, а все прочие ереси такой обычай удерживают и доныне. Тщательно также сохраняется он и в Церквах западных, а особенно в Церкви римской. Там есть даже открытое место для кающихся, где они стоят унылые и как бы плачущие. Когда богослужение приходит уже к концу, кающиеся, не получив общения в принятии даров, со стоном и воплями повергаются на землю. В это время выходит к ним слезящийся епископ и, также падая на землю, исповедует свое сострадание; а вместе с ним проливает слезы и все церковное собрание. Потом епископ встает первый и, подняв лежащих, возносит за кающихся грешников приличную молитву и отпускает их. Пришедши домой, каждый

смиряет себя либо постом, либо омовениями, либо воздержанием от яств, либо каким-нибудь другим предписанным способом, ожидая времени, которое ему назначено епископом. Наконец, в определенный срок, понесши наказание и тем как бы заплатив долги, он получает прощение во грехе и вместе с народом входит в церковные собрания. Римские иереи соблюдают это от самого начала и до нашего времени. А в Церкви константинопольской кающимися заведовал поставленный над ними пресвитер, пока одна благородная женщина, получившая повеление от пресвитера, за исповеданные ею грехи, поститься и молить Бога, по этой причине находяся в церкви, не открыла, что она обесчещена одним диаконом. Узнав об этом, народ сильно раздражен был оскорбление Церкви, и громко порицал лица посвященные. Недоумевая, как поступить в этом случае, Нектарий лишил виновного степени диаконской и, когда некоторые посоветовали ему дозволить каждому, внимая голосу своей совести и водясь собственным дерзновением, приобщаться св. таин, отменил должность пресвитера над кающимися. С того времени так и осталось; ибо древность с ее благочинием и строгостию тогда начала уже, думаю, мало-помалу перерождаться в безразличный и небрежный образ жизни: а прежде, кажется, было менее грехов, частию по стыдливости тех, которые сами объявляли свои грехи, частию по строгости поставленных над этим судей. Догадываюсь, что по этой же причине и царь Феодосий, заботясь о добром имени и благочинии Церквей, постановил законом, чтобы женщинам, если они не имеют детей и не достигли шестидесяти лет, не поручалось служение Богу, согласно с ясным повелением Апостола Павла (1Тим. 5, 2), чтобы те из них, которые стригут волосы, были удаляемы от церквей, и чтобы епископы, принимающие их, лишаемы были епископства.

Глава 17

О том, что Феодосий Великий сослал Евномия в ссылку, о преемнике его Феофроние, об Евтихие и Дорофее и их ересях; также о Псафирианах и о том, что арианская ересь разделилась на разные толки, а константинопольские ариане теснее соединились между собою.

Впрочем об этом пусть каждый судит, как ему думается. Царь в то время повелел отправить Евномия в ссылку – за то, что живя еще в Константинополе, он делал особые церковные собрания в предместиях или в частных домах, и читал написанные им поучения, которыми многих склонил к одинаковому с собою образу мыслей; так что вскоре явилось большое число людей, принадлежавших к соименной ему ереси. Впрочем чрез несколько времени по отбытии своем в ссылку, он скончался, погребен же был в отечестве, именно в каппадакийской деревне, по имени Дакоре, которая находится в номе кесарийской, при горе аргейской. Мнения Евномия изучил слушатель его Феофроний, родом также Каппадокианин, и остался верным учению своего учителя. Он изрядно знал философию Аристотеля и, для уразумения содержащихся в ней умствований, написал введение под заглавием: «Об упражнении ума». Впрочем я слышал, что Феофроний, впав в нелепые рассуждения, не захотел держаться одних и тех же мыслей с своим учителем, но вдавшись в ненужные исследования, на основании встречающихся в свящ. Писании слов, доказывал, что Бог, предведущий насущее, знающий сущее и помнящий бывшее, не всегда один и тот же, и что его знание, в отношении к будущему, настоящему и прошедшему, изменяется. За такие мнения нетерпимый самими последователями Евномий, он был изгнан из их Церкви и положил начало ереси названных по его имени Феофрониан. Спустя не много времени, и один константинополец Евтихий,

следуя образу мыслей Евномия, оставил также соименную себе ересь. По случаю вопроса, знает ли сын последний час, – ибо слова Евангелия: «никтоже весть... токмо Отец» (Мф. 24, 36), по-видимому противоречили принятию сей мысли, – он старался доказать, что Сын не лишен и этого знания, потому что все обильно приял от Отца. А так как тогдашние предстоятели упоминаемой ереси не согласились с его мнением; то он, отделившись от общения с ними, отправился к жившему в ссылке Евномию. Там он застал диакона и других, которые отправлены были из Константинополя – с целию обвинить его и, если будет нужно, оспорить. Евномий, узнав, зачем они пришли, одобрил мысли Евтихия и молился вместе с ним, хотя у них не позволительно молиться с приходящими из других мест без грамоты, которая, посредством некоторых, начертанных в ней знаков, людям посторонним непонятных, свидетельствовала об их единомыслии. Вскоре после этого спора Евномий скончался, и предстоятель ереси в Константинополе не принял Евтихия, потому что ненавидел его, как такого человека, которого, при всем своем старании, опровергнуть не мог, хотя он не был даже и клириком. С того времени Евтихий с своими единомышленниками отделился и составил особую ересь. Многие говорят, что он и Феофроний были виновниками различия, существующего ныне у евномиан относительно божественного крещения. Это я написал, как узнал по слуху, желая кратко сообщить понятие о причинах, по которым евномиане разделились. Описывать все, происходившие по сему случаю споры, было бы слишком долго, да для меня и не легко, потому что я неопытен в рассуждениях подобного рода. Около того же времени возник спор и между константинопольскими арианами. Спорили о том, можно ли Бога, прежде чем получил бытие Сын, которого они признают произшедшим из несущего, называть Отцом? Дорофей, вызванный из Антиохии вместо Марина и начальствовавший над этою ересью, объявил, что, так как имя Отец есть относительное, то прежде бытия Сына, Бог не может называться Отцом. А Марин утверждал противное и, потому ли, что действительно так думал, или потому, что был в неприязни с

Дорофеем, которого предпочли ему в начальствовании над арианскою Церковию, – говорил, что Отец всегда Отец, хотя и нет Сына. По этой причине народ разделился на две партии. Дорофей с своими последователями остался в тех молитвенных домах, которые были у них прежде; а приверженцы Марина выстроили себе другие церкви и собирались отдельно. Эти последние назывались псафирианами (пирожниками) или готфянами. Имя псафириан получили они потому, что некто Феоктист, продавец пирогов (род жертвенных лепешек), – ревностно защищал это мнение; а готфянами прослыли они потому, что одинаково с ними думал готфский епископ Селина, вслед за которым вместе с ними собирались почти все Варвары, потому что были чрезвычайно привержены к Селину, прежнему писцу, а теперь преемнику епископствовавшего у них Ульфилы, человеку способному учить в церкви не только на отечественном, но и на греческом языке. Впрочем, спустя не много времени, по случаю спора о первенстве, возникшего между Марином и Аганием, которого Марин рукоположил в епископа единомышленникам своим в Ефесе, они разделились и почти вели между собою войну, при чем Готфы помогали Аганию. По этой причине, многие из здешних клириков, осуждая честолюбие своих настоятелей, вступили говорят, в общение с Церковию кафолическою. Так-то разделившись вначале, ариане в населяемых ими городах и доныне еще собираются – каждая сторона особо: но ариан живущих в Константинополе, бывших тридцать пять лет в разделении, согласил наконец их единомышленник Плинфа, прежде бывший консул, а тогда начальник конного и пешего войска, имевший весьма большую силу при дворе. Собравшись в одно место, они определили никогда не рассждать о спорном вопросе. Так впоследствии и было.

Глава 18

О том, что новациане образовали новую ересь савватиан, и о Соборе, бывшем в Сангаре; также пространное повествование о празднике Пасхи.

В настоящее же царствование и новационе, разделившись между собою в мнениях относительно пасхального праздника, составили новую ересь так называемых савватиан; потому что пресвитер Савватий, рукоположенный Маркианом, вместе с сопресвитерами Феоктистом и Макарием, следуя определению собиравшихся в царствование Валента в селении Вазе, утверждал, что должно праздновать праздник Пасхи в одно время с Иудеями. Отступление свое от Церкви он сперва прикрывал частию подвижнечеством, так как жил весьма благочестиво, а частию тем, что подозревал некоторых недостойными приобщения таинств. Когда же обнаружилось, что замышляет нововведения; то Маркиан стал жалеть, что рукоположил его и, говорят, часто восклицал, что лучше было бы возложить руки на терние. Видя, что его Церковь разделяется на два общества, он созвал единомышленных себе епископов в Сангару, – а это место лежит в Вифинии, недалеко от Еленополиса, при море. Собравшиеся здесь епископы пригласили Савватия и спросили его о причине огорчения. Савватий сослался на разновременность празднования Пасхи; однакож они заметили, что жалоба на это происходит у него из желания предстоятельства, и потребовали от него клятвы, что никогда не примет епископства. Приняв же клятву Савватия, епископы рассудили, что такая причина недостаточна для разрыва общения, и определили всем находиться в единомыслии и церковные собрания делать совместно, а праздник Пасхи, говорят, пусть совершают, кому когда угодно, и касательно этого постановили правило, назвав его безразличным. Таково-то было определение собиравшихся в Сангаре. После того, если праздновать этот праздник

приходилось всем не в одно и то же время, Савватий, следуя Иудеям, предварительно совершал обычный пост, и потом отдельно сам по себе праздновал законную Пасху; в субботу же с вечера до положенного часа проводил время в бдении и приличных молитвах, а на следующий день собирался вместе со всеми участвовал в таинствах. Сначала народ не знал этого; когда же с течением времени Савватий приобрел чрез то известность, то нашел многих приверженцев, особенно между фригийцами и Галатянами, у которых был отеческий обычай так праздновать этот праздник. Впоследствии упомянутый пресвитер сделался явным отступником и, как будет сказано в своем месте, принял столь вожделенное для него епископство. Не могу не дивиться этому человеку и его последователям, от чего они ввели такую новость, если древние Евреи, по рассказу Евсевия, основанному на свидетельстве Филона, Иосифа, Аристовула и многих других, закалают пасхального агнца после весеннего равноденствия, когда солнце проходит первый знак Зодиака, который Эллины называют Овном, а четырнадцатидневная луна получает совершенную полноту. Да и сами столь заботливые в этом отношении новациане отверждают, что такого обычая прежде не было ни у них, ни у начальника их ереси, но что он введен в первый раз собиравшимися в селении вазе; так что единомышленники их в старом Риме и доныне еще празднуют Пасху вместе с прочими Римлянами. Не иначе праздновали они ее и в прошедшее время, как держась предания апостолов Петра и Павла. Притом и Самаритане, особенные ревнители Моисеева закона, не дозволяют совершать этот праздник, прежде чем созреют новые плоды; ибо в законе он называется, говорят, праздником новым, следовательно когда плодов еще нет, праздновать его нельзя, и весеннее равноденствие необходимо должно ему предшествовать. Удивительно, что подражатели Иудеев в этом отношении не предпочли скорее древнего их обычая. Кроме их и так называемых в ахии четыренадесятников, мне кажется, все прежние еретики совершают упомянутый праздник подобно Римлянам и египтянам. Но четыренадесятники празднуют его вместе с Иудеями в самый четырнадцатый день, от чего и

называются этим именем; у новациан же это бывает в день воскресный, хотя они следуют также Иудеям и соглашаются с четыренадесятниками, с тем только различием, что если четырнадцатым днем луны случится не первый день субботы, то они празднуют Пасху позже Иудеев столькими днями, сколько остается их после четырнадцатого дня луны до следующего воскресенья. А монтанисты, иначе называемые Пенузитами и Фригийцами, ввели какой-то странный способ праздновать Пасху. Они порицают тех, которые в этом деле с излишнею заботливостию наблюдают течение луны, и говорят, что желающие в сем случае поступать правильно должны следовать одним солнечным кругам. Каждый месяц у них состоит из тридцати дней, а первым днем почитается день весеннего равноденствия, по римскому счету, предшествующий девятью днями апрельским календам; ибо в этот день, говорят они, созданы были два светила, которыми определяются времена и годы. И это подтверждается тем, что луна чрез восьмилетний период совпадает с солнцем, так что лунное и солнечное новомесячие случается тогда в один и тот же день. Именно, осьмилетний период лунного течения заключает в себе месяцев девяносто девять, а дней две тысячи девятьсот двадцать два, в продолжение которых солнце совершает восемь годовых течений, полагая каждый год в триста шестдесят пять дней с четвертью; ибо упоминаемый в священном Писании четырнадцатый день они считают от дня за девять дней до апрельских календ, как от начала создания солнца и от первого месяца, и говорят, что этот самый день бывает за восемь дней до апрельских идусов. в тот день они всегда и совершают Пасху, если это придется в воскресенье; а когда нет, – то празднуют ее в следующий воскресный день, ибо, говорят, написано, (что она празднуется) от четырнадцатого дня до двадцать первого.

Глава 19

Достойное истории перечисление обычаев у различных народов и Церквей.

Таково-то было разногласие касательно празднования сего праздника. И мне кажется, что Виктор, тогдашний епископ римский, и Поликарп смирнский весьма мудро решили возникший в древности об этом спор: ибо когда западные иереи думали, что не должно уничижать предания Петра и Павла, а азийские утверждали, что надобно следовать евангелисту Иоанну; то упомянутые епископы с общего согласия определили, чтобы те и другие, праздную Пасху по своему обычаю, не отделялись от взаимного общения. Они весьма справедливо думали, что безумно было бы Христианам, согласным в главных пунктах верования, разделяться между собою из-за обычаев; ибо во всех Церквах, хотя они исповедуют одно и то же учение, нельзя найти одних и тех же по всему сходных преданий. Известно, что в Скифии много городов, но у всех Скифов – один епископ; между тем как у других народов священствуют епископы иногда и в селениях, что заметил я у Аравлян и Кипрян, у фригийских новациан и монтанистов. Диаконов у Римлян еще и доныне не более семи, потому что Римляне имеют в виду число рукоположенных Апостолами, между которыми находился первомученик Стефан; а у других число их неопределено. Сверх того в Риме каждый год только однажды поют аллилуиа, именно в первый день пасхального праздника; так что многие Римляне даже клянутся тем, чтобы им сподобиться услышать или петь эту песнь. Там же ни епископ, ни другой кто, не говорит в церкви поучений; а у Александрийцев проповедует один только городской епископ, – обычай, которого прежде не было и который вошел, говорят, с того времени, как Арий, будучи пресвитером, начал беседовать о предметах веры и вводить новости. У Александрийцев странно и то, что при чтении Евангелия епископ не встает, чего у других я и невидывал и не слыхивал. Там эту священную книгу

читает один архидиакон, между тем как в других местах диаконы, а во многих Церквах одни священники, в знаменитые же праздники епископы, как напр. в Константинополе в первый день Пасхи. И предшествующую этому празднику, так называемую четыредесятницу, в которую народ постится, одни считают в шесть недель, напр. Иллирийцы и Христиане, живущие на западе, вся Ливия и Египет с Палестиною, другие – в семь, как жители константинополя и окрестных мест до финикии. В продолжении этих шести или семи недель некоторые постятся три недели с промежутками, другие три недели сряду пред праздником, а иные только две, как напр. последователи Монтана. Не везде то же время и тот же образ даже для церковных собраний. Известно, что одни собираются и в субботу, равно как в первый день субботы, что бывает в Константинополе и почти повсюду; но в Риме и Александрии не так. У Египтян во многих городах и селениях собираются вечером в субботу и, уже пообедав, приобщаются таинств. Не все также совершают одни и те же молитвы и псалмопения или чтения, и не в одно и то же время. Например так называемый апокалипсис Петра, который древними признан был за совершенно подложный, в некоторых церквах Палестины, как мне известно, читается жеще и доныне однажды в год, в великий пяток, когда народ с особенным благоговением постится в память спасительных страданий; а известный ныне под именем апостола Павла апокалипсис, которого не признавал никто из древних, одобряется весьма многими монашествующими. Некоторые утверждают, что эта книга найдена в настоящее царствование; ибо говорят, что в Тарсе киликийском в доме Павловом, по Божию указанию, открыт был под землею мраморный ковчег, а в нем помянутая книга. Но когда я спрашивал о том, то пресвитер Церкви тарсийской Киликс сказал, что это ложь. Киликс был человек уже многолетний, о чем свидетельствовали и его седины; однакож он говорил, что о подобном у них событии не знает, и подозревает, не выдумка ли то еретиков. Но довольно об этом. По городам и селениям есть много и других обычаев, свято соблюдаемых воспитанными в них людьми, из уважения к

лицам, которые вначале передали их, или в последствии сохраняли. Надобно думать, что то же случилось и относительно упомянутого праздника, по поводу которого я изложил эти сказания.

Глава 20

Об успехах нашего вероучения, и об окончательном разрушении идольских капищ, также о бывшем в то время возвышении воды в реке Ниле.

Тогда как ереси, по сказанному, разделялись, Церковь кафолическая тем более возрастала; ибо к ней присоединялись весьма многие – с одной стороны из враждовавших между собою неправославных, с другой и в особенности из языческой черни. Когда то есть царь заметил, что обычаи прежних времен привлекают подвластный ему народ к предметам благоговения его предков и к священным его местам, то в начале царствования воспретил посещать эти места, а при конце его многие из них и разрушил. Поэтому народ, лишившись молитвенных домов, мало-помалу привык посещать церкви, – тем более, что и втайне приносить жертвы, по языческому обычаю, было не безопасно, и против тех, которые отважились бы на это, издан был закон, подвергавший их лишению жизни и имущества. Говорят, в это время вода в египетской реке стала подниматься позже обыкновенного. Египтяне роптали, что им не дозволяют по древнему обычаю приносить этой реке жертвы. Народный префект, подозревая, что они готовятся к возмущению, донес о том царю. Но царь, получив это известие, сказал, что лучше оставаться верным Богу, чем предпочитать благочестию наводнение Нила и происходящее от него плодородие. Пусть никогда не разливается эта река, если только она действительно может быть вызываема из берегов волхованиями, услаждаться жертвами и осквернять кровию потоки, текущие из божественного рая. Впрочем спустя не много времени Нил сильно разлился и покрыл водою места даже возвышенные. Когда же он дошел до крайней и редко достигаемой водою степени, а вода все еще поднималась; то Египтяне впали в противоположный страх и боялись, как бы он не затопил Александрии и части Ливии. Тогда александрийские

язычники, в досаде на этот неожиданный случай, в насмешку кричали, говорят, на зрелище, что Нил, будто какой старик, либо человек бешенный, вылил всю воду. По сему случаю весьма многие из Египтян, осудив суеверие предков, обратились в Христианство. Так об этом мне рассказывали.

Глава 21

О обретении честной главы Предтечи, и о том, что по этому случаю происходило.

Около того же времени перенесена в Константинополь глава Иоанна Крестителя, которую Иродиада испросила у Ирода тетрарха. Говорят, она обретена была монахами, принадлежавшими к Македониевой ереси. Эти монахи сначала жили в Иерусалиме, а потом переселились в Киликию. В предшествующее царствование доносил о ней главный правитель царского дворца Мардоний, и Валент приказал перенесть ее в Константинополь. Посланные с этим поручением, действительно, возложили ее на общественную колесницу и повезли. Но когда достигли они Пантихия – местечка халкидонского; то мулы, запряженные в колесницу, остановились и не пошли далее, несмотря на то, что конюхи грозили им, а возница жестоко бил их бичем. Когда же это осталось бесполезным и событие для всех, даже для самого царя, показалось делом необыкновенным и божественным; то сию святую главу положили в селении Косилае, так как оно находилось вблизи и принадлежало упомянутому Мардонию. Но в последствии, в описываемое нами время, по вдохновению ли Божию, или по внушению самого Пророка, прибыл в это селение царь Феодосий. Он хотел взять останок Крестителя, но ему воспротивилась, говорят, одна Матрона, посвященная Богу дева, сопутствовавшая главе в качестве служительницы и хранительницы. Так как она противилась со всею твердостию, то царь не счел нужным принуждать ее силою, а напротив старался склонить ее к согласию просьбами. Когда же она наконец согласилась, думая, что напрасны будут усилия Державного, судя потому, что случилось во времена Валента; то ковчег, в котором лежала глава, царь покрыл порфирою и, взяв его с собою, возвратился в Константинополь, где положил его в так называемом предместии на седьмой миле, и воздвиг там огромный и прекраснейший храм Богу. Что же касается до

Матроны, то хотя царь многократно и часто докучал ей и обещал милости, однакож не склонил ее отстать от своих мыслей; ибо она принадлежала к Македониевой ереси. Но пресвитер Викентий, который был также при гробе Пророка, совершал пред ним богослужение, немедленно последовал за царем и вступил в общение с членами Церкви кафолической. По словам приверженцев Македония, он клятвенно уверял, что никогда не отступит от их учения, однакож наконец явно высказал, что если Креститель благоволит последовать за царем, то и он без всякого отлагательства вступит с ним в общение. Викентий родом был Персиянин. Но когда в царствование Констанция персидские Христиане подверглись гонению, он вместе с двоюродным братом своим Аддою убежал к Римлянам, причислен был к клиру и достиг сана пресвитера. А Адда, вступив в брак, принес великую пользу Церкви и оставил по себе сына Авксентия, преданного Богу и заботливого о друзьях, человека прекрасного по жизни, любившего науки и многосведущего в сочинениях языческих и церковных писателей, мужа благонравного, полезного царю и царедворцам и занимавшего блестящие должности. Но о нем рассказывают очень многое как знаменитые монахи, так и добродетельные люди, с которыми он был знаком. А Матрона до самой кончины оставалась в селении Косилае и жила весьма свято и благочестиво, начальствуя над посвященными Богу девами, из которых многие, как я слышал, и доселе еще живы и ведут жизнь, достойную наставлений Матроны.

Глава 22

Об удавлении царя Валентиниана Младшего в Риме и о тирании Евгения, также о пророчестве Фиваидского монаха Иоанна.

Между тем как Феодосий, мирно управляя восточною империею, занимался такими делами и весьма ревностно служил Богу, пришло известие, что царь Валентиниан погиб от веревки. Говорили, что такая кончина устроена ему постельничими евнухами, по наущению некоторых царедворцев, а особенно начальника над войском Арбогаста, который видел, что юный царь в управлении подражает отцу и недоволен многим, что ему нравилось. Но другие полагали, будто он сам наложил на себя руки – от того, что в пылу молодости решаясь на что-нибудь не должное, встречал препятствия, и потому не захотел жить, так как, будучи царем, не мог беспрепятственно делать все, чего желал. Впрочем утверждают, что этот юноша, и по красоте тела, и по доблести царского характера, был чрезвычайно достоин царствования, что он и великодушием и справедливостию превзошел бы своего отца, если б достиг мужеского возраста. И однакож, быв таким, он получил такую смерть! Между тем некто Евгений, неискренно расположенный к христианскому учению, захватил власть над империей и возложил на себя знаки царствования. Он думал, что будет владычествовать безопасно, и к этой мысли приведен был словами некоторых людей, уверявших его, что они знают будущее по жертвенным животным, по рассматриванию печени и наблюдению звезд. Этим в то время занимались многие из римских сановников и между прочими тогдашний префект Флавиан, человек красноречивый и почитавшийся весьма мудрым в делах государственных, а сверх того, чрез знание всякого рода гаданий, прослывший точным знатоком будущего. Таким-то знанием особенно убедил он Евгения приготовиться к войне, уверяя, что ему судьбою определено царствовать, что в сражении на его стороне будет победа, и что за тем настанет

изменение храстианской веры. Обольщенный такими надеждами, Евгений собрал огромное войско и, заняв ведущие в Италию ворота, которые у Римлян называются Юлиевыми Альпами, охранял их. А эти ворота, с обеих сторон ограженные крутыми и высокими горами, оставляют только один проход чрез ущелье. Между тем Феодосий, думая о том, какой будет иметь исход война его с Евгением, и лучше ли самому наступать, или ждать его наступления, решился посоветоваться об этом с фиваидским монахом Иоанном, о котором я сказал прежде, что он тогда славился знанием будущего. И так царь послал в Египет одного преданного себе придворного евнуха, Евтропия, чтоб он, если возможно, привез Иоанна, а когда тот откажется ехать, узнал по крайней мере от него, что надобно делать. Увидевши Иоанна, евнух не убедил его идти к царю, но возвратился один и объявил предсказание пустынника, что Феодосий будет победителем в войне и, истребив тирана, после победы в Италии, сам скончается. Последствия показали, что то и другое было справедливо.

Глава 23

О взимании податей, о ниспровержении в Антиохии царских статуй и о посольстве Архиерея Флавиана.

Между тем по случаю войны, начальники, заведовавшие сбором податей, заблагорассудили потребовать их несколько более обыкновенного. По этому случаю возмутившийся в сирской Антиохии народ ниспроверг статуи царя и его супруги, потом, привязав к ним веревку, влачил их по городу, и при этом случае, как обыкновенно бывает у разъяренной черни, произносил оскорбительные выражения. Когда же царь за это думал многих Антиохийцев предать смерти, народ, по одному слуху о том, пришел в крайнее уныние, прекратив бешенство, стал раскаиваться и, как будто наступили уже те бедствия, о которых говорили, стенал, плакал, умолял Бога, чтобы Он укротил гнев Державного, и при общенародных молениях некоторые песни воспевал жалобно. В это-то время, антиохийский епископ Флавиан отправлялся послом за своих сограждан, когда царь был еще гневен, и убедил юношей, обыкновенно поющих при царском столе, пропеть те песни, которые антиохицы пели во время общенародных молений. От этого, говорят, царь, побежденный состраданием, преклонился на милость, тотчас отложил гнев, примирился с народом и омочил слезами чашу, которую тогда держал в руках. Рассказывают также, что в ночь, предшествовавшую тому дню, в который произошло это возмущение, царь видел призрак женщины, чрезвычайной величины и ужасного образа, которая, проходя по воздуху над городскими улицами, поражала воздух страшными ударами бича, какими обыкновенно приводят в ярость зверей люди, занимающиеся такого рода зрелицами. Из этого видно, что некий злой демон коварно возбудил тот мятеж, и за ним последовало бы, конечно, много смертей, если бы царь не отложил гнева, уважив, по своему благочестию, священническое ходатайство.

Глава 24

О победе царя Феодосия над Евгением.

Когда все было готово к войне, Феодосий объявил царем младшего сына своего Гонория, а Аркадий был еще прежде объявлен, и, оставив обоих в Константинополе, сам с войском поспешно отправился с востока в западную империю. В след за ним пошло и множество союзников из Варваров, живших по Дунаю. Говорят, что, выехав тогда из Константинополя и достигши седьмой мили, он молился Богу в тамошней церкви, которую выстроил в честь Иоанна Крестителя, просил, чтобы исход войны был благополучен и для него, и для войска, и для всех Римлян, и призывал себе в помощь Крестителя. Испросив этого, Феодосий отправился в Италию и, напав на альпы, взял первое сторожевое место. Когда же, перешедши выстоту ущелья, от готов уже был спускаться, – вдруг увидел пред собою поле, покрытое конным и пешим войском, а недалеко сзади множество неприятелей, стоявших на высоте горы. Как скоро первые перешедшие войска столкнулись с стоявшим в нем неприятелем, завязалась жестокая и сомнительная битва. Царь еще при переходе войск заметил, что ему с ними, при всем даже желании, человеческими средствами спастись невозможно, если нападут с тылу неприятели, занявшие высоту. Посему он повергся на землю и слезно молился, – и Бог, как показало событие, скоро внял его молитвам; ибо начальники отрядов, занимавших возвышение, послали сказать ему, что они будут его помощниками, если он удостоит их почестей. Тогда царь, поискав и не нашедши бумаги и чернил, взял дощечку, которую случайно держал один из предстоявших, и написал, что они получат от него важные и приличные места в войске, если исполнят обещание. На этом условии те действительно перешли на сторону царя. Впрочем, когда еще ни та, ни другая сторона ни уступала, и битва в поле была равносильна, вдруг подул чрезвычайно сильный, противный неприятелям ветер, какого никогда прежде не бывало, и разстроил ряды их. Бросаемые Римлянами стрелы и копия, как будто они ударялись

во что-нибудь твердое, он отражал назад в тела бросающих и, вырывая из рук их щиты, с грязью и пылью обращал на них же. Лишенные таким образом оружия, весьма многие из них тут же были побиты, а другие, спасшись на время бегством, скоро были переловлены. Тогда Евгений, повергшись к ногам царя, молил его о пощаде, но в то самое время, как он умолял, был обезглавлен одним из воинов. А Арбогаст, после сражения предавшись бегству, сам на себя наложил руки. Говорят, что в то время, как происходило это сражение, в храме Божием, находящемся в предместии на седьмой миле, где молился царь, выступая на войну, один бесноватый, восхищенный на воздух, поносил Иоанна Крестителя, ругался над ним, как над обезглавленным, и восклицал: ты побеждаешь меня и устрояешь козни моему войску. Присутствовавшие при том, так как естественно все очень хотелось услышать и сказать что-нибудь нового о войне, быв изумлены этим, записали тот день и скоро от бывших в сражении узнали, что сражение случилось именно в замеченный день. Так-то, говорят, происходило это.

Глава 25

О дерзновении святого Амвросия пред царем Феодосием и об избиении жителей фессалоникских: также повествование о других подвигах этого святого мужа.

По убиении Евгения, царь, прибыл в Медиолан и пошел в церковь помолиться. Когда же он подошел к дверям, ему вышел на встречу епископ города Амвросий и, взяв его за порфиру, в присутствии народа сказал: остановись; человеку, осквернённому грехом и несправедливо обагрившему руки кровию, нельзя, прежде покаяния, преступать этот священный порог и прикасаться божественных таинств. Удивившись дерзновению иерея, царь, сознал свой грех и, побуждаемый раскаянием, удалился. Повод же ко греху был следующий: У тогдашнего начальника над войсками в Иллирии, Вуериха, возница, питая постыдное чувство к виночерпию, искушал его и, за то будучи взят, содержался в тюрьме. Между тем, по случаю имевшего быть в цирке знаменитого бега, фессалоникский народ потребовал, чтобы его освободили, как такого человека, который необходим для предстоящего состязания, и когда в этом было ему отказано, то поднял сильное смятение и наконец убил Вуфериха. Получив о том донесение, царь крайне разгневался и приказал предать смерти известное число первых встречных. Вследствие этого город обагрился кровию многих невинных; потому что сверх всякого ожидания, схвачены были и иноземцы, только что приплывшие морем и пришедшие сухим путем. Да и много было случаев жалких, и между прочими следующий: Один купец, предлагая самого себя вместо двух взятых его сыновей, просил, чтобы его умертвили, а их пощадили, и в награду за то обещал отдать воинам все свое золото. Сжалившись над несчастием этого человека, воины принимали его просьбу за одного из сыновей, которого он выберет, но отпустить обоих сочли для себя не безопасным, потому что тогда не выйдет полного числа. Смотря на обоих с

плачем и слезами, отец не мог избрать ни которого, но, пламенея одинаковою любовию к тому и другому, оставался в нерешимости, пока их не умертвили. Я слышал также, что тогда один добрый слуга охотно отдал себя на смерть вместо господина, которого вели лишить жизни. В этих-то и вероятно в других, случившихся тогда бедствих обвиняя царя, Амвросий за то отверг его от церкви и лишил общения. Впрочем царь и сам всенародно исповедал свой грех пред Церковию, и во все назначенное ему для покаяния время, как плачущий, не носил царских украшений. сверх того, он издал закон, чтобы исполнители царских повелений наказание осужденных на смерть отлагали до тридцатого дня – в той мысли, что это промужуточное время утишить гнев царя, в с ослаблением гнева, останется место для милосердия и раскаяния. Впрочем Амвросий совершил много и других достойных священства дел, которые известны одним местным жителям. К числу важнейших его подвигов относится и следующий: Было в обычае, что цари стояли в святилище церкви, ради чести, занимая отдельное место от народа. Но убежденный, что это произошло от угодничества или от нарушения порядка, Амвросий назначил царю место в церкви пред решетками святилища, так чтобы Державный председательствовал народу, а Державному – иереи. Это прекрасное установление царь Феодосий одобрил, а преемники его утвердили; так что оно с тех пор, видим, соблюдается и доныне. Мне кажется, необходимо внесть в историю и следующее достопамятное дело этого мужа. Один язычник из числа сановников поносил Грациана, называл его недостойным отца и, подвергшись за это суду, осужден был на смерть. Когда же вели его на казн, Амвросий пошел во дворец – с намерением просить за него. Так как Грациан, побуждаемый людьми, строившими ему козни, забавлялся в это время травлею зверей – одним из тех зрелищ, какие обыкновенно назначают цари для своего, а не для всенародного удовольствия, и никто из поставленных при дворцовых воротах не докладывал об Амвросие, потому что было не время; то он пошел назад и, подошедши к воротам, которыми вводили зверей, незаметно вступил в них вместе с охотниками и дотоле

не отставал от Грациана и окружавших его, пока не исторг у него слова спасения, которым ведомый на смерть избавлялся от смерти. Сверх сего, он был весьма рачителен в соблюдении церковных законов и внимателен к образу жизни подчиненных себе клириков. Из многих знаменитых его дел я рассказал об этих в доказательство его дерзновения, какое он, ради Бога, имел пред Державными.

Глава 26

О святом Донате, епископе еврийском, и Феотиме, архиерее скифском.

В то же время, во многих местах вселенной, было много и других славных епископов. Таким, например, почитался Донат, епископ города Евреи в Епире. Местные жители свидетельствую, что он совершил вообще много чудес, и в особенности чудо умерщвления дракона, который скрывался при большое дорое, около места, называемого Хаметефира, и похищал овец, коз, волов, лошадей и людей. Не с мечом или копьем, и не с каким-либо другим оружием вышел он против этого зверя; но когда тот почувствовал его приближение и поднял голову, чтобы напасть на него, он перстом изобразил пред ним в воздухе знамение креста и плюнул. Слюна попала зверю в рот и он издох. Мертвое тело его показывало, что это животное, по величине, было не меньше пресмыкающихся, которые водятся, говорят, в Индии. Действительно, местные жители, как я слышал, вытащили его на ближнее поле осьмью волами и сожгли, чтобы он гниением не заражал воздуха и не причинил смертоносной болезни. Этому Донату гробницею служит называющийся по его имени, знаменитыцй молитвенный дом, близ которого находится многоводный источник, прежде не существовавший и открытый Богом по его молитвам; ибо то место было совершенно безводно. Говорят, однажды он зашел сюда во время путешествия, и когда находившиеся с ним страдали от недостатка воды, он стал копать землю рукою и молиться. По его молитве тотчас проторгся обильный ключ воды, и с тех пор не иссякает. Свидетели тому – жители еврийской деревни Исории, в которой это случилось. – В то же время церковию Томиса и прочей Скифии управлял Феотим, родом Скиф, человек, воспитанный в любомудрии, которого придунайские Варвары Гунны, дивясь его добродетели, называли римским Богом, потому что и в самом деле видели от него опыты дел божественных. Рассказывают, например, что

однажды он путешествовал по тамошней стране Варваров и встретил несколько туземцев, шедших в Томис. Бывшие с ним стали плакать, полагая, что они будут убиты4 но он, сошедши с лошади, начал молиться, – и Варвары миновали их, не заметив ни его самого, ни спутников его, ни лошадей, с которых они сошли. Так как жители той страны своими частыми набегами разоряли Скифов, то Феотим этих, по природе звероподобных людей приучил к кротости, угощая их и по дружески предлагая им подарки. От того один Варвар, предполагая, что он богат, вознамерился коварно пленить его. С этою целию приготовил он аркан и стоял, опершись на щит, как обыкновенно делывал, разговаривая с неприятелями, потом, подняв правую руку, хотел забросить на него веревку, чтобы увлечь его к себе и к своим единоплеменникам; но во время этого самого действия рука его осталась протянутою в воздухе, и не прежде освободилась от невидимых уз, как когда Феотим, по ходатайству других, помолился за Варвара Богу. Говорят, что этот епископ постоянно носил длинные волосы – с тех пор, как начал прилежно изучать любомудрие. Он держался простого образа жизни, вкушал пищу не в одно и то же время, но когда чувствовал голод или жажду; ибо, философу и в этом случае свойственно, кажется, уступать нужде, а не прихоти.

Глава 27

О святом Епифание, епископе кипрском, и краткое повествование о делах его.

В то же время в главном городе Кипра епископствовал и епифаний. Он был знаменит не только добродетелями, но и теми чудесами, которые совершены Богом для прославления его при жизни и по смерти; ибо по смерти его творится то, чего не было и при жизни: говорят, что при его гробе и до ныне еще изгоняются демоны и получаются некоторые исцеления. А пока он был жив, ему приписано много чудес, в числе которых до нас дошло и следующее: Так как, быв щедр к бедным, пострадавшим либо от кораблекрушения, либо от кокой другой причины, он давно уже издержал свое имение, то в случае нужды расточал и имущество церковное. А этого имущества было очень много; потому что, желая сделать благочестивое употребление из своего богатства, многие со всех концов вселенной и при жизни отдавали его в церковь, и при кончине оставляли ей – в той уверенности, что Епифаний, как добрый распорядитель, и как человек, любящий Бога, употребит их дары согласно с их желанием. Говорят, что однажды, когда уже немного оставалось денег, эконом церкви вознегодавал на епископа и стал порицать его, как расточителя. Но последний, несмотря и на это, не уменьшал своей обычной щедрости к бедным. Таким образом наконец все было издержано, как вдруг некто вошел в комнату, в которой жил эконом, и подал ему мешок со многими золотыми монетами. Так как неизвестен был ни тот, кто подал, ни тот, кто послал подать, а между тем по справедливости казалось странным, чтобы человек, пожертвовавший столько денег, хотел остаться неизвестным; то все пришли к мысли, что это дело Божие. Но вот и нечто другое, что о нем говорят, и о чем я хочу рассказать. Знаю, что то же чудо было совершено и Григорием чудотворцем, некогда управлявшим неокессарийскою Церковию, и очень верю этому. Но отсюда еще не следует, будто подобное дело не могло быть

совершено и Епифанием. Ведь не один также апостол петр воскресил мертвого, но и евангелист Иоанн в Ефесе, и дочери Филиппа в Иераполисе. Мы видим, что часто одно и то же было совершено многими, и древними, и ныне живущими благочестивыми мужами. Вот то событие, о котором я хочу рассказать. Двое нищих заметили, что идет Епифаний, и, чтобы получить от него больше денег, один из них, распростершись на земле, лежал, как мертвый, а другой, стоя подле него, плакал и, выражая скорбь о смерти своего товарища, вместе жаловался на бедность, что ему нечем даже и похоронить его. Епифаний помолился об упокоении лежащего и, дав плачущему, сколько нужно для погребения, сказал: сын мой, позаботься о погребении и перестань плакать: ведь уж он не воскреснет; а чего нелшьзя изменить в случившемся и что совершенно необходимо, то нужно переносить великодушно. Сказав это, он пошел дальне. Когда никого не стало видно, стоявший толкнул ногою лежавшего и, хваля его за то, что он очень искусно представил умершего, сказал: вставай и повеселимся сегодня на счет твоих трудов. Но тот все лежал в одном положении и не слышал, как этот кричал ему, не чувствовал, как он изо всей силы толкал его. Тут уже последний побежал за иереем и, догнав его, признался ему в своем обмане, плакал и, рвя на себе волосы, просил его воскресить товарища. Но Епифаний, дав ему наставление не слашком печалиться о случившемся, отпустил его; ибо Богу не угодно было изменить то, что совершилось – без сомнения с целию внушить людям, что поступающие таким образом с Его слугами, обманывают Его самого, тогда как Он все слышит и все видит.

Глава 28

Об Акакие, епископе берийском, также о Зеноне и Аяксе, мужах знаменитых и прославившихся добродетелию.

Так я слышал об этом. В то же время славился между епископами и Акакий, которому давно уже вверено было епископство в городе Берии сирийской. О нем можно рассказать много достопамятного, так как он еще с детства начал подвиги иноческой жизни и жил со всею строгостию. Но лучшим доказательством его добродетели служит то, что епископское его жилище было открыто о всякое время. Всем, кому хотелось, и пришельцам, и городским жителям позволялось смело видеть его и во время обеда, и в часы сна. Этому я очень удивляюсь: значит, он либо так жил, что всегда был уверен в самом себе, либо придумал это с намерением противодействовать склонности нашей природы к злу: ибо ожидая, что приходящие всегда могут застать его в расплох, он был беспрестаннно на страже и ни в чем не отступал от своего долга, но всегда занимался добрыми делами. В то же время славились браться Зенон и Аякс, которые первоначально вели жизнь любомудрственную – не в уединении, а в приморском городе Газе, называемом также Майюмою. Оба они были весьма преданы православному учению и мужественно исповедовали Бога, так что много раз весьма тяжко и жестоко были биты язычниками. Об Аяксе рассказывают, что он женился на прекраснейшей женщине, но только трижды во все время имел с нею супружескую связь и родил от ней трех сыновей, двух воспитал он в познании предметов божественных и приготовил к безбрачию, а третьего к жизни брачной. Сам же кротко и весьма похвально управлял Церковию вотолийскою. Равным образом и Зенон, еще в юности отказывшись от мира и от брака, был весьма рачителен в служении Богу. Говорят, да мы и сами видели, что в качестве епископа Церкви майюмской, достигнув уже старости и имея около ста лет, он никогда не

пропускал ни утренних, ни вечерних песнопений, ни другого какого-либо Богослужения, если только не препятствовала ему болезнь. Проводя жизнь в монашеском любомудрии, он ткал на одноверстенном станке льняную одежду, и чрез это не только доставал все нужное для себя, но и помогал другим, и до самой кончины не переставал заниматься этим делом, хотя был старше всех местных епископов и начальствовал над многолюднейшею и богатейшею Церковию. Об этих епископах я упомянул, чтобы показать, каковы были в то время предстоятели: всех же перечислить трудно; потому что они бошльшею частию были мужи добрые. И сам Бог свидетельствовал о доброй их жизни, скоро внемля их молитвам и совершая чрез них весьма много чудес.

Глава 29

О обретении мощей пророков Аввакума и Михея, и о кончине царя Феодосия Великого.

Управляемая такими мужами вселенская церковь приводила к единодушной добродетели и ревности как мирян, так и клир. Впрочем не этим одним прославилось наше Богослужение, но и тем, что тогда же обретены были первопророки Аввакум и, спустя немного, Михей. Тела обоих, как я слышал, указаны были божественным сновидением Зевенну, бывшему в то время епископом Церкви элевферопольской. Имя месту, где обретен Аввакум, было Кела, или прежний город Кила. От этого города на десять стадий отстоит местечко Вирафсатия, близ которого находился гроб Михея; от местных жителей, по неведению, названный памятником верных, или на родном их языке Нефеамегмана. Так вот и это служило также к прославлению христанского учения и случилось в настоящее же царствование. Между тем царь Феодосий, после победы над Евгением, находясь еще в Медиолане, заболел и, тотчас припомнив предсказание монаха Иоанна, стал подозревать близость своей кончины. Он немедленно вызвал из Константинополя сына своего Гонория и, когда увидел его, – как будто почувствовал себя лучше, так что сам вышел в цирк на зрелище. Но после обеда ему вдруг сделалось хуже, и он поручил сыну своему присутствовать вместо себя. В следующую ночь жизнь его прекратилась, и это случилось в консульство братьев Оливрия и Пробиана.

Конец седьмой книги церковной истории.

Книга восьмая

Глава 1

О преемниках Феодосия Великого и о том, как убит префект Руфин, также об архиереях великих городов, о разногласии еретиков и о новацианском епископе Сисиние.

Таким образом, значительно возвысив Церковь и прожив около шестидесяти лет, а процарствовав шестнадцать, Феодосий скончался. Преемниками своей власти оставил он старшего сына Аркадия над народами восточными, а Гонория над западными. Оба они касательно веры были единомысленны отцу. Над римскою Церковию начальствовал тогда, после Дамаса, Сирикий, над константинопольскою Нектарий, над александрийскою Феофил, над антиохийскою Флавиан, а над иерусалимскою Иоанн. В это время на Армению и некоторые части восточной империи сделали набег Варвары Гунны. Сказывали, что для возмущения имерии, тайно навел их префект востока Руфин, подозреваемый и кроме того в стремлении к тирании. И по этой причине они вскоре был умерщвлен; ибо когда войско возвращалось с войны против Евгения, и царь, по обычаю встречал его пред Константинополем, – воины, не думая много, умертвили Руфина. Это было также поводом к усилению веры; ибо Державные победы отца своего над тиранами приписывали благочестию; потому-то Руфин, злоумышлявший против их владычества, так легко и низложен. Они не только соблюдали права, дарованные Церквам прежними царями, но присоединили к ним и собственные дарствования. Смотря на это, подданные из язычников охотно обращались в Христианство, а из еретиков переходили в кафолическую Церковь. Бывшие же в ереси Ария и Евномия, по прежде сказанным причинам, разногласия даже и между собою, ежедневно уменьшались; ибо многие из них, противореча одни другим, начинали думать, что они мыслят о Боге неправо, и присоединялись к единоверным с Державными. А

константинопольским последователям Македония вредило в это время то, что у них не было епископа; ибо с царствования Констанция, когда Евдоксий и его единомышленники лишили их церквей, до царствования настоящего они оставались при одних пресвитерах. Новациане же, хотя некоторых между ними и смущал возбужденный Савватием вопрос о Пасхе, большею частию наслаждались спокойствиствие в своей Церкви; ибо, как исповедники единосущной Троицы, они не были подвержены, подобно всякой другой ереси, ни наказаниям, ни узаконениям, – даже в то время доблестию своих предстоятелей приведены еще к большему единомыслию, потому что, после предстоятельства Агелиева, управлялись мужем добрым Маркианом. А по кончине его, что случилось недавно, около нынешнего времени, епископство над ними принял Сисиний, муж чрезвычайно красноречивый, весьма вседущий в науках философских и в священном Писании, а в состязаниях находчивый до того, что даже славившийся и занимавшийся этим Евномий часто отказывался от разговоров с ним. Да и по жизни был он чист и стоял выше клеветы. Что же касается до образа жизни, то, смотря на роскошь его и прихотливость, незнающие не верили, чтобы, живя столь роскошно, он мог соблюдать воздержание. Нравом Сисиний был приятен и любезен в обращении, а потому нравился как епископам кафолической Церкви, так и властям и людям ученым. Шутить с приятностию и принимать шутки, в том и другом случае не быть обидчивым, остроумно и с быстротою отражать вопросы, – имел он великую способность. Например, на вопрос, для чего, будучи епископом, моется он два раза в день, Сисиний отвечал: для того, что в третий раз не успеваю. Так как он постоянно носил одежду белую, то кто-то из кафолической Церкви пошутил над ним. Но тот спросил: скажи же мне, где сказано, что надобно одеваться в одежду черную? И когда этот задумался, он, подхватив, сказал: да ты не в состоянии будешь доказать это; а меня убеждает и премудрый Соломон говоря: да будут одежды твои всегда белы, – и сам Христос, по словам Евангелия, явившись в ризах белоснежных и таким же показав Апостолам Моисея и Илию. Это изречение Сисиния я нахожу также

остроумным. В Константинополе проживал епископ Анкиры галатийской, Леонтий, отнявший церкви у тамошних новациан. Сисиний отправился к нему с просьбою возвратить их. Но тот не только не отдавал, а еще порицал новациан, как не достойных иметь церковные собрания, говоря, что они уничтожают покаяние и человеколюбие Божие. Тогда Сисиний сказал: однакож никто так не раскаивается, как я[44]. Как же это? – спросил Леонтий. – Так, что видел тебя, отвечал Сисиний. – Припоминают много и других остроумных его изречений. Есть, сказывают, довольно и написанных им не без изящества речей. Однакож больше хвалят его за устную беседу, потому что он отвечал отлично и способен был восхищать слушателя как голосом, так и взором и необыкновенно приятным лицом. Но чтобы показать, каков был этот муж, какие имел он природные способности, воспитание и образ жизни, довольно сказано.

Глава 2

О правилах, образе жизни, обращении, мудрости и вступлении на кафедру Великого Иоанна Златоустого, и о том, что противником ему становится Феофил александрийский.

Около этого времени Несторий скончался, и начали думать, кого рукоположить. Одни назначали того, другие – другого: всем нравилось не одно и то же, а между тем время уходило. Был в антиохии, что при Оронте, некто пресвитер, по имени Иоанн, сын родителей благородных, прекрасный по жизни, сильный словом и убеждением и, по свидетельству самого сирского софиста Ливания, превосходивший риторов своего времени; ибо когда Ливаний приближался к смерти и друзья спросили его, кому занять его место, он, говорят, отвечал: Иоанну бы, если б не отняли его Христиане. Весьма многих, слушавших его в церкви, Иоанн привлек к добродетели, и в отношении к предметам божественным, делал их своим единомышленниками; ибо, проводя жизнь свято, он своею доблестию возбуждал в слушателях соревнование и увлекал их к своему образу мыслей – не искусством каким-нибудь или силою слова, а тем, что проповедовал истину и искренне изъяснял священные книги. Если слово украшается делами, то естественно является достойным веры; а без них оно говорящего обличает во лжи и, сколько бы он ни старался учить, делает его обвинителем собственных слов. Иоанн был знаменит тем и другим: он отличался строгими правилами жизни и точностию в своих действиях; выражение же его речи было ясно и блистательно. Много дала ему природа; а наставниками его в риторском искусстве был Ливаний, в вилософских науках – Андрагафий. Думали, что он будет стряпчим и изберет этот род жизни, но потом узнали, что он упражняется в священных книгах и любомудрствует по уставу Церкви. Наставниками же его в этом любомудрии были тогдашние предстоятели

знаменитейших монастырей, Картерий и Диодор, впоследствии управлявший Церковию тарсийскою и, как мне сказывали, оставивший много книг собственного сочинения, в которых он толковал священное Писание буквально, избегая умозрений. Иоанн учился у них не один. Он расположил к тем же мыслям и бывших в школе Ливаниевой друзей своих, некоего Феодора и Максима, из коих последний был потом епископом селевкии исаврийской, а первый, то есть Феодор – епископом Мопсунтии киликийской и отличался сведениями как в священных книгах, так и в других науках – риторских и философских. Занимаясь сперва божественными законами и беседуя с духовными лицами, этот муж хвалил правила их, а светскость презирал, однакож не долго оставался в таком расположении, но, раскаявшись, увлекся к прежней жизни, Раскрасив свое намерение, вероятно, противными мыслями из древних примеров, – ибо был многосведущ в истории, – он возвратился в город и рассуждал, что это будет лучше того, к чему он стремился. Узнав, что Феодор занимается делами и думает о бракосочетании, Иоанн написал к нему послание, по изложению и мыслям превосходящее силы человеческого разума, и отправил. Прочитав его, тот раскаялся, тотчас же оставил имущество и отказался от брака. Совет Иоанна спас его и возвратил к жизни созерцательной; так что, мне кажется, и из этого легко заключить, какою сильною убедительностию цвело слово Иоанново, когда он побеждал ею даже тех, которые сами, подобно ему, могли говорить и убеждать. Этим-то восторгал он и народ, особенно когда распространялся в обличении согрешающих и с дерзновением негодовал на оскорбителей Церкви, либо на обидчика, так как бы сам терпел обиду. Простому народу это конечно нравилось, но богатым и сильным, у которых много грехов, должно было казаться оскорбительным. Итак, сделавшись знаменитым между знающими – чрез свои опыты, а между незнающими – чрез молву, и по всей римской империи прославившись словами и делами, он признан был достойным епископства над константинопольскою церковию. Когда же клир и народ решил это, – согласился и царь и послал привезти Иоанна. Хиротонию его желая совершить благолепнее,

он даже созвал собор. Вскоре правитель востока, Астерий, получив царский указ, дал знать Иоаннну, чтобы он приехал к нему – будто бы для выслушания от него какой-то просьбы. Когда тот прибыл, он тотчас посадил его в колесницу и, вместе с ним поспешно отправившись в так называемую станцию Патры, и там сдав его царским посланным, возвратился домой. Хорошо, что вздумал он распорядиться этим делом прежде, чем узнали столь склонные к возмущениям Антиохийцы. Известно, что по своей воле они никак не отпустили бы Иоанна, пока либо не потерпели бы сами, либо не сделали бы чего другим. Когда же прибыл он в Константинополь и созванные иереи составили Собор; то Феофил воспротивился хиротонии и стал благоприятствовать Исидору, который в то время был из числа подчиненных ему пресвитеров и имел в Александрии должность попечителя о пришельцах и бедных, а с молоду отлично любомудрствовал в Ските, – так слышал я от людей, которые жили с ним вместе. А иные говорят, что Исидор был другом Феофила, как соучастник и и единомышленник в одном опасном деле. Рассказывают, что когда открылась война против Максима, Феофил, вручив Исидору дары и грамоты как для царя, так и для тирана, приказал ему отправиться в Рим и выжидать исхода борьбы, а потом дары вместе с грамотою поднесть победителю. Но тот, следав это, не укрылся и, испугавшись, возвратился беглецом в Александрию. С тех пор Феофил держал его при себе, как лицо самое доверенное, и теперь подумал вознаградить его за опасность, доставив ему константинопольскую епископию. Но поэтому ли хотел рукоположить его Феофил, или потому, что он был муж доблестный, только наконец должен был согласиться с мнениями в пользу Иоанна, убоявшись Евтропия, который был тогда первым сановником царского двора и безмерно желал этой хиротонии. Евтропий, говорят, прямо грозил ему и требовал, чтобы он либо согласился с мнением других иереев, либо защищался против людей, намеревающихся обвинить его; ибо тогда на него много было доносов Собору.

Глава 3

О том, что, вступив на епископство, Иоанн ревностно взялся за дела и везде исправлял Церкви, касательно же греха Флавианова отправил посольство в Рим.

Сделавшись епископом, Иоанн прежде озаботился исправлением жизни подчиненных себе клириков. Вникая в их жизнь и вообще поведение, он и обличал их и исправлял, а некоторых даже отлучал от церкви. Будучи склонен к обличениям по природе и справедливо негодуя на поступающих неправедно, но в сане епископа еще более предался этому чувству; ибо, получив свободу, природа тем легче возбуждала язык его к обличению и тем быстрее возвигала гнев его против согрешающих. Этот добрый и великомудрый (пастырь) старался исправить не только подчиненную себе Церковь, но и Церкви повсюду. Тотчас по вступлении свое на епископство, когда иереи в Египте и на западе находились еще в разладе с восточными из-за Павлина, и по этому случаю было какое-то общее отчуждение между Церквами всей империи, – он просил Феофила содействать ему в примирении римского епископа с Флавианом. А как скоро это было положено, тотчас избраны для сей цели берийские епископ Акакий и Исидор, из-за которого Феофил противился рукоположению Иоанна. Прибыв в Рим и совершив посольство согласно с своим желанием, они отплыли оттуда в Египет, а из Египта Акакий отправился в Сирию и от египетских и западных иереев разносил примирительные грамоты державшим сторону Флавиана. Таким образом Церкви, хоть и нескоро, освободились наконец от этого раздора и пришли в общение между собою. Впрочем, антиохийское общество так называемых Евстафиан несколько времени еще существовало и делало особые собрания без епископа; ибо преемствовавший Павлину Евагрий, как известно, жил не долго и скоро умер. Потому-то, думаю, и легко было примириться епископам, что не оставалось более противника. Что же

касается до народа, то он как у черни обыкновенно бывает, все по немногу присоединялся к пастве Флавиана и с течением времени почти совершенно слился с нею.

Глава 4

О Варваре Готфе Гайне и о причиненном от него зле.

В это время Варвар Гайна, перебежавший к Римлянам и из простого воина сверх чаяния достигший степени военачальника, вознамерился захватить верховную власть над римскою империею. Стремясь к этому, он перезывал единоплеменников своих Готфов из их стран в земли римские и близких к себе между ними ставил сотниками и тысяченачальниками. Тогда как Тирвингал (Требигальд), по родству человек к нему близкий, затевал новости, – он предводительствовал в Фригии многочисленным отрядом воинов, и люди благонамеренные ясно видели что им же самим подготовлено было это. Однакож он притворился, будто негодует на Тирвингала за разрушение тамошних городов, и получил повеление помочь им. Но прибыв во Фригию и собрав множество варваров, так как бы готовился к войне, он уже явно обнаружил скрываемое дотоле намерение и города, которые велено было ему охранять, разрушил, а на другие собирался напасть. Потом вступив в Вифинию, он расположился лагерем близ Халкидона и грозил войною. Когда дела были в таком опасном состоянии и когда опасность особенно угрожала азийским и восточным городам, лежавшим между неприятельским лагерем и евксинским понтом; то царь, размыслив с своими приближенными, что не безопасно, без приготовления вступать в борьбу с людьми, уже отказавшимися от жизни, отправил посольство к Гайне и велел спросить его, чего он хочет: все его желания будут исполнены. Гайна потребовал консульских мужей Сатурнина и Аврелиана той мысли, что они противятся его видам. Сатурнин и Аврелиан явились; однакож он пощадил их и, сошедшись с царем в молитвенном доме пред Халкидоном, где находится гроб мученицы Евфимии, принял от него и сам дал клятву в благорасположении и, положив оружие, перешел к Константинополю, а потом получил от царя власть управлять

пехотою и конницею. Но не заслужив такого счастия, Гайна не умел благоразумно и пользоваться им. Так как первое безумное дело совершилось согласно с его желанием, то он вздумал еще возмущать кафолическую Церковь; ибо был Христианин из ереси тех Варваров, которые исповедуют учение Ариево. Подстрекаемый ее предстоятелями, или побуждаемый собственным честолюбием, он начал просить царя о том, чтобы единоверцам его дана была одна из церквей в городе; ибо не справедливо, говорил он с досадою, да и всячески не прилично ему, римскому военачальнику, выезжать для молитвы за городские стены. Узнав об этом, Иоанн не стал молчать, но взяв епископов, каким в то время случилось быть в столице, пошел во дворец и в слух царя, в присутствии самого Гайны, простер долгое слово, в котором с поношением изобразил и отечество этого Варвара, и бегство его, и то, как он, быв спасен, клялся тогда цареву отцу благоприятствовать Римлянам, и ему самому, и детям его, и законам, которые теперь старается сделать бессильными. Говоря это, он показал изданный Феодосием указ, воспрещавший иноверцам делать церковные собрания в стенах города. Потом, обратив речь к царю, Иоанн убеждал его – положенный закон касательно других ересей сохранять неприкосновенным, и советовал лучше отказаться от царствования, чем, сдедавшись предателем дома Божия, поступить нечестиво. Но между тем, как епископ столь мужественным дерзновением не допускал никаких нововведений касательно подчиненных себе церквей, Гайна замышлял уже нарушить клятву и разорить город. Этот замысл предвозвещен был явившеюся над городом столь великою кометою, что она достигла почти до земли и, говорят, никогда прежде не являлась. Гайна сперва покусился было напасть на продавцов серебряной монеты, надеясь захватить у них много денег. Но так как молва дала знать об этом его намерении, и торговцы серебром, скрыв подручные себе богатства, больше не следовали обыкновению раскладывать серебро на столах; то он в одну ночь послал толпу Варваров поджечь дворец. Однакож они ничего не сделали и возвратились в ужасе; ибо, подошедши близко к дворцу, увидели множество вооруженных

воинов огромного роста и, предположив, что то было новое войско, возвестили о том Гайне. Но Гайна знал, что в городе находится воинов не больше обыкновенного, и потому не хотел верить словам их. Когда же в следующую ночь и другие посланные принесли ту весть, какую прежние; то он отправился сам, – и сам был очевидцем дивного зрелища. Тогда подумав, что эти воины собраны из других городов ради него, и что ночью они стерегут город и дворец, а днем скрываются, он притворился бесноватым и, будто бы для молитвы, отправился в церковь, которую отец царя построил в честь Иоанна Крестителя на седьмой миле. Из Варваров же одни остались внутри города, а другие вышли вместе с Гайною, и тайно – в женских телегах, вывезли с собою оружие и колчаны со стрелами, а когда было это замечено, перебили у ворот стражу, которая хотела препятствовать им в вывозе оружия, от чего в городе распростанилась тревого и смятение, так как бы тут же хотели его разрушить. В эту минуту над всеми ужасами восторжествовала одна благая мысль. Царь, ни мало не медля, провозгласил Гайну врагом, а оставшихся в городе варваров умертвил. Воины напали на них и убили весьма многих, а так называемую готфскую церковь, в которой, как в привычном себе молитвенном доме, они тогда собрались, и из которого убежать сквозь запертые двери им было невозможно, – предали пламени. Узнав об этом, Гайна чрез Фракию поспешно отправился в Херронес и старался перейти за Геллеспонт, ибо думал, что если овладеет лежащею на том берегу Азией, то легко подчинит себе все народы восточной империи. Но и в этом надежды его не исполнились; потому что и здесь Римляне пользовались Божиею помощию. Как на суше, так равно и на море явилось посланное царем войско, и им предводительствовал Флавита, родом Варвар, но благонравный человек и доблестный вождь. Не имея кораблей, Варвары пытались переплыть Геллеспонт и достигнуть противоположного берега на паромах: но вдруг подувший стремительный ветер разорвал своею силою паромы и погнал их на римские корабли. Тогда большая часть Варваров потонула вместе с лошадьми, а другие были побиты войском. Гайна же с немногими спасся, но

вскоре, преследуемый по Фракии и убегая от преследований, встретился с другим войском и погиб с бывшими при нем Варварами. Таков был конец дерзостей и жизни Гайны. Прославившись этою войною, Флавита сделан был консулом. В его-то консульство и вместе в Викентиево родился тогда у царя, соименный деду, сын, который при следующих за тем консулах провозглашен Августом.

Глава 5

О том, как Иоанн своими поучениями привлекал народ, и о жене македонианской, ради которой хлеб превратился в камень.

Отлично управляя константинопольскими церквами, Иоанн привлекал многих и из язычников, и из еретиков. К нему ежедневно стекалось множество людей, частию для того, чтобы послушать его с назиданием, а частию, чтобы испытать его. Он обращался ко всем и, касательно божества, убеждал каждого исповедовать одно и то же с собою. Народ так жаждал его речей и до того не мог насытиться его беседою, что когда, вошедши в средину толпы, он садился на амвоне чтеца и начинал учить, слушатели толкали и теснили друг друга, желая пройти вперед и стать к нему ближе, чтобы яснее слышать его беседу. Здесь кстати, кажется, внесть в историю случившееся при нем чудо. Некто из ереси Македония имел за собою и жену македонианку. Послушав однажды учение Иоанна о том, как надобно исповедовать Бога, он принял этот догмат и убеждал свою жену к единомыслию с собою. Но так как она удерживалась прежнею привочкою и советами знакомых женщин; то, несмотря на многократные внушения, муж ее не получил никакого успеха и наконец сказал ей: если ты не приобщишься божественных тайн вместе со мною, то не будешь более подругою моей жизни. Тогда жена согласилась сделать по его желанию и, сговорившись с одной из служанок, которую считала преданною себе, приняла ее в соучастницы, чтобы обмануть мужа. Итак в минуту причащения, – посвященные разумеют, что говорю я, – она удержала принятое и будто с намерением сделать поклон, нагнулась. В это время стоявшая тут служанка тайно подала ей, что принесла в руках; а то, что было в зубах, превратилось в камень. Жена испугалась, как бы не потерпеть чего-нибудь, когда с нею случилось такое чуду, и пришедши поспешно к епископу, открыла ему грех свой и показала камень. Он сохранил на себе следы укушения, был

неизвестного вещества и имел какой-то необыкновенный цвет. Испросив себе со слезами прощение, она после того стала единоверною с мужем. А чтобы этого никто не почитал невероятным, во свидетельство остался самый камень, хранящийся и доныне в сокровищнице константинопольской церкви.

Глава 6

О действиях Иоанна в Азии и Фригии, также о Гераклиде ефесском и Геронте никомидийском.

Осведомившись, что Церкви в Азии и около ее управляются людьми недостойными, и что одни, обольщаясь взятками и подарками, другие – лицеприятием, торгуют священными званиями, Иоанн отправился в Ефес. При этом случае он, частию в Ликии и Фригии, частию в самой Азии, низложил тринадцать епископов и на место их поставил других, а над Церковию ефесскою, где тогда епископ скончался, епископство вверил Гераклиду, родом Кипрянину, диакону из подчиненных себе скитских монахов, ученику монаха Евагрия. Иоанн изгнал также из никомидийской Церкви Геронтия – за то, что он, не знаю, почему – хотел ли пугать кого-нибудь, или, обольщаемый призраками демонскими, – рассказывал, будто в бытность свою диаконом медиоланского епископа Амвросия поймал ночью призрак и, разбив ему голову, бросил под мельницу. За такие, будто бы недостойные служителя Божия речь, говорил он, Амвросий приказал ему до времени оставаться при себе и очиститься покаянием; но он, как отличный врач и человек имеющий дар говорить и убеждать, и способный приобретать себе друзей, посмеявшись над Амвросием, отправился в Константинополь и там, в короткое время снискав дружбу некоторых сильных при дворе людей, скоро получил епископство никомидийское. Рукоположил его епископ Кесарии каппадокийской, Элладий, платя ему за то, что он выхлапотал его сыну славную при дворе военную должность. Узнав об этом, Амвросий написал предстоятелю константинопольской Церкви Нектарию, чтобы он отнял у Геронтия священство и не позволял ему оскорблять себя и церковное чиноначалие. Но для Нектария, сколько ни старался он, это было неисполнимо; потому что Никомидийцы сообща сильно противостояли ему. Иоанн же, низложив его, рукоположил Пансофия, бывшего

наставником супруги царя, человека благочестивого, нравом скромного и кроткого, который однакож не нравился Никомидийцам. Поэтому они, часто возмущаясь все вместе и каждый порознь, исчисляли благодеяния Геронтия и великую пользу от врачебного его исскуства, описывали его готовность и способность служить одинаково всем богатым и бедным, и к этому присоединяли другие добродетели, как обыкновенно делают приверженцы. Рассказывают, будто во время землетресения, засухи, или других каких-либо Божиих посещений, они ходили по площадям своего отечественного города и Константинополя, пели гимны и молились Богу, чтобы снова иметь его своим епископом. Наконец, вынужденные необходимостию, одного они отпустили с плачем и воплями, а другого приняли со страхом и ненавистию. С этого времени низложенные и друзья их стали обвинять Иоанна, будто он есть причина нововведений в Церквах и будто, вопреки законам отеческим, отменены их хиротонии справедливые. Быв огорчены, они порицали и те поступки его, которые по мнению многих, были достойны похвалы, как например случившееся тогда с Евтропием.

Глава 7

О главном евнухе Евтропие, об изданном им законе и о том, что извлеченный из церкви, он был убит, также о ропоте на Иоанна.

Быв старшим из царских евнухов, Евтропий один и первый из всех, кого мы знали или о ком слышали, удостоился чести консула и царского отца. Облеченный таким могуществом, он не думал о будущем и о переменах, какие случаются в делах человеческих, и положил извлекать из церкви людей, ищущих покровительства у Бога и ради Бога живущих в ней. Особенно же старался он вывесть оттуда Пептадию, супругу Тимасия, сильного и страшного военачальника, которого, обвинив в тирании, присудил к вечному изгнанию на один египетский оазис; но который, томимый ли жаждою, как мне кто-то рассказывал, или боясь потерпеть что-нибудь еще худшее, на пути по пескам найден мертвым. Итак старанием Евтропия постановлен закон, повелевающий никому никаким образом не убегать в церковь, да и прежде убежавших в нее изгонять. Однакож скоро быв оклеветан в поношении супруги царя, он сам первый нарушил этот закон, то есть, убежав из царских палат, явился в церковь и стал просить ее покровительства. Тогда на него, лежавшего у священной трапезы, Иоанн произнес знаменитое слово, в которо разоблачил тщеславие людей сильных, а народу показал, что ничто человеческое не любит оставаться в одном положении. Но люди, питавшие к нему ненависть, и за это порицали его, как то есть мог он обличать и усугублять бедствие того, кто, находясь в опасности лишиться жизни, имел право на его сострадание. – Впрочем за нечестивое свое намерение Евтропий понес достойное наказание, быв лишен головы; а изданный им закон был совершенно изглажен из памятников народных. Между тем Церковь, когда Бог так скоро явился ее мстителем за нанесенную ей обиду, весьма прославилась и начала еще более преуспевать в благочестии. Народ же константинопольский с новою ревностию стал

упражняться в утренних и ночных псалмопениях по следующему поводу.

Глава 8

Об антифонных песнях Иоанна против ариан и о том, что от его учения православие еще более усиливалось, а богатеющие должны были скорбеть.

Так как приверженцы арианской ереси, со времени царствования Феодосиева, не имели в Константинополе церквей и делали собрания вне стен; то предварительно сходились они ночью в народные портики и, разделившись на лики, пели песни на два хора, припевы же, приспособляли к своему учению, а поутру, возглашая их всенародно, отходили в назначенные места и там делали церковные собрания. Так поступали они во все значительные праздники, равно как в первый и последний день седмицы, и в заключение прибавляли стихи оскорбительные, например: «где говорящие, что три суть одна сила», – примешивали к своих песням и другое подобное. Опасаясь, чтобы некоторые из его паствы не обольстились этим, Иоанн стал побуждать народ к подобным же псалмопениям. Но православные скоро сделались еще замечательнее приверженцев противной ереси, так что превзошли их и многочисленностию, и благолепием; ибо им предшествовали и серебряные знаки крестов в сопровождении горящих светильников, и приставлен был к этому евнух царской супруги, чтобы он имел попечение о необходимых в сем случае издержках и песнях. После того ариане, из зависти ли, или из мести Христианам кафолической Церкви, вступили с ними в бой, и некоторые с той и другой стороны были умерщвлены, а Бризон, – имя царскому евнуху, – поражен был камнем в лоб. Раздраженный этим, царь запретил арианам делать подобные ходы; а Христиане Церкви кафолической, начав петь упомянутым образом по сему поводу, удерживают этот обычай и доныне. Такими действиями и церковными беседами Иоанн еще больше возбуждал к себе любовь народа: но вместе с тем, чрез свое дерзновение, он еще больше становился ненавистным для

людей сильных и подчиненных себе клириков; ибо видел, что одни поступают неправедно, – и обличал их, а другие развращаются богатством, нечестием и нечистыми удовольствиями, – и побуждал их к добродетели.

Глава 9

Об архидиаконе Серапионе, о святой Олимпиаде и о том, что некоторые оскорбляли Иоанна поносными речами, называя его жестоким и гневливым.

Негодование его на клириков поддерживал особенно поставленный им архидиакон Серапион, родом египтянин, человек скорый на гнев и готовый на обиду. Не мало способствовали к тому и его увещания Олимпиаде. Олимпиада была знатного происхождения, и хотя овдовела еще в молодости, однакож ревностно любомудрствовала согласно с чиноположением Церкви. Поэтому Нектарий посвятил ее в диакониссы; а Иоанн, видя, что она расточает свое имущество просящим, и все прочее презирая, печется только о Божественном, сказал ей: Хвалю доброе твое расположение; но стремящийся к высоте добродетели ради Бога должен быть домостроителен, между тем как ты, расточая богатство богатым, не более делаешь, как вливаешь свою собственность в море. Разве не знаешь, что имущество ты добровольно посвятила просящим ради Бога, и что, быв поставлена распорядительницею в деньгах, как бы уже вышедших из твоей власти, ты подлежишь отчету? Итак, если хочешь послушаться меня, то для пользы нуждающихся умерь раздачу остального; ибо этим сделаешь добро многим и в воздаяние приобретешь от Бога милость и заботливейшее о тебе попечение. Был он в разногласии со многими из монахов, а особенно с Исакием; ибо людей, избиравших такой образ любомудрия, если они уединенно пребывали в своих монастырях, он весьма хвалил и усильно заботился, чтоб они не терпели притеснений и имели необходимое: но когда пустынники выходили явно и являлись в город; то он порицал и исправлял их, как оскорбителей любомудрия. По этим-то причинам негодовали на него клирики и многие из монахов, и называли его тяжелым и гордым, жестоким и высокомерным. Некоторые же покушались

оклеветать пред народом самую жизнь его и подтверждали это, как бы истину, – тем, что он ни с кем не разделял стола и, приглашаемый к обеду, отказывался. Другой причины этого найти я не умею, кроме той, которую на впрос мой привел один, по-видимому не лживый человек. Иоанн, сказал он, отказывался от общественных обедов – потому, что подвигами расстроил свою голову и желудок; и отсюда-то особенно проистекали величайшие на него клеветы.

Глава 10

О Севериане гавальском, Антиохе птолемаидском и о том, что произошло между Серапионом и Северианом, и как произшедшая между ними ссора прекращена была царицею.

Сверх того, чрез епископа сирийских Гавал Севериана, получил он некоторый повод питать ненависть и к супруге царя. Север иан и антиох из Птолемаиды, – это город финикийский, – жили оба в одно время и были равно красноречивы и способны учить в церкви. Но последний говорил легко и очень благозвучно, за что некоторые даже называли его златоустым. Севериан же, по мыслям и по свидетельствам из писаний, хотя казался и лучше его, однакож в языке обнаруживал сирскую жесткость. Прибыв первый в Константинополь, Антиох прославился поучениями и, собрав денег, возвратился в свой город. Это возбудило соревнование и в Севериане. Приехав после Антиоха, он приобрел также расположение Иоанна и, часто проповедуя в церкви, возбудил к себе удивление, пользовался честию и, снискав великую силу у самого царя и царицы, сделался знаменитым. Отправляясь в Азию, Иоанн поручил ему свою Церковь, ибо считал его добрым другом, так как последний преследовал его своим ласкательством. Тогда Севериан старался еще более нравиться слушателям и привлекать народ беседами. Узнав о том, Иоанн стал, говорят, питать к нему ревность, и это чувство возбуждал в нем Сепапион. По возвращении Иоанна из Азии, Севериан однажды где-то был. Увидев его, Серапион не встал и нарочно давал заметить присутствующим, что презирает этого человека. Но тот, огорчившись этим, вскричал: «если Серапион умрет Христианином, то Христос не вочеловечился». Обвиненный в этом от Серапиона, Севериан изгнан был Иоанном из города, как оскорбитель и богохульник. По сему (делу) представлены были свидетели; но быв приверженцами Серапиона, они скрыли

сказанное все в целости, а засвидетельствовали только выражение: Христос не вочеловечился. Впрочем, говорил он, Серапион умер и клириком, ужели поэтому Христос не вочеловечился? Об этой ссоре, чрез приверженцев Севериана, тотчас же узнала супруга царя и изгнанного епископа немедленно возвратила из Халкидона. Но Иоанн, несмотря на ходатайство многих, отказывался от свидания с ним, пока наконец царица в церкви, носящей имя Апостолов, не положила к его ногам сына своего Феодосия, пока своими просьбами и многократными заклинаниями не восстановила кое-как дружбы его с Севериаком. В таком виде дошло это до моего сведения.

Глава 11

О возникшем у Египтян вопросе: человекообразно ли Божество; также о Феофиле александирйском и о книгах Оригена.

В это время в Египте решаем был не задолго перед тем возникший вопрос, надобно ли почитать Бога человекообразным? Положительного мнения была большая часть тамошних монахов, которые, по своей простоте, без исследования принимали места из Писаний, привыкши слышать об очах, лице, руках Божиих и т. под. Но другие, обращая внимание на скрывающуюся в словах мысль, утверждали противное и тех, которые держались первого мнения, почитали явными богохульниками. Феофил думал согласно с последними, даже утверждал в церкви и в послании, которого писал по обычаю около пасхального праздника, что Бога надобно почитать бестелесным и чуждым человеческого вида. Когда это дошло досведения египетских монахов, они пришли в Александрию, где, соединившись между собою, начали возмущение и замышляли убить Феофила, как человека нечестивого. Но он, явившись к ним в то самое время, как они возмущались, сказал: «я вижу вас, будто лицо Божие». Такое приветствие довольно укротило этих людей, и они, оставив свой гнев, сказали: если ты в самом деле так исповедуешь, то осуди книги Оригена; потому что читающие их приводятся к противным сему мыслям. Но, у меня сказал он, давно уже это положено, и я сделаю по вашему желанию; ибо столько же, как вы, порицаю тех, которые следуют мнениям Оригена. Потакнув таким образом монахам, он прекратил мятеж.

Глава 12

О четырех братьях подвижниках, прозванных Длинными, и о вражде Феофила с ними.

Этот вопрос, вероятно, тогда же был бы совершенно оставлен, если бы не поднял его снова сам Феофил – именно неприязнию и кознями против Аммония, Диоскора, Евсевия и Евфимия, по прозванию Длинных, которые были братья между собою и, как мы видели выше, пользовались уважением скитских любомудрствователей. Да и Феофил прежде весьма любил их предпочтительно пред прочими египетскими монахами, часто беседовал и жил вместе с ними, а Диоскора даже поставил епископом Гермополиса. В неприязненные же отношения к ним вошел он по случаю вражды своей с Исидором, которого после Нектария старался рукоположить в Константинополе. Некоторые рассказывают, что какая-то жена из ереси манихейской обратилась к кафолической Церкви, и будто бы, по неосмотрительности архипресвитера, допущена была к принятию тайн прежде нежели отреклась от своей ереси. За это архипресвитер, и кроме того ненавидимый Феофилом, был обвинен им. Но Петр, – так звали архипресвитера, – утверждал, что он допустил жену к общению по законам Церкви и с ведома Феофила, и в свидетели приводил Исидора. Случилось, что Исидор послан был тогда в Рим; но возвратившисть, он действительно засвидетельствовал, что Петр говорит правду. Феофил, как бы уличенный таким образом в ябеде, разгневался и изгнал из Церкви того и другого. Так некоторые рассказывают об этом. Но я узнал от одного достойного веры человека, который в то время жил с этими монахами, что Фиофил имел двоякую причину ненавидеть Исидора: во-первых общую в отношении и к Петру пресвитеру, поколику они отказались засвидетельствовать, что сестра его кем-то записана была наследницею; во-вторых частную, поколику Исидор, которому, как попечителю о бедных,

приносимо было множество денег, не хотел давать их Феофилу, издержавшемуся тогда на построение церквей и старавшемуся взять их, но говорил ему, что лучше надлежащими врачеваниями восстановлять тела больных, которые с большею справедливостию почитаются храмами Божиими, и для которых собственно жертвуются деньги, чем строить стены. По этой ли впрочем, или по другой причине только Исидор, отлученный Феофилом от общения, удалился в Скит к тамошним друзьям своим монахам. Но Аммоний, взяв с собою некоторых из них, отправился к Феофилу и просил его возвратить общение Исидору. В то время Феофил охотно, говорят, обещал исполнить их просьбу; но прошло много времени, а исполнения все не было: Феофил явно обманывал их. Поэтому они явились к нему в другой раз и еще с большею ревностию настаивали исполнить обещание. Но он одного из них заключил в общественную темницу и тем думал навести страх на всех, однакож обманулся. Аммоний и прочие с ним монахи, показав вид стражам, будто они идут к заключенным для передачи необходимых вещей, охотно введены были внутрь темницы, но, вошедши туда, не хотели выйти. Узнав о том, Феофил послал звать их к себе; но они сначала требовали, чтобы он сам пришел и вывел их; ибо неспрведливо было бы, говорили, всенародно оскробленным тайно оставить темницу. Впрочем после, уступив его требованию, пошли к нему. Феофил извинялся пред ними и, отпуская их, как будто давал заметить, что впредь не намерен подвергать их огорчениям, а между тем внутренно терзался, негодовал и замышлял сделать им зло, только недоумевал, что могло бы быть злом для тех людей, которые, ничего не ища, кроме любомудрия, презирают все, – и решился нарушить их спокойствие. Узнав из разговора с ними, что они следуют мнению Оригена и порицают тех, которые признают Бога человекообразным, Феофил привел их в столкновение со множеством монахов, державшихся иного мнения. От этого произошла между ними величайшая вражда. Рассуждая между собою без соблюдения приличия, они не считали нужным убеждать друг друга, но прибегали к выражениям оскорбительным, и одних, которые признавали

Бога бестелесным, называли оригенистами, а державшихся проти вного мнения – антопроморфистами.

Глава 13

О том, что те же Длинные, соревнуя Иоанну, приходят к нему, и что раздраженный этим Феофил вооружается против Иоанна.

Заметив эти козни, Диоскор и Аммоний удалились в Иерусалим, а оттуда пришли в Скифополис и пребывание там, по причине множества пальм, листьями которых монахи пользовались для обычных своих работ, признали удобным; ибо за ними следовали до 80 человек. Между тем в это же время Феофил послал от себя людей в Константинополь, частию для того, чтобы они предварительно распространили там клевету против Длинных, а частию и для того, чтобы противодействовали им, если бы они стали просить о чем-либо царя. Узнав о том, Аммоний и его сопутники отплыли в Константинополь – с ними был и Исидор – и общими силами старались обличить направленные против себя козни пред судом царя и епископа Иоанна. Они надеялись, что сей последний, как защитник законного дерзновения, может помочь им в правом деле. Иоанн благосклонно принял пришедших к себе мужей, относился к ним с честию и не возбранял им молиться в церкви, хотя не позволял приобщаться св. тайн, – ибо допустить это прежде исследования было бы противно законам, – но написал Феофилу, чтобы он возвратил им общение, так как они право мыслят о Боге, а если бы понадобилось разбирать дело из в суде, обещал послать в судии кого ему угодно. Но Фиофил ничего не отвечал. По прошествии долгого времени однажды супруга царя проезжала по городу, и Аммоний с сопутниками, подошедши к ней, жаловался на козни Феофила. Она и прежде уже знала, что их преследуют кознями, и из уважения к ним остановилась, потом, высунувшись из царской своей колесницы, дала им знак головой и сказала: «Благословите и молитесь за царя, за меня, за детей наших и за царство. Я постараюсь в скорости созвать Собор и пригласить Феофила». И она действительно

озаботилась этим. Между тем в Александрии разнесся ложный слух, будто Иоанн имел общение с Диоскором и его сопутниками, и готов во всем помогать им; поэтому Феофил придумывает, каким бы образом свергнуть с епископского престола и самого Иоанна.

Глава 14

О злобе Феофила, и об Епифание, как он, прибыв в Константинополь, старался возмутить народ против Иоанна.

Скрывая это в уме и приготовляясь, Феофил писал к епископам городов и в своем послании осуждал сочинения Оригена. Рассудив же, что будет весьма полезно для него к соучастию в замышляемом деле склонить саламинского в Кипре епископа Епифания, мужа уважаемого за жизнь и славнейшего из всех современников, он начал искать его дружбы, хотя прежде порицал его за мнение, что Бог имеет человеческий образ, и как бы раскаявшись и узнав правоту дела, написал ему, что держится одинаких с ним мыслей, и клеветал на сочинения Оригена, как виновника такого учения. Епифаний, с давних пор не любивший сочинений Оригена, легко поверил посланию Феофила и в собрании кипрских епископов запретил чтение Оригеновых книг; потом написал определение об этом и другим епископам и константинопольскому, убеждая их созвать Соборы и утвердить то же самое. Феофил видел, что нет никакой опасности следовать Епифанию, имевшему многих чтителей, которые из уважения к добродетельной его жизни, дивились образу его мыслей, и потому, собрав подведомых себе епископов, постановил почти то же, что и епифаний. Но Иоанн попечение об этом не считал достойным внимания и на послания Епифания и Феофила смотрел, как на дело второстепенное. Между тем люди из властей и клира, имевшие неприязнь к Иоанну, осведомились, что Фиофил заботится о низвержении его, и тщательно содействуя александрийскому епископу, старались о созвании в Константинополе великого Собора. Узнав об этом, Феофил стал еще деятельнее и приказал египетским епископам отправиться морем. О том же просил он письменно Епифания и других восточных и торопил их отъездом, а сам отправился сухим путем. Чрез несколько времени Епифаний, отплыв из Кипра, первый прибыл в

предместие Константинополя на сельмой миле и, помолившись в здешней церкви, отправился в город. Чтобы почтить его, Иоанн вышел к нему навстречу со всем клиром. Но Епифаний ясно дал разуметь, что верит клеветам на Иоанна; ибо быв убеждаем остановиться в церковных зданиях, не согласился и избегал свидания с Иоанном, а между тем, созывая частно живших в константинополе епископов, показывал им определение против Оригеновых сочинений, и некоторых убедил подписать его. Впрочем большая половина их отказалась, а скифский епископ Феотим даже явно порицал Епифания, говоря, что неблагочестиво – оскорблять давно скончавшегося, хульствовать против суда древних и отвергать одобренное ими. При этом он вынес одно из сочинений Оригена, прочитал его и, показав, что прочитанное полезно Церквам, сказал: неблагоразумно поступают люди, клевещущие на это; они подвергаются опасности поносить и то, о чем здесь говорится. Иоанн между тем все еще сохранял уважение к Епифанию и убеждал его совершать богослужение и жить вместе с собою. Но тот отвечал, что не будет ни жить, ни молиться вместе с ним, если он не осудит сочинений Оригена и не изгонит Диоскора и его сопутников. Поелико же Иоанн считал несправедливым сделать это прежде суда, и отказался; то враги его устроили так, чтобы при имеющем быть собрании в церкви, соименной св. Апостолам, явился Епифаний и всенародно осудить Оригеновы сочинения и Диоскора с братиею, держащегося его мнений, а вместе с тем оклеветал бы и епископа города как их единомышленника. Об этот-то они заботились; ибо таким-то образом думали привести его в неприязнь у народа. В следующий день Епифаний, имея ввиду эту цель, уже приближался к церкви, но встречен был посланным от Иоанна Серапионом; обо (Иоанн) знал об устроенном накануне заговоре, и чрез Серапиона высказал Епифанию, что так поступать и не справедливо, и не полезно для него самого, что, возбудив тревогу или возмущение в черни, он подвергнется опасности, как виновник происшедшего беспокойства. Этим только остановлено было его предприятие.

Глава 15

О сыне царицы и Епифание, о том, что Длинные ходили объясняться с Епифанием, и что он тотчас же отплыл в Кипр; также о Епифании и Иоанне.

В это время случайно заболело царское дитя. Мать, боясь какого-либо несчастия, послала к Епифанию просить его молитвы о болящем. Епифаний обещал, что дитя будет живо, если царица оставит еретика Диоскора с его братиею. Но она сказала: «если Богу угодно взять мое дитя, пусть будет так. Господь даровал, Господь отнимет. Если бы Епифаний способен был воскрешать мертвых, то не умер бы его архидиакон». – А незадолго перед тем случилось умереть у него Криспиону, который был брат Фускона и Саламана – монахов, упомянутых в истории Валента, и которого из своих келейников он поставил в архидиакона. После сего Аммоний и его братья, по желанию самой царицы, явились к Епифанию. На вопрос его: это они? – Аммоний отвечал: Длинные, отче; и мне приятно было бы узнать, не встречался ли ты когда либо с нашими учениками, или сочинениями? – Нет, сказал Епифаний. – Из чего же заключил ты, спросил Аммоний, что мы еретики, если не имеешь никакого основания к суждению о нашем образе мыслей? – Я слышал о вас, продолжал Епифаний. – Но тот сказал: а мы поступали совершенно напротив. Мы часто рассуждали с твоими учениками и занимались твоими сочинениями, из которых одно озаглавлено # (стояние на якоре), и когда многие хотели порицать тебя и чернить клеветами, будто бы еретика, мы, как следовало, подвизались за отца и защищали тебя. Так не надлежало и тебе, не зная людей и основываясь только на слухе, осуждать их безвинно и такое вознаграждение назначать тем, которые хорошо о тебе говорили. – После сего Епифаний, побеседовав с ними благосклоннее, отпустил их, а чрез несколько времени и сам отплыл в Кипр, потому ли, что раскаивался, зачем приезжал в

Константинополь, или вероятнее потому, что Бог удостоил его откровения и предсказал ему смерть; ибо он скончался во время плавания, не достигнув Кипра. Рассказывают, что вступая на судно, он сказал провожавшим себя до моря епископам: оставляю вам и город и дворец, и место действия, а сам удаляюсь и спешу, – очень спешу. Ходит также в народе, как известно, и тот слух, что Иоанн предрек Епифанию кончину на море, а Епифаний Иоанну – лишение епископства. Когда между ними существовало несогласие, первый сказал последнему: надеюсь, что ты не умрешь епископом. Надеюсь и я, отвечал последний, что ты не достигнешь своего города.

Глава 16

О несогласии между царицею и Иоанном, о прибытии Феофила из Египта и о халкидонском епископе Кирине.

По отплытии Епифания, Иоанн, беседуя в церкви, сказал обличительное свово вообще против женщин. Но народ понял его так, что будто оно прикровенно касалось супруги царя. Посему неприязненные епископу люди, взяв самую эту беседу, представили ее царице, а та жаловалась на обиду мужу, и побуждала Феофила ехать как можно скорее и составить Собор. К тому же содействовал и то же подготовлял еще не забывший прежнего огорчения Севериан гавальский. Но случайно ли произнес Иоанн эту беседу, или, как некоторые говорят, вследствие подозрения, что царица убедила Епифания строить ему козни, верно сказать не могу. – Чрез несколько времени явился в Халкидоне вифинском и Фиофил, прибыли и другие из многих городов епископы, – кто по приглашению Фиофила, а кто по указу царя. С особенным же усердием съезжались те из них, которых Иоанн в Азии лишил епископства, либо которые по иным причинам питали к нему вражду. Вот наконец прибыли из Египта в Халкидон и корабли, которых ожидал Феофил. Когда все собрались сюда и начали совещаваться, каким бы образом получить желанный успех в нападении на Иоанна, – тогдашний предстоятель халкидонской церкви Кирин, может быть благоприятствуя Феофилу, как единоплеменнику, – ибо был Египтянин, – либо по каким иным причинам недовольный Иоанном, долго поносил его. Но за это, по-видимому, оскорбление скоро постигла его и казнь. Приехавший из Месопотамии, вместе с другими епископами, Маруфа нечаянно наступил ему на одну ногу. Разболевшись от этого, он не переправлялся с другими иереями в Константинополь, хотя считался необходимым для замыслов против Иоанна. Потом болезнь его усилилась, и врачи не раз отрезывали ему голень; ибо гнилость, распространяясь далее и далее, заражала все его

тело, так что чрез сообщение недуга и другая нога терпела то же самое, и он, немного спустя, в мучениях кончил жизнь свою.

Глава 17

О Соборе, который составлен был Феофилом в Руфинианах, об обвинениях против Иоанна, о том, что призываемый собором и неявившийся, Иоанн низложен им.

Когда Феофил переправился в Константинополь, – из константинопольских клириков никто не вышел к нему навстречу; потому что все знали о неприязни его к епископу: но случившиеся здесь александрийские моряки с различных судов, а особенно с хлебных, собрались вместе и с восклицаниями усердно приняли его. Миновав церковь, он вступил в царский дворец, в котором назначена была ему квартира. Здесь узнав, что многие питают вражду против Иоанна и готовы обвинять его, он приготовил предварительно все, что казалось ему нужным, и отправился в Дуб. Это – предместие Халкидона, ныне соименное консулу Руфину. Там есть дворец и большая церковь, построенная самим Руфином в честь апостолов Петра и Павла, и от того названная апостолиею. По близости ее Руфин поселил монахов, которые пополняли клир церкви. И там-то Фиофил собрал всех епископов. Но в эти заседания он не упоминал о сочинениях Оригена, а только призывал скитских монахов к покаянию, обещая не помнить и не делать им зла. Между тем приверженцы Феофила кричали и побуждали их просить прощения, а сами показывали вид, будто ходатайствуют за них пред Собором. Монахи приведены были в смущение и, думая, что им следует это сделать в собрании многих епископов, когда такой обычай они сохраняли даже в случае претерпеваемой ими обиды, – сказали: прости. После сего Феофил охотно примирился с ними и снова принял их в общение. Этим и кончилось исследование об обидах скитским монахам. Но не так, думаю, случилось бы, если бы вместе с другими монахами были Диоскор и Аммоний: ибо первый еще прежде скончался и погребен в церкви, носящей имя мученика Мокия; а Аммоний перед самым временем Собора ослабел

телом, переправившись же в Дуб, еще более разболелся и, чрез несколько времени кончив жизнь, от монахов, близких к тому месту, где теперь почивает, почтен великолепным погребением. Узнав о том, Феофил, говорят, заплакал и сказал пред всеми: в мое время не было ни одного монаха, подобного Аммонию, хотя он причинил мне и много тревог. Впрочем этот случай благоприятствовал его намерению. Потом собор созвал всех константинопольских клириков, и грозился низложить непокорных, звал также для оправдания и Иоанна, и вместе с ним приказывал явиться Серапиону, пресвитеру Тигрию и чтецу павлу. Но Иоанн, послав к ним некоторых приближенных к себе клириков и писинунтского епископа Димитрия, объявил, что он не убегает от суда, и если наперед узнает обвинителей и рассмотрит донос, готов защищаться на большем соборе; ибо не согласится подвергнуть себя чему-либо безрассудному и в судиях не потерпит явных врагов. Когда же епископы за такое непослушание собору вознегодовали на него, то некоторые из посланных Иоанном от страха уже не возвращались к нему: возвратились только Димитрий и те, которые предпочитали держаться его стороны. в тот же день присланы были и из дворца скороход и скорописец и побуждали Иоанна отправиться к епископам, а епископов – не медлить судом. Но так как призываемый четырекратно, Иоанн всякий раз требовал вселенского Собора; то они, не приписывая ему никакой другой вины, кроме той, что он, будучи зван, не повиновался, низложили его.

Глава 18

О том, что народ, возмутившись против Феофила и его Собора, стал порицать Державных и что возвращенный поэтому Иоанн снова вступил на египетскую кафедру.

Константинопольский народ, узнав о том около вечера, пришел в волнение, а рано утром, сбежавшись в церковь, кричал между прочим, что по делу Иоанна надобно составить большой Собор, и людей, назначенных от царя для отведения его в ссылку, не допустил до этого. Опасаясь, как бы не выдумали на него нового обвинения, будто он либо не повинуется царю, либо возмущает чернь, Иоанн на третий день по своем низложении, когда народ около полудня рассеялся, скрытно оставил церковь. Но и тогда, как его уже отводили, (чернь) сильно волновалась, порицала царя и Собор, а особенно Феофила и Севериана, двух главных начальников заговора. Север иан же, уча в то время в церкви, одобрял низложение Иоанна – даже за одно его высокомерие, хотя бы и не было за ним никакой другой вины; ибо иные грехи, говорил он, Бог прощает людям, но гордым противится. Это еще более возбудило негодование в народе; он возобновил свой грев и неукротимо волновался, так что не успокоивался ни в церквах, ни на площадях. Вместе с тем, испуская вопли и рыдания, он дошел даже до царского дворца и просил об отозвании Иоанна. Снисходя к мольбам народа, царица убедила мужа согласиться и, немедленно послав верного своего евнуха Бризона, возвратила изгнанного из Пренеты вофинской и объявила ему, что она невинна в устроенных против него замысах и уважается его, как Божия служителя и тайноводителя детей ее. Возвратившись, Иоанн остановился в загородном дворце самой царицы близ Анапла и решительно отказывался вступить в город прежде суда большого Собора, дабы объяснилось, что он лишен епископства неспрведливо. Однакож, когда народ стал снова негодовать и порицать Державных; то он должен был

вступить по неволе. Граждане встретили его с приготовленными на этот случай псалпомениями, причем весьма многие из них несли зажженные свечи и ввели его в церковь. Здесь, несмотря на отказы и многократные представления Иоанна, что осудившие его должны сперва отменить свое осуждение, как прилично иереям, они заставили его однако преподать народу мир и воссесть на епископский престол. Быв вынужден, Иоанн сказал им даже и наскоро придуманное слово. Начав его прекрасным сравнением, он показал, что подведомтсенную ему Церковь Феофил покушался оскорбить, как египетский царь, по свидетельству еврейских книг, хотел оскорбить супругу патриарха Авраама. Потом, как и следовало, похвалил народ за усердие, а Державных – за благорасположение к нему, и этим возбудил слушателей к таким рукоплесканиям и восклицаниям в честь царя и его супруги, что должен быть прервать свое слово на половине.

Глава 19

Об упорстве Феофила и вражде между Египтянами и Константинопольцами; также о бегстве Феофила, о подвижнике Ниламвоне и о Соборе по делу Иоанна.

Недоумевая, что делать в настоящих обстоятельствах, Феофил не осмеливался, сколько ни желал, явно клеветать на Иоанна, будто бы он, вопреки законам, священнодействовал по низложении; ибо знал, что чрез это придет в столкновение с Державными, которые, по случаю народного волнения, сами же принудили Иоанна возвратиться, хотя он и отказывался. Итак александрийский епископ предложил обвинителям судить Гераклида, которого на лицо не было, и думал в этом найти как-нибудь благовидную причину к новому низложению Иоанна. Но так как друзья Гераклидовы возражали, что незаконно и не в обычае Церкви судить отсутствующего, а приверженцы Феофила утверждали противное; то в этот спор вмешались с одной стороны толпы Александрийцев и египтян, с другой – народ константинопольский, и напали одни на других так, что многие были ранены, а некоторые даже убиты. Испугавшись этого, Севериан и другие епископы, кроме единомышленных с Иоанном, убежали из Константинополя. Да и сам Фиофил тотчас же, нимало не медля и несмотря на наступление зимы, вместе с монахом Исаакием, как беглец, отплыл в Александрию. В то время морские волны случайно занесли его в Герас, небольшой город, отствящий стадий на пятьдесят от Пелузии. В Герасе тогда случилось умереть епископу, и граждане, как я узнал, решили, чтобы в их Церкви предстоятельствовал Ниламмон, муж добрый и возшедший на высоту иноческого любомудрия, живший близ города, заключившись в келье и вход в нее заградивши камнями. Так как Ниламмон избегал священства, то Фиофил сам пришел к нему и убеждал его принять рукоположение. Но тот, отрекаясь несколько раз и не внимая убеждениям епископа, наконец

сказал: завтра, если угодно тебе, отче, сделаю это; а сегодня позволь мне самому распорядиться собою. На другой день тот, по условию, пришел и приказывал отворить дверь. Но помолимся прежде, сказал Ниламмон, – и Феофил, похвалив его мысль, стал молиться. Между тем во время молитвы отшельник оставил здешнюю жизнь, и этого сначала не знал ни Феофил, ни бывшие с ним и стоявшие вне (кельи). Уже под конец дня, когда он не отвечал на многократные вопросы звавших, люди разобрали лежавшие пред дверью камни и нашли его мертвым, одели, как следовало, и почтили его всенародным погребением. Жители тех мест близ его могилы построили даже молитвенный дом, и доныне с великим торжеством проводят день его кончины. Так умер Ниламмон, если только можно назвать смертию ту смерть, о которой он молился и которой просил прежде, чем будет вверено ему священство, коего, по скромности нрава, считал себя недостойным. Между тем по возвращении своем в Константинополь, Иоанн приобрел еще большую любовь народа, и когда сошедшиеся в то время епископы, числом около 60, решили, что все сделанное в Дубе не действительно, и присудили ему епископствовать, то он продолжал священнодействие, совершал рукоположения и все, что в Церкви следует совершать предстоятелям. В это время поставил он и Серапиона епископом Гераклеи фракийской.

Глава 20

О статуе царицы и об учении Иоанна, также о вновь созванном против него Соборе и низложении его.

Спустя немного времени, на порфировом столбе поставлена была серебряная статуя царской супруги, которая и ныне стоит к югу от церкви, пред зданием сената на высоком подножии. Здесь производились рукоплесания и всенародные зрелища плясунов и лицедеев, как было тогда в обычае при поставлении царских изображений. В беседе к народу Иоанн высказал, что все это сделано в оскорбление церкви, и царица, так как еще прежние ее неудовольствия были в живой памяти, снова сочла себя оскорбленною, исполнилась гнева и тогда же стала заботиться о созвании Собора. Однакож он не уступал, но тем яснее порицал ее в церкви и воспламенял гнев ее. В это именно время произнес он знаменитое слово, которое начинается так: «опять Иродиада беснуется, опять пляшет, опять старается получить на блюде главу Иоанна». Вскоре прибыли в Константинополь, кроме других епископов, Леонтий анкирский и Акакий берийский. Когда же настал день Рождества Христова, царь не пришел, по обычаю, в церковь, но объявил Иоанну, что не будет иметь с ним общения, пока он не оправдается против обвинений. Иоанн сказал на это, что готов оправдываться; но обвинители испугались и не смели приступить к обвинениям. Судьи рассуждали, что низложенного каким бы то ни было образом не должно допускать ко второму суду, – и больше ничего не исследовали, а только требовали, чтобы Иоанн защищался против этого, почему он, быв низложен, сел на епископский престол прежде разрешения соборного. Иоанн ссылался на определение епископов, вошедших в общение с ним после прежнего Собора; но они не приняли такого оправдания на том основании, что те епископы по большей части сами же осудили его, а это запрещается церковным правилом, и потому низложили его, хотя он и

настаивал, что тот закон постановлен иноверцами. Ибо когда ариане оклеветали Афанасия и отняли у него александрийскую Церковь; то, боясь перемены обстоятельств, постановили этот самый закон и позаботились, чтобы замыслы против него остались без исследования.

Глава 21

О том, каким бедствиям подвергся народ по низложении Иоанна, и о покушении прекратить его жизнь мечом.

Быв низложен, Иоанн не делал более церковных собраний, но оставался в епископском доме. Вот наступил уже конец четыредесятницы, как вдруг в ту священную ночь, в которую совершается годовой праздник в воспоминание воскресения Христова, приверженцы Иоанна изгоняются из церкви, воины и враги его нападают на них в то самое время, как они совершали таинство крещения. Так как это случилось неожиданно, то в крещальне произошло великое смятение, женщины были перепуганы и вопили, дети плакали, а священники и диаконы подвергались побоям и в том облачении, какое имели на себе, изгоняемы были из церкви. Что кроме сего долженствовало произойти при таком беспорядке, – посвященным не безызвестно, и я по необходимости умолкаю, чтобы и непосвященный кто-либо не прочитал написанного. Когда об этом умысле узнали и прочие из народа, то на другой день оставили церковь и, перешедши в общественную, очень пространную баню, называющуюся по имени царя Константина, совершили там Пасху под начальством епископов, пресвитеров и других, кому следовало служить в церкви, и вместе с народом, считались единомышленниками Иоанна. Быв же изгнаны отсюда, они собирались за городскими воротами в том месте, которое царь Константин, еще до построения города, очистил для конского ристалища и обнес деревянными стенами. с того времени собрания их происходили то здесь, то в других местах, где было можно, и собиравшиеся особо назывались Иоаннитами. Около того же времени поймали с кинжалом одного бесноватого, или прикидывавшегося бесноватым, и открыли, что он готовился убить Иоанна, но еще не исполнил своего замысла. Так как народ признал его подкупленным для такого поступка, то он был приведен к префекту. Однакож Иоанн

послал некоторых из бывших с ним епископов и освободил его, прежде чем он подвергнут был казни. Потом опять слуга пресвитера Элпидия, который был явным врагом Иоанна, торопливо вбежал в епископский дом. Но кто-то из случившихся тут в эту минуту, узнав его, остановил и спрашивал о причине поспешности. На что тот, ничего не отвечая, вдруг поразил кинжалом сперва этого самого человека, за тем другого, который, увидев певый удар, закричал, а наконец кроме их и третьего. Когда же бывшие тут подняли шум и крик, – он воротился назад и убежал. Однакож его преследовали и преследовавшие кричали передним, чтобы схватили бегущего. Поэтому кто-то, вымывшись в бане и возвращаясь назад, схватил его, но, быв смертельно ранен, упал мертвым. Наконец он был однако окружен и, едва схваченный народом, отведен во дворец. Тогда все видели в этом умысел врагов Иоанна и требовали, чтобы преданы были казни – и убийца, и те, кто побудил его к убийству. Префект взял его, как бы с намерением подвергнуть суду, и тем укротил гнев народа.

Глава 22

О том, что Иоанн был несправедливо лишен престола и о происшедшем по сему случаю смятении, также о ниспосланном с неба на церковь огне, и об изгнании Иоанна в Кукуз.

С тех пор преданнейшие из народа стерегли Иоанна днем и ночью, поочередно окружая дом епископский. Но сошедшиеся против него епископы жаловались на нарушение церковных законов и говорили, что за совершенную справедливость суда над Иоанном они ручаются, и приказывали ему выйти из города; ибо иначе не укротить народа. Итак, когда явился посланный от царя и с угрозою повелевал сделать это, Иоанн скрытно от поставленной народом стражи вышел из дому и жаловался только на то, что изгоняется вопреки законам и насильно, не быв удостоен суда, который по законам дается и человекоубийцам, и обманщикам, и блудникам; потом на малом судне немедленно переправился в Вифинию, откуда немедленно также пустился в путь. При этом некоторые из его злоумышленников, предвидя, что народ, как скоро узнает о его отбытии, тотчас побежит вслед за ним и опять принудит его возвратиться, поспешно заперли двери церкви. И в самом деле, когда бывшие на площадях узнали об этом; то одни быстро бросились к морю, с намерением настичь его, другие, испугавшись, обратились в бегство – в той мысли, что при настоящем смятении и тревоге неприменно надобно ожидать царского гнева, а бывшие у церкви тем более загораживали входы, чем сильнее толпились к ним и толкали друг друга. Едва-едва, с большим усилием отворили они двери, после тащили их к себе, оттесняя саиною народ, напиравший сзади. В это самое время церковь неожиданно обнял со всех сторон огонь и разлившись по всему ее пространству, сообщился стоявшему с южной ее стороны огромному зданию сената. Причину пожара партии приписывали одна другой: злоумышленники Иоанна обвиняли его приверженцев, которые

негодовали на определение собора, а последние утверждали, что это клеветы, что враги взносят на них собственное свое дело, замыслив сжечь вместе с церковию и их самих. Между тем как огонь от вечера до зари распространялся далее и далее и обхватывал остававшиеся еще деревяные постройки, одни повели Иоанна в Кукузу, что в Армении, где грамотою царя назначалось ему место жительства; другие заключали в Халкидоне бывших при нем епископов и клириков; а некоторые ходили по городу и, схватывая тех, на кого доносимо было, как на единомышленников Иоанновых, отдавали их под стражу и принуждали анафематствовать низложенного епископа.

Глава 23

Об Арзакие, который рукоположен был после Иоанна, и о том, сколько зла сделал он приверженцам Иоанновым, также о преподобной Никарете.

Немного спустя в епископы Константинополя рукоположен был Арзакий, брат Нектария, управлявшего этою епископиею пред Иоанном, муж кроткий и благочестивый. Но приобретенную им во время пресвитерства добрую славу помрачили некоторые клирики, делавшие, что им было угодно, и вменявшие ему свои поступки. Особенно же унизило его то, что случилось после сего с приверженцами Иоанна. Так как последние считали нестерпимым для себя иметь общение и молиться вместе с ним и с его сомолитвенниками, – потому что между ними было много врагов Иоанна – и делали собрания, как сказано, сходясь на концах города, сами по себе; то он сообщил об этом царю. Вследствие сего трибун, получив повеление, напал с воинами на собравшихся, и чернь разогнал палками и камнями, а тех, кто был познатнее и ревностнее привержен к Иоанну, заключил под стражу. При этом – что обыкновенно случается, когда войскам дается свобода, – женщины чрез насилие их лишаемы были украшений; потому что одни из них грабили ожерелья, золотые поясы, шейные цепи и браслеты, а другие вытаскивали из ушей, вместе с оконечностями их, серьги. Смятение и плачь по городу были во всей силе, и хотя любовь к Иоанну не изменилась, но всенародные собрания прекратились. Многие не смели и показываться ни на площадях, ни в банях, а некоторым небезопасно было оставаться и дома. Иные добрые мужья и честные жены даже обрекали себя на бегство и удалялись из города. В числе их находилась Вифинянка Никарета, происходившая от знаменитого рода никомидийских эвпатридов и славившаясь постоянным девством и добродетельною жизнию. Она была незлобивее всех похваляемых жен, которых мы знаем, отличалась, как мне известно, добропорядочностию

нрава, слова и жизни, и до самой смерти предпочитала Божественное житейскому. Имела она равным образом довольно мужества и благоразумия для перенесения трудных обстоятельств, так что ее негодования не возбудило даже и то, что у ней несправедливо отняли отцовское богатство. Оставшись с небольшим состоянием, она хотя жила до старости, но при отличной экономии, и сама с прислугою имела все нужное, и другим усердно помогала. Быв искренно человеколюбива и щедродательна, она для бедных больных приготовляла всякого рода лекарства и ими нередко помогала даже знакомым, не получавшим никакой помощи от врачей обыкновенных, ибо, при Божием конечно содействии, за что ни бралась, всегда достигла желаемой цели. Кратко сказать, из достохвальных жен нашего времени я не знал другой, которая достигла бы до такой степени благонравия, кротости и прочих добродетелей. Но быв таковою, она скрывалась однакож от толпы; ибо по смирению души и любомудрию всегда старалась благотворить втайне, так что не думала искать степени диакониссы и не согласилась на избрание себя в настоятельницы посвященных дев, хотя Иоанн многократно располагал ее к этому. Итак, когда на всех напал величайших страх и стало известно, что чернь уже не возмущается, – префект города явился во всенародное собрание и, начав исследовать дело о пожаре и сожжении сената, многих предал ужасной казни. Быв язычником, он как бы насмехался над бедствием Церкви и даже радовался этому случаю.

Глава 24

Об Евтропие чтеце, о блаженной Олимпиаде и о пресвитере Тигрие, что потерпели они за епископа Иоанна, также о патриарха.

Тогда же и некто Евтропий чтец, от которого требовали показания, кто подложил огонь, был терзаем бичами, палками и ногтями по ребрам и щекам, и кроме того переносил жжение тела посредством горящего факела, но при всей молодости и нежности, свидетельствовал, что ничего не знает. После таких мучений он заключен был в темницу, где скоро и скончался. – Стоит предать письмени и виденный о нем сон. Епископу новацианской ереси Сисинию, когда он уже спал, представилось, что какой-то муж поразительной красоты и величия, стоя у жертвенника их церкви, построенной Сисинием в честь превомученика Стефана, по-видимому скорбел о скудости в добрых мужах, что он обошел для этого весь город и не нашел никого, кроме Евтропия. Пораженный этим видением, Сисиний рассказал свой сон одному из подчиненных себе вернейших пресвитеров и приказал ему отыскать этого мужа, кто он такой. Пресвитер, удачно предположив, что такому человеку естественно быть в числе тех, которые в последнее время подверглись мучениям от префекта, стал обходить темницы и спрашивать, нет ли в них кого-либо Евтропия и, нашедши, вступил с ним в разговор, потом рассказал видение епископа и со слезами просил молиться за него. Вот все, относящееся к Евтропию. Среди этих бедствий мужественною явилась и диаконисса Олимпиада; ибо когда по тому же делу она приведена была в судилище, то на вопрос префекта, зачем зажгла она церковь, отвечала: не такова цель моей жизни; напротив, огромное свое состояние употребила я на обновление храмов Божиих. – Знаю я жизнь твою, сказал префект. – Так стань на место обвинителя, примолвила она, и пусть другой рассудит нас. Но Поелику обвинение было без доказательств; то префект, не находя, за что можно было бы

справедливо порицать ее, стал кротче и, перешедши к другому обвинению, как бы в виде совета, осуждал неразумие ее и других женщин в том отношении, что они отказались от общения с своим епископом, когда, расскаявшись, можно бы избавиться от неприятностей. Этим словам префекта прочие уступили, а Олимпиада сказала: взятую из среды народа по клевете, и не обличенную на суде ни в одной вине несправедливо было бы заставлять оправдываться в делах, до суда некасающихся. Позволь мне представить защитников против прежнего обвинения; ибо если я, вопреки законам, буду принуждена иметь общение, с кем не следует, то сделаю, чего не должны делать люди благочестивые. – Не убедив ее иметь общение с Арзакием, префект в то время отпустил ее как бы для того, чтобы она представила защитников; но, на другой день призвав ее, осудил на большую пеню, ибо чрез это думал переменить ее мысли. Однакож, презирая деньги, она не уступила и, оставивши Константинополь, поселилась в Кизике. В это же время и пресвитер Тигрий, обнаженный, подвергнутый бичеванию по спине, связанный по рукам и ногам и потом растянутый, доведен был до расслабления членов. Происходил он от Варваров и был евнух не от рождения. Служив сперва в доме одного вельможи и понравившись господину, получил он свободу; потом, достигши степени пресвитера, мало-помалу сделался человеком прекрасного характера, кротким и, как едва ли кто другой, заботливым о бедных и странных. Это-то происходило в Константинополе. Между тем после Сирикия, который управлял римскою епископиею пятнадцать лет, и Анастасия, управлявшего тою же паствою три года, на чреду преемства вступил Иннокентий. Тогда же скончался и флавиан, несоглашавшийся на низложение Иоанна, и преемником его в антиохийской Церкви был Порфирий. Так как последний подтвердил определения против Иоанна; то в Сирии многие от тамошней Церкви отделились и, составляя особые Соборы, испытали весьма много беспокойств и несчастий; ибо для побуждения к общению с арзакием, этим Порфирием и александрийским епископом Феофилом, по старанию сильных при дворе людей, был издан закон, чтобы православные вне

церквей не собирались, а не имеющие с ними общения были изгоняемы.

Глава 25

О том, что, при худом положении церковных дел, худо шли и дела мирские, также нечто о военачальнике Гонория Стиликоне.

В это время, как и всегда, можно было замечать, что при разногласии иереев, подвергалось смятениям и волнению самое государство. Гунны, перешедши Истр, опустошили Фракию; а исаврийские разбойники, собравшись во множестве, злодействовали в городах и селениях даже до Карии и Финикии. Сверх того военачальник Гонория, Стиликон, муж, пользовавшийся такою силою, какою едва ли кто пользовался когда-нибудь, и имевший влияние на молодых людей из Римлян и варваров, вошел в враждебные отношения с правительством Аркадия и, замыслив привести во взаимное столкновение оба двора, выхлопотал у Гонория достоинство римского военачальника вождю Готфов Алариху и направил его против Иллирийцев. С своей же стороны, послав вперед новопоставленного префекта Иовия, обещал сам подоспеть с римскими воинами, чтобы тамошних подданных привесть также под власть Гонория. Аларих, взяв своих подчиненных из варварской земли близ Далмации и Паннонии, где проживал сам, пошел в Эпир и, пробыв здесь не мало времени, возвратился в Италию; потому что Стиликон, намеревавшийся, по условию, выступить, удержан был грамотою Гонория. – Так шли здесь дела.

Глава 26

Два послания римского папы Иннокентия к Иоанну Златоустому и константинопольскому клиру в защиту Иоанна.

Римский епископ Иннокентий, узнав о том, что сделано было с Иоанном, огорчился, отверг все против него определения и, стараясь созвать вселенский Собор, писал Иоанну и особо константинопольским клирикам. Я предлагаю здесь оба эти послания попавшиеся мне в переводе с латинского языка. Вот он:

«Возлюбленному брату Иоанну – Иннокентий. Хотя невинный всего доброго должен ожидать от Бога и у Него просить милости; однако и мы, как советники незлобия, чрез диакона Кириака посылаем тебе приличную грамоту, чтобы обида не столько удручала силы, сколько добрая совесть укреаляет надежду. Ты – пастырь и учитель стольких народов – не имеешь нужды в том, чтобы тебя учили; ты знаешь, что отличные люди всегда и часто искушаются, если сохраняют всю силу тепения и не поддаются никакому тяжкому чувству злострадания. Совесть, по истине, есть твердыня против всех незаслуженных бедствий. Кто не победит их терпением, тот подаст повод к худому о себе мнению; ибо слушающийся сперва Бога, а потом своей совести должен переносить все. Добрый и честный человек в терпении сильно упражняться может, но побежденным быть не может; потому что помыслы его охраняются Божественным Писанием: а предлагаемые нами народу чтения о делах Божественных весьма обильны примерами и свидетельствую, что почти все святые страдали различным образом и, постоянно искушаясь, как бы на каком испытании, чрез то сподоблялись воспринять венец терпения. Итак любовь твою, честнейший брат, да утешит сама совесть, которая в скорбях обыкновенно утешает добродетельных; ибо

чистая совесть, по смотрению Господа И. Христа, приводят к пристанищу мира».

Иннокентий епископ пресвитерам, диаконам, всему клиру и народу константинопольской Церкви, подчиненным епископу Иоанну, возлюбленным братиям желает здравия.

«Из послания вашей любви, доставленного нам чрез пресвитера Германа и диакона Кассиана, я с болезненным беспокойством усмотрел поставленную пред вашими глазами скинию зол и, при многократном перечитывании вашей грамоты, увидел, от какой тяготы и болезней страдает вера. Такое зло врачуется только утешением терпения. Сим скорбям Бог наш скоро положит конец и поможет перенести их. Впрочем мы одобряем ваше намерение и признаем то необходимое утешение, которое находится в начале послания вашей любви и предлагает много свидетельств в пользу терпения. Вы своею грамотою предупредили утеху, какую мы должны были предложить вам; ибо подаваемое от Господа нашего утешение бедствующим состоит и в том, чтобы, находясь в скорбях, рабы Христовы сами утешали себя, в той мысли что они терпят тоже, что и прежде бывало с людьми святыми. Итак мы можем предложить вам утешение из самого вашего послания. Для нас не чужда ваша скорбь, потому что в вашем мучении заключается и наше. Кто в состоянии перенести преступления тех, кому всего более надлежало быть блюстителями тишины, мира и единомыслия? Ныне дела идут обратным порядком: лишаются предстоятельства в церквах иереи невинные, – и вот первый незаслуженно потерпел брат наш и сослужитель Иоанн, ваш епископ. Ему даже и не хотят внимать; его ни в чем не обвиняют и не выслушивают. И какой неслыханный умысел! Чтобы отклонить повод к суду или исследованию, на места живых иереев поставляются другие, как будто о людях, начинающих такою несправедливостию, можно думать, что они хороши, или сделали что-либо справедливое. Мы не знаем, чтобы отцы наши когда-нибудь отваживались на это. Напротив, они больше препятствовали этому и никому не позволяли место живого чрез хиротонию отдавать другому; ибо неодобренное рукоположение чести у священника отнять не в состоянии,

между тем как неправедно поставленный епископ не может быть епископом.Что же касается до соблюдения канонов, то надобно, говорим, следовать тем, которые постановлены в Никее: с ними только должна согласоваться кафолическая Церковь и их признавать. А когда стали бы представлять другие, с канонами никейскими разногласящие и написанные, как известно, еретиками, – кафолические епископы да отвергают их; ибо что выдумали еретики, того к кафолическим канонам присоединять не следует, потому что противоречиями и незаконными постановлениями они всегда стараются уменьшить важность определений никейских. Итак мы утверждаем, что не только не надобно следовать им, но и должно осуждать их наравне с еретическими и раскольническими догматами, что прежде и сделано на сардикском Соборе бывшими до нас епископами. Лучше уж осудить хорошее, честнейшие братия, чем постановленному вопреки канонам доставить какую-либо твердость. Но что в настоящем случае сделать против этого? Необходимо исследование соборное: надобно, как и прежде говорили мы, созвать собор; – только этим способом можно утишить порывы такой бури. До созвания же Собора врачевание полезно предоставить благоволению великого Бога и Христа Его, Господа нашего. Благодатию Его прекратятся все смятения, воздвигнутые ныне завистию диавола для искушения верных. Твердость нашей веры не принесет нам пользы без упования на Господа. Мы сильно озабочены тем, каким бы образом созвать вселенский собор, который бы при помощи Божией прекратил движение смут. Будем же пока терпеливы и, оградившись стеною терпения, станем надеяться, что с помощию Бога нашего все устроится. О всех бедствиях, каким, по вашим словам, вы подвергаетесь, мы еще прежде узнали, распрашивая подробно, хотя и в разные времена, приехавших в Рим соепископов наших, Димитрия, Кирака, Евлисия и Палладия, которые и теперь живут с нами».

Глава 27

О бывших после осуждения Иоанна бедствиях, о смерти царицы Евдоксии и Арзакия, и о патриархе Аттике, откуда он и каков по характеру.

Таковы послания Иннокентия. Из них можно видеть, какое мнение имел он об Иоанне. В это время в Константинополе и его предместиях выпал необычайной величины град; а в четвертый за тем день скончалась супруга царя. Многие думали, что то и другое случилось вследствие гнева Божия за Иоанна. Да и халкидонский епископ Кирин, столь сильно поносивший его, незадолго перед тем, от приключившейся болезни в ноге, дал врачам отнять себе обе голени и жалким образом кончил жизнь. Скончался также после недолговременного управления константинопольскою Церковию и Арзакий. Из многих лиц, старавшихся сделаться ему преемником, в четвертый месяц по его кончине избран и рукоположен пресвитер из константинопольского клира Аттик, принадлежавший к числу недоброжелателей Иоанна. Родом он был из севастии армянской, с юности учился любомудрию у монахов македонианской ереси, которые в то время славились этим в Севастии, как ученики Евстафия, по вышесказанному, бывшего тамошнего епископа и начальника строгих монахов. Достигнув уже совершенных лет, Аттик перешел в кафолическую Церковь, Человек умный больше по природе, чем по образованию, он был искусен в житейских делах и умел – как строить ковы, так и противодействовать им. Нрава был он вкрадчивого, так что нравился многим; но в церковных поучениях казался посредственным, так что слушатели не находили их достойными записывания, а изучения – и того менее. За то, когда представлялось время, он усердно занимался чтением знаменитейших языческих писателей и сколь ни мало был сведущ, но рассуждая о них, часто удивлял и знатоков. Говорили также, что он старательно

покровительствовал единомыслящим, а разномыслящим внушал страх, так что кого хотел, мог легко испугать, но потом, вдруг переменившись, казался кротким. Таков был Аттик, по словам людей, которые знали его. Между тем Иоанн в ссылке сделался еще знаменитее; ибо, имея изобилие в деньгах, получаемых им и от других и от диакониссы Олимпиады, выкупал у Исаврийцев многих пленных и возвращал их родным, доставлял также необходимое многим бедным. А кто не нуждался в деньгах, тех привлекал словом, чрез что вошел в великую любовь и у Армян, между которыми жил, и у соседних туземцев. Весьма многие приходили к нему даже из Антиохии и из прочих городов Сирии и Киликии.

Глава 28

О старании Иннокентия римского возвратить из ссылки Иоанна при помощи Собора, о посольстве его с этим намерением и о кончине Иоанна Златоустого.

Римский епископ Иннокентий, согласно с тем, что прежде было им писано, старался о возвращении Иоанна и, вместе с епископами, присланными по этому делу с востока, отправил от себя пятерых епископов и двух пресвитеров римской Церкви к царям Аркадию и Гонорию с поручением, просить у них Собора и, для созвания его, определенного времени и места. Но враги Иоанна в Константинополе распустили клевету, будто это делается в оскорбление здешней империи, и устроили так, что те (послы), как обеспокоившие правительство иностранной державы, с бесчестием были высланы вон, а самого Иоанна, по определению царя, положено перевести далее – в Питиунт. В скором времени для выполнения этого определения прибыли к нему воины. Говорят, что, когда они вели Иоанна, он на пути предузнал день, в который имел скончаться; потому что ему в Команах в Армении явился мученик Василиск. Там, – не быв уже в состоянии продолжать путь, потому что страдал головною болью, и не могши сносить солнечных лучей, – он в болезни отошел от жизни.

Конец осьмой книги церковной истории.

Примечания:

Книга девятая

Глава 1

О кончине Аркадия, о правлении Феодосия Младшего и сестрах его; также о благочестии, доблестях и девстве царицы Пульхерии, о богоугодных ее делах и о надлежащем воспитании, какое дала она Феодосию.

Так было с Иоанном. Спустя же не много времени после его кончины, в третий год епископства Аттика в Константинополе, при консулах Вассе и Филиппе, скончался и Аркадий, оставив преемником себе сына Феодосия, только что переставшего питаться молоком, и дочерей Пульхерию, Аркадию и Марину – в самых молодых летах. – При этом, кажется мне, Бог весьма ясно показал, что царям всего важнее благочестие, без которого и войска, и царское могущество, и другие средства не благонадежны. Итак вседержащая божественная сила, предвидя в Феодосие царя благочестивейшего, попечение о нем и об империи вверила сестре его Пульхерии. Хотя ей не было и 15 лет, но она не по летам обладала умом мудрейшим и как бы божественным. Прежде всего и свое девство посвятила она Богу, и к тому же направляла жизнь своих сестер – с намерением удалить из царского дворца всякого мужчину и чрез то уничтожить всякий повод к ревности и козням. А чтобы утвердить свои распоряжения и сделать свидетелями своих поступков Бога, иереев и каждого подданного, она в память своего девства и правления брата поставила в церкви Константинопольской священную трапезу, чудное произведение, сделанное из золота и драгоценных камней и прекрасное на вид, и то же написала на передней стороне трапезы для всеобщего сведения. Приняв на себя заботы правления, Пульхерия римским миром управляла прекрасно и весьма благопрично, делала хорошие распоряжения, скоро решала и излагала, что должно, старалась правильно говорить и писать на языках латинском и греческом, и славу всего, что делалось, относила к брату, также старалась дать ему образование,

сколько можно приличнейшее царю, и питала его душу свойственными его возрасту науками. Люди сведущие учили его ездить на коне, владеть оружием и сообщали ему познания в науках. Сама же сестра давала наставления, как держать себя прилично и по-царски в выходах, показывала, какое следует надевать платье, как надобно сидеть и ходить, воздерживаться от смеха, быть то кротким, то строгим, смотря по обстоятельствам, и прилично распрашивать просителей. Пульхерия не менее руководила его и к благочестию, приучая постоянно молиться, посещать церкви, украшать молитвенные домы приношениями и драгоценными утварями, почитать иереев и других добрых людей, вообще всех любомудрствующих по закону христианскому; тщательно и мудро также предотвращала она всякий случай, грозивший Вере введением новых и ложных догматов. И если в наше время нет новых ересей, то главною причиною того, как увидим после, была она. А с каким усердием исполняла Пульхерия дела благочестия, сколько завела домов для бедных и странных, также монашеских обителей, назначив для содержания этих заведений постоянную сумму денег, а для живущих в них известное количество хлеба, – перечислять все это было бы долго. Кто, не доверяя моим словам, захотел бы узнать истину на самом деле, тот несомненно убедился бы, что я пишу не по пристрастию, когда по этому предмету рассмотрел бы записки начальников царского дворца и потом разобрал написанное мною, согласны ли слова мои с самым делом. – Кому же для удостоверения и этого мало, тот пусть поверит самому Богу, который за ее благочестивую жизнь имел к ней всегда столь великое благоволение, что немедленно внимал ее молитвам и часто предоткрывал ей, что надлежало делать. Ведь Бог, вероятно, никогда не удостоивает своего благоволения людей, если они не сделаются того достойными. Впрочем я охотно умалчиваю о частных случаях, доказывающих, что сестра царя пользовалась благоволением Божиим, дабы кто-нибудь не стал обвинять меня, что, занимаясь совсем другим предметом, я принял тон панегиристов. Скажу здесь – хотя это относится и к позднейшему времени – только о том, что, по моему мнению,

принадлежит церковной истории и вместе служит ясным доказательством богоугодной жизни царицы. Дело вот в чем.

Глава 2

Об обретении мощей святых сорока мучеников.

Одна жена, именем Евсевия, диаконисса македонианской ереси, имела за стенами Константинополя дом и сад, где хранила мощи сорока воинов, пострадавших при Ликиние в Севастии армянской. Перед смертию вышесказанное место завещала она единоверным с собою монахам и клятвенно просила их погребсти себя на нем, а в головах над самым теменем ее поставить особый ящик, в котором положить вместе с нею мощи мучеников и никому о том не сказывать. Монахи так и сделали. Но, чтобы воздать мученикам приличную почесть и вместе с тем, по завещанию Евсевии, скрыть их от людей, они подле ее могилы под землею устроили молитвенный дом, а снаружи поверх здания выстлали землю плитами и отсюда сделали тайный ход к мученикам. После этого, Кесарий, человек в то время сильный, дослужившийся до звания Консула и Претора, похоронил свою супругу подле могилы Евсевии. Эти жены еще при жизни так условились между собою, потому что были очень дружны и держались одного образа мыслей касательно веры и догматов. Погребение супруги подало Кесарию повод купить то место для того, чтобы и самому быть положенным подле нее. Между тем вышеупомянутые монахи куда-то переселились, не сказавши никому о мучениках. Потом молитвенный дом разрушился, – земля и мостовая обвалились, и все то место сравнялось. Посему Кесарий воздвиг там великолепный храм Богу в честь мученика Фирса. Мне кажется, сам Бог хотел, чтобы вышесказанное место тщательно и столь долго было скрываемо: чрез это Он приготовлял – для мучеников тем более дивное и славное обретение, а для обретшей тем яснейшие знаки своего благоволения. А обрела их сестра Державного, царица Пульхерия. Дивный Фирс, явившись ей уже в третий раз, сказал о скрытых под землею мучениках и повелел переложить их к нему, чтобы и они лежали

в одном с ним месте и польъзовались одинакими почестями. Являлись ей и сами сорок мучеников, облеченные в светлые ризы. Но это дело превосходило всякое вероятие и казалось весьма сомнительным; ибо и самые старейшие из клириков той Церкви, быв часто расспрашиваемы, ничего не могли сказать о мучениках. Наконец, когда все уже отчаявались, Бог привел на память одному пресвитеру Полихронию, бывшему много лет тому назад слугою в доме Кесария, что на том месте жили некогда монахи. Посему, отправившись к македонианским клирикам, он стал расспрашивать о них и узнал, что все они уже скончались, оставался только один, сохраненный в живых как-будто нарочно для сообщения известий об отыскиваемых мучениках. Полихроний просил его сказать, видел ли он святые мощи, скрытые в таком-то месте, и когда заметил, что монах по завещанию Евсевии, уклоняется от расспросов, то рассказал ему о божественном откровении, о беспокойстве царицы и о недоумении всех. Тогда инок сознался, что Бог открыл царице истину. В то время я был еще отроком, говорил он, и учился монашеской жизни под руководством начальных старцев, поэтому верно знаю, что мученики лежат близ гроба Евсевии, – не знаю только, зарыты ли они под храмом, или где-либо в другом месте, потому что с тех пор прошло много времени и прежний вид места изменился в другой, нынешний. – Но о себе я не могу сказать этого, примолвил Полихроний. Я помню, что был при погребении супруги Кесария, и судя по близпроходящей дороге, догадываюсь, что она положена близ амвона т. е. возвышенного места для чтецов. Так гроба Евсевии нужно искать подле супруги Кесария, подхватил инок; потому что, быв во многом согласны между собою при жизни, они условились лежать вместе и по смерти. Теперь оставалось, значит, раскопать указанное место и искать в нем святых мощей. Узнав об этом, царица приказала приступить к делу. Когда разрыли землю около амвона, найден был гроб супруги Кесария, как догадывался Полихроний; потом в стороне от него не подалеку открыта кирпичная настилка и по величине равная ей мраморная доска. Под этою доскою показался гроб и самой Евсевии, а близ него – молитвенный дом, очень красиво

обложенный бело-розовым мрамором. Крышка над гробом устроена была наподобие священной трапезы, а вверху, где лежали мученики, замечено небольшое отверстие. Некто из царского дворца, бывший при этом деле, случайно имел в руках тонкую палочку. Вложив ее в отверстие, потом вынув назад, он поднес ее к носу и ощутил благовоние мира. Это обстоятельство подало добрую надежду как работавшим, так и присутствовавшим. Открыв со тщанием гроб, работники нашли в нем тело Евсевии. В головах ее находился ящик, обтесанный наподобие кивота, и закрывавшийся изнутри особою крышкою, которая по краям с обеимх сторон прикреплена была железом, а железо запаяно свинцом. Посредине крышки видно было также отверствие, и служило яснейшим знаком, что внутри находятся мощи мучеников. Как скоро это сделалось известным, тотчас явились в храме мученика царица и епископ. Сведующие люди немедленно сняли железные обручи и крышка без труда была поднята. Под нею найдено много мира, а в нем дла серебрянные ковчега, в которых лежали святые мощи. При этом царица воздала благодарение Богу, что удостоилась такого откровения и присутствовала при обретении святых мощей. – После того, устроив для мучеников драгоценнейшую раку, она поместила их близ угодника Божия Фирса, при чем совершено было общественное празднество, возданы мученикам приличные почести и совершен в честь их крестный ход с псалмопением, при котором сам я присутствовал. Что все это происходило так, могут подтвердить бывшие на празднике, – они почти все живы; потому что это случилось гораздо позднее; когда константинопольскою Церковию управлял Прокл.

Глава 3

О доблестях Пульхерии и ее сестре, и о Божием к ним благоволении.

Говорят, что и в других делах Бог нередко предоткрывал царице будущее, и что весьма много было случаев, в которых являлось Его благоволение к ней и к ее сестрам; ибо и сестры ее вели одинаковый с нею образ жизни, заботились об иереях и молитвенных домах, были щедры к нуждающимся странникам и бедным, имели всегда общий стол, вместе делали выходы, вместе ночью и днем хвалили Бога и, как прилично достоуважаемым женам, занимались тканьем и подобными работами. Праздность и роскошь они считали недостойными священного девства, которому посвятили себя, а потому изгнали их из своей жизни, – несмотря на то, что были царевны, родились и воспитаны в царском дворце. За это Бог явно показывал к ним свою милость и хранил их дом. А между тем с возрастанием Державного возрастала и империя; все козни и войны против него прекращались сами собою.

Глава 4

О персидском союзе, о Гонории и Стиликоне и о событиях в Риме и Далмации.

В это время Персы, подвигнутые к войне, заключили с Римлянами столетний союз; а военачальник Гонория, Стиликон, подозреваемый в стремлении провозгласить восточным царем сына своего Евхерия, убит был воинами в Равенне. – Задолго до этого времени, еще при жизни Аркадия, заведши вражду с его полководцами, Стиликон старался воспламенить войну между самими империями и, с этою целию выхлопотав достоинство римского военачальника готфскому вождю Алариху, убедил его занять Иллирию. Послав туда предварительно Иовия, которого сделал префектом Иллирии, он условился поспешить к нему и сам с римскими войсками, чтобы туземных жителей привесть под власть Гонория. Аларих, вместе с своими Готфами вышедши из варварской страны близ Далмации и Паннонии, где жил, вступил в Эпир, но пробыв здесь долгое время, ничего не сделал и возвратился в Италию; ибо Стиликон, хотевший, согласно с условием, отправиться, удержан был грамотою Гонория. По кончине Аркадия, Гонорий, из любви к племяннику, намеревался тотчас же ехать в Константинополь и поставить там верных блюстителей безопасности царя и царства; ибо, считая племянника за сына, он опасался, как-бы по молодости не потерпеть ему чего-нибудь и не сделаться предметом козней. Гонорий собирался было уже в путь, но Стиликон убедил его остаться в Италии, говоря, что его присутствие там необходимо, потому что недавно какой-то Константин задумал в Арелате стремиться к тирании. Сам между тем, взяв скипетр, называемый у Римлян Лавором, и грамоту царя, позволявшую ему отправиться на восток, намеревался выступить с четырмя легионами войска. Тогда разнесся слух, что он злоумышляет против царя и, имея сильных соумышленников, готовит тиранию своему сыну. Воины возмутились и убили префектов Италии и Галлии,

военачальников и других, занимавших при дворе важные должности. – Убит был ими в Равенне и сам Стиликон. Это был муж, превосходивший своим могуществом всех когда-либо бывших сановников, и имевший, так сказать, на своей стороне всех Римлян и Варваров. – Так-то погиб Стиликон, подозреваемый в злоумышлении против царского дома. Убит был и сын его Евхерий.

Глава 5

О различных, воевавших против Римлян народов, из которых одни, с помощию Божиею, были побеждены, а другие даже сделались их данниками.

Около того же времени случилось Гуннам стоять лагерем во Фракии. Вдруг они постыдно обратились в бегство, бросив весьма многих из своих товарищей, тогда как никто не нападал на них и не преследовал их. Потом предводитель живших около Истра Варваров, Ульдис, переправившись с многочисленным войском чрез эту реку, расположился лагерем на границах Фракии, взял изменою мизийский город Кастрамартис и, делая набеги на остальную Фракию, по высокомерию не хотел заключить союза с Римлянами. Когда префект фракийских войск переговаривал с ним о мире, он указал на восходящее солнце и сказал, что покорить всю им освещаемую землю для него, если бы вздумалось, не будет стоить большого труда. Но между тем, как он делал такие угрозы и произвольно назначал дань, объявляя, что только под этим условием согласится на мир с Римлянами, в противном же случае пусть ждут войны, – в такой крайности Бог показал, как много печется Он об этой империи. Спустя несколько времени, между слугами Ульдиса и начальниками отрядов его войска зашла речь о римском государстве и о человеколюбии римского царя, – сколь высокими, то есть, и многими почестями награждает он отличных и добрых людей. Конечно, не без воли Божией почувтсовав в себе сильное желание таких почестей, те начальники отрядов перешли к Римлянам и вместе с своими подчиненными вступили в их лагерь. Тогда Ульдис едва спасся, убежав на другой берег реки, при чем потерял много людей, особенно же так называемых Скиров. – До настоящего события этот варварский народ был довольно многочисленен. Но не поспевая за прочими во время бегства, одни из варваров были перебиты, другие, оставшиеся в живых, перевязаны и

отправлены в Константинополь. Чтобы, собравшись во множестве, они не решились на что-либо, правительству пришла мысль рассеять их. Поэтому некоторые из них были проданы за ничтожную цену, а некоторые и даром отданы в рабство, под тем только условием, чтобы они никогда не являлись ни в Константинополь, ни вообще в Европе, но от известных себе мест отделены были морем. За тем оставалась еще значительная часть не проданных, и размещена была на жительство по разным местам. Многих я видел в Вифинии близ горы Олимпа; живут они рассеянно и обрабатывают находящиеся там холмы и долины.

Глава 6

О Готфе Аларихе, и о том, что он подступил к Риму и теснил его.

Так-то восточная империя избавилась от неприятелей и, – сверх всякого чаяния, ибо царь был еще молод, – управлялась с подобающим приличием, тогда как западная терпела неустройства, потому что являлось много тиранов. Когда Стиликон был убит, вождь готфов Аларих отправил к Гонорию послов для переговора о мире, но, не получив успеха, подступил к Риму и, осадив его, расположил множество Варваров по реке Тибру, чтобы городским жителям нельзя было доставлять съестных припасов из порта, – так называют Римляне свою пристань. По прошествии значительного времени от начала осады, в городе усилились голод и повальные болезни, – многие рабы, особенно варварского происхождения, стали перебегать к Алариху. – Тогда сенаторы из язычников нашли необходимым принести жертвы в Капитолие и других храмах; ибо некоторые Этруски, призванные для того префектом города, торжественно обещались прогнать Варваров молниями и громами, при чем хвалились, что они уже сделали это в этрусском городе Ларнии, мимо которого проходя на пути к Риму, Аларих не взял его. Но что от этих мер не могло быть для города никакой пользы, – показало самое дело. Благомыслящие люди видели, что гнев Божий наслал такое бедствие на Римлян в наказание за их несправедливости к гражданам и чужестранцам, которые они прежде делали, увлекаясь чрезмерною роскошью и неумеренностию. – Рассказывают, что, когда Аларих спешил к Риму, один добрый италийский инок просил его пощадить город и не быть виновником стольких зол. Но Аларих отвечал, что он так действует не по своей воле, что кто-то никогда ему не дает покоя, повелевая разорить Рим, на что он наконец и решился. – Во время осады получив весьма много даров, он на несколько

времени снял ее, с тем условием, что Римляне упросят царя заключить с ним мир.

Глава 7

О посольстве, которое отправил к Алариху епископ старого Рима Иннокентий; также о префекте Италии Иовие, о посольстве к царю и о том, что случилось с Аларихом.

Когда к царю отправлено было посольство касательно этого дела, – недоброжелательствовавшие Алариху царедворцы препятствовали заключению мира. После сего епископ старого Рима Иннокентий посылал послов к Алариху, – и он, склонившись на письмо царя, отступил в город Аримин, отстоящий от Равенны на 210 стадий. Когда под стенами этого города раскинул он свои палатки. то прибыл к нему для переговоров префект Италии Иовий и потом сообщил царю требования Алариха, чтобы почтили его дипломами военачальника обоих войск. Царь дал Иовию, как префекту Италии, власть распорядиться доставлением Алариху требуемых им денег и продовольствия; а что касается до достоинства, отвечал он, то никогда не даст его. Тогда Иовий не благоразумно поступил в том отношении, что, удержав царского посланца в палатке Алариха, приказал ему прочесть мнение царя в присутствии Варваров. Отказом в достоинстве Аларих разгневан был так, как будто бы получил личную обиду, и в то же время трубным звуком дал знак двинуться к Риму. Между тем Иовий, опасаясь, как бы царь не стал подозревать его в благожелательстве Алариху, поступил еще не благоразумнее прежнего, то есть и сам поклялся безопасностию царя, и других сановников расположил поклясться, что они никогда не заключат мира с Аларихом. Впрочем, одумавшись, Варвар чрез несколько времени объявил, что ему нет никакой нужды в достоинствах, но что он будет союзником царя, если царь дарует ему небольшое количество хлеба, и для поселения места, не очень нужные Римлянам.

Глава 8

О возмущении Аттала, о военачальнике Гераклионе; и о том, что обратившись в последствии времени к Гонорию, Аттал получил прощение.

Аларих по этому делу дважды отправлял послами каких-то епископов и, дважды получив льках, пошел к Риму и осадил его. Взяв с одной стороны порт, он заставил Римлян избрать в цари бывшего тогда префектом города, Аттала. После того Римляне приступили к избранию лиц на другие правительственные должности, и Аларих назначен был предводителем обоего рода войск, а брат его жены Атаульф – вождем так называемых домашних всадников. Между тем Аттал, созвав Сенат, говорил длинную и блистательно обработанную речь, в которой обещал сенаторам блюсти отечественные уставы и покорить Италии Египет вместе со всею восточною империею. – Так хвалился человек, которому не пришлось называться царем и в продолжение одного целого года. Увлекшись словами каких-то прорицателей, обещавших ему, что он без боя овладеет Африкою, Аттал не послушался ни Алариха, советовавшего послать не большое войско в Карфаген для истребления там поставленных Гонорием правителей, если бы они вздумали противиться, – ни Иоанна, имевшего при нем должность начальника придворных чинов, который находил нужным, чтобы Констант получил от Аттала повеление отправиться в Ливию, в качестве посла будто бы Гонориева, и уполномоченный обыкновенною грамотою, называемою указом, лишил власти Гераклиона, которому вверено было начальство над стоявшими в Африке войсками. – Последняя мера, может быть, и удалась бы, потому, что в Ливии еще неизвестно было о правлении Аттала. Когда же Констант, равным образом по совету предвещателей, отплыл в Карфаген, Аттал до того помешался в уме, что не хотел и сомневаться в успехе, но согласно с предвещаниями, быв убежден в покорении Африки, немедленно

двинулся с войском к Равенне. – Осведомившись, что войска Аттала, состоящие из Римлян и Варваров, достигли уже Аримина, Гонорий пишет ему, как царю, и отправляя послами людей, занимавших при нем важнейшие должности, объявляет, что он с удовольствием принимает его в товарищи по управлению империею. Но Аттал не хочет разделять власти и объявляет Гонорию, чтобы он выбрал себе какой угодно остров, или место, и жил на нем частным человеком, удержав только принадлежащие царю почести. Дела теперь находились в таком положении, что у Гонория были уже приготовлены корабли, чтобы в случае нужды отплыть к племяннику, как вдруг ночью пришли к Равенне с востока шесть отрядов войска, или около 4000 человек. Царь поручил им охранение стен, потому что не доверял воинам туземным, скорым на измены. Между тем Гераклиан, умертвив Константа, расставил стражу по пристаням и берегам африканским и заградил купеческим кораблям плавание к Риму. Отсюда в Риме открылся голод, и Римляне по этому делу отправили послов к Атталу. Не зная, что предпринять, Аттал возвратился в Рим – под тем предлогом, чтобы посоветоваться с Сенатом. Голод усилился до того, что вместо хлеба стали употреблять каштаны, и даже было подозрение, что некоторые ели человеческое мясо. Тогда Аларих советовал послать против Гераклиана 500 Варваров, но Сенату и Атталу казалось, что Варварам вверять Африки не следует. Когда же наконец ясно стало, что Богу не угодно правление Атталово, то Аларих понял, что он напрасно хлопочет о деле, выходящем за пределы его власти и, получив от Гонория некоторые обещания, открыл с ним переговоры о низвержении Аттала. Итак, по выступлении всех за город, Аттал слагает с себя знаки царского достоинства, снимают также поясы и сановники его; а Гонорий, забывая случившееся, дарует всем прощение и повелевает каждому пользоваться тою степенью чести и тем достоинством, каким кто пользовался прежде. Что же касается до Аттала, то он вместе с сыном оставался при Аларихе, ибо не считал себя в безопасности между Римлянами.

Глава 9

О волнении между язычниками и Христианами по случаю возмущения Аттала, также о некоем мужественном Саре, и о том, что Аларих, хитростию взяв Рим, сохранил неприкосновенным храм св. Петра.

Такие события казались довольно неприятными и язычниками, и Христианам Ариевой ереси. Первые, основывая свои догадки на правилах и первоначальном воспитании Аттала, думали, что он открыто примет язычество и восстановить отеческие храмы, празднества и жертвы; а последние надеялись снова овладеть церквами, как было при Константе и Валенте, если упрочится власть его: ебо крещенный готфским епископом Синисарием, он поэтому именно благоприятствовал всем Готфам и Алариху. Спустя не много времени, Аларих, заняв Альпы, местечно, отстоящее на 60 стадий от Равенны, вступил с царем в переговоры о мире. Некто Сар, родом Варвар, человек, как нельзя более опытный в военном деле, имевший под начальством около 500 воинов, людей все надежных и храбрых, и вследствие прежней вражды оставшийся в подозрении у Алариха, рассудил, что союз между Римлянами и Варварами не принесет ему пользы, и потому, неожиданно напав с своими подчиненными, убил нескольских Варваров. Разгневанный и испуганный этим Аларих, тем же путем возвратился к Риму и, осадив его, взял измению. При этом он дал позволение толпам своим расхищать, сколько кто может, имущество Римлян и грабить все домы; приказал только из уважения к апостолу Петру сохранить неприкосновенным храм, в котором находится гроб его и которым занято огромное пространство. Вот причина, почему Рим не совсем погиб; ибо спасшихся в храме жителей было весьма много и они-то впоследствии снова населили город.

Глава 10

О римской жене, показавшей пример целомудрия.

Из множества происшествий, при взятии такого города неизбежных, я опишу то, которое показалось мне достойным церковной истории, потому что оно свидетельствут о благочестивом поступке Варвара и мужестве римской жены в сохранении целомудрия. Оба они были Христиане, но не одного исповедания; первый держался ереси Ария, а последняя – веры Никейской. Увидев редкую красоту этой жены, один из молодых воинов Алариха прельстился ею и влек ее к преступлению. Но так как она противилась и усильно старалась избегнуть всего постыдного, то Варвар, обнажив меч, грозил ей смертию, а потом, щадя ее из любви, нанес ей только легкую рану на спине. обливаясь кровию, жена подставила шею под меч и решилась лучше умереть целомудренною, нежели возвратиться к законному мужу по совокуплении с другим. Когда Варвар и при самых страшных нападениях не более успел в своем намерении, то, удивляясь целомудрию жены, отвел ее в храм апостола Петра, сдал церковным стражам и, вручив им для пропитания ее шесть золотых монет, приказал охранять ее до мужа.

Глава 11

О тиранах, в это время возмущавшихся на западе против Гонория, и о совершенном, по Божию благоволению к царю, истреблении всех их.

Около этого времени в западной империи появлялось много тиранов; но они либо падали друг от друга, либо сверх всякого чаяния были схватываемы, и тем показали необычайное благоволение Божие к Гонорию. Прежде всего произошло возмущение в войсках, занимавших Британию: они провозгласили тираном Марка, а потом, убив его, облекли этою властию Грациана. Когда же и Грациан, спустя не более четырех месяцев, был убит ими, то его место отдали Константину, в той мысли, что, нося такое имя, он прочно утвердит власть свою. Кажется, по этой же причине поставляли они и других тиранов. Константин из Британии переправился в Болонию, город гальский, лежащий близ моря, и склонив на свою сторону войска, стоявшие в Галлии и Аквитании, подчинил своей власти туземцев до гор, отделяющих Италию от Галлии и называющихся у Римлян коттийскими Альпами. Потом старшего своего сына Константа, впоследствии облеченного в сан царя, провозгласив тогда кесарем, он послал в Испанию. Констант, покорив народ, поставил над ним своих правителей, а родственников Гонориевых, Дидима и Верениана, приказал связать и привести к себе. Эти последние, прежде ссорившиеся между собою, во время опасности соединились и, набрав войско из земледельцев и рабов, общими силами дали битву в Лузитании и истребили множество воинов, посланных от тирана с повелением захватить их.

Глава 12

О Феодосиоле и Лагодие; о Вандалах и Свевах; также о смерти Алариха и бегстве тиранов Константина и Константа.

После сего противники, усиленные вспомогательными отрядами, взяли в плен Дидима и Вериана, вместе с их женами, и сослали их, а впоследствии и умертвили. Братья же сосланных Феодосиол и Лагодий, жившие в других областях, удалились из отечества и укрылись – Феодосиол в Италии у царя Гонория, а Лагодий на востоке у Феодосия. Устроив таким образом дела и оставив военную стражу для охранения входа в Испанию, Констант возвратился к отцу. Он не позволил охранять его Испанцам, которые просили о том, основываясь на древнем обычае, что и было впоследствии причиною гибели туземцев; ибо по падении могущества Константинова, варварские народы, то есть Вандалы, Свевы и Аланы, ободрившись, завладели входом и взяли много крепостей и городов испанских и гальских вместе с поставленными от тирана правителями. Между тем видя, что кажется все идет по желанию, Константин возвел сына своего Константа из кесарей в цари и намеревался завоевать Италию. Перешедши коттийские Альпы, он вступил в лигурийский город Верону, но, собираясь переправляться чрез Иридан (По), узнал о смерти Алариха и возвратился прежним путем. Алариху, которого, как Гонориева военачальника, подозревали в намерении подчинить Константину весь запад, случилось быть убитым тогда, когда он, по обычаю, предшествовал государю, возвращавшемуся с какой-то процессии. За избавление свое от явного злоумышленника, царь, тотчас же сошед с лошади, всенародно принес благодарное молебствие Богу. Между тем Константин, продолжая бегство, занял Арелат. С ним соединился и бежавший также из Испании сын его Констант; ибо по падении могущества Константинова, Вандалы, Свевы и Аланы, узнав о плодородии и великом богатстве Испании и пользуясь

беспечностию поставленной Константом стражи для защищения входа в нее, ободрились и поспешно заняли пиринейские горы.

Глава 13

О Геронтие, Максиме и войске Гонория; также о пленении и умерщвлении Геронтия и жены его.

В это время Константину сделался врагом отличнейший из его полководцев Геронтий. Нашедши годным для видов тирании слугу своего Максима, Геронтий облек его в царскую одежду и приказал ему оставаться в Тарраконе, а сам двинулся с войском против Константина, стараясь на пути убить сына его Константа, бывшего в Виенне. Когда Константин узлан о всем касающемся Максима, то полководца своего Эдовиха послал за Рейн искать помощи у Фраков и Алеманнов, а сыну своему Константу вверил защиту Виенны и прочих лежащих в окружности городов. Геронтий дошел до Арелата и осадил этот город. Но, спустя несколько времени, против тирана отправлено было Гонориево войско, которым предводительствовал отец царя Валентиниана Констанций. Тогда Геронтий с немногими воинами тотчас обратился в бегство; ибо большая часть его отряда перешла на сторону Констанция. Испанские же воины, презирая его за бегство, положили убить его и, собравшись, окружили дом, в котором он остановился. Геронтий, с одним другом своим Аланом и несколькими слугами стреляя с верхней части дома, убил около 300 воинов. Когда же не стало стрел, слуги вышли тайно из дома и разбежались. Мог бы таким же образом спастись и Геронтий, но удержанный любовию своей жены Ноннихии, не захотел. Поутру воины подложили к дому огонь, и запершимся в нем не оставалось более надежды на спасение. В такой крайности Геронтий отсек голову другу своему Алану, который сам хотел этого, а затем – и своей жене, которая со слезами и стонами подставляла себя под меч, желая умереть лучше от руки мужа, чем попасть во власть других, и умоляя его об этом последнем даре. С таким-то мужеством, достойным своей веры (она была Христианка), умерла эта женщина и навсегда оставила память о себе в потомстве. Что

же касается до Геронтий, то он трижды ударял себя мечом и, все еще не получив смертельной раны, наконец извлек кинжал, который носил при себе, и им пронзил свое средце.

Глава 14

О Константине и войске Гонория, также о военачальнике Эдовихе и о поражении, нанесенном ему Ульфилою, товарищем Константина по начальству над войском, и убиении его.

Когда Гонориево войско осадило Арелат, Константин выдерживал эту осаду до тех пор, пока не получил известия о прибытии Эдовиха с многочисленными вспомогательными войсками. Прибытие его привело в немалый страх военачальников Гонория, так что они решились возвратиться в Италию и там отважиться на войну. Как скоро такое намерение было всеми принято, войска их при приближении Эдовиха переведены за реку (Рону). Констанций, начальствовавший над пехотою, стал выжидать встречи с неприятелем, а товарищ его Ульфила скрылся не в далеке с конницею. Как скоро неприятели, миновав войско Ульфилы, намеревались броситься на Констанция, вдруг, по данному знаку, появился Ульфила и напал на них с тыла. Сражение тотчас же приняло другой оборот: из неприятелей одни побежали, другие были убиваемы, а большая часть их, положив оружие, просила прощения и была пощажена. Сам Эдових, сев на коня, ускакал в какую-то девевню, принадлежавшую Экдикию, человеку, получившему от него прежде весьма много благодеяний и считавшемуся его другом. Но Экдикий, отсекши ему голову, принес ее полководцам Гонория в надежде получить от них большие подарки и удостоиться великой чести. Константий приказал взять голову, сказал, что государство за поступок Экдикия отблагодарит Ульфилу, и когда тот хотел было остаться при войске, повелел ему удалиться, считая неприличным для себя и для войска сообщество человека, столь не гостеприимного. Таким образом Экдикий, посягнув на святотатственное убийство друга и гостя, который искал у него убежища в несчастии, ушел, по пословице, будто несолоно поевши.

Глава 15

О том, что Константин сложил с себя знаки царского достоинства и о рукоположении его в пресвитера, также о смерти его и других восстававших против Гонория тиранов.

После победы войско Гонория тотчас же переправилось обратно из-за реки к городу. Тогда Константин, уздав об убиении Эдовиха, добровольно сложил с себя багряницу и прочие знаки царского достоинства и, пришедши в церковь, рукоположен был в пресвитера. Осажденные же, взяв предварительно клятвы, отворили ворота, и все получили прощение. С того времени туземцы снова признали над собою власть Гонория и подчинились поставленным от него правителям. Между тем Константин, отправленный вместе с сыном своим Юлианом в Италию, прежде чем доехал туда, был убит. Не много спустя, неожиданно убиты были и вышепомянутые тираны Иовиан и Максим, также Сар и, кроме их, весьма многие другие, посягавшие на власть Гонория.

Глава 16

О Божием благоволении к Самодержцу Гонорию, и кончине его, также о преемниках Гонория – Валентиниане и дочери Гонории, и о мире, господствовавшем в то время по всей земле.

Впрочем здесь неуместно перечислять все это. Я должен был напомнить о тех событиях, имея ввиду одну цель – дать знать, что для сохранения власти государю должно с ревностию чтить Бога, каков действительно и был этот царь. С ним жила и родная его сестра, Галла Плакидия, почти столько же внимательная к вере и Церкви. Она вышла замуж за Констанция, низложителя Константиновой тирании, человека весьма мужественного и в военном деле опытного. Брачный венец с сестрою царя, багряница и общение власти были ему наградою. Вскоре после сего Гонорий скончался, оставив детей – Валентиниана, бывшего ему преемником, и Гонорию. В то же время и восточная империя, избавившись от неприятелей, сверх всякого чаяния, – ибо государь был еще молод, – управлялась с подобающим приличием. Из всего видно было, что Богу благоугодно настоящее царствование; потому что, вопреки ожиданию, Он не только привел к такому концу все войны, но и открыл святые мощи многих мужей, прославившихся в древности своим благочестием. Разумею случившееся в то время обретение мощей ветхозаветного пророка Захарии и рукоположенного Апостолами диакона Стефана. Но необходимо сказать, каким образом последовало то и другое дивное и божественное обретение.

Глава 17

Об обретении мощей пророка Захарии и первомученика Стефана.

Начну с пророка. В окрестностях палестинского города Элевферополя есть селение Хафар – Захария. Управлял им некто Калимер, староста, человек преданный владельцу, но суровый, упрямый и неправдивый в отношении к соседним земледельцам. Такому-то человеку предстал пророк на яву и открыл себя. Указав на один сад, он сказал ему: «Копай здесь, отмерявши два локтя от садового забора по направлению дороги, ведущей в город Биттермеман. Найдешь двойной гроб внутри деревянный, снаружи обитый свинцом, а около гроба стеклянный сосуд с водою и двух змеев посредственной величины, кротких и безвредных до того, что они кажутся ручными». Пришедши, по повелению пророка, к указанному место, Калимер усердно принялся за дело. Когда, по вышесказанным признакам, открыт был священный гроб, явился божественный пророк, облеченный в белую ризу, думаю, потому, что он был священник. В ногах его, вне гроба, лежало дитя, удостоенное царского погребения; ибо на голове его был золотой венец, сандалии на нем также золотые, одежда драгоценная. Сказывают, что когда мудрецы и иереи недоумевали, кто был это дитя, откуда оно и почему так облечено, начальник монашеской обители в Герарах Захарий нашел случайно древнюю еврейскую книгу, не значащуюся в числе признанных Церковию. Из этой книги открылось, что, спустя несколько времени по убиении пророка Захарии иудейским царем Иоасом, царь был поражен тяжким домашним несчастием; именно в седьмой день по смерти пророка внезапно скончался любимейший сын его. Видя в этом бедствии наказание Божие, Иоас повелел погребсти дитя в ногах пророка, чтобы чрез то искупить причиненную ему несправедливость. Так я слышал об этом. Что касается до пророка, то сколь ни много веков лежал он под землею, найден был неповрежденным,

волоса у него были обриты, нос прямой, борода не длинная, голова не большая, глаза немного впалые и закрытые ресницами.

Примечания

[1] - Слово Лаборум происходит от латинского labor – труд. Этим именем называлось воинское знамя – вероятно потому, что оно предносимо было трудящемуся войску и тяжесть трудов облегчало своею помощью.

[2] - Вероятно здесь ошибкою поставлено в Сосфении вместо: в Эстиях; ибо самая глава не упоминает о храме в Сосфении.

[3] - Это было в 325 году по Р. Хр. в двадцатый год царствования императора Константина.

[4] - Языческие жрецы, для обмана простого народа, выдавали некоторые кумиры за ниспосланные свыше от Бога (# или #). Таков, например, кумир богини Паллады, который Трояне почитали ниспадшим с неба в храм их крепости, где он и хранился.

[5] - Здесь говорится об Иберийцах азиатских, которых надобно отличать от Иберийцев испанских, принявших христианскую веру еще прежде, во времена св. Иринея. Irin. Adv. Haeres. lib. 1 cap. 3.

[6] - В царствование преемника Константинова, Констанция, персидский царь Сапор делал частые набеги на римские восточные владения и между прочим на так называемую страну Завдейскую, где в 360 году завоевал главный город Безавлу и жителей его, вместе с епископами и клириками, отвел в плен в Персию. Amm. Lib. XX.

[7] - Филумен был мятежник, домогавшийся императорского престола.

[8] - По прозванию Аркаф, как говорит св. Афанасий во второй своей апологии против ариан.

[9] - Это случилось в 330 г. по Р. Х. Индийцам еще Пантен проповедовал христианскую Веру (См. Евс. истор. кн. 5, гл. 10); но он не оставил им епископа. Поэтому Фрументий, как первый епископ их, справедливо называется индийским апостолом.

[10] - Константинопольская Церковь, прежде нежели сделалась партиархиею, принадлежала к округу Ираклеи фракийской, как к своей митрополии; а потому епископ ираклийской мог иметь на нее влияние в делах духовных: но епископ Никомидии, которая принадлежала к другому округу, по законам церковным не имел никакого права вмешиваться в дела ее. См. Сап. IV. Conc. Nicaen.

[11] - В первых заседаниях этого Собора постановлено несколько правил против православных епископов; между прочими было и то, о котором здесь упоминается. Vid. Bevereg. in Cod. Can. lib. 1. cap. IV. n. 9.

[12] - так называлась та часть Астрономии, которая рассуждала о влиянии звезд на жизнь людей.

[13] - Это происходило в 341-м году. Но обстоятельства вторжения Григория в Александрию здесь смешиваются с обстоятельствами вторжения туда же другого Каппадокиянина, епископа Георгия, что случалось гораздо позднее, именно в 356-м году.

[14] - Надобно помнить, что так утверждает сам папа, а не кто-либо другой.

[15] - Макарий александрийский назывался городским, потому что не всегда проводил время в пустыне между монахами, но по большей части обращался между александрийскими гражданами в городе.

[16] - Тавеннисианами назывались монахи, жившие в одном селении Фиваиды, по имени Тавеннис.

[17] - Это послание сохранилось и до нашего времени.

[18] - Под именем Афанасия здесь разумеется не архиепископ александрийский, который в это время скрывался в пустыне африканской, а другой африканский епископ того же имени, находившийся тогда в Сирмии.

[19] - Никейского 1-го всел. Собора прав. 8.

[20] - Аримин или Римини – город италийский; а Селевкия – город Исаврии, на границах Армении.

[21] - Athanas. de Synod. cap. 3. 4. et 5.

[22] - По свидетельству Аммиана Марцеллина (И, 22, p. 219), Юлиан в Никомидии воспитываем был епископом никомидийским Евсевием.

[23] - О Маме или Маманте упоминают Григорий Назианзен (orat. 43) и Василий Великий (homil. 26). О чуде, которое здесь описывается, говорит также Григорий Назианзен в 3 слове против Юлиана. Смерть Мамы относят к 274 году. Мученичество его случилось при императоре Аврелиане. Римляне празднуют его память 17 Августа, а Греки 2 Сентября. Этого мученика надобно отличать от другого мученика Маманта, которого память в греческой Церкви чествуется 29 Июля.

[24] - Вероятно, Елену, ибо так называли супругу Кесаря Юлиана. А Констанция, сестра Елены, была в замужестве за Галлом.

[25] - Аргейская гора, по Страбону, в Малой Азии, между восточною частью Кесарии и западною – Галатии, при реке Мелисе.

[26] - Военная служба в римской империи разделялась на три степени: на службу придворную – при особе царя, или в телохранительном легионе, на службу в действующей армии, и на службу областную, или в когортах, охранявших спокойствие римских областей. Последняя служба почиталась сравнительно самою низкою и невыгодною.

[27] - Письмо Юлиана к Аэцию было следующее: Caeteris omnibus, qui a Constantio vita defuncto cjecti patria fuerunt, propter amentiam Galitaeorum, exilium condonavi. To autem non solum ca poeno libera, verum etiam memor pristinae consvetudinis atque amitiliae nostrae, horter, ot ad nos venias. Uteris antem veniculo publico usque ad nostrum cohortem et uno parhippo. Epist. 31.

[28] - Афанасий скрывался от 356 до 362 года.

[29] - Этого Марка аретузского не должно смешивать с другим Марком, который от самых времен Константина держался стороны ариан и умер до сардского Собора.

[30] - Память этого мученика Василия греческая Церковь совершает 22 Марта.

[31] - О мученике Евпсихие упоминает Григорий Назианзен в 26 письме к Василию великому, и Василий в письме 291. Память его чествуется 9 Апреля.

[32] - Этот Собор открыт был в 362 году. Cave. Hist. vol. II. p. 120.

[33] - Указ Юлиана об изгнании Афанасия находится между письмами Юлиана под № 26.

[34] - Это послание Юлиана находится под его письмами под № 52, где приводится и текст прошения епископа Тита.

[35] - Об этом обыкновении древних Христиан призывать имя Христово и осенять себя знамением креста пред принятием вина говорит Григорий Назианзен в первом слове против Юлиана.

[36] - Юлиан повелел изображать на своих монетах лежащего навзничь быка в знак своей преданности язычеству, по требованию которого богам приносимы были в жертву особенно быки.

[37] - Палладий, описывая жизнь Иоанна Златоуста, говорит, что в Гермополисе была Церковь от самого пришествия Христова, – с того времени, когда Христос привезен был в Египет Иосифом.

[38] - Эти слова Ливания находятся в похвальной речи его Юлиану. Lib. Opp. Tom. II, p. 323.

[39] - Нетрудно заметить, что составитель оглавлений ошибочно понял содержание 10 главы. В ней говорится, что посольство к Валентиниану отправляли не исповедники единосущия, а Македониане.

[40] - Эти послы отправлены не от лампсакского собора, который состоял из одних православных епископов, а от македониан. Они принесли с собою только исповедание того Собора и представили его Ливерию, как исповедание собственное.

[41] - Тианский Собор, о котором Созомен говорит более прочих историков, был в 367 или 368 году.

[42] - Валерий в римском соборнике называется Валерианом. Это был епископ аквилейский, которого в одном своем письме

восхваляет Иероним.

[43] - Келлиа было имя пустыни, которая от Нитрии отстояла на семьдесят стадий.

[44] - То есть Патриция, потому что Патриции, по закону Константина В., назывались отцами царя. Claudian et Zosim.